

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ V.

Книга 22 (2).

*С. Я. Гротъ
Церковный*

Подъ редакціей профессоръ Н. Я. Грота и Л. М. Лопатина.

МАРТЪ 1894 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко.
Пименовская ул., соб. д.
1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Формулы и термины въ области прекраснаго. — П. Д. Боборыкина	97
Французскій позитивизмъ. — Полупозитивисты: Гюйо и Тардъ. — А. А. Козлова	121
Споръ разсудка съ вѣрой. — П. А. Каленова	141
Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова. — В. К. Ярмерштедта	162
«Заклинаніе со стрѣлой» тибетскихъ ламъ. — А. А. Токарскаго	182

Спеціальный отдѣлъ.

Къ психологіи микроцефаловъ (<i>Окончаніе</i>). — С. С. Юрсакова.	185
Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи. — В. Я. Цингера.	199
Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ. — Н. А. Умова	214
Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей. — В. Р. Буцке	230

Критика и библіографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Girard. La transmigration des âmes. — Riddles of the Sphinx. — Petavel-Oliff. Le problème de l'immortalité. — А. Н. Гилярова	255
--	-----

Külpe. Grundriss d Psychologie.—Е. И. Челпанова	261
Souriau. La suggestion dans l'Art.—А. Н. Гилярова	264
Проф. М. И. Каринскій. Обь истинахъ самоочевидныхъ.— Алексѣя И. Введенскаго	266
Памяти отца современной педагогики, Я. А. Коменскаго.— Т. А. Ясакова	273
Т. Соловьевъ. Теорія волевыхъ представлений.—Ө. Э. Шперка.	274
К. Гильти. Счастье. Перев. А. Острогорскаго.—Т. А. Ясакова.	—
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей	275

II. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Revue philosophique.—В. Н. Ивановскаго	277
Mind —П. Мокіевскаго	281
Zeitschrift f. Philosophie u. philosoph. Kritik. А. П. Баенстова.	282
Перечень статей въ иностранныхъ философ. журналахъ . .	285

Психологическое Общество	287
Письма къ редактору: проф. М. А. Остроумова .	316
„ „ „ д-ра Н. Я. Пясковскаго .	322
Замѣтка редактора	325
Некрологъ А. К. Бао.—К.	327
Извѣстія и замѣтки	329

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Философскій Ежегодникъ. 1893 годъ (первый годъ изданія).—Я. Н. Колубовскаго	1—32
II. Протоколы Русскаго Общества Эксперимен- тальной Психологіи за 1892—93 года	1—32

Формулы и термины въ области прекраснаго.

Въ послѣднее время вопросъ объ искусствѣ, его самостоятельномъ значеніи и томъ методѣ, по которому слѣдовало бы, въ критикѣ художественныхъ произведеній, изучать его—поставленъ былъ на очередь, и я долженъ сознаться, что мой этюдъ: «*Красота, жизнь и творчество*»*) подалъ поводъ къ цѣлому ряду, большею частью, полемическихъ замѣчаній и даже довольно объемистыхъ статей.

Я не позволю себѣ входить въ препирательство съ тѣми противниками, которые въ своихъ нападкахъ преслѣдовали не цѣль объективнаго разъясненія относительной истины, а задачу гораздо менѣе благодарную и серьезную: дѣлать личность отвѣтственною за то, что имъ принципиально не нравится. Въ смыслѣ разработки вопроса, въ самыхъ значительныхъ по размѣру статьяхъ о моемъ этюдѣ врядъ ли человекъ, желающій выясненія задачъ искусства и художественной критики, найдетъ сколько-нибудь цѣнные вклады въ эту область.

Мнѣ хочется побесѣдовать, главнымъ образомъ, о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя накопились во всемъ этомъ, довольно сложномъ, дѣлѣ. Изъ того, что я слышалъ въ устныхъ преніяхъ и читалъ въ журналахъ и газетахъ, для меня ясно, что самые существенные моменты художественной критики—термины и понятія—употребляются часто

---

*) См. „Вопросы философіи и психологіи“ Кн. 17 (Мартъ 1893).

въ неточномъ значеніи не только противниками, но даже иногда и людьми одного и того же лагеря.

Прежде всего, очень многіе смѣшиваютъ двѣ вещи: возрѣнія писателя на область искусства и на *методы* его изученія, и *работу* того же писателя, если онъ выступаетъ, какъ художникъ, на примѣръ, въ сферѣ беллетристики. Это смѣшеніе—самое грубое, и врядъ ли можно назвать его вполнѣ неумышленнымъ. Вы, какъ теоретикъ искусства, стоите за его полную самобытность и считаете утилитарную критику художественныхъ произведеній такой работой, которая не способствуетъ научно-философскому изслѣдованію той огромной и привлекательной стороны человѣческой души, которая въ исторіи культурнаго развитія ея играла и играетъ такую яркую и содержательную роль. И въ то же время вы, какъ романистъ, драматургъ, лирической поэтъ, можете, въ силу вашихъ прирожденныхъ или приобрѣтенныхъ расположеній, извѣстнымъ образомъ выводить окружающую васъ жизнь, отзываясь и умомъ, и чувствомъ на то, что въ ней есть самага цѣннаго и яркаго и производя въ читателяхъ, волей-неволей, настроеніе, которое, въ данномъ случаѣ, будетъ служить религіознымъ, политическимъ, нравственнымъ и социальнымъ идеямъ, упованіямъ и задачамъ. И развѣ мыслимо считать за серьезный аргументъ указаніе на то, что писатель въ своихъ произведеніяхъ не довольствовался только отвлеченностями или полетами фантазіи, идиллическими и другими невинными изображеніями? Какъ будто бы это лишаетъ его права быть въ дѣлѣ научно-философскаго изслѣдованія эстетическихъ вопросовъ сторонникомъ самага строгаго метода, а не защитникомъ такой критики, которая пользуется искусствомъ только для иллюстраціи своихъ утилитарно-общественныхъ симпатій и домогательствъ?

Возьму примѣръ поэта, отдѣленнаго отъ насъ уже на цѣлый слишкомъ вѣкъ и родившагося среди чужого на рода. Это—Фридрихъ Шиллеръ. Развѣ въ его произведеніяхъ, въ лирикѣ и драмѣ, онъ не былъ не только вдохно-

веннымъ, но и передовымъ сыномъ своей страны и своей эпохи? Съ первыхъ своихъ шаговъ, въ юношескихъ драмахъ, онъ выступалъ даже какъ революціонеръ, предшественникъ тѣхъ романистовъ и драматурговъ, которые, на протяженіи нашего столѣтія, расшатывали старые устои, подкапывались подъ существующія идеи и вѣрованія во имя свободы мысли и чувства, въ интересахъ челоуѣчности, поднятія политическихъ и соціальныхъ правъ обездоленныхъ классовъ.

И что же мы находимъ въ Шиллерѣ — теоретикѣ искусства? Самое искреннее исканіе научно-философской правды. Исторія его эстетическаго міровоззрѣнія, говоря мимоходомъ, въ высшей степени интересна. Въ послѣднее время она сдѣлалась предметомъ серьезныхъ монографій даже у французовъ, и если время мнѣ позволитъ, я выберу одну изъ этихъ монографій для обстоятельнаго обсужденія вопроса. Но, конечно, всѣ здѣсь присутствующіе и безъ спеціальныхъ этюдовъ знаютъ, что если подвести итогъ взглядамъ и принципамъ Шиллера, то окажется, что онъ былъ эстетикъ, ставилъ искусство на совершенно самостоятельную почву, всю свою жизнь не переставалъ страстно заниматься разработкой и разъясненіемъ своего художественно-критическаго исповѣданія вѣры. Въ философіи Канта, установившаго въ „Критикѣ способности сужденія“ самодовлѣющее значеніе искусства, Шиллеръ нашелъ краеугольный камень для своихъ воззрѣній. И если онъ, по пылкости своей натуры, уклонялся въ сторону, дѣлалъ уступки во имя менѣе философскихъ интересовъ, то въ общемъ онъ остался убѣжденнымъ сторонникомъ искусства, преслѣдующаго свою главную цѣль—воспріятіе красоты, художественное творчество, обработку всего духовнаго опыта челоуѣка для чистыхъ наслажденій прекраснымъ. Шиллеръ такъ преданъ былъ искусству, какъ его теоретикъ, что отдавался работѣ мыслителя не менѣе искренне и страстно, чѣмъ творчеству, поддерживалъ обширную корреспонденцію на эти теоретическія темы, печаталъ въ разные періоды

своей жизни статьи, въ которыхъ выступалъ защитникомъ и разъяснителемъ принциповъ, дорогихъ ему въ дѣлѣ научно-философскаго пониманія задачъ искусства.

Такіе примѣры можно было бы привести и въ большемъ количествѣ, взявъ другія, болѣе близкія къ намъ эпохи— всѣ они доказываютъ одно и то же: призывать писателя къ отвѣту за то, что онъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ выступаетъ не какъ дилетантъ и не какъ безстрастный изобразитель, а какъ сынъ своего времени и своей страны,—пріемъсомнительнаго достоинства. Я надѣюсь, что въ нашей средѣ врядъ ли кто будетъ защищать его.

Пойдемъ дальше въ разъясненіи путаницы понятій, мѣшающей правильной обработкѣ эстетической области.

Формулы: „искусство для искусства“, или „чистое искусство“ — только сбиваютъ съ толку и мѣшаютъ выясненію самаго главнаго вопроса—вопроса о методѣ изслѣдованія художественнаго творчества и мастерства. Какимъ бы то или другое ни оказалось въ исторіи своего развитія, чистымъ или нечистымъ, самостоятельнымъ или несамостоятельнымъ, во всякомъ случаѣ, оно имѣетъ право на серьезное, положительное изслѣдованіе путемъ опредѣленнаго метода. Вотъ этого - то метода мы до сихъ поръ и не видимъ у насъ, даже еслибы вся критика художественныхъ произведеній и свелась къ тому, чтобы исключительно лишь по нимъ изучать движеніе идей, политическихъ интересовъ и нравственныхъ идеаловъ. Какимъ бы ни было искусство въ данную эпоху, оно, во всякомъ случаѣ, существуетъ въ силу психической потребности, и его изслѣдованіе должно быть изслѣдованіемъ самостоятельной части человѣческой психиіи.

Почему, спросимъ мы, до сихъ поръ злобно нападаютъ на тѣхъ, кто заявляетъ во имя *этой* части психиіи право заниматься ею такъ, какъ уже давнымъ-давно позволено заниматься изученіемъ интеллекта вообще, или воли, или нравственнаго чувства?

Не находите ли вы, что тутъ, опять-таки подъ оболочкой извѣстныхъ идей, возбуждающихъ всегда въ читате-

ляхъ и слушателяхъ давно назрѣвшія симпатіи, сидитъ все та же борьба между наукою и чувствомъ, какая ведется теперь и у насъ, и на Западѣ? Возьмете ли вы новѣйшія неокатолическія поползновенія парижскихъ молодыхъ писателей и студентовъ; или же остановитесь на нашемъ русскомъ движеніи, нашедшемъ въ проповѣди знаменитаго романиста одну изъ своихъ формулъ,—и тамъ, и здѣсь одинъ и тотъ же процессъ. Чувство, вѣра, увлеченіе — назовите, какъ хотите—бунтуютъ противъ знанія, не желаютъ подчиняться ему, не допускаютъ торжества фактической правды. Почему? Потому что положительная основа каждой области знанія сама себѣ довлѣетъ, и надо съ ней мириться. Но ея выводы могутъ быть весьма и весьма непріятны сторонникамъ другихъ ученій. Точно то же и въ дѣлѣ публицистики, преслѣдующей свои цѣли. Противъ науки она уже не смѣетъ протестовать, когда рѣчь идетъ о внѣшней природѣ или психиіи человѣка—по такимъ ея отдѣламъ, которые не представляютъ для публицистики ничего щекотливаго. Каждая точная наука имѣетъ цѣлую прикладную область. Утилитаристамъ и людямъ партійнымъ всегда можно утѣшиться тѣмъ, что наука служить прогрессу человѣчества такъ, какъ они его понимаютъ. Но искусство—другое дѣло. Казалось бы, оно безобидно. Суть его—вызывать и поддерживать въ человѣчествѣ чувство красоты, которое, во всякомъ случаѣ, имѣетъ законное право на существованіе. Но литература изъ всѣхъ другихъ отдѣловъ человѣческаго творчества выдѣляется своею тѣсною связью съ жизнью. И тутъ все то, что есть въ теперешнемъ культурномъ обществѣ враждебнаго наукѣ, можетъ въ борьбѣ съ нею прикрываться самыми гуманными и прогрессивными лозунгами; это гораздо опаснѣе, потому что явно мистическія ученія не церемонятся съ научно-философскимъ знаніемъ и прямо объявляютъ его никуда негоднымъ для достиженія истиннаго царствія Божія на землѣ.

Было бы въ высокой степени интересно: научно препарировать этотъ своеобразный видъ борьбы аффекта съ

положительнымъ знаніемъ, который, въ извѣстной степени, и объясняетъ то, почему до сихъ поръ въ нашей литературѣ и прессѣ такъ мало поощрялись попытки изучать область искусства, какъ нѣчто само себѣ довлѣющее.

Избитыя формулы „искусства для искусства“ и „чистаго искусства“, принявшія въ устахъ противниковъ эстетики отрицательный, презрительный отбѣнокъ, заключаютъ въ себѣ и еще одно весьма крупное, очевидное недоразумѣніе. Онѣ представляютъ собой несомнѣнный анахронизмъ, грубо противорѣчащій ходу развитія художественнаго творчества во всѣхъ его отдѣлахъ, начиная съ музыки, переходя къ пластикѣ и кончая литературнымъ творчествомъ. Наукѣ нѣтъ дѣла до тѣхъ дилетантовъ и эстетическихъ старичковъ, которые замыкаются въ узкія рамки искусства, отрѣшеннаго отъ жизни. Она показываетъ, что во всѣхъ этихъ отдѣлахъ происходила и происходитъ эволюція, заключающаяся, между прочимъ, въ томъ, что искусство, по самой природѣ своей, все глубже и разностороннѣе собираетъ дань съ живой жизни,—другими словами: углубляетъ и расширяетъ свое содержаніе.

До сихъ поръ *форму* противопоставляютъ *содержанію* слишкомъ рѣзко и односторонне. Эстетики, увлекающіеся субъективной теоріей искусства, сводятъ почти все исключительно къ формѣ,—иными словами: считаютъ искусство въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е мастерство, отдѣлку, сознательную и произвольную работу—за нѣчто, исчерпывающее область красоты. Односторонность такого взгляда достаточно выяснена, и въ моемъ прошлогоднемъ этюдѣ я старался показать, какъ защитникъ такого односторонняго эстетизма, князь Волконскій, увлекаясь этою теоріей, упустилъ изъ виду необходимость обосновать научное изслѣдованіе области прекраснаго на болѣе твердой психологической почвѣ.

Утилитаристы и поборники моральной публицистики думаютъ всегда, что они выходятъ побѣдоносно изъ преній по этому вопросу, когда указываютъ на важное значеніе въ

исторіи развитія искусства — *содержанія, идеи*, — того внутреннего процесса, который проявляется въ произведеніяхъ изящнаго. Но эта побѣда слишкомъ легкая. Для всякаго, кто смотритъ на область художественнаго творчества, какъ на существенную и самобытную сторону жизни, содержаніе—т. е. творческая идея—будетъ всегда имѣть такое же значеніе, какъ и форма, если еще не большее. Но только надо, чтобы идея всегда зарождалась въ силу творческаго процесса, относящагося къ воспроизведенію красоты, чтобы она, ища своего выраженія вовнѣ, отвѣчала на чувство прекраснаго, хотя бы въ то же время удовлетворяла попутно и другимъ душевнымъ потребностямъ человѣка: исканію научной истины или установленію нравственныхъ идеаловъ.

Движеніе въ области прекраснаго показываетъ, во всѣхъ отдѣлахъ художественнаго творчества, все большее и большее взаимодействіе жизни и искусства въ тѣсномъ смыслѣ; поэтому расширеніе его содержанія—вполнѣ законно. Въ послѣдніе годы, среди мыслителей, занимавшихся эстетикой, мы найдемъ искреннихъ защитниковъ такого расширенія. Къ числу самыхъ убѣжденныхъ и краснорѣчивыхъ принадлежалъ покойный французскій мыслитель Гюйо, книгѣ котораго: „Задачи современной эстетики“ особенно пощастливилось у насъ. Этотъ успѣхъ объясняется тѣмъ, что утилитаристы и моралисты пожелали, разумѣется, воспользоваться для своихъ цѣлей широкой постановкой вопроса о связи искусства съ жизнью. Въ моемъ этюдѣ, напечатанномъ вскорѣ послѣ выхода книги Гюйо, подъ заглавіемъ „Источники прекраснаго“, я старался объективно изложить все существенное, что было въ этой книгѣ Гюйо, идя за нимъ до тѣхъ предѣловъ, гдѣ расширеніе сферы источниковъ прекраснаго рискуетъ превратиться уже въ полное смѣшеніе моментовъ и потребностей душевной жизни человѣка. Можно, конечно, не уклоняясь грубо отъ истины, показать, что даже многіе чувственные инстинкты и наслажденія принимаютъ, въ продуктахъ поэзіи и пла-

стического искусства, художественныя формы и говорятъ косвенно нашему чувству прекраснаго. Но это чувство всегда, въ своихъ *настоящихъ* проявленіяхъ, будетъ преимущественно обращаться къ нашимъ высшимъ духовнымъ органамъ.— Не нужно забывать, что даже въ древней философіи учитель Платона, Сократъ, по свидѣтельству своего ученика, опредѣляетъ красоту какъ нѣчто неразрывно связанное съ дѣятельностью высшихъ, духовныхъ органовъ чувствъ челоѵка. Въ діалогѣ Платона „Гиппіасъ“ (Major) Сократъ, на вопросъ софиста, отвѣчаетъ чрезвычайно ясною формулою, которую и теперь можно было бы выбрать лозунгомъ для всякаго психо-физиологическаго изученія красоты: „прекрасное, — сказалъ онъ, — есть то, что намъ пріятно путемъ слуха и зрѣнія“ (*τὸ καλόν ἐστὶ τὸ δι' ἀκοῆς τε καὶ ὄψεως ἡδύ*).

Источники прекраснаго безконечны; но какова бы ни была ихъ природа и каковы бы ни были первоначальныя воспріятія, они должны непременно пройти черезъ наши высшіе органы чувствъ и вызвать особенное настроеніе, не имѣющее прямой связи ни съ животно-чувственными наслажденіями, ни съ отвлеченными разсудочными категоріями мысли, ни съ усиліями воли, направляющей наши поступки къ искомому добру.

Нетвердость и даже путаница понятій въ нашемъ обиходномъ критицизмѣ сказывается и въ томъ, какъ самыя законныя опредѣленія свойствъ эстетическаго чувства вызываютъ протесты, показывающіе, что у насъ не согласились даже насчетъ терминовъ, которые были установлены самими авторитетными мыслителями въ данномъ вопросѣ.

Возьмите терминъ *безкорыстный*, въ примѣненіи его къ чувству прекраснаго. Онъ былъ устанавливаемъ уже въ древней философіи, а въ новой Кантъ употребляетъ его неизмѣнно. Всѣ мыслители, занимавшіеся эстетикой съ самыхъ противоположныхъ сторонъ: и метафизики, и люди строгаго научнаго метода, всѣ признаютъ за чувствомъ прекраснаго безусловную безкорыстность. Другого выраженія быть не

можетъ. Красота, когда она въ чемъ-нибудь проявляется и говорить нашей психи, составляетъ общее достояніе и не вызываетъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка никакихъ своекорыстныхъ поползновеній. Вы наслаждаетесь прекраснымъ предметомъ, не имѣя вовсе желанія сдѣлать его объектомъ своей чувственности или своего любостыжанія. Но этого мало. Созерцая красоту, вы совершенно забываете о себѣ, вы не испытываете ни одного изъ тѣхъ чувствъ, которыя неизбѣжны въ преслѣдованіи нравственной цѣли: вы ничего не боитесь и ничего не домогаетесь; моральное же совершенствованіе немислимо безъ постоянного напряженія воли. Какъ бы вы ни были возвышенны въ вашихъ нравственныхъ идеалахъ, достигая ихъ, вы хотите чего-то своего, даже и въ томъ случаѣ, если приносите въ жертву свое матеріальное и духовное достояніе, во имя истины и справедливости. Ничего подобнаго въ созерцаніи красоты нѣтъ. Оно наполняетъ васъ радостью, и только. Эта радость вполнѣ безкорыстна, но не безстрастна. Она служитъ символомъ того, что вы не можете имѣть никакихъ счетовъ съ предметомъ вашего эстетическаго созерцанія.

Позволительно поэтому воздержаться отъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ того, что терминъ „безкорыстный“, въ примѣненіи къ чувству прекраснаго, точенъ и вѣренъ, — быть можетъ, самый вѣрный и точный изъ всѣхъ предложенныхъ для опредѣленія преобладающаго качества искусства. Довольно и того, что вездѣ въ философскихъ и научныхъ трактатахъ этотъ терминъ пріобрѣлъ полное право гражданства; вездѣ, кромѣ нашей критики, гдѣ до сихъ поръ еще не желаютъ признать, что область художественнаго творчества и вызываемое ею созерцаніе прекраснаго, по натурѣ своей, лишены всякаго своекорыстнаго оттѣнка, будь то изъ сферы чувственности, или изъ сферы моральныхъ домогательствъ.

Смѣшеніе понятій засоряетъ до сихъ поръ и употребленіе терминовъ: творчество, искусство, мастерство.

Тѣ, кто будетъ доказывать, что *творчество* не есть

свойство души человѣческой, предназначенное исключительно для эстетическихъ цѣлей, этимъ возраженіемъ не нарушать вовсе самостоятельности прекраснаго. Да, творчество есть общее свойство души. Оно одинаково дѣйствуетъ и въ научной области, и въ технику, и въ искусствѣ. Его синонимами, нѣсколько болѣе ограниченными, являются слова: *открытіе, изобрѣтеніе, выдумка*. Но расположеніе творческихъ способностей въ данной натурѣ бываетъ сообразно тому, что преобладаетъ въ мозговой организаціи: склонность ли къ отвлеченнымъ идеямъ, или къ научному синтезу, къ технику или къ созерцанію красоты, разлитой въ природѣ и произведеніяхъ искусства. Творчество не составляетъ вовсе и сути эстетическаго наслажденія; но когда оно вызываетъ его, это доказываетъ, что эстетическое чувство и стремленіе къ прекрасному были, въ данномъ случаѣ, его главными источниками.

Даже самый употребительный терминъ — *искусство* (безъ котораго нельзя написать пяти строкъ, когда рѣчь идетъ о художественныхъ произведеніяхъ) заключаетъ въ себѣ много недосказаннаго, а еще чаще заходитъ за тѣ рамки, въ которыхъ должно было бы ему оставаться. Безпрестанно его смѣшиваютъ съ творчествомъ, между тѣмъ какъ ихъ психическая природа различна. Изящное искусство имѣетъ связь съ творчествомъ только тогда, когда послѣднее чисто-художественнаго характера. Кромѣ того, есть безчисленные виды искусства, не имѣющіе ничего общаго съ настоящей сферой прекраснаго. Но другого слова нѣтъ, или его не желаютъ употреблять, — и смѣшеніе понятій растетъ съ каждымъ днемъ.

Точно то же происходитъ и съ терминомъ — *мастерство*. Онъ можетъ быть употребляемъ, какъ синонимъ искусства, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ говорится о художественной работѣ. Въ новѣйшее время имъ стали злоупотреблять, придавая ему оттѣнокъ высшей похвалы, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ изящнаго искусства, а не о простой технику, не о работѣ ремесленника, хотя бы и высшаго порядка.

Творчество, съ одной стороны, искусство и мастерство, съ другой (даже когда они относятся исключительно къ сферѣ прекраснаго) — понятія, представляющія между собою принципиальное различіе въ *психическомъ* смыслѣ.

Тутъ мы наталкиваемся, опять-таки, на два термина, безъ которыхъ нельзя обойтись въ эстетикѣ, на термины: *безсознательный* и *непроизвольный*.

Недоразумѣніе по этой части доходитъ иногда до послѣдняго предѣла. Противники научно-философской обработки области прекраснаго пользуются обыкновенно терминомъ „безсознательный“ или „безсознательность“, чтобы доказывать отсутствіе, въ доводахъ эстетиковъ, признающихъ безсознательность процесса творчества, самой элементарной научной правды. Но въ большинствѣ случаевъ, они или говорятъ совсѣмъ о другомъ, или пользуются обмолвками тѣхъ, кто, въ данномъ примѣрѣ, вмѣсто термина „безсознательный“, долженъ былъ бы употреблять слово „непроизвольный“, что, какъ всѣ согласятся, не одно и то же.

Для разъясненія этой путаницы, надо установить нѣсколько основныхъ понятій, занявшихъ уже прочное мѣсто въ опытной психологіи.

Область *безсознательной* человѣческой жизни огромна и несомнѣнна. Во всякомъ случаѣ, она несравненно обширнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ это. Вся пластическая, созидательная жизнь организма, выработка всѣхъ функций его, сложная и непрерывная, относится къ области безсознательнаго. Конечно, этимъ терминомъ не нужно злоупотреблять, и мы не желаемъ придавать ему того значенія, которое приобрѣлъ онъ, на примѣрѣ, въ системѣ нѣмецкаго мыслителя Гартмана. Гораздо допустимѣе держаться той защиты безсознательнаго въ психологіи, какая была послѣднимъ словомъ одного изъ самыхъ даровитыхъ психологовъ нашей эпохи, покойнаго Льюиса.

Не только по простой внѣшней аналогіи, но и по самому существу дѣла, творческій процессъ, происходящій въ нашемъ мозгу, какъ результатъ извѣстнаго строя душевной

дѣятельности, подобно другимъ функціямъ органической жизни, имѣеть вначалѣ свое теченіе „подъ порогомъ сознанія“. Отрицать это серьезно—невозможно. Фактъ давнымъ-давно установленъ и подтвержденъ безчисленными примѣрами изъ творческой дѣятельности людей одаренныхъ. На зарожденіе и на созрѣваніе идеи, образа, научнаго вывода или музыкальной мелодіи нашъ разумъ, воля, другими словами, произволь—не имѣють и не могутъ имѣть никакого непосредственнаго воздѣйствія.

И когда кто-либо, защищая самобытность области прекраснаго и необходимость ея изученія научно-философскимъ путемъ, правильно употребляетъ терминъ „безсознательность“, возражать противъ него—значитъ возставать противъ фактической очевидности. Но продуктъ первоначально безсознательнаго, какъ бы тайнаго, творческаго процесса, въ дальнѣйшій моментъ докладывается нашему сознанію, и тогда употреблять этотъ терминъ неумѣстно. Изъ этого не вытекаетъ, однако же, чтобы то, что становится сознательнымъ, нельзя было называть „непроизвольнымъ“. И, въ большинствѣ случаевъ, даже убѣжденные эстетики дѣлають обмолвки и употребляютъ терминъ „безсознательный“ вмѣсто „непроизвольный“, чѣмъ увеличивають общую путаницу. Эта произвольность въ творчествѣ составляетъ самую основу его и его характернѣйшее отличіе отъ всей той области искусства и мастерства, гдѣ вступаютъ въ свои права другія, чисто-сознательныя и волевыя свойства и приемы нашей души: направленіе фантазіи въ ту или другую сторону, выборъ, руководимый вкусомъ, художнической разсчетъ, отдѣлка формы, предполагающая постоянное напряженіе воли, умышленное достиженіе того совершенства, которое предносится въ головѣ артиста.

И все, что утилитаристы возражають обыкновенно въ этихъ случаяхъ о постоянномъ участіи сознанія и свободнаго выбора въ художнической работѣ,—относится исключительно къ выполненію, къ мастерству въ тѣсномъ смыслѣ: это ни малѣйшимъ образомъ не нарушаетъ основы твор-

чества, его несознательнаго зарожденія и его произвольности въ тотъ моментъ, когда идея или образъ докладываются нашему сознанию.

И безъ всякой натяжки можно прибавить, что даже и въ артистической работѣ какого бы то ни было рода, когда дѣло идетъ о выполненіи извѣстнаго замысла, безъ произвольнаго творчества обойтись нельзя; только здѣсь оно сводится къ подробностямъ, къ нахожденію способовъ, посредствомъ которыхъ будетъ достигнуто наилучшее проявленіе идеи. Кто же станетъ спорить съ тѣмъ, что одной доброй воли, одного напряженія, какъ бы оно ни было упорно, мало для того, чтобы художническая работа шла какъ слѣдуетъ? Всякій знаетъ, что это дѣло таланта.

Вотъ и это, опять-таки, терминъ, которымъ такъ злоупотребляли въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Когда-то у насъ, съ легкой руки Бѣлинскаго, любили противопоставлять термины „талантъ и геній“ и „простое дарованіе“ и „творческое дарованіе“. Путаница понятій отъ этого не прояснилась. Но какъ ни злоупотребляютъ словомъ талантъ, несомнѣнно однако то, что оно обозначаетъ собою нѣкоторую прирожденную способность; а такая способность сейчасъ же связана съ чѣмъ-то независящимъ отъ нашей доброй воли, почему самый старательный труженикъ и не превратится никогда въ даровитаго человѣка по собственному желанію.

И мы видимъ, что въ работѣ осуществленія творческаго замысла каждый выдающійся художникъ долженъ только помогать полету фантазіи, ассоціаціи идей, что онъ не въ состояніи ничего достичь помимо игры своего мозга. Старательность и отдѣлка, въ которыхъ участвуютъ усиліе воли и разсудочная способность, не пойдутъ никогда дальше техническаго мастерства. Это все равно, какъ усилія, которыя мы дѣлаемъ, когда намъ сразу не приходитъ въ голову какое-нибудь слово или имя. Всякій студентъ, отвѣчающій изъ психологіи, знаетъ, что такія напряженія воли ни къ чему не ведутъ. Слово не дастся вамъ до тѣхъ поръ, пока вы не будете, какъ французы выражаются: „думать около этого“, — другими сло-

вами, не поможете произвольной ассоціаціи идей. Не только аналогическій, но прямо тождественный процессъ долженъ происходить и тогда, когда талантливый художникъ, живописецъ, музыкантъ, поэтъ сидятъ надъ выполненіемъ своей артистической работы.

Въ послѣднее время, и во Франціи, и у насъ, любятъ указывать на примѣры такихъ художниковъ изяшнаго слова, какъ покойный Флоберъ, который сидѣлъ цѣлыми часами, отыскивая самый лучший эпитетъ, самую красивую постройку фразы. Но такіе примѣры вовсе не говорятъ противъ нашей мысли. Наоборотъ, они прямо подтверждаютъ только-что мною сказанное. Если Флоберъ долженъ былъ такъ томительно отыскивать отдѣльное слово и построение фразы,—несомнѣнно, онъ не отличался легкой ассоціаціей идей, позволяющей въ теченіе нѣсколькихъ минутъ перебрать всевозможныя краски своей художнической палитры.

Стало-быть, не отрицая сознательнаго и волевого момента въ области искусства и мастерства, которыя служатъ лишь осуществленію творческихъ образовъ и идей, позволительно признать, что и въ нихъ разсудокъ и воля должны дѣйствовать одновременно съ прирожденною способностью, съ произвольной психической игрой, составляя то, что на обыкновенномъ языкѣ называется талантомъ, дарованіемъ, склонностью и разными другими, болѣе или менѣе неопредѣленными терминами.

Самыя простыя и общеупотребительныя слова: *природа и искусство*,—когда ихъ рѣзко противопоставляютъ одно другому, желая показать, что то или другое выше противоположнаго ему термина, служатъ также источникомъ заблужденій. Все составляетъ природу и ея жизнь. Жизнь—источникъ красоты; но никто не уполномочиваетъ насъ объявлять, что она во всемъ своемъ составѣ есть красота. Творчество, находящее въ искусствѣ путь для своего осуществленія, есть часть психіи человѣка, которая вся, во всемъ своемъ составѣ—одинъ изъ моментовъ общей жизни. Рѣзко противопоставлять жизнь и область искусства значитъ придавать

до сихъ поръ значеніе чисто-формальнымъ, схоластическимъ категоріямъ и различіямъ. Точно такъ же нельзя сколько-нибудь серьезно отрицать и того, что творческое искусство составляетъ одно изъ самыхъ высшихъ преимуществъ чело-вѣческой души и что оно не имѣетъ въ остальной природѣ ничего равнаго себѣ, если не по грандіозности образовъ, то по самобытной способности перерабатывать воспріятія красоты и производить творческія идеи путемъ душевной организаціи, составляющей на землѣ достояніе чело-вѣка.

Недоразумѣніе по этому вопросу (которое поддерживается, главнымъ образомъ, въ лагерѣ утилитаристовъ и сторонниковъ ограниченнаго псевдо-реализма) ведетъ къ тому, что люди, отрицающіе художественное превосходство чело-вѣческаго творчества, совершенно упускаютъ изъ виду такое соображеніе: утилитаристамъ - то и сторонникамъ гражданскихъ и нравственныхъ идеаловъ прежде всего и слѣдуетъ ставить художественное творчество и мастерство выше того, что даетъ одна природа, не обработанная чело-вѣкомъ въ глубинѣ своего я. Совершенно ясно, что одна природа не дастъ сторонникамъ этихъ ученій поддержки въ ихъ стремленіяхъ къ идеаламъ чело-вѣчества, направленныхъ на правду и справедливость, такъ какъ ни космическая жизнь, ни жизнь на нашей планетѣ, идущая внѣ насъ, не преслѣдуютъ вовсе цѣлей нашего нравственнаго совершенствованія или общественнаго блага. Только чело-вѣческое творчество и искусство производятъ и будутъ производить продукты, прямо отвѣчающіе на всякаго рода потребности чело-вѣка, чисто-отвлеченныя и практическія.

Великіе художники и великіе умы, понимавшіе, что такое область красоты, умѣли находить самыя простыя формулы, устраняющія всякое смѣшеніе понятій. Врядъ ли кто станетъ отрицать, что Гёте понималъ, что такое искусство; а онъ любилъ повторять такой немудреный афоризмъ: „искусство есть искусство, потому именно, что оно не природа“; но, говоря такъ, онъ, конечно, не желалъ доказывать, что

искусство заключаетъ въ себѣ что-либо враждебное природѣ, что его первоисточникъ не есть та органическая жизнь на землѣ, безъ которой невысказано никакое ощущение и никакое проявление творческой идеи.

Весьма важно было бы также разъ навсегда установить такіе существенные термины, какъ: *эстетическое чувство*, затѣмъ *художественное наслажденіе* и, наконецъ, *красота*, проявляемая природой и продуктами изящнаго творчества.

Мы видѣли, по прошлогоднему моему этюду, въ той его долѣ, гдѣ подробно разбиралась лекція кн. Волконскаго, что и молодые эстетики, увлекаясь теоріей наслажденія, придають этому моменту всеобъемлющій смыслъ и, уклоняясь отъ психической почвы, не выясняютъ для себя достаточно природы и особенностей „чувства прекраснаго“, — „эстетическаго наслажденія“ , въ тѣсномъ смыслѣ, и „красоты, самой по себѣ“, самостоятельное существованіе которой въ природѣ и въ человѣческомъ творествѣ не можетъ быть отрицаемо ни въ опытной психологіи, ни въ психофизикѣ.

Уже нѣсколько разъ я позволялъ себѣ и въ прошлогоднемъ моемъ этюдѣ, и въ этомъ рефератѣ опредѣлять *чувство прекраснаго*, во-первыхъ, какъ нѣчто, вовсе не тождественное съ творческою способностью. Но представляетъ ли оно собою самую суть душевнаго отправления? Или же оно есть какъ бы показатель извѣстной функціи? Мнѣ кажется, несмотря на нѣкоторые возраженія, которыя были мнѣ сдѣланы въ прошломъ году, что эстетическое чувство есть одна изъ основныхъ потребностей человѣческой души; въ своихъ же проявленіяхъ она обнаруживается совершенно такъ, какъ и наши воспріятія внѣшняго міра и внутренней душевной жизни, служащія показателями реальныхъ образовъ, существующихъ внѣ насъ, или внутреннихъ душевныхъ процессовъ. Врядъ ли будетъ парадоксально провести аналогію между этой областью нашей души и всѣми почти физиологическими и патологическими процессами. Безчисленные аффекты, сопровождающіе, на примѣръ, различныя душевныя разстройства, часто еще болѣе яркіе и интенсивные, чѣмъ

аффекты эстетическаго характера, представляют собою несомнѣнные показатели извѣстнаго болѣзненнаго процесса. Такъ точно, симптомы нормальной и заразной патологии указываютъ всегда на какое-нибудь органическоестройство или на присутствіе какого-нибудь микроба.

Чувство прекраснаго развивается и въ отдѣльномъ чловѣкѣ, и въ культурномъ чловѣчествѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ способности воспринимать красоту. Вкусъ, съ своей стороны, есть какъ бы придатокъ его, подлежащій неустойчивымъ колебаніямъ. Брать вкусъ мѣриломъ красоты было бы неразумно. И то, что такое мѣрило въ высшей степени неустойчиво, нисколько не дѣлаетъ невозможнымъ установленіе извѣстныхъ законовъ въ эволюціи области прекраснаго. Вкусы измѣнчивы, но развитіе эстетическаго чувства въ исторіи культурнаго чловѣчества обнаруживаетъ поступательный ходъ, въ которомъ мы видимъ все бѣльшую и бѣльшую способность отыскивать и понимать красоту и во внѣшней природѣ, и въ творческихъ произведеніяхъ.

Какъ же опредѣлить *наслажденіе*, какъ извѣстный самобытный моментъ въ психіи чловѣка, разумѣя, въ данномъ случаѣ, наслажденіе прекраснымъ? Оно есть главный показатель эстетическаго чувства. Этимъ признакомъ чувство соприкасается съ областью остальныхъ душевныхъ аффектовъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, удовольствіе и боль представляют собою два полюса и два регулятора. Но наслажденіе, само по себѣ, даже и чисто-художественное, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, исчерпывать области прекраснаго; оно связано съ чѣмъ-то опредѣленнымъ, что заключаетъ въ себѣ, въ данномъ случаѣ, элементъ прекраснаго. Связать этотъ элементъ исключительно съ чловѣческимъ я мы также не имѣемъ права, во-первыхъ, потому, что и животныя обладаютъ эстетическимъ чувствомъ, склонностью къ краскамъ, формамъ и звукамъ, доставляющею имъ несомнѣнное удовольствіе; во-вторыхъ, потому, что, рассуждая такъ, мы вдальсь бы въ слишкомъ яркій метафизическій скептицизмъ, который довелъ бы насъ до отри-

цанія реального міра; такимъ путемъ мы дошли бы, пожалуй, до сведенія всего суцдаго къ нашему духу, понимаемому въ смыслѣ трансцендентальнаго идеализма.

Терминомъ *красота* противники эстетики пользуются больше для того, чтобы показать его неустойчивость. Они обыкновенно напираютъ на то, что искусство, для своихъ продуктовъ, беретъ не только красивое, но и безобразное. Этотъ доводъ пора бы сдать въ архивъ. То, что само по себѣ красиво въ природѣ и въ продуктахъ человѣческаго творчества, представляетъ собою какъ бы высшую инстанцію красоты. Но творчество и мастерство выполненія творческихъ замысловъ могутъ перерабатывать всякіе образы, и то, что въ жизни было только безобразно, въ искусствѣ получаетъ несомнѣнную привлекательность. Почему? Потому что въ творествѣ и мастерствѣ импульсомъ къ воспроизведенію чего-либо безобразнаго служитъ потребность въ созерцаніи, имѣющемъ художественно-творческой характеръ.

Гармонія и взаимодействіе красоты, какъ таковой, и чувства прекраснаго, весьма легко согласуются—для тѣхъ, кто наклоненъ къ метафизическимъ взглядамъ—съ пантеизмомъ, а для людей научныхъ обобщеній съ извѣстнаго рода монизмомъ. Во всякомъ случаѣ, есть возможность признавать общность источника и хода развитія между „красотой“, разлитой въ природѣ, и „душевыми свойствами“, проявляющимися въ творествѣ и въ чувствахъ прекраснаго.

Въ связи со смѣшеніемъ понятій и неточнымъ употребленіемъ терминовъ, въ психологіи прекраснаго находятся и разныя недомолвки, предразсудки, неумѣренныя требованія, съ которыми должна имѣть дѣло наука, работающая надъ этой областью.

Психологіи вообще пришлось бороться болѣе, чѣмъ другимъ отраслямъ знанія, занимающимся человѣкомъ, съ излишествами скептицизма. Всѣмъ извѣстно, что позитивная школа, въ лицѣ ея основателя, Огюста Конта, отнеслась къ психологіи самонаблюденія черезчуръ радикально, хотя и выходила изъ нѣкоторыхъ, весьма основательныхъ тре-

бованій біологическаго характера. Но съ тѣхъ поръ утекло не мало воды. Опытная психологія, хотя и въ предѣлахъ эмпирическаго знанія, пробивала себѣ дорогу и накопила довольно богатый запасъ фактовъ, которыхъ отрицать нельзя потому только, что они добыты большею частью путемъ самонаблюденія. Съ другой стороны, психофизика, слѣвавшая также довольно значительные успѣхи въ послѣднюю треть нашего вѣка, самыми этими успѣхами показала, что сведеніе психическихъ моментовъ къ явленіямъ чисто-физическаго характера, при всей научной серьезности, все-таки не даетъ ключа къ полному выясненію себѣ тѣхъ состояній души, тѣхъ ея стремленій и навыковъ, которые группируются вокругъ идеи прекраснаго. Для эстетики, для художника, для всякаго друга красоты, для каждаго мыслителя, желающаго уйти въ міръ творческаго искусства, даже помощь чисто-описательной психологіи, не отвергающей метода самонаблюденія, въ высшей степени полезна. Только путемъ сопоставленія фактовъ, добытыхъ и въ описательной, и въ экспериментальной психологіи, съ тѣмъ, что даютъ намъ творческіе продукты изящной литературы, и можно отличать фальшь отъ психологической правды. Устанавливать извѣстныя группы явленій, углублять анализъ того, что мы называемъ чувствомъ прекраснаго, и того, что зовутъ художественнымъ творчествомъ, въ тѣсномъ смыслѣ.

Обыкновенно возражаютъ: „научно-философской теоріи красоты и художественнаго творчества еще не выработано; эстетика полна разнохарактернѣйшихъ выводовъ и общихъ взглядовъ и страдаетъ до сихъ поръ преобладаніемъ априорныхъ обобщеній; истинно научный вкладъ въ эстетику и психологію творчества слишкомъ бѣденъ, чтобы можно было позволять себѣ какія-нибудь прочныя, обязательныя для всѣхъ, положенія“.

Все это въ извѣстной степени справедливо, но, вѣдь, есть уже такія приобрѣтенія опытнаго знанія и философскаго мышленія, которыя позволяютъ отмежевать искусству и его изслѣдованію совершенно опредѣленную область. Кто бы имъ те-

перь ни занимался: физиологъ, психологъ, знатокъ исторіи искусства или мыслитель, для котораго дороги еще извѣстныя метафизическія первоосновы, ни одинъ изъ этихъ работниковъ надъ областью прекраснаго не будетъ заниматься ею съ посторонними цѣлями. Всѣ будутъ признавать несомнѣнную *самобытность* той стороны человеческой души, которая отвѣчаетъ идеѣ и факту красоты. Разбродъ еще великъ, но кто въ послѣдніе годы внимательнѣе присматривался къ тому, куда идутъ работы въ эстетической области, тотъ долженъ будетъ признать, что съ каждымъ годомъ чувствуется все болѣе прочная почва — почва *психологическая* по преимуществу.

Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что до сихъ поръ каждая философская система старается обрабатывать положительные факты изъ области красоты въ интересахъ признанія своихъ первоосновъ. Въ общихъ метафизическихъ положеніяхъ можетъ быть большое разногласіе; но все, что касается анализа душевныхъ явленій, — связано съ чувствомъ красоты и творчества; тутъ уже никто не споритъ противъ фактовъ, и самые закоренѣлые метафизики пользуются ими, признавая авторитетность точнаго знанія.

Огромная сокровищница, накопившаяся въ исторіи искусства, представляетъ собою не что иное, какъ колоссальныхъ размѣровъ многовѣковой складъ продуктовъ „психической“ дѣятельности человѣка въ томъ ея отдѣлѣ, гдѣ импульсами служили: чувство красоты и способность воспріятія ея, пробуждающая нашъ духъ къ творческой работѣ. До сихъ поръ спеціалисты по исторіи искусства, увлекаясь культомъ *формы*, ограничивались больше чисто-описательнымъ методомъ, не умѣли освободить себя отъ извѣстныхъ условностей, традицій, предвзятыхъ понятій, которыя мѣшаютъ и самымъ тонкимъ знатокамъ искусства подняться выше дилетанства, выше своихъ рубрикъ, опредѣленій и оцѣнокъ, и примѣнить къ развитію каждой отрасли искусства эволюціонный методъ. Недостаточность научно-философскаго элемента въ работахъ многихъ знатоковъ искусства нисколько не компрометируетъ,

однако, будущности той отрасли знанія и мышленія, которая занимается областью прекраснаго.

Мы видимъ, что какъ разъ въ послѣдніе годы работы по психологіи творчества и эстетическаго чувства пріобрѣтають все болѣе серьезный характеръ. Эти темы дѣлаются весьма привлекательными для физиологовъ и психологовъ. Чувствуется искренняя потребность не въ одномъ только накопленіи эмпирическихъ фактовъ, а и въ установкѣ метода, въ проникновеніи въ самую суть вопроса, и почти всегда на научной почвѣ. У преподавателей, занимающихъ кафедры философіи во Франціи, Германіи, Англии, мы видимъ особенный интересъ къ такимъ темамъ. Никто изъ нихъ и не преувеличиваетъ авторитетности научнаго анализа и синтеза въ эстетическихъ вопросахъ; почти никто не задается сразу задачами, которыя превышали бы способности изслѣдованія, выработанные современною наукой. Но у всѣхъ есть желаніе вывести эстетику на вѣрную дорогу плодотворнаго метода,—не ограничиваться только нагроможденіемъ фактовъ и не успокоиваться на бездоказательныхъ обобщеніяхъ.

Обратите вниманіе, на примѣръ, на дѣятельность двухъ профессоровъ философіи во Франціи и Англии, уже составившихъ себѣ имя, какъ разъ по этимъ вопросамъ. Таковъ, на примѣръ, профессоръ на словесномъ факультетѣ въ городѣ Лиллѣ, Поль Суріо. Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ онъ не перестаетъ работать по тому отдѣлу психологіи, въ которомъ сосредоточивается вся творческая и художественная дѣятельность человѣка. Въ 1881 году онъ напечаталъ изслѣдованіе, служившее ему, вѣроятно, диссертацией для пріобрѣтенія степени доктора. Оно называется: „Теорія изобрѣтенія“ *). Одно перечисленіе заглавій, какія носятъ отдѣльныя главы, покажетъ вамъ сейчасъ, что этотъ профессоръ философіи ставитъ вопросы категорически и держится на научной почвѣ: принципъ изобрѣтенія, его детер-

---

*) „Théorie de l'invention“ par Paul Souriau. Paris. Hachette 1881.

минизмъ; условія, благопріятныя оригинальности; внушающая сила способовъ выраженія. Каждая изъ этихъ основныхъ главъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма существенныхъ выводовъ по природѣ творческаго изобрѣтенія. Главные изъ нихъ слѣдующіе: изобрѣтеніе не есть продуктъ размышленія; оно не есть также дѣло логики; его принципъ не устраняетъ случайности. Авторъ разсматриваетъ, въ цѣлыхъ четырехъ главахъ своей книги, детерминизмъ мысли, образованіе оригинальныхъ идей и условія, способствующія ему: здоровье, силу, гигиену, знаніе, память. Онъ подвергаетъ также анализу способы творческаго выраженія, т.-е. языкъ, письмо и разные артистическіе приемы.

Тотъ же Поль Суріо въ 1889 году выпустилъ книгу: „Эстетика движенія“ *). Въ ней подробно разсматриваются всѣ виды движенія, связанные съ красотой и съ экспрессіей. Наконецъ, въ теченіе 1893 года, тотъ же профессоръ философіи выпустилъ въ видѣ довольно объемистой книги свои лекціи, въ которыхъ онъ сдѣлалъ попытку чрезвычайно интересную и сравнительно новую — привести въ связь область красоты, эстетическаго чувства и художественнаго творчества съ тѣмъ, что теперь въ физиологіи и медицинѣ называется [гипнозомъ и внушеніемъ. Книга и носить заглавіе: „Внушеніе въ искусствѣ“ **). Путь изслѣдованія — аналитическій. Анализъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ это было до сихъ поръ въ изученіи нашихъ эстетическихъ воспріятій. Возможность внушенія распространяется на всѣ сферы чувственнаго воспріятія; въ послѣдовательномъ порядкѣ авторъ разбираетъ зрительное и слуховое внушеніе, связанное съ воспріятіемъ изящныхъ ощущеній; отъ колорита, свѣтовыхъ измѣненій, отъ игры физиономіи и всевозможныхъ рельефовъ переходитъ онъ къ подражательной и описательной музыкѣ, а затѣмъ къ чтенію, живопис-

*) „L'esthétique du mouvement“ (Bibliothèque de philosophie contemporaine). P. Félix Alcan. 1889.—**) „La Suggestion dans l'art“. Paris. Félix Alcan. 1893. См. критическій отзывъ объ этой книгѣ проф. А. Гилярова въ библиографическомъ отдѣлѣ настоящаго № журнала.

ному описанію, къ поэтическимъ образамъ. Въ послѣднихъ двухъ главахъ онъ анализируетъ внушеніе органовъ чувствъ и тѣ измѣненія, какія могутъ происходить въ человѣческой личности, вплоть до самыхъ интересныхъ и недостаточно изученныхъ видовъ такъ называемаго трансферта человѣческаго я, раздвоенія личности и психологіи художниковъ-творцовъ въ состояніи творческаго наитія.

Въ Англии мы видимъ въ лицѣ талантливаго профессора философіи Найта такого же ревностнаго сторонника области красоты. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ онъ выпустилъ два тома, озаглавленные: „Философія прекраснаго, какъ очеркъ исторіи эстетики и вкладъ въ его теорію и въ вопросы искусства“ *). Объ этой книгѣ недавно было сообщено въ литературной хроникѣ „Вѣстника Европы“. Первый томъ, вышедшій въ 1891 году, заключаетъ въ себѣ довольно полный, хотя и сжатый, обзоръ развитія эстетическихъ идей, начиная съ эпохи древняго восточнаго искусства вплоть до нашихъ дней; не опущена даже эстетическая философія въ Америкѣ, до текущаго десятилѣтія включительно. Вторымъ томъ, запоздавшій на цѣлые два года (авторъ имѣлъ несчастье потерять рукопись его въ вагонѣ), заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ методическихъ этюдовъ: о природѣ красоты; идеальное и реальное; одностороннія эстетическія теоріи; задатки болѣе полной теоріи красоты; искусство, его природа и отправления; взаимная связь между различными искусствами; анализъ особенностей поэзіи, музыки, архитектуры, скульптуры и даже танцевальнаго искусства. Въ при-,
бавленіи есть очеркъ развитія критическихъ идей въ Россіи, составленный, по просьбѣ автора, г-жой Венгеровой. Ей, вѣроятно, и принадлежитъ замѣтка въ „Вѣстникѣ Европы“, гдѣ профессоръ Найтъ характеризуется скорѣе какъ сторонникъ искусства съ соціально-нравственной тенденціей. Съ

*) „The Philosophy of the Beautiful being Outlines of the history of Aesthetics, by William Knight, professor of Philosophy in the University of Andrews. London. T. I, 1891. T. II. 1893 съ такимъ подзаглавіемъ: „being a Contribution to its Theory, and to a Discussion of the Arts“.

такой характеристикой согласиться нельзя. Книга профессора Найта проникнута явнымъ культомъ прекраснаго и самымъ искреннимъ стремленіемъ: установить его психическіе законы, выяснить глубокую связь, существующую между красотой, разлитой въ природѣ, и стремленіемъ къ ней человѣческой души, обладающей, кромѣ того, свойствомъ творческой дѣятельности.

Приведу нѣсколько строкъ изъ той главы второго тома, гдѣ трактуются натура и отправленія искусства.

„Искусство,—говоритъ профессоръ Найтъ,—есть вообще трудъ чловѣка надъ природой, разработка явленій, доставляемыхъ ему природой. Оно есть его созданіе, отъ перваго до послѣдняго слова: плана, замысла и цѣли, входящихъ сюда. Одинаково очевидно, что подражаніе или копированіе того, что есть, — самый элементарный изъ тѣхъ корней, откуда выросло на свѣтѣ искусство“. Этихъ словъ достаточно, чтобы видѣть въ авторѣ убѣжденнаго сторонника взглядовъ, по которымъ искусство не должно никогда быть помѣщаемо въ подчиненное положеніе къ чему бы то ни было.

П. Боборыкинъ.

Французскій позитивизмъ.

(Окончаніе.)

(Полупозитивисты: Гюйо и Тардъ.)

II.

Гюйо (Guay), какъ тѣсно связанный съ Фуллье представитель полупозитивизма.

Относительно подробное обзорѣніе философіи Альфреда Фуллье, самаго важнаго представителя всей группы полупозитивистовъ, даетъ мнѣ право ограничиться только самою общею и бѣглою характеристикой двухъ остальныхъ: Гюйо и Тарда. Тѣмъ болѣе я могу обойти всякія подробности относительно философіи Гюйо, что этотъ мыслитель, по своей тѣсной дружбѣ съ Фуллье и по вліянію, которое тотъ имѣлъ на него, какъ старшій возрастъ, чрезвычайно близко сходится съ нимъ и въ общемъ направленіи, и въ существенныхъ пунктахъ философскихъ воззрѣній. Въ концѣ концовъ, они отличаются другъ отъ друга только второстепенными, преимущественно индивидуальными, особенностями. Поэтому я прежде всего перечислю главныя философскія сочиненія Гюйо и, кстати, укажу на важнѣйшіе пункты совпаденія его философіи съ философіей Фуллье. Для этого я воспользуюсь однимъ мѣстомъ книги того же Фуллье, гдѣ это перечисленіе со-

проводится чрезвычайно краткою, но въ то же время довольно върною оцѣнкой содержанія сочиненій Гюйо *).

„Труды Гюйо начинаются сочиненіемъ „La morale d'Épicure“ (о морали Эпикура), представляющимъ изложеніе и критику эпикуреизма, а въ то же время и обширный трактатъ о матеріи съ совершенно новыми взглядами на теорію случайности и свободы у Эпикура **). Продолженіемъ этого труда служить не менѣе глубокое сочиненіе: „La morale anglaise contemporaine“ (Современное англійское ученіе о морали) ***), которое ученикъ Спенсера, Pollock, считаетъ, безъ всякаго сравненія, замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ тѣхъ, которыя даже въ Англии касались этого предмета. Далѣе, сочиненіе—„L'esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction“ (Очеркъ моральной системы безъ долженствованія и санкціи) представляетъ теорію жизни и творчества (fécondité) въ сферѣ морали, вводящую въ натуралистическую этику существенно-новые элементы, дающую оригинальное опредѣленіе „эквивалентовъ моральности“ и тонкую, сильную критику традиціонныхъ идей: обязанности

---

*) Эта книга Фулье озаглавлена такъ: «La morale, l'art et la religion d'après M. Guyau» par Alfred Fouillée. Paris, 1889 и представляетъ какъ бы дорогой надгробный памятникъ надъ могилою безвременно погибшаго мыслителя, воздвигнутый горячимъ и глубокимъ чувствомъ дружбы. Гюйо умеръ 33-хъ лѣтъ, въ 1888 году; отличаясь большою эрудиціей, рѣдкою раннею зрѣlostью таланта и энергіей въ трудѣ, онъ въ свою не долгую жизнь успѣлъ создать цѣлую серію замѣчательныхъ философскихъ произведеній, высоко оцѣненныхъ специалистами не только во Франціи, но и за границей.

**) Изъ этого сочиненія можно ясно видѣть, что Гюйо принялъ отъ Фулье и „методу соглашенія доктринъ“ и что онъ сходится съ нимъ не только въ воззрѣніяхъ, но даже какъ бы и во внѣшнихъ обстоятельствахъ философской дѣятельности. Какъ и Фулье, онъ начинаетъ съ изученія древней философіи (Платона, Эпиктета) и далѣе переходитъ къ Канту. Подобно Фулье, онъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности возбуждаетъ вниманіе ученаго міра и, имѣя только 19 лѣтъ, за свою первую работу уже получаетъ премію отъ Академіи. Съ другой стороны, его первые труды: объ Эпикурѣ и о современной англійской философіи—ясно свидѣтельствуютъ, что психологическимъ мотивомъ для нихъ служилъ безпокойный вопросъ о *соглашеніи* Платона и Канта съ утилитаристами и эволюціонистами.

***) Это сочиненіе носить на себѣ ясные слѣды вліянія Фулье, наприм., въ понятіи свободы и въ соглашеніи „натурализма съ идеализмомъ“.

и санкціи *). Въ сочиненіи: „Les problèmes d'esthétique contemporaine“ (Проблемы современной эстетики) мы имѣемъ вполне основательную доктрину о серьезномъ въ искусствѣ и теорію жизни, по которой она есть *основаніе для прекраснаго*, — теорію, исправляющую и Канта, и Спенсера, видящихъ въ искусствѣ „игру“. Что же касается до сочиненія: „Vers d'un philosophe“ (Стихи философа), то оно служитъ его личнымъ примѣромъ серьезнаго и искренняго искусства, въ которомъ всегда звучитъ истина и которое поэтому всегда дѣйствуетъ трогательно. Позднѣе же *въ искусство вносится социологическая точка зрѣнія* **) вмѣстѣ съ новыми критическими принципами, которые изъ нея вытекаютъ. Въ другомъ социологическомъ этюдѣ: „Éducation et hérédité“ (***) (Воспитаніе и наслѣдственность) мы находимъ аналогичныя начала, обновляющія теорію воспитанія и имѣющія цѣлью показать, какъ воспитаніе можетъ противодѣйствовать уже установившейся наслѣдственности въ пользу новой наслѣдственности. Наконецъ, сочиненіе: „L'irréligion de l'avenir“ (Безрелигіозность въ будущемъ) представляетъ преобразование науки о религіи посредствомъ приложенія той же *социологической* методы и служитъ какъ бы вѣнцомъ для всѣхъ этихъ различныхъ трудовъ. Въ немъ содержится общая картина великихъ метафизическихъ системъ съ новыми и смѣлыми взглядами на будущее человѣчества и міра, — однимъ словомъ, ученіе о жизни и ея индивидуальномъ или коллективномъ расширеніи (expansion), которое даже изъ самой метафизики дѣлаетъ самое высшее проявленіе и основной потокъ жизни. Всѣ эти труды въ области философіи свидѣтельствуютъ о томъ, какъ прекрасно этотъ молодой

*) Эта „истинная и научная этика“ представляетъ, съ одной стороны, особое развитіе принципа, съ которымъ мы уже встрѣтились у Фуллье, а именно, что скептицизмъ, неизбежный въ силу нашего незнанія основы вещей, долженъ считаться этическимъ началомъ воздержанія, а съ другой, это — отраженіе борьбы Фуллье съ кантовою идеей долга.

**) Въ сочиненіи: L'art au point de vue sociologique.

***) Есть хорошій переводъ этого сочиненія на русскій языкъ К. К. Толстого.

человѣкъ въ теченіе своей 33-лѣтней жизни реализировать свой собственный идеаль плодотворной жизни“.

„Что же касается до его значенія, какъ литератора, то если выбрать изъ его книгъ мысли, которыя поражаютъ своею силой и глубиной, а также и краснорѣчивыя страницы, которыя, никогда не погрѣшая противъ естественности, нерѣдко представляютъ образецъ возвышеннаго, то можно составить сборникъ, который выдержалъ бы сравненіе со многими книгами, сдѣлавшимися классическими. Но рѣдкія качества его, какъ мыслителя и писателя, достигаютъ самой высшей степени въ „L'irréligion de l'avenir“, гдѣ обнаруживается свойство, одинаково цѣнное какъ въ философіи, такъ и въ литературѣ, а именно: абсолютная искренность, съ которою онъ смѣло поднимаетъ всяческіе вопросы и затрогиваетъ господствующія идеи, не заботясь о томъ, что о немъ подумаютъ или скажутъ, но только стараясь настолько же приблизиться къ дѣйствительности, насколько вѣрующій стремится приблизиться къ Богу“ (см. названное сочиненіе Фулье, стр. 190—191).

Послѣднее сочиненіе Гюйо: „L'irréligion de l'avenir“, самое блестящее изъ всѣхъ, подаетъ мнѣ поводъ указать и на другіе, кромѣ вышеупомянутыхъ, пункты совпаденія его съ Фулье. Подобно этому послѣднему, и онъ отрицаетъ *трансцендентную* метафизику и признаетъ только *имманентную*, опытную. Точно также и у Гюйо *достоверность* и *истина* есть принадлежность науки, а метафизика должна создать гипотезы, которыя бы дополнили научное знаніе, главнымъ образомъ, ради морали. Подобно Фулье, и Гюйо относится скептически къ идеѣ Бога, потому что идеи какъ Творца, такъ и Провидѣнія требуютъ весьма труднаго оправданія для зла, несомнѣнно существующаго въ мірѣ *). Но Гюйо признаетъ важность для людей этихъ идей и не прочь

---

*) Собственно, не по своей сущности, идеи Творца, Провидѣнія и зла представляютъ затрудненія, а потому, что сами философы въ теченіе вѣковъ внесли въ эти понятія множество неосновательныхъ и несовмѣстныхъ элементовъ, въ чемъ, по-моему, повинны и Фулье съ Гюйо.

отъ того, чтобы онѣ оставались въ качествѣ какой-то *темной и неопредѣленной основы* вещей. Но главное, что, по мнѣнію Гюйо, не благоприятствуетъ этимъ идеямъ, это то, что наука не находитъ ничего божественнаго въ природѣ: вселенная безконечна, безъ всякаго центра, безъ общаго сознанія, и поэтому ничего не говоритъ ни за теизмъ, ни за пантеизмъ. Съ другой стороны, если природа, съ научной точки зрѣнія, не божественна, то, съ той же точки зрѣнія, она,—думаетъ Гюйо, высказываясь противъ пессимизма,—и не есть нѣчто сатанинское. Впрочемъ, изъ двухъ воззрѣній на бытіе: *натурализма* и *идеализма*, самъ онъ склоняется къ идеализму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ *пантеистическому монизму*, хотя, подобно Фуллье, *вѣра въ науки* и почтеніе передъ *научностью*, стоящею на безконечности, причинности и движеніи, и у него дѣлаютъ монизмъ только *призрачнымъ желаніемъ*. Что касается до матеріализма, то Гюйо вообще высказывается противъ него и думаетъ, что если, по новымъ теоріямъ, водородъ долженъ быть признанъ основою всего міра, то это есть нѣчто рѣшительно непостижимое безъ жизни. Съ другой стороны, онъ, подобно Фуллье, высказывается и противъ телеологіи, потому что она *не опирается* ни на какую „научную индукцію“.

Но мнѣ нѣтъ надобности прослѣживать дальше и въ мелочахъ пункты совпаденія воззрѣній Фуллье и Гюйо: вполне достаточно и указанныхъ. Вообще, примѣры такого философскаго единомыслія, какъ у нихъ *), чрезвычайно рѣдки. Въ современной Франціи я, кромѣ этого, знаю только одинъ примѣръ: это—единомысліе Ренувье и Пиллона. Само собою разумѣется, что при этомъ единомысліи всѣ замѣчанія и возраженія, которыя я дѣлалъ выше, въ заключеніи моего обзора системы Фуллье, относятся также и къ философіи Гюйо.

Общее заключеніе о философіи Гюйо. Говоря о вліяніи Фуллье на Гюйо, я весьма далекъ отъ того, чтобы видѣть

*) Поэтому, обыкновенно, и тотъ, и другой подкрѣпляетъ свои положенія, прямо приводя соотвѣтствующія мѣста изъ сочиненій другъ друга.

въ немъ только пассивнаго ученика Фуллье. Нѣтъ, уже одна талантливая и широкая натура его несомѣстима съ однимъ пассивнымъ воспроизведеніемъ чужого! Напротивъ, онъ былъ настолько самостоятеленъ, что освѣщалъ и съ своей стороны особымъ свѣтомъ родственное и общее ему съ его другомъ направленіе. Это особое освѣщеніе зависѣло, по моему, главнымъ образомъ, отъ той рѣзкой личной особенности Гюйо, что онъ весьма оригинально совмѣщалъ въ себѣ и философа, и поэта; въ немъ философъ, что бываетъ рѣдко, нисколько не мѣшалъ ему быть поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Несмотря на то, что темы его поэтическихъ думъ, чувствъ и образовъ всегда были возвышенны и гармонировали съ его философски-развитымъ умомъ, все-таки въ его поэзіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ *дидактизма*; она нисколько не похожа на сухія разсужденія въ стихахъ *).

Но если Гюйо не превращалъ своей поэзіи въ философію, то въ своей философіи (метафизикѣ) *широко практиковалъ* *licentiam poëticam*, или свободу, приличествующую болѣе поэту, чѣмъ философу (метафизику). Принципіально онъ, по моему, былъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ Фуллье, позитивистомъ и скептикомъ, но на практикѣ подъ видомъ научно-метафизическихъ гипотезъ часто дѣлалъ чрезвычайно смѣлые набѣги и прыжки въ область непознаваемаго. Правда, эти набѣги дѣлаются въ формѣ весьма остроумныхъ и соблазнительныхъ, не скажу—гипотезъ въ строгомъ смыслѣ, а *предположеній*, *догадокъ*, *чаяній*, даже просто *желаній*, но въ то же время они выражаются въ столь колеблющихся въ своемъ значеніи формулахъ, что читатель, никогда не встрѣчаясь съ явно нелѣпыми положеніями, можетъ долго еще думать, что онъ вмѣстѣ съ Гюйо стоитъ на почвѣ, хотя весьма тонкихъ и замысловатыхъ, но тѣмъ не ме-

---

*) Въ этомъ отношеніи достаточно, напримѣръ, указать на его стихотвореніе: „L'analyse spectral“, чтобы убѣдиться, что только истинный поэтъ могъ такъ художественно обработать и выразить такой сухой сюжетъ, по преимуществу подлежащій абстрактной наукѣ.

нѣе, философскихъ гипотезъ *). Къ этому можно еще прибавить, что свойственный Гюйо языкъ, поражающій *роскошью* въ отбѣнкахъ понятій и естественною для него, какъ поэта, *картинностью* выражений, хотя строго-опредѣленной мысли и не даетъ, но все-таки увлекаетъ и возбуждаетъ ожиданія.

Можетъ возбуждать ихъ, по моему мнѣнію, и „научная мораль безъ обязательствъ и санкцій“, хотя она, въ сущности, ничего не дастъ тому, кто желалъ бы имѣть моральную систему, могущую служить твердымъ руководствомъ для дѣйствій. Всякая система, которая дѣйствительно заслуживаетъ имя моральной, непременно включаетъ въ себѣ *implicite*, въ ясной или скрытой формѣ, *телеологическій принципъ*, который въ свою очередь такъ или иначе *постулируетъ* идею долженствованія. — Другой *примѣръ* неопредѣленности мысли можно видѣть въ формулѣ Гюйо, резюмирующей, съ одной стороны, *основную* мысль всѣхъ его главныхъ сочиненій, касающихся искусства, морали и религіи, а съ другой, выражающей *принципъ* эволюціонизма, какъ его понимаетъ Гюйо**).

*) Таковы, напримѣръ, метафизико-поэтическія догадки и соображенія, что если въ прошедшей безконечности времени, а *parte ante*, разныя надежды и мечты о всеобщемъ счастьѣ, любви, справедливости и т. под. не осуществились, то почему же бы должно отказаться отъ надежды ихъ осуществленія и въ другой безконечности времени, а *parte post*? Вѣдь, бывають же такіе факты, что женщина родитъ *теперь* дитя, о которомъ *ныкогда* мечтала и котораго желала, т. е. похожее на когда-то любимаго человѣка, котораго давно уже нѣтъ въ живыхъ. Далѣе, если наука, соображаетъ Гюйо, ничего не даетъ для личнаго безсмертія, то метафизика, опирающаяся на любовь, имѣетъ право на догадку, что любящій и любимый должны же какъ-либо жить другъ въ другѣ. Почему не предположить возможности такого широкаго сознанія, въ которомъ соединятся всѣ братскія сознанія? Или почему не предположить возможности такого «естественнаго подбора (*sélection*)», что путемъ его, въ концѣ концовъ, возникнутъ божественныя существа.

***) Хотя Гюйо раздѣлялъ теорію „идей-силъ“ Фуллье, однако, въ томъ далеко не развитомъ видѣ, въ какомъ она высказана была имъ еще въ разныхъ раннихъ его сочиненіяхъ (напримѣръ, въ 1880 г.); но въ окончательной формѣ, въ которой мы съ нею познакомились и въ которой она стала для самого Фуллье основаніемъ теоріи эволюціи, Гюйо съ нею не былъ знакомъ, такъ какъ умеръ ранѣе. Поэтому и вышло то, что теорія эволюціи формулирована у обоихъ философовъ нѣсколько рлазично. Впрочемъ,

По этой формулѣ эволюція состоитъ въ *сознаніи широкой* (expansion) и *интенсивной* (intensité) жизни. Конечно, эта формула заключаетъ въ себѣ нѣчто вѣрное, но только приблизительно; точнѣе говоря, она только намекъ на истину—уже потому, что всѣ термины ея могутъ быть понимаемы различно и съ различныхъ точекъ зрѣнія. Терминъ: „жизнь“, на примѣръ, значитъ, съ точки зрѣнія физиологіи, одно, а съ точки зрѣнія сознанія, или психологіи — совсѣмъ другое. Точно также терминъ: „расширеніе“—весьма двусмысленъ. Значитъ ли оно *воспроизведеніе жизни вовнѣ* *), или же постепенное *развитіе задатковъ нашего существа, нашей природы* **)? Конечно, можно прибавить къ вышесприведенной формулѣ два слова и сказать: сознаніе экспансивной и интенсивной жизни во *всѣхъ отношеніяхъ*. Но возможно ли сознать себя въ одно и то же время и Донъ - Жуаномъ, и великимъ ученымъ, и искуснѣйшимъ художникомъ, и техникомъ, и великимъ полководцемъ, финансистомъ и т. под. безъ конца? Неизбѣженъ какой-либо порядокъ въ дѣятельностяхъ,—порядокъ, обусловливаемый цѣлями, расположенными въ іерархическомъ ряду, въ которомъ низшія должны быть подчинены высшимъ и, въ концѣ концовъ, всѣ подчинены одной послѣдней, высочайшей. Далѣе, цѣли эти не могутъ зависѣть только отъ доброй воли и постановки преслѣдующаго ихъ субъекта, но отъ объективныхъ отношеній его въ разныхъ системахъ, гдѣ его дѣя-

разница эта не существенна и касается болѣе внѣшняго выраженія, чѣмъ сущности.

*) Лѣтъ двадцать пять тому назадъ г. Флеровскій, одинъ изъ нашихъ публицистовъ, видѣлъ весь прогрессъ въ томъ, чтобы „плодить жизнь“, а потому считалъ китайцевъ самую прогрессивную націю. Далѣе, развѣ можно отказать *въ сознаніи* расширенной и интенсивной жизни: Донъ-Жуану, Тамерлану, Наполеону, наконецъ, Нерону и т. под.,—однимъ словомъ, всѣмъ энергичнымъ и способнымъ людямъ, безъ различія цѣлей ихъ жизни и средствъ, которыми они ихъ преслѣдуютъ и достигаютъ.

**) Но для этого, замѣчу я кстати, нужно, чтобы наше существо было субстанціей, а между тѣмъ, по Гюйо, наше „я“ есть нѣчто сложное и собирательное, такъ какъ нашъ организмъ образованъ изъ множества элементарныхъ организмовъ.

тельность координируется съ дѣятельностью другихъ существъ, въ системахъ: семейной, общественной, народной, государственной, общечеловѣческой, наконецъ, міровой... На всѣ эти запросы и недоразумѣнія мы надлежащихъ рѣшеній у Гюйо не найдемъ; всѣ его объясненія не достаточны, по ихъ неопредѣленности, и требуютъ новыхъ объясненій и т. д. безъ конца, потому что исходные пункты воззрѣній Гюйо, какъ и Фуллье, коренятся еще въ старой философской почвѣ.

Такимъ образомъ, я могу смѣло сказать, что и Гюйо такъ же, какъ и Фуллье, не могъ удовлетворительно провести своего эволюціонизма, состоящаго въ сознаніи экспансивной и интенсивной жизни, а также не справился и съ понятіями матеріи и движенія и потому, конечно, не могъ преодолѣть господствующаго цѣлые вѣка въ философіи дуализма.

III.

Тардъ, какъ социологъ-полупозитивистъ.

Всякая вполне развитая философская система черезъ посредство тѣхъ своихъ понятій, которыя становятся *основными и исходными* для частныхъ наукъ, можетъ отражаться во всѣхъ сферахъ знанія человѣческаго (наукахъ), но прежде всего она высказывается въ слѣдующихъ *специально* философскихъ дисциплинахъ: метафизикѣ, теоріи познанія или логикѣ, этикѣ, психологіи, правовѣдѣніи и обществовѣдѣніи (или по другой терминологіи: социологіи, философіи исторіи). Но далеко не всегда система философа того или другого направленія выражается *de facto* во всемъ циклѣ сейчасъ названныхъ философскихъ наукъ. Часто философъ ограничивается въ своей дѣятельности одной или двумя изъ вышеназванныхъ дисциплинъ; прочія же такъ или иначе подразумѣваются.

Что касается до Тарда, то большая часть его сочиненій относится къ *обществовѣдѣнію* и *правовѣдѣнію* *) и различнымъ

*) Тардъ долго отправлялъ весьма почетную во Франціи профессію судебного слѣдователя, выступилъ на литературное поприще болѣе десяти лѣтъ тому

ихъ сторонамъ или отдѣламъ, за исключеніемъ весьма немногихъ статей, которыя принадлежатъ отчасти къ психологii, отчасти же къ философіи природы и указываютъ на тѣ основныя философскія начала, съ точки зрѣнія которыхъ онъ понимаетъ общество и его жизнь и которыя даютъ право причислить его къ *группѣ* полупозитивистовъ.

Однимъ изъ самыхъ *раннихъ* и *основоположныхъ* является его сочиненіе: „La croyance et le désir et la possibilité de leur mesure“ (Увѣренность, желаніе и возможность ихъ измѣренія), помѣщенное въ Revue Philosoph. 1880 г., въ №№ 8 и 9. Здѣсь Тардъ изслѣдуетъ основныя, по его мнѣнію, *психологическія* силы, изъ которыхъ комбинируется все разнообразіе нашей индивидуальной психической, а затѣмъ и общественной жизни. Это: *увѣренность, желаніе и ощущеніе*. Увѣренность и желаніе, не сводимыя на ощущенія, составляютъ, по Тарду, единственное условіе для того, чтобы *содержаніе ощущеній* вошло въ наше знаніе, т.-е. чтобы различныя ощущенія въ различныхъ степеняхъ могли комбинироваться другъ съ другомъ въ наши разнообразныя психическія состоянія: воспріятіе, воспоминаніе, память, удовольствіе и страданіе, любовь, ненависть, сознаніе истины и блага и многія другія. Входя въ эти состоянія всего чаще вмѣстѣ и въ неравныхъ дозахъ, увѣренность и желаніе сообщаютъ имъ характеръ *количественный*. Каждое же данное *чистое* ощущеніе не воспроизводимо, а потому и не способно къ той перемѣнѣ, которая называется *увеличеніемъ и уменьшеніемъ*. Предметъ нашихъ желаній есть всегда *реальное осуществленіе* ощущеній, которое зависитъ отъ достовѣрности возможности этого осуществленія. Значить, всѣ наши страсти и желанія—положительныя и отрицательныя—ведутъ къ увѣренности, къ знанію. Поэтому какъ личная

назадъ и сразу обнаружилъ значительный талантъ, эрудицію и большую производительность. Сочиненія его многочисленны и сначала печатались въ видѣ небольшихъ статей въ журналахъ (главнымъ образомъ, въ «Revue Philosophique»), а потомъ изъ нихъ составлялись цѣлыя книги. Я, возможно кратко, коснусь и скажу только о важнѣйшихъ для моей цѣли.

жизнь отдѣльнаго человѣка, такъ и жизнь общества и всего человѣчества постоянно увеличиваютъ массу увѣренностей, между тѣмъ какъ желанія ослабѣваютъ вслѣдствіе удовлетворенія или остаются стационарными; но все-таки человѣческія желанія никогда не останавливаются, а лишь замѣняются все новыми и новыми, однако, далеко не въ такой прогрессіи, въ какой возникаютъ новыя увѣренности, достовѣрности. Этотъ ростъ ихъ и есть не что иное, какъ вся возрастающая цивилизація, наука и всевозможныя общественныя учрежденія, въ которыхъ какъ бы матеріализуется сила увѣренности. Увѣренность и желаніе для ощущеній, по Тарду, то же, что пространство и время для матеріальнаго міра. Ощущенія же соотвѣтствуютъ распредѣляющейся въ нихъ матеріи. Какъ невозможно было бы естествовѣдѣніе безъ пространства и времени, комбинація которыхъ даетъ движеніе, такъ невозможенъ былъ бы и психическій міръ безъ комбинаціи различныхъ степеней увѣренности и желанія, которыя суть, по Тарду, *количества*, подобно пространству и времени, а безъ количества и измѣренія невозможны науки и ихъ законы. Какъ идеаль естествовѣдѣнія—свести качества тѣлъ на движенія и количества, такъ и идеаль психологіи—свести ощущенія на увѣренность и желаніе.

Эту характеристику психическихъ силъ: увѣренности и желанія, Тардъ иллюстрируетъ и какъ бы подкрѣпляетъ *аналогіями*, заимствованными изъ наукъ о мірѣ физическомъ въ двухъ особыхъ сочиненіяхъ, относящихся къ философіи природы и помѣщенныхъ также въ *Revue Philosophique*. Одно изъ нихъ «*Les traits communs de la nature et de l'histoire*»: (Общія черты въ природѣ и исторіи) напечатано въ 1882 г. № 9, а другое: «*Darvinisme naturel et darvinisme social*» (Дарвинизмъ въ природѣ и дарвинизмъ въ обществѣ) въ 1884 г., № 6 *). *Сущность* этихъ двухъ сочиненій въ самомъ краткомъ

*) Я считаю не бесполезнымъ упомянуть, что къ статьѣ объ увѣренности и желаніи тѣсно примыкаетъ статья въ *R. Ph.* 1881 г. №№ 9 и 10—«*La psychologie en économie politique*» (Психологія въ политической экономіи), гдѣ

изложеніи состоитъ въ слѣдующемъ. Всякая наука прежде всего живетъ числомъ и мѣрою,—слѣдовательно, возможна только тамъ, гдѣ существуетъ однообразное повтореніе фактовъ, позволяющее обобщать ихъ въ законы, вычислять и измѣрять. Такія сходства, происходящія отъ *повтореній*, существуютъ во всѣхъ сферахъ знанія. Въ области физической господствуетъ *колебательное, волнообразное* повтореніе (движеніе) атомовъ и молекулъ. Въ мірѣ органическомъ это повтореніе (или воспроизведеніе, нарастаніе) состоитъ въ *наслѣдственности*, воспроизведеніи себѣ подобныхъ, и наконецъ, въ области соціальной является повтореніе *подражательное* (въ обычаяхъ, модахъ, симпатіяхъ, повиновеніи, воспитаніи и т. под.).

Тардъ подробно развиваетъ аналогіи между этими повтореніями, причемъ, конечно, явленія міра органическаго и общественнаго уподобляетъ явленіямъ міра физическаго. Въ связи съ этими аналогіями онъ оспариваетъ ставшее моднымъ, ошибочное мнѣніе Спенсера и другихъ соціологовъ, что будто бы общество и его образованіе есть нѣчто болѣе сложное и непонятное, чѣмъ происхожденіе и строеніе организмовъ, или даже предметовъ неорганической природы, и что поэтому мы должны строить понятіе объ обществѣ на основаніи біологіи, по аналогіи съ матеріальнымъ организмомъ. Тардъ, съ своей стороны, доказываетъ, что общество и факты его происхожденія и образованія намъ гораздо извѣстнѣе и яснѣе, чѣмъ факты происхожденія организма, потому что первые раздѣльнѣе и непосредственно знакомѣе, чѣмъ вторые. Отъ этого предразсудка, по Тарду, вносятся дарвинистами-соціологами въ понятія

Тардъ прилагаетъ сейчасъ изложенную теорію къ политической экономіи и доказываетъ, что и въ этой области господствуютъ тѣ же силы увѣренности и желанія. Вслѣдствіе этого у него являются совершенно въ иномъ, сравнительно съ господствующими возрѣніями, видѣ всѣ *основныя экономическія понятія*, напримѣръ, цѣнности, капитала, труда и пр. Не входя въ изложеніе этой теоріи, я замѣчу только, что она весьма остроумна и оригинальна и что читатель можетъ познакомиться съ нею по подробному изложенію ея въ моемъ этюдѣ: „Тардъ и его теорія общества“. 1887 г.

общества, его происхожденія и жизни ложные элементы. Въ социологию изъ біологіи вносится одностороннее и утилитарное понятіе борьбы и подбора, посредствомъ которыхъ будто бы въ обществахъ сохраняется только полезное для его членовъ, между тѣмъ какъ исторія общественной жизни указываетъ намъ, что одними борьбой и подборомъ никакъ не можетъ объясняться сохраненіе многихъ общественныхъ явленій. Въ этомъ случаѣ, социологіей упускается изъ виду важное значеніе въ обществѣ изобрѣтеній чего-либо новаго, хотя бы и мало полезнаго или совсѣмъ бесполезнаго, но появляющагося не въ силу борьбы за *уже известные* интересы и потребности, а просто въ силу большаго или меньшаго генія изобрѣтателя, созидающаго совершенно новые интересы, потребности и отношенія, потому что для него самого изобрѣтеніе связано съ великимъ наслажденіемъ. Распространяются же и сохраняются изобрѣтенія путемъ подражанія.

Теперь я укажу на важное сочиненіе Тарда, помѣщенное въ № II-мъ 1884 г. Revue Philosophique, гдѣ онъ отвѣчаетъ на вопросъ: „что такое общество“ и оспариваетъ мысль, что будто бы общество, цивилизуясь, отдастъ предпочтеніе экономическимъ отношеніямъ передъ юридическими и что въ основѣ общественной жизни лежитъ *взаимный обменъ* услугъ. По Тарду, общество есть скорѣе всего „*взаимное опредѣленіе соглашеній, правъ и обязанностей*“, а не взаимная помощь. „Соціальная жизнь,—говоритъ онъ,—есть собраніе существъ, готовыхъ подражать другъ другу, или такихъ, которыя, не подражая другъ другу, сходны одни съ другими и имѣютъ общія черты, представляющія старинныя копии съ одного и того же образца“. Резюмируя эту статью, Тардъ заключаетъ, что общество есть подражаніе, „а подражаніе есть видъ сомнамбулизма“ и подкрѣпляетъ это положеніе указаніями на исторію, гдѣ великіе люди, принадлежащіе къ разнымъ областямъ жизни и дѣятельности: цари, полководцы, основатели религій и другіе общественные дѣятели, вообще, всякіе выдающіеся люди такъ же обяательно

и неотразимо дѣйствовали на общество, какъ магнетизеры на сомнамбуль.

Къ этому сочиненію тѣсно примыкаетъ другое, появившееся значительно позже (въ 1890 г.), „Les lois de l'imitation, étude sociologique“ (Законы подражанія. Соціологическій этюдъ). Въ немъ высказывается та мысль, что во всѣхъ вышеозначенныхъ трехъ формахъ повтореній предполагается нѣчто *новое и первичное* (въ соціологіи—изобрѣтеніе); отсюда, заключаетъ Тардъ, исторія есть не что иное, какъ собраніе вещей, которымъ наиболѣе подражали. Причины же подражанія, по его мнѣнію, *двояки*: однѣ *логическія*, а другія *не логическія*. Первыя основываются на признаніи полезности или истинности, вторыя же—на преемствѣ, или переходѣ отъ высшаго къ низшему, отъ модели къ копіи, отъ господина къ слугѣ и т. под. Къ нелогическимъ подражаніямъ принадлежатъ: подражаніе предкамъ, древнимъ — *обычай*, или же современникамъ и всего чаще чужимъ — *мода*. Въ разныя эпохи господствуетъ то одно, то другое подражаніе; значить, въ концѣ концовъ, въ основѣ всяческихъ *единообразій* и естественныхъ законовъ лежитъ случай *).

Для моей цѣли совершенно достаточно настоящаго краткаго знакомства съ Тардомъ, какъ съ соціологомъ, поэтому я совсѣмъ не коснусь его сочиненій **) по *правотдѣнію* и не буду говорить о немъ съ этой точки зрѣнія. Для читателей же, желающихъ познакомиться съ Тардомъ въ этомъ отношеніи, могу указать на почтенную и компетентную статью на русскомъ языкѣ г. Спасовича: „Новыя направленія въ наукѣ уголовного права“ (Вѣстникъ Европы 1891 г., № 10).

*) Въ этомъ сочиненіи встрѣчается, между прочимъ, довольно вѣрная мысль, что социальная наука, или соціологія, не можетъ существовать, подобно другимъ наукамъ, въ отдѣльности отъ социальной философіи, а потому стремленіе многихъ сдѣлать ее позитивною (эмпирическою, фактическою, не зависящею отъ философскихъ системъ) наукою есть, по Тарду, не болѣе, какъ иллюзія.

**) Таковы, напримѣръ, „Le type criminel“ (Типъ преступника) 1885 г. (по поводу сочиненій Ломброзо и Гарофало), или статья: „Problèmes de criminalité“ (Вопросы, относящіеся къ преступности); или позднѣйшее обширное сочиненіе: „La philosophie pénale“ (Философія уголовного права).

Общее заключеніе о Тардѣ и о полупозитивизмѣ.

Мнѣ кажется, что едва ли кто, познакомившись съ Тардомъ только по краткимъ, сдѣланнымъ мною, указаніямъ, станетъ оспаривать его *талантливость* и *оригинальность*. И дѣйствительно, онѣ проявляются не только въ цѣлыхъ его статьяхъ, но весьма часто даже и въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, положеніяхъ и опредѣленіяхъ, которыя высказаны какъ бы мимоходомъ, безъ тѣсной связи съ главными темами его сочиненій. Они иногда бываютъ такъ мѣткі и содержательны, что невольно сравниваешь ихъ съ электрическими искрами и думаешь, что ихъ можно было бы развить даже въ цѣлыя сочиненія. Но, несмотря на эту блестящую талантливость Тарда, у него встрѣчаются и недостатки, которые зависятъ отчасти отъ общаго направленія, которому онъ слѣдуетъ, отчасти же отъ его личныхъ свойствъ, преимущественно же отъ спѣшности въ работѣ, сказавшейся въ невыработанности его понятій и промахахъ въ проведеніи и формулировкѣ его положеній.

Невыработанность понятій и ея обычное слѣдствіе—ихъ неясность и возможность смѣшенія—обнаруживается у Тарда всего болѣе въ областяхъ метафизики, теоріи познанія и психологіи. Совершенно справедливо считаетъ онъ увѣренность и желаніе несводимыми на ощущенія и тѣмъ, выходя изъ рядовъ сенсуалистовъ, долженъ быть включенъ въ категорію *полупозитивистовъ*. Однако, онъ при этомъ, по моему, ошибается, думая, что увѣренность есть *первоначальная* психическая сила. Увѣренность и противоположное ей сомнѣніе суть уже производныя и сложныя психическія состоянія, въ которыя входятъ акты психическихъ функций: мышленія и чувства (воли). Далѣе, желаніе, или воля, конечно, есть нѣчто первоначальное, но у Тарда неясно, отождествляетъ ли онъ волю съ чувствомъ, или же считаетъ раздѣльными. Если же раздѣляетъ, то тогда почему не считаетъ онъ чувство (эмоцію) столь же основною силою, какъ и волю, или желаніе. Потомъ я еще долженъ указать на

важную, по моему, ошибку у Тарда въ томъ, что онъ считаетъ пространство и время и, далѣе, увѣренность и желаніе *количествами*. Не только желаніе и увѣренность, но и пространство съ временемъ вовсе *не суть* количества. Впрочемъ, эту ошибку Тардъ раздѣляетъ со многими философами *), которые считаютъ величину, или количество, реальностью, существующею о себѣ, тогда какъ это—только продукты нашего мышленія, сравнивающаго свои объекты съ точки зрѣнія категоріи величины. Для меня очевидно, что Тардъ впалъ въ эту ошибку отъ *постыжнаго* желанія ввести въ науку о психическихъ состояніяхъ элементы, которые сдѣлали бы ее похожею на естественныя науки, представляющіяся и ему, вмѣстѣ съ позитивистами и полупозитивистами, *образцомъ* знанія и достовѣрности. Подобно имъ, и Тардъ тихомолкомъ субстанціируетъ пространство и время и, такъ какъ эти идеи (при помощи фантазіи) у людей (но не у животныхъ) довольно рано подвергаются сравненію, измѣренію, счету, то и не замѣчаетъ, что они дѣлаются количествами только *условно*, въ сравниваемомъ (измѣряемомъ) человѣческомъ мышленіи, а потому вмѣстѣ съ ними субстанціируется и ихъ *количественность*. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ этимъ уже кладутся незыблемыя основанія для философскаго дуализма духа и матеріи и для обычнаго затѣмъ наклона къ матеріализму. Впрочемъ, Тардъ, сколько мнѣ извѣстно, и не клянется, подобно Фуллье, быть правовѣрнымъ монистомъ. Отъ того же поспѣшнаго стремленія *опозитивить* науку объ обществѣ, или поставить ее на ряду съ естествознаніемъ, происходятъ и *неправильныя* аналогіи, въ которыхъ Тардъ отождествляетъ повторенія въ наслѣдствен-

*) Пространство и время суть точки зрѣнія, съ которыхъ мы совершаемъ наши акты мышленія, когда упорядочиваемъ или *въ* наши состоянія (во времени—прежде, послѣ, потомъ), или же *только* ощущенія (въ пространствѣ—рядомъ, подлѣ). Конечно, пространство и время, какъ и само ощущеніе, допускаютъ приложеніе къ нимъ актовъ мышленія съ точки зрѣнія величины, или количества, но сами они никакъ не количества; количество нигдѣ, кромѣ какъ въ этихъ актахъ нашего сравнивающаго мышленія, не существуетъ.

ности и въ подражаніи съ повтореніями въ волнообразномъ движеніи атомовъ и молекулъ. Въдь, отождествлять наслѣдственность, или социальное подражаніе, съ механическими движеніями, состоящими въ перемѣнѣ мѣста въ пространствѣ, можно только *фигурально*, въ переносномъ смыслѣ, и слѣдовательно, дѣлать заключенія по аналогіи тогда, когда термины, которыми выражаются аналогизируемые предметы, въ одномъ случаѣ берутся въ прямомъ, а въ другомъ— въ переносномъ смыслѣ,—неправильно; отсюда можно получить только ложное умозаключеніе по аналогіи.

Но такія же погрѣшности и невыработанность понятій встрѣчаемъ мы и въ специальной области Тарда, — социологіи. Такъ, напримѣръ, онъ вѣрно включилъ подражаніе *) въ факторы общественной жизни, а между тѣмъ не сдѣлалъ попытки объяснить, почему посредствомъ подражанія осуществляется *соціализація*, или общность въ языкѣ, образованіи, воспитаніи, идеяхъ, нравахъ и т. под. Иначе говоря, онъ не остановился надъ вопросомъ о происхожденіи подражанія **) и не попытался разрѣшить его, хотя бы съ точки зрѣнія какой-либо гипотезы. Но если бы кто-либо, становясь на позитивистическую точку зрѣнія, возразилъ за Тарда, что ему вовсе не было надобности входить въ метафизическія гипотезы и можно было удовлетвориться простымъ „научно-констатированнымъ фактомъ“ подражанія, то слѣдующій упрекъ кажется мнѣ уже ничѣмъ не устранимымъ, а именно: Тардъ *не далъ опредѣленія* понятію подражанія, потому что красивая фраза: „подражаніе есть видъ сомнамбулизма“, есть только фраза, но не настоящее опредѣленіе, потому что сомнамбулизмъ есть частный и притомъ аномальный случай, а подражаніе у

*) Правда, подражаніе поставлено у него слишкомъ односторонне, ибо однимъ этимъ факторомъ нельзя объяснить социализаціи въ ея цѣломъ.

**) Корень этого важнаго понятія лежитъ, по моему, сперва въ координаціи актовъ различныхъ дѣятельностей въ сферѣ одной субстанціи и, далѣе, въ сферѣ взаимодействія каждой субстанціи съ другими въ системѣ цѣлаго міра.

Тарда есть нормальный общественный процессъ. Впрочемъ, Тардъ, по моему, вообще не имѣетъ права укрываться отъ гипотезъ подъ знамя чистаго позитивизма, потому что онъ позволяетъ себѣ совершенно *не научныя*, сказалъ бы строгій позитивистъ, предположенія. Такъ, въ статьѣ о дарвинизмѣ онъ, правда, недостаточно ясно, дѣлаетъ предположенія, что въ физическихъ молекулахъ или даже въ атомахъ есть какія-то первоначальныя *внутреннія психическія состоянія*, такъ что эти основные дѣятели природы производятъ не только все разнообразіе явленій міра физическаго (волны свѣта, теплоты, электричества и проч.), но и первоначальныя ощущенія, мысли, желанія и чувства. Вотъ въ этомъ-то пунктѣ и заключалась, по моему, для Тарда возможность метафизическаго объясненія какъ факта подражанія, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и факта первоначальнаго изобрѣтенія; но онъ уклонился отъ этого объясненія въ обычный *asylum ignoantiae*, или признаніе случайности. Но если бы онъ сдѣлалъ попытку къ метафизической гипотезѣ, то, по моему, весьма вѣроятно столкнулся-бы съ двумя затруднительными для него *понятіями* — *телеологій* и *субстанцій*. Какъ видно изъ разныхъ его сочиненій, вообще онъ вовсе не относится къ телеологій отрицательно по принципу, подобно Фуллье и Гюйо: но для него было бы весьма трудно и даже невозможно — провести безъ грѣховъ противъ логики телеологическое объясненіе изобрѣтенія и подражанія при томъ условіи, чтобы послѣдними принципами этого объясненія были молекулы и атомы, хотя бы и снабженные какими-либо внутренними состояніями. Что же касается до понятія субстанцій, то Тардъ, конечно, признаетъ наше „я“ практически, или „въ обыкновенномъ смыслѣ“, по выраженію Тэна, не различая при этомъ понятій субстанцій и личности *).

*) Кстати должно замѣтить, что Тардъ весьма энергично отстаиваетъ дѣйствительность и тождественность индивидуума или лица, когда касается понятія юридической *ответственности* и когда оспариваетъ нѣкоторыя современныя уголовныя теоріи, рассматривающія преступника, какъ естественный

Итакъ, изъ всего предыдущаго несомнѣнно, что Тардь ничѣмъ, кромѣ различій индивидуальныхъ, а также зависящихъ отъ главнаго предмета его философской дѣятельности, не отличается отъ Фуллье и Гюйо и имѣеть полное право войти въ одну съ ними категорію полупозитивистовъ.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только возможно кратко сказать, что я разумѣю подъ французскимъ *полупозитивизмомъ*.

Хотя это направленіе и вышло изъ позитивизма въ качествѣ реакціи противъ него, но все-таки носить на себѣ многіе его признаки. Оно отрекается отъ господствовавшихъ прежде направленій философіи во Франціи: *стиритуализма* и *матеріализма*; но точно такъ же не согласно оно и съ *позитивизмомъ*, который возникъ тамъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ англійской философіи и который нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было даже считать преобладающимъ. Въ основаніи болѣе чистаго позитивизма лежитъ *сенсуалистическая теорія познанія*, по которой, хотя и признается на ряду съ чувственнымъ познаніемъ умственное, но оно всецѣло сводится на чувственное, такъ что умственное никакого самостоятельнаго и реальнаго значенія не имѣеть. Поэтому, при образованіи на узкомъ базисѣ этой теоріи познанія цѣлыхъ философскихъ ученій и системъ, сенсуализмъ (или чистый позитивизмъ), въ силу *требованій мыслящаго разума*, неизбежно впадаетъ въ метафизику матеріализма, все-таки, хотя и обманчиво, но удовлетворяющаго этимъ требованіямъ, и именно научнаго матеріализма, который ищетъ и находитъ въ естественныхъ наукахъ *альфу* и *омегу* всяческой *реальности* и *достоверности*, не понимая того, что, въ строгомъ смыслѣ слова, никакого внѣшняго опыта и познанія нѣтъ, такъ какъ ощущенія принадлежать также къ внутреннему опыту, и что естественныя науки стоятъ только на условныхъ понятіяхъ и имѣютъ *условное*,

продуктъ природы, невмѣняемый въ смыслѣ юридическомъ. Но все-таки онъ въ принципѣ относится къ субстанціальности нашего «я» такъ же, какъ и другіе позитивисты и полупозитивисты.

символическое значеніе. Полупозитивизмъ и представляетъ *реакцію* противъ сенсуалистическо-позитивистическаго направленія, хотя ясно и не сознаетъ такого своего происхожденія и значенія. Не удовлетворяясь сенсуалистической или даже скептической теоріей познанія, полупозитивизмъ признаетъ реальностью не одно только ощущеніе, данное, по его ошибочному мнѣнію, во внѣшнемъ чувственномъ опытѣ, но хочетъ признать ее и за другими психическими дѣятельностями человѣка, данными во внутреннемъ опытѣ непосредственнаго сознанія. Но такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ позитивизмомъ, считаетъ за исходную точку истиннаго и достовѣрнѣйшаго философскаго познанія естественныя науки, то впадаетъ въ разныя неразрѣшимыя затрудненія и противорѣчія (напримѣръ, субстанцируетъ понятія и представленія), какъ это мы видѣли на примѣрѣ Фуллье *). Но и въ этомъ пунктѣ признанія реальными различныхъ другихъ психическихъ дѣятельностей, а не одного ощущенія, полупозитивизмъ не освобождается отъ важнаго заблужденія. Вѣдь, еще *недостаточно* признать *реальными* волю, чувство, разумъ или идею; нужно признать реальною и субстанцію человѣка, потому что всѣ эти функціи, сами по себѣ, въ отдѣльности не существуютъ, а *существуютъ* только различно *координированными* въ томъ существѣ, которое въ нихъ проявляется и дѣйствуетъ, именно,—въ человѣческой субстанціи. Отсюда, если признаются реальными только эти функціи (акциденціи), но не признается таковымъ ихъ носитель (субстанція), то даже и такіе талантливые люди, какъ, напримѣръ, Фуллье, неизбѣжно впадаютъ въ разныя *ошибки* и *недоразумѣнія*.

А. Козловъ.

---

*) Изъ того, что я выбралъ Фуллье, Гюйо и Тарда представителями этого направленія вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не было другихъ второстепенныхъ и менѣе извѣстныхъ представителей.

Споръ разсудна съ вѣрой.

Помѣщенная въ 18-й книгѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ статья моя—„Вѣра и знаніе“—вызвала замѣчанія профессора А. Ив. Введенскаго. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принимаюсь я за отвѣтъ ему, что это даетъ мнѣ возможность нѣсколько полнѣе развить мысли, выраженные въ указанной статьѣ довольно сжато. Всю статью „О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію“ *) г. Введенскій начинаетъ возраженіями мнѣ и затѣмъ, какъ бы расчистивъ такимъ образомъ почву, излагаетъ уже и свои воззрѣнія на сущность вѣры.

Отвѣтивъ на слѣданныя мнѣ замѣчанія, я позволю себѣ высказать также и мой взглядъ на воззрѣнія самого г. Введенскаго.

Считаю нужнымъ напомнить, что въ статьѣ моей я далъ такое опредѣленіе вѣры и знанія: знаніе есть сужденіе, признанное истиной послѣ логической провѣрки его разсудкомъ; а вѣра—сужденіе, признанное истиной безъ такой провѣрки. Затѣмъ я вывелъ три вида вѣры: 1) вѣру наивную, возникающую въ человѣкѣ до пробужденія въ немъ критической дѣятельности разсудка, 2) вѣру слѣпую, вызванную страстнымъ чувствомъ, заглушающимъ голосъ разсудка, и 3) вѣру сознательную, состоящую въ признаніи чего-либо за истину уже не при полномъ молчаніи разсудка, какъ въ первыхъ двухъ видахъ, но *наперекоръ его протесту*.

*) См. кн. 20 и 21 „Вопр. фил. и псих.“

По поводу этого дѣленія г. Введенскій замѣчаетъ, что я указаль лишь на количественное, а не на существенное различіе между слѣпою и сознательною вѣрой. И въ томъ, и въ другомъ видѣ, говоритъ онъ, разумокъ заглушенъ насильственно, но съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ вѣрѣ слѣпой онъ заглушенъ вполне, а въ сознательной еще высказываетъ порою свои протесты.

Нельзя не признать справедливости этого замѣчанія. Дѣйствительно, въ началѣ моей статьи различіе между слѣпою и сознательною вѣрой выражено недостаточно ясно; но, думается мнѣ, при внимательномъ чтеніи всей статьи могло бы выясниться то, въ чемъ я полагаю ихъ существенное различіе. Итакъ, спѣшу исправить указанный недостатокъ и утверждаю теперь, что сознательная вѣра такъ же, какъ и слѣпая, основана на чувствѣ, заглушающемъ протестъ разсудка; но между тѣмъ, какъ слѣпая вѣра вызывается чувствомъ, иногда, можетъ быть, и почтеннымъ, но не необходимымъ въ природѣ человѣка,—вѣра сознательная въ своихъ двухъ догматахъ (свобода воли и бытіе Божіе) неразрывно связана съ двумя *коренными* чувствами, безъ которыхъ немислимъ человѣкъ—существо сознательно дѣйствующее. Вотъ эти два чувства:

1) Чувство своего *я*, самостоятельно противостоящаго внѣшнему міру, рѣшающагося дѣйствовать такъ, а не иначе, и могущаго,—конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ,—сообразно своему рѣшенію измѣнить заранѣе предопредѣленный ходъ внѣшнихъ событій. Съ этимъ чувствомъ неразрывно соединено представленіе свободы воли, т.-е. того, что выборъ мною одного изъ двухъ противоположныхъ дѣйствій не подчиненъ никакой необходимости, какъ подчинены ей всѣ явленія внѣшняго міра.

Ни одно самое незначительное дѣйствіе, если только оно совершается сознательно, т. е. по заранѣе намѣченному плану, не мыслимо безъ представленія свободы воли, которое *implicite* заключается въ обдумываніи всякаго плана. Для чего бы, въ самомъ дѣлѣ, сталъ я обдумывать, какъ

мнѣ поступить, если бы я былъ вполне убѣжденнымъ предетерминистомъ, т. е. зналъ бы несомнѣнно, что всѣ мои поступки заранѣе предопредѣлены съ желѣзною необходимостью? А такъ какъ я не могу не обдумывать своихъ поступковъ, то не могу и проникнуться предетерминизмомъ, отказавшись отъ вѣры въ свободу воли, какъ бы эта вѣра ни казалась нелогичной. Вполнѣ убѣжденный предетерминистъ превратился бы изъ человѣка въ автоматъ.

2) Коренное чувство, съ которымъ неразрывно связано представление Бога, — міроуправящаго разума-воли, — я назвалъ бы *космическимъ чувствомъ*. Тѣсныя предѣлы моей отвѣтной статьи не позволяютъ мнѣ высказать опредѣленнѣе, что я разумѣю подъ космическимъ чувствомъ, и тѣмъ самымъ оправдать предложенное мною названіе. Ограничиваюсь здѣсь лишь указаніемъ на это чувство.

Но можетъ ли оно быть признано кореннымъ, какъ первое чувство, т. е. можно ли утверждать, что человѣкъ, лишенный его, такъ же немислимъ, какъ лишенный чувства своего дѣятельнаго я? Категорически отвѣчать на этотъ вопросъ я не рѣшаюсь, но думаю, что если и есть люди, лишенные космическаго чувства, то они, вмѣстѣ съ нимъ, лишены и эстетическаго чутья и истинной нравственности, т. е. способности безкорыстно служить безусловному благу, и могутъ только носить маску такого служенія, прикрывая ею стоящій у нихъ на первомъ планѣ эгоизмъ.

Но хотя бы это космическое чувство и не всѣмъ было присуще, оно можетъ быть признано кореннымъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ зрѣніе признается коренною способностью, хотя есть и слѣпорожденные, и ослѣпшіе. Какъ слѣпые признаются ненормальными, такъ и лишенные космическаго чувства должны быть признаны или психически недоразвившимися, или лишенными кореннаго задатка.

Два вышеуказанныхъ коренныхъ чувства, въ своей неразрывной связи съ двумя догматами сознательной вѣры, вызываютъ и коренную дѣятельность человѣка: чувство свободнаго я вызываетъ всякую сознательную дѣятельность

вообще; а космическое чувство Бога вызываетъ: во-1-хъ, науку въ ея эстетическомъ, а не утилитарномъ духѣ, во-2-хъ, добродѣтель, т. е. безкорыстное служеніе безусловному благу.

Если кто-нибудь, кромѣ указанныхъ мною двухъ догматовъ: свободы воли и бытія Божія, считаетъ нужнымъ признать еще третій, четвертый и т. д. догматъ, пусть укажетъ на третье и четвертое коренное чувство, съ догматомъ связанное; я же третьяго чувства не вижу, а потому не вижу и третьей истины, которая могла бы быть названа догматомъ сознательной вѣры.

Спѣшу, впрочемъ, оговориться: два названные мною догмата я считаю не вообще единственными, но лишь единственными *основными* догматами. Есть, конечно, и еще догматы, аналитически выведенные изъ основныхъ, напимѣръ, догматъ безусловнаго блага, выведенный изъ догмата бытія Божія. Наибольшую же важность имѣетъ синтетически составленный изъ обоихъ основныхъ догматъ нравственнаго долга, т.-е. обязательнаго подчиненія свободной воли чловѣка міровой божественной волѣ.

Въ неразрывной связи съ коренными чувствами заключается сила, которую сохраняютъ догматы вѣры *наперекоръ протесту разсудка*. На этомъ протестѣ разсудка я особенно настаиваю, такъ какъ вижу въ немъ главнѣйшую психическую особенность, отличающую чловѣка отъ другихъ животныхъ. Особенность эта состоитъ во внутренней борьбѣ психическихъ элементовъ, усложняющей въ чловѣкѣ общеживотную борьбу съ внѣшнимъ міромъ за существованіе. Но именно на этотъ протестъ разсудка г. Введенскій направилъ главную силу своихъ возраженій мнѣ.

Г. Введенскій полагаетъ, что подавленный протестъ разсудка направленъ лишь противъ утвержденій вѣры слѣпой; догматы же сознательной вѣры онъ относитъ къ весьма обширной, по его словамъ, области вѣры, *допускаемой* разсудкомъ. Подъ этою, допускаемою разсудкомъ, областью вѣры онъ разумѣетъ довольно значительное число истинъ,

которыя разсудокъ одинаково вправѣ и признавать, и отрицать,—напримѣръ: Богъ есть и Бога нѣтъ, душа безсмертна и смертна, міръ сотворенъ и несотворенъ, и множество другихъ.

Въ этой области, полагаетъ онъ, развиваются два вида вѣры: суетная и сознательная. Установленію предѣловъ допускаемой разсудкомъ вѣры посвящена первая часть статьи г. Введенскаго. Установивъ ихъ, онъ во второй части пытается открыть въ этихъ предѣлахъ тѣ истины, которыя онъ признаетъ догматами вѣры сознательной въ отличіе отъ суетной.

Какъ же опредѣляются границы этой области?

По мнѣнію г. Введенскаго, философскія открытія Юма и Канта сдѣлали человѣческой разсудокъ до крайности сговорчивымъ и готовымъ соглашаться на такія положенія, на которыя онъ ни за что не далъ бы своего согласія, не подвергшись Юмо-Кантовской дрессировкѣ. Г. Введенскій такъ прямо и утверждаетъ, что „нашъ разсудокъ, узнавши законъ Юма, находитъ себя поставленнымъ вслѣдствіе этого въ такое положеніе, что теперь относительно многихъ объектов онъ *логически обязанъ* считать *одинаково* позволительными діаметрально противоположныя сужденія“ (кн. 20, стр. 172).

Самый же законъ Юма г. Введенскій формулируетъ такъ: „связь причины съ дѣйствіемъ имѣетъ синтетической характеръ (т.-е. рационализированію не поддается) и познается нами не иначе, какъ при помощи прежняго или новаго опыта“ (стр. 172). Позволю себѣ указать на крупную ошибку, заключающуюся въ этой формулировкѣ, предложенной г. Введенскимъ.

Юмъ не утверждалъ, что причинная связь *познается* при помощи опыта. Опытное познаніе причины догматически предполагалось предшествующими ему эмпириками: Бэкономъ и Локкомъ, а самъ Юмъ утверждалъ какъ разъ противоположное,—что причинная связь *не познается* изъ опыта. Юмъ утверждалъ, что опытъ показываетъ намъ только постоянную *временную* послѣдовательность двухъ событій, не-

обходимой же *причинной связи* между ними мы не видимъ и, только благодаря воображенію, основанному на привычкѣ, придаемъ безъ всякаго основанія къ опытному *post hoc* метафизическое *propter hoc*. Такимъ образомъ, признавая, какъ и предшествующіе ему эмпирики, *раціональную* непознаваемость причинной связи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаи ея *эмпирическую* познаваемость, Юмъ обратилъ понятіе причины въ иллюзію, а основанныя на ней опытыя науки низвелъ со степени достовѣрныхъ знаній на степень болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Такимъ образомъ, Юмъ первый изъ эмпириковъ въ своей прямолинейной послѣдовательности заподозрилъ аксіому причинности, гносеологическую полноправность которой возстановилъ потомъ Кантъ въ „Критикѣ чистаго разума.“ Но правильна или нѣтъ предложенная г. Введенскимъ формулировка закона Юма, несомнѣнно только то, что самъ онъ вполне проникнуть спектицизмомъ Юма и считаетъ аксіому причинности послѣ него упраздненной, а потому утверждаетъ, что разсудокъ, узнавши законъ Юма, *логически обязанъ* теперь считать одинаково позволительными діаметрально противоположныя сужденія о многихъ объектахъ.

Этимъ самымъ г. Введенскій чрезвычайно расширяетъ область вѣры, допускаемой разсудкомъ. Такую податливость разсудка онъ желаетъ наглядно доказать на догматѣ загробной жизни. Даже матеріалистъ, говоритъ онъ (кн. 20, стран. 173), рѣшительно отвергавшій прежде загробную жизнь, обязанъ теперь признать ея возможность. Матеріалистъ, думаетъ онъ, считающій физиологическую жизнь головного мозга причиною душевной жизни, могъ прежде, опираясь на положеніе: *cessante causa cessat effectus* и зная, что жизнь мозга (*causa*) прекращается со смертію, считать и душевную жизнь (*effectus*) прекращенной; но теперь, съ упраздненіемъ, благодаря открытію Юма, обязанности вышеприведеннаго положенія, мы обязаны считать возможнымъ и безпричинное существованіе чего бы то ни было, а потому и матеріалистъ обязанъ теперь считать безпри-

чинную загробную жизнь возможно. Итакъ, очевидно, г. Введенскій признаетъ аксіому причинности упраздненной Юмомъ. Я лично признать этого не могу и, хотя вполнѣ согласенъ и со всѣми эмпириками вообще, что причинная необходимость не можетъ быть выведена рационально, и съ Юмомъ въ частности, что она не можетъ быть усмотрѣна въ опытѣ, тѣмъ не менѣе признаю *логическую* необходимость этой аксіомы, т. е. полагаю, что съ упраздненіемъ закона причинности, который есть модификація основного закона логики, закона тождества и противорѣчія, упраздняется и самый этотъ законъ и дѣлается невозможнымъ мышленіе о какомъ бы то ни было предметѣ. Не такъ, по видимому, думаетъ г. Введенскій. Продолжая доказывать, что даже матеріалистъ теперь логически обязанъ считать возможнымъ продолженіе жизни послѣ смерти, несмотря на прекращеніе со смертію причины ея, г. Введенскій говоритъ (кн. 20, стр. 173): „опытъ свидѣтельствуемъ, что существуютъ такія дѣйствія, которыя, разъ возникши, продолжаютъ *вѣчно*, несмотря на прекращеніе вызвавшей ихъ причины“.

Прежде всего въ этихъ словахъ меня удивляетъ подчернутое мною слово *вѣчно*, — особенно удивляетъ въ устахъ философа, стоящаго на точкѣ зрѣнія Юма: вѣдь главное значеніе Юма и состоитъ въ указаніи имъ той истины, что ничто вѣчное не усматривается въ опытѣ. Но если даже и принять это слово за невольный *lapsus linguae*, то все-таки, вникнувъ въ смыслъ приведенной фразы, нельзя не видѣть въ ней вопіющаго нарушенія логики. Въ самомъ дѣлѣ, если мы какое-нибудь явленіе *a* считаемъ причиною другого явленія *b* и видимъ, однако, на опытѣ, что *b* продолжается, не смотря на прекращеніе *a*, то логика обязываетъ насъ не къ тому выводу, что дѣйствіе продолжается безъ причины, а лишь къ тому, что мы *ошибочно* считали *a* причиною *b*, что оно или вовсе не стоитъ къ *b* въ причинномъ отношеніи, или служить причиною не самого *b*, а лишь какой-нибудь качественной или количественной модификаціи его, которая,

конечно, и прекращается съ прекращеніемъ вызвавшей ее причины. Такъ, если бы матеріалистъ могъ какъ-нибудь убѣдиться, что жизнь, дѣйствительно, продолжается по разрушеніи организма; онъ долженъ былъ бы убѣдиться и въ томъ, что функціи этого теперь разрушеннаго организма были причиною не самой жизни, но лишь нѣкоторыхъ качественныхъ опредѣленій ея, которыя, безъ сомнѣнія, и уничтожились вмѣстѣ съ организмомъ. Итакъ, никакой опытъ не можетъ упразднить апіорнаго правила: *cessante causa cessat effectus*, ибо упразднить его значило бы признать, что нѣчто можетъ происходить и безъ причины, изъ ничего, что *a* можетъ быть и не *a*,—а вѣдь это было бы ниспроверженіемъ всякой логики. Слѣдовательно, если такъ называемый матеріалистъ допускаетъ возможность продолженія жизни по смерти, а такъ называемый спиритуалистъ возможность ея прекращенія, то происходитъ это не потому, чтобы Юмъ давалъ имъ на это разрѣшеніе, а просто потому, что ни тотъ, ни другой не знаютъ ни сущности жизни, ни сущности смерти, а потому не знаютъ и того, прекратится ли со смертію причина жизни, или нѣтъ. Итакъ, вышеприведенныя слова г. Введенскаго, что, узнавши законъ Юма, разсудокъ *логически обязанъ*, относительно многихъ объектовъ, считать одинаково позволительными діаметрально противоположныя сужденія, заключаютъ въ себѣ странную мысль, что законъ Юма логически обязываетъ нарушать логику. Если, дѣйствительно, о какомъ-нибудь предметѣ позволительны діаметрально противоположныя сужденія, то логически *непозволительно* что-либо говорить о такомъ предметѣ, кромѣ того лишь, что мы его не знаемъ, ибо всякія другія разсужденія будутъ разглагольствованіемъ безъ достаточнаго основанія, нетерпимымъ логикой.

Но г. Введенскій, повидимому, не считаетъ такое разглагольствованіе непозволительнымъ и все съ тою же цѣлью, чтобы доказать возможность загробной жизни, заводитъ длинныя разсужденія о ней (стр. 173—175), къ которымъ я и отсылаю интересующагося читателя, самъ не подвергая

ихъ разбору. Не могу, впрочемъ, не остановиться на одномъ мѣстѣ этихъ рассужденій, которое кажется мнѣ особенно любопытнымъ. Если, говоритъ г. Введенскій, въ дѣлѣ о допущеніи возможности загробной жизни руководиться указаніемъ опыта, то посредствомъ аналогіи можно придти къ такому заключенію: такъ какъ послѣ смерти матерія тѣла (субстратъ душевной жизни) какъ бы растворяется во всей остальной матеріи, то и душевная жизнь отъ этого расширяется (?). Ея носителемъ послѣ смерти тѣла служить *вся земля* *) (а не тѣсныя только предѣлы того кладбища, гдѣ тѣло растворилось?—осмѣлюсь я спросить), и въ новой душевной жизни теперь уже прямо, безъ помощи фізіологической дѣятельности органовъ чувствъ, будетъ отражаться какъ космическая жизнь земли, такъ и жизнь всѣхъ организмовъ (стр. 175).

Не думаю, чтобы разумокъ не протестовалъ противъ такихъ заключеній изъ опыта, хотя бы и посредствомъ аналогіи. Впрочемъ, и самъ г. Введенскій, какъ бы снисходя къ подобному заключенію, говоритъ, что „пожалуй, можно“ сдѣлать его.

Показавъ, какъ расширены Юмомъ предѣлы допускаемой разумкомъ вѣры, г. Введенскій говоритъ, что Кантъ расширилъ ихъ еще болѣе. Сдѣлалъ же онъ это, указавъ на различіе вещей въ себѣ и явленій и доказавъ, что апріорныя идеи и логическіе законы, обязательныя въ сужденіи о явленіяхъ, не обязательны въ сужденіи о вещахъ въ себѣ. Поэтому, думаетъ г. Введенскій, о предметахъ вѣры: Богъ, міръ и свободной волѣ, которые принадлежать къ вещамъ въ себѣ, можно судить, не стѣсняясь даже основнымъ закономъ логики, запрещающимъ противорѣчіе.

Но возможно ли судить о чемъ бы то ни было, даже о вещахъ въ себѣ, не подчиняясь законамъ логики? Самъ Кантъ, утверждая неприменимость категорій къ вещамъ въ себѣ, прилагалъ ихъ, однако, къ нимъ, считая вещи въ себѣ

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

причиною міра явленій. Вѣдь, всякія разсужденія о томъ, къ чему неприменимы законы логики, будутъ опять-таки разглагольствованіемъ вкривь и вкось, противъ котораго разсудокъ, конечно, протестуетъ. Если вещи въ себѣ таковы, то о нихъ можно сказать лишь одно, что мы ихъ не знаемъ и не можемъ знать. Ужели же различныя, выдаваемые за истину, антропоморфическія толкованія о Богѣ не встрѣтятъ протеста со стороны разсудка? Благодаря Канту, не встрѣтятъ, — думаетъ г. Введенскій. Юмъ, говоритъ онъ, еще не уполномочивалъ насъ вѣрить въ реальность какого-нибудь объекта, если его понятіе содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, а Кантъ далъ и это разрѣшеніе относительно вещей въ себѣ. Станнымъ является съ этой точки зрѣнія прогрессъ философской мысли: онъ какъ будто совпадаетъ съ расширеніемъ области ничѣмъ не сдерживаемаго разглагольствованія. Г. Введенскій какъ бы спѣшитъ воспользоваться полученнымъ отъ Канта разрѣшеніемъ и, начиная съ 189 до 201 страницы, ведетъ мало назидательныя разсужденія о возможности допустить сотвореніе міра не только за семь тысячъ лѣтъ до нашего времени, но даже и въ началѣ 19-го столѣтія, даже за нѣсколько мгновеній до настоящей минуты, — сотвореніе міра со всѣми зданіями, книгами, учрежденіями, — словомъ, со всѣмъ, что есть въ немъ теперь.

Но если бы даже и согласиться съ г. Введенскимъ, что разсудокъ не протестуетъ противъ разглагольствованій о вещахъ въ себѣ, — Богъ съ ними, съ вещами въ себѣ, до которыхъ мы никогда не доберемся, — дѣло-то вѣдь, однако, въ томъ, что главнымъ образомъ разсудокъ протестуетъ противъ вмѣшательства вѣры въ область явленій, которыя онъ считаетъ себя призваннымъ истолковывать, — протестуетъ, такъ какъ это вмѣшательство препятствуетъ ихъ истолкованію.

Истолковывать явленія значить убѣждаться въ необходимости ихъ происхожденія. Въ своей истолковывающей дѣятельности разсудокъ отправляется, какъ отъ гипотезы-

аксіомы, отъ міросозерцанія почти одинаковаго съ міросозерцаніемъ Спинозы, а именно, что міръ есть единая, вѣчная субстанція, жизнь которой проявляется въ рядѣ необходимо вытекающихъ изъ нея и другъ изъ друга модусовъ—явленій. Но только методъ созидающаго науки разсудка діаметрально противоположенъ методу, которымъ пытался идти Спиноза. Исходя отъ идеи будто бы непосредственно познаваемой единой субстанціи, Спиноза путемъ аргюи шель къ объясненію необходимости происхожденія модусовъ; разсудокъ же путемъ аргюи постериори идетъ отъ многихъ, преходящихъ, усматриваемыхъ на опытѣ явленій къ единой, вѣчной, неизвѣстной субстанціи, познать которую, хотя бы отчасти, онъ надѣется не иначе, какъ усмотрѣвъ необходимость ряда явленій. Такимъ образомъ, совпадающая съ идеей субстанціи, идея необходимости является и начальнымъ предположеніемъ, и конечною цѣлью разсудка. Безъ этой идеи немислима функція разсудка — мышленіе. Но даже соглашаясь съ эмпириками, что необходимость связи причины и дѣйствія не можетъ быть выведена рачіонально, аргюи, соглашаясь и съ Юмомъ, что она не усматривается и въ опытѣ, разсудокъ однако не можетъ не признавать, такъ сказать, метафизическаго (подземнаго, по выраженію Шопенгауэра) значенія непонятной и невидимой необходимости. Такимъ образомъ, усматривая на опытѣ лишь фактъ сочетанія двухъ элементарныхъ явленій, напримѣръ—толчка и движенія, и возведя этотъ непонятный фактъ въ законъ, разсудокъ стремится истолковывать явленія сложныя, т.-е. понять необходимость ихъ происхожденія, ихъ тождество съ сочетаніемъ всѣхъ элементовъ, вызвавшихъ эти явленія, подобно тому какъ въ ариѣметикѣ усматривается тождество суммы съ сочетаніемъ всѣхъ слагаемыхъ. Такимъ образомъ, незыблемо устанавливаются и несомнѣнно развиваются такія точныя науки, какъ механика и физика, не только эмпирически знающія, но и рачіонально понимающія явленія, входяшія въ ихъ сферу, т.-е. усматривающія ихъ необходимость и безошибочно ихъ предсказывающія.

Ища убѣдиться въ необходимости сложныхъ явленій, разсудокъ въ своихъ поискахъ, въ мышленіи, руководствуется законами логики: основнымъ закономъ ея, закономъ тождества и противорѣчія, который, какъ метафизическая истина, высказываетъ бытіе единой и неизмѣнной субстанціи, и закономъ достаточнаго основанія, который есть лишь модификація закона тождества и, какъ метафизическая истина, высказываетъ необходимость происхожденія модусовъ — естественныхъ явленій — изъ субстанціи.

Идея естественной необходимости, постулатъ разсудка, діаметрально противоположна идеѣ свободы, постулату сознательной воли. Представленіе необходимости есть представленіе безусловной невозможности противоположнаго; а на естественныя явленія мы иначе и смотрѣть не можемъ, какъ на необходимый результатъ ихъ налично существующаго достаточнаго основанія. Иногда, повидимому, мы признаемъ одинаковую возможность двухъ противоположныхъ естественныхъ явленій; такъ, мы думаемъ, что дождь можетъ пойти и не пойти. Но вѣдь мы при этомъ знаемъ, что такая одинаковая возможность есть не дѣйствительная, но только кажущаяся намъ возможность, происходящая лишь отъ незнанія нами существующихъ въ настоящую минуту условій, изъ которыхъ съ необходимостью выйдетъ лишь одно явленіе, обнаруживъ бывшую невозможность явленія противоположнаго.

Но представленіе свободы есть представленіе не мнимой только, а дѣйствительной возможности совершать любой изъ двухъ противоположныхъ поступковъ. А потому, когда одинъ изъ нихъ совершился, онъ не обнаруживаетъ бывшей невозможности другого, и мы вмѣняемъ въ заслугу или вину совершителю, что онъ не воспользовался этою возможностью; но вѣдь нельзя вмѣнять въ заслугу исполненіе физически необходимаго, а въ вину неисполненія невозможнаго. Такое убѣжденіе въ одинаковой возможности совершить одинъ изъ двухъ противоположныхъ поступковъ есть вѣра въ свободу воли, противорѣчащая всѣмъ законамъ логики.

Ибо признавать поступокъ свободнымъ, значить признавать его явленіемъ, совершившимся безъ естественнаго основанія; а такое явленіе, съ точки зрѣнія логическаго разсудка, было бы противоестественнымъ чудомъ,—невозможностью.

Итакъ, протестуя противъ догмата свободы, разсудокъ протестуетъ не противъ признанія какой-то трансцендентной сущности, но противъ приданія естественнымъ явленіямъ противоестественнаго характера.

То же самое мы должны признать и относительно протеста разсудка противъ догмата бытія Божія.

Вѣра въ Бога, какъ въ міровой разумъ и всемогущую волю, не ограничивается только признаніемъ Его бытія въ трансцендентномъ мірѣ, но соединена и съ признаніемъ силы нашей молитвы, т.-е. возможности вызвать Его сверхъестественное вмѣшательство въ необходимый ходъ естественныхъ явленій, измѣнить эту, съ точки зрѣнія разсудка, неизмѣнно установившуюся необходимость. Такимъ образомъ, вѣра въ бытіе Божіе соединена съ вѣрою въ чудо. Всякая молитва есть молитва о чудѣ. Ибо не имѣетъ смысла молиться о томъ, что само собою естественно должно совершиться; не имѣетъ смысла и молиться безъ вѣры въ чудо, т.-е. въ возможность нарушенія естественнаго порядка, а чудо—логическій абсурдъ. Итакъ, вѣра въ своихъ двухъ основныхъ догматахъ, въ догматѣ бытія безусловной божественной воли, могущей нарушить всякій естественный порядокъ, и въ догматѣ свободной воли человѣка, могущей нарушить этотъ порядокъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ,—вѣра опирается на идею чуда, противорѣчащую идеѣ необходимости, постулату всякаго мышленія. Непримиримая борьба вѣры съ логикой есть борьба этихъ двухъ идей, которыя обѣ неизбѣжно постулируются психическою природою человѣка, а ужиться вмѣстѣ не могутъ. Но хотя протестъ разсудка, главнымъ образомъ, направленъ противъ вмѣшательства вѣры въ область опыта, однако, разсудокъ не можетъ относиться безразлично и къ отвлеченнымъ сужденіямъ о сущности трансцендентныхъ объектовъ вѣры, къ

попыткамъ уяснить эту сущность; ибо всѣ такія сужденія большею частью подсказываются антропоморфизирующимъ воображеніемъ и, какъ исходящія изъ основанія, заключающаго въ себѣ внутреннее противорѣчіе, сами неизбежно страдаютъ противорѣчіемъ и являются такимъ образомъ празднымъ разглагольствованіемъ. Протестъ разсудка умолкаетъ только тогда, когда догматы вѣры, ограничиваясь лишь призначеніемъ бытія своихъ объектовъ и отказавшись отъ всякихъ дальнѣйшихъ теоретическихъ разъясненій, функционируютъ, какъ практическіе регуляторы сознательно дѣйствующей воли.

Въ спорѣ вѣры и разсудка разумъ, высшая инстанція въ человѣкѣ, говоритъ вѣрующей волѣ: дѣйствуй, не мудрствуя лукаво, по внушенію коренного чувства, — а разсудку: отыскивая, насколько можешь, достаточное основаніе явленій, помни, что въ самихъ явленіяхъ есть нѣчто тебѣ недоступное. Но дѣло только въ томъ, что обѣ стороны плохо внемлютъ этимъ наставленіямъ разума: вѣра, мудрствуя лукаво, т.-е. ударяясь въ рационализмъ, плодитъ бесплодные трактаты о вещахъ въ себѣ; разсудокъ, мняшій себя единственнымъ критеріемъ истины въ мірѣ явленій, насильственно пробивается за Геркулесовы столбы, туда, гдѣ небо сходится съ землею, — и спору между ними не видно конца.

Вотъ мой отвѣтъ на главное возраженіе г. Введеннаго, что будто бы разсудокъ не протестуетъ противъ догматовъ сознательной вѣры и что существуетъ обширная область вѣры, допускаемой разсудкомъ. Мнѣ лично область эта представляется мнимой, такъ какъ состоитъ или изъ разглагольствованій о вещахъ въ себѣ, не допускаемыхъ строгимъ разсудкомъ, или изъ сужденій о чудѣ, не допускаемыхъ уже никакимъ разсудкомъ.

О догматахъ вѣры не разсуждаютъ, но, при всей ихъ ирраціональности, имъ необходимо подчиняются, какъ регуляторамъ воли.

Ошибочность моихъ возрѣній на вѣру г. Введенскій объясняетъ предположеніемъ, что у меня не въ ладу умъ съ

сердцемъ (кн. 20, стр. 162). Да, онъ угадалъ,—такимъ разладомъ я страдаю; но думаю, что и самъ онъ имъ страдаетъ, и даже болѣе того—что имъ страдать всякій сознательно живущій. Ибо это страданіе, если только оно страданіе, есть характеризующая человѣка внутренняя борьба воли, руководимой идеей чуда, и мышленія, руководимаго идеей необходимости, — борьба, съ большею или меньшею силою происходящая во всякомъ человѣкѣ, хотя бы онъ и не признавалъ ее.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію того, что г. Введенскій называетъ суетною и сознательною вѣрой.

Въ широкой области вѣрованій, допускаемыхъ разсудкомъ, г. Введенскій различаетъ два вида вѣры: суетную и сознательную. Объекты той и другой таковы, что о нихъ одинаково возможны діаметрально противоположныя сужденія. Но все-таки, полагаетъ г. Введенскій, по какимъ-нибудь мотивамъ, человѣкомъ совершается выборъ одной изъ этихъ противоположностей. И вотъ, если эти мотивы ничтожны по своей внутренней цѣнности, то избранная вѣра будетъ суетной; а если они имѣютъ высокую цѣнность,—сознательной. Но странною кажется мнѣ мысль, будто бы вѣра зависитъ отъ мотивированнаго, т.-е. цѣлесообразнаго выбора сужденія, которое само по себѣ вовсе не имѣетъ силы, понуждающей къ принятію ее за истину, такъ какъ вѣдь одинаково возможно и сужденіе противоположное. Значитъ, если человѣкъ вѣритъ въ Бога, то онъ вѣритъ не потому, что не можетъ не вѣрить, но по какимъ-то инымъ соображеніямъ, которыя, если измѣнятся, то онъ, пожалуй, и перестанетъ вѣрить. Такое воззрѣніе, лишая вѣру характера произвольности, придаетъ ей характеръ какой-то цѣлесообразной искусственности.

Но въ чемъ же заключаются суетность и цѣнность мотивовъ избранія вѣры? Не давая разграничивающаго опредѣленія и довольствуясь лишь приведеніемъ примѣровъ той и другой вѣры, г. Введенскій предоставляетъ самимъ читателямъ сдѣлать такое опредѣленіе.

Если бы кто-нибудь, говорить онъ, *ради моды* проникся учениемъ матеріализма, бывшаго у насъ въ модѣ въ 60-хъ годахъ, то это было бы суетною вѣрой. Другой примѣръ: если бы *ради оригинальности* человѣкъ сталъ вѣровать, что міръ созданъ въ началѣ XIX вѣка (вѣдь, такое вѣрованіе дозволяется, благодаря открытіямъ Канта), то и это было бы вѣрой суетной. Ужели можетъ это быть удостоено названія вѣры, хотя бы и суетной? Вѣдь, всякая вѣра прежде всего есть убѣжденность. Ужели стремленіе прослыть передовымъ человѣкомъ или оригиналомъ можетъ придать эту убѣжденность фразерству одного и безумному бреду другого? Такая *вѣра* психически невозможна.

Но что же такое вѣра сознательная, и чѣмъ отличается она отъ суетной? Самъ г. Введенскій такъ опредѣляетъ ее: „она отличается отъ суетной тѣмъ, что возникаетъ и поддерживается подъ влияніемъ мотивовъ высокой цѣнности, а отнюдь не суетнаго характера“ (кн. 21, стр. 73). Но изъ этихъ словъ для пониманія сознательной вѣры не извлечешь болѣе того, что она отнюдь не суетна. Удовольствуемся же и для сознательной вѣры примѣрами, на которые г. Введенскій вообще болѣе щедръ, чѣмъ на точныя опредѣленія.

Вотъ примѣръ догмата сознательной вѣры — безсмертіе души. Разсудокъ одинаково можетъ и признавать его, и отрицать. Для чего же въ него вѣрять? Если согласиться съ воззрѣніемъ г. Введенскаго, то о догматахъ вѣры нужно спрашивать, не *почему*, а *для чего* въ нихъ вѣрять. Такъ, мы видѣли, что нѣкоторые вѣрять въ сотвореніе міра въ началѣ XIX вѣка для того, чтобы прослыть оригиналами. И такъ, для чего же вѣрять въ безсмертіе души? — Для того, отвѣчаетъ г. Введенскій, чтобы поддержать смыслъ предписаній нравственнаго долга — служить счастью ближнихъ. Г. Введенскій разсуждаетъ такъ: предписаніе нравственнаго долга имѣетъ смыслъ лишь при условіи осуществимости счастья. Но такъ какъ на землѣ безусловное счастье невозможно, а возможно лишь въ загробной жизни, то съ отрицаніемъ ея отрицается и осуществимость безусловнаго

счастія, а слѣдовательно, становится нелѣпымъ требованіе служить такому счастію.

Это разсужденіе было бы совершенно логично, если бы нравственный долгъ дѣйствительно повелѣвалъ намъ служить *безусловному* счастію ближнихъ; но такого требованія нравственный долгъ не предъявляетъ, такъ какъ безусловное счастіе не въ нашей власти. Требованія нравственного долга, хотя и трудны, но болѣе исполнимы: накорми голоднаго, утѣшь печальнаго, и другія заповѣди христіанской любви. Но г. Введенскій полагаетъ, что накормить голоднаго должно только при условіи, если его душа безсмертна, а иначе это будетъ безсмысленно. „Безъ вѣры въ безсмертіе, говорить онъ, безсмысленно служить счастію людей. Да безсмысленно и любить ихъ: ну, чѣмъ они будутъ отличаться отъ любого животнаго, хотя бы отъ собаки“? (кн. 21, стр. 65) Странная любовь, зависящая отъ метафизическихъ соображеній!

Вѣра въ безсмертіе, думаетъ г. Введенскій, не потому нужна, что она перспективой награды и наказанія спасаетъ смыслъ нравственного закона,—она спасаетъ его, убѣждая въ осуществимости безусловнаго счастія. Итакъ, если мы вѣримъ въ безсмертіе, то не потому, что безсмертіе, а съ нимъ вмѣстѣ и осуществимость безусловнаго счастія сами по себѣ убѣдительно (вѣдь, одинаково возможно и противоположное), а по цѣнному соображенію, что иначе нравственный долгъ утратитъ всякій смыслъ,

Я не думаю, чтобы разумный смыслъ нравственного долга нуждался въ поддержкѣ со стороны вѣры въ безсмертіе. Человѣкъ поступаетъ нравственно не въ виду награды (перспектива награды низвела бы нравственность на степень благоразумія), и не въ виду осуществимости какого-то немыслимаго даже безусловнаго счастія, а по могучему побужденію космическаго чувства. При мысли же о смерти истинно-нравственный человѣкъ не старается наполнить непроницаемый мракъ фантастическими образами *личнаго* безсмертія, но проникается чувствомъ, выражающимся въ

словахъ: да будетъ воля Твоя. Мнѣ думается, что смыслъ догматовъ вѣры, т. е. сила ихъ убѣдительности, заключается не въ постороннихъ, хотя бы и цѣнныхъ, соображеніяхъ, но въ тѣхъ коренныхъ чувствахъ, съ которыми они неразрывно соединены, а потому не нуждается въ оправданіи. Г. же Введенскій, считая такое оправданіе нужнымъ, прибѣгаетъ къ какимъ-то рационалистическимъ приѣмамъ, хотя самъ же, въ упрекъ мнѣ за неправильность моихъ воззрѣній, титулуется меня рационалистомъ.

Находя, однако, недостаточнымъ оправданіе разумности нравственнаго закона черезъ допущеніе безсмертія, г. Введенскій прибѣгаетъ и къ другимъ еще допущеніямъ. Хоть разсужденій его таковы: нравственный законъ сохраняетъ свой смыслъ лишь при допущеніи безсмертія, т.-е. осуществимости той конечной цѣли, ради которой созданъ человѣкъ и вложено въ него сознаніе долга; а цѣль эта, какъ мы видѣли, есть совершенное счастье и притомъ, какъ мы это далѣе увидимъ, счастье не однихъ только достойныхъ счастья, но всѣхъ и cadaго безъ исключенія. Итакъ, счастье всѣхъ и cadaго должно быть осуществимо, иначе нравственный долгъ—безсмыслица. Но если эта цѣль осуществима какимъ-нибудь инымъ путемъ, кромѣ исполненія нравственнаго долга, и если нарушеніе его не препятствуетъ ея осуществленію, то нравственный долгъ опять-таки утрачиваетъ смыслъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ идти болѣе труднымъ путемъ повиновенія долгу къ тому, что можетъ осуществиться и при нарушеніи его? Итакъ, нарушеніе нравственнаго долга должно препятствовать осуществленію высочайшей цѣли. Но вѣдь нравственный долгъ ежечасно и нарушался, и нарушается, и можно лишь надѣяться, что только въ отдаленномъ будущемъ всѣ будутъ безусловно праведными, а слѣдовательно, одни только эти будущіе праведники достигнутъ совершеннаго счастья, прошедшіе же и настоящіе грѣшники его не достигнутъ. Но вѣдь если такъ, то конечная цѣль—счастье всѣхъ безъ исключенія—не достижима, а слѣдовательно, какъ мы въ

этомъ ранѣе условились, нравственный долгъ не имѣеть смысла. Ergo, разсуждаетъ г. Введенскій, чтобы спасти смыслъ нравственнаго долга, нужно открыть въ самомъ человѣчествѣ средство вызволить грѣшниковъ и приобщить ихъ къ совершенному счастью. Такое средство г. Введенскій легко находитъ въ молитвѣ праведниковъ, благодаря которымъ всѣмъ будетъ даровано прощеніе и такимъ образомъ, къ общему благополучію, осуществится конечная цѣль человѣчества. Deus ex machina!

Итакъ, безъ предстательства праведниковъ плохо пришлось бы не только грѣшникамъ, но и самому нравственному закону; а теперь смыслъ его, по мнѣнію г. Введенскаго, окончательно спасенъ. Я, однако, позволю себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе. Вѣдь, если къ осуществленію конечной цѣли приведетъ только предстательство праведниковъ, то, значить, для грѣшниковъ цѣль эта осуществится другимъ путемъ, нежели исполненіемъ ими самими нравственнаго долга. А какъ бы это не повредило смыслу самого нравственнаго долга? Вѣдь, въ увѣренности, что счастье мое такъ или иначе непременно осуществится, я, пожалуй, стану нарушать этотъ нравственный законъ. Конечно, придется за это поплатиться, помучиться, можетъ быть, и долго въ ожиданіи, пока другіе меня выручатъ; но вѣдь даже вѣка ничто въ сравненіи съ вѣчностью, а потому отчего же не рискнуть и не пожуривать на землѣ? Итакъ, спасая смыслъ нравственнаго долга, находка г. Введенскаго, пожалуй, погубить его.

Я привелъ лишь самую суть аргументаціи г. Введенскаго; читатель, интересующійся его подлинными словами, найдетъ ихъ въ 21 книгѣ на 69, 70 и 71 страницахъ. Аргументація эта показываетъ, какъ опасно рационализировать вѣру; вѣдь, это значить довѣрять интересы вѣры ея естественному антагонисту—разсудку, который, въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ, взявшись оправдать ея смыслъ, раскрылъ только ея внутреннее противорѣчіе, иррациональность, т. е. отсутствіе смысла—съ точки зрѣнія того же разсудка.

Неудачная попытка г. Введенскаго рационализировать вѣру, т. е. примирить ее съ разсудкомъ, понять ее, поучительна именно своею неудачей, такъ какъ еще разъ доказываетъ, что разсудокъ не только понять вѣры не можетъ, но что даже чѣмъ болѣе онъ вникаетъ въ нее, тѣмъ болѣе открываетъ въ ней противорѣчій, а потому, съ единственно возможной ему точки зрѣнія естественной необходимости, не можетъ не протестовать противъ нея, какъ противъ абсурда.

Въ заключеніе своихъ разсужденій г. Введенскій характеризуетъ вѣру, какъ *состояніе, исключающее сомнѣніе иначе, чѣмъ это дѣлается при знаніи* (кн. 21, стр. 75). Слова эти самимъ авторомъ поставлены курсивомъ,—значить, онъ придаетъ имъ особенное значеніе, какъ выводу изъ всего имъ сказаннаго.

Выводъ этотъ страдаетъ неясностью. Во всей статьѣ ни слова не сказано о томъ, какъ исключается сомнѣніе при знаніи. Что же касается того, будто бы сомнѣніе исключается самою вѣрой, то на такой выводъ не даютъ права ни факты, показывающіе, какъ часто люди вѣрующіе поддаются сомнѣнію, ни самая идея вѣры, истины, признаваемой безъ санкціи разсудка,—ирраціональной истины. Сомнѣніе тотчасъ возникаетъ изъ вѣры, какъ только она, выступивъ за предѣлы своей законной функціи — служить практическимъ регуляторомъ воли, дѣлаетъ попытку стать теоретическимъ основоположеніемъ мышленія. Но не только нельзя строить на вѣрѣ новыхъ истинъ, нельзя даже исправлять ея внутреннихъ противорѣчій, не возбудивъ протеста разсудка, т. е. сомнѣнія. Доказательство этому мы видимъ на попыткѣ г. Введенскаго рационализировать догматъ нравственнаго долга.

Не могу не закончить моей статьи сопоставленіемъ догматовъ сознательной вѣры съ теоретическими аксіомами. Аксіомы, сообщая достовѣрность всѣмъ другимъ истинамъ, сами являются истинами непосредственно очевидными, застрахованными отъ всякаго сомнѣнія; догматы же вѣры, хотя и не могутъ по своей ирраціональной природѣ лежать

въ основаніи доказательствъ другихъ истинъ, но сами, какъ постулаты коренныхъ чувствъ, ни въ какомъ доказательствѣ не нуждаются и являются столь же непосредственными истинами, какъ и аксіомы. Главная ошибка многихъ вѣрующихъ состоитъ въ томъ, что они, считая нужнымъ *доказывать* догматы, ищутъ для нихъ разсудочной санкціи. Низводя такимъ образомъ догматы со степени истинъ непосредственно достовѣрныхъ и измышляя неподходяшія къ нимъ доказательства, эти *вѣрующіе раціоналисты* колеблютъ догматы, возбуждая противъ нихъ, какъ противъ ирраціональныхъ, сомнѣніе. Но какъ бы сомнѣніе ни колебало догматовъ, опровергнуты они быть не могутъ, ибо безъ нихъ—какъ практическихъ регуляторовъ сознательной воли, не мыслимъ человекъ—существо разумно-волящее.—Итакъ, въ сравненіи съ незыблемостью раціональныхъ теоретическихъ аксіомъ, догматы сознательной вѣры—ирраціональныя практическія аксіомы—обладаютъ, хотя и колеблющеюся, но неопровержимою устойчивостью.

П. Каленовъ.

Міросозерцаніе кружка Станкевича и поэзія Кольцова.

(Изъ исторіи литературно-философскаго движенія въ Россіи.)

(Окончаніе.)

IV.

Серебрянскій пристрастился къ философіи еще въ воронежской семинаріи, откуда потомъ поступилъ въ Московскую Медико-хирургическую академію; уже въ семинаріи онъ прославился пѣсною: „Быстры, какъ волны, дни нашей жизни“... и поэмою: „Безсмертье“ и до конца жизни оставался поэтомъ и эстетикомъ, какъ можно видѣть изъ его статьи: „Мысли о музыкѣ“, которая привела въ восторгъ Бѣлинскаго.

Вообще, надо замѣтить, что всѣ лучшіе шеллингисты—Одоевскій, Станкевичъ, Бѣлинскій—увлекались музыкой; истолкователемъ ихъ мыслей и чувствъ и явился Серебрянскій въ этой статьѣ, напечатанной въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (май 1838 года). Впослѣдствіи она была перепечатана Бѣлинскимъ въ собраніи стихотвореній Кольцова—какъ статья замѣчательная не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Серебрянскій является въ ней шеллингистомъ; онъ развиваетъ ту же мысль по отношенію къ музыканту, какую мы дальше увидимъ въ примѣненіи къ поэту въ думѣ: „Поэтъ“. „Да!—говорится въ заключеніи,—музыка—общій идеаль языка натуры. Ея аккорды перенесены въ аккорды міра. Ее подслушалъ у натуры геній—человѣкъ. Онъ собралъ

тоны, разсѣянные въ безпредѣльномъ пространствѣ, и прибли- зили ихъ къ своему уху, одушевивъ ихъ жизнью своего сердца и фантазіи“. Ноты и струны—тѣ же буквы, слова, только удаленныя отъ опредѣленной частности ихъ значенія въ музыкальную поэтическую общность... струны генія зву- чать жизнью всемірною; ревъ звѣря, шелестъ вѣтерка, плескъ волны и т. д.,—все отозвалось на нихъ и получило вторую поэтическую жизнь: такъ все откликается на свой родимый звукъ, сдается, будто откликнулось и то, что имѣ- етъ только цвѣтъ, запахъ, вкусъ, или существуетъ какъ осязаемое... „Трогая струны, музыкантъ трогаетъ безчи- сленное множество струнъ міра... Сила звука—легкія крылья, чтобы носиться духомъ въ безпредѣльности жизни“...

Серебрянскій въ одномъ мѣстѣ своей статьи называетъ музыку „нашею мятежною душою“. Соглашая текстъ пѣсни съ звукомъ инструментовъ, человѣческой голось, говоритъ онъ, есть самый лучший представитель тѣснаго союза между жизнью звуковъ и жизнью сердца, между „душою всякаго музыкальнаго созданія и духомъ каждаго внемлющаго ему безъ равнодушія; а характерная мимика подъ тонъ музыки ясно указываетъ на этотъ союзъ. Музыка—мятежная душа наша“.

Несомнѣнно, что и въ этомъ бурномъ настроеніи, въ этомъ эмоціональномъ порывѣ проглядывала та же шеллин- гіанская основа, неясная и туманная, но порывистая, такъ какъ въ томъ же смыслѣ — движенія, порыва, стремленія къ чему-то лучшему, въ какомъ говорилъ Серебрянскій о музыкѣ, можно назвать «мятежною душою» и самую фило- софію Шеллинга съ его ученіемъ о поляризації, о борьбѣ и постоянномъ колебаніи вещей, о вѣчномъ движеніи, жи- вымъ символомъ котораго былъ самъ философъ, всю жизнь остававшійся въ нерѣшимости между двумя своими философіями, отличными одна отъ другой.

. Все это не говорить, конечно, въ пользу систематичности шеллингіанства, но за то обнаруживаетъ въ немъ лиризмъ, порываніе, стремленіе къ лучшему. Душа, по ученію шеллин-

гистовъ, тоже, пожалуй, «мятежная», какъ мятежна музыка у Серебрянскаго, но «мятежная» въ томъ высшемъ, лучшемъ смыслѣ неудержимаго „стремленія къ лучшему“, котораго совершенно не понимали Магницкіе, Руничі и подобные имъ мраколюбцы, гонители просвѣщенія въ пору крайняго застоя. Если вѣрнѣе взглянуть, по которому отличительною чертой художественной дѣятельности служить *инстинктъ лучшаго*, въ смыслѣ природнаго стремленія къ нему человѣка,—а такому взгляду нельзя отказать въ основательности,—то становится понятнымъ, почему философія искусства такъ высоко ставилась шеллингианствомъ, а съ другой стороны,—почему послѣднее привлекло къ себѣ художниковъ и поэтовъ, какъ кн. Одоевскій, Веневитиновъ и, наконецъ, Кольцовъ *).

Извѣстно, какая высокая роль отводилась искусству по ученію Шеллинга: философія увѣнчивалась эстетикою, такъ какъ послѣдняя изучаетъ высшую дѣятельность духа, проявляющуюся въ искусствѣ, какъ сознательномъ воспроизведеніи бессознательной идеальности природы,—а въ единствѣ сознательнаго и бессознательнаго и заключается именно высшая дѣятельность духа. Художникъ достигаетъ своей высокой цѣли съ помощію интеллектуальной интуиціи, той высшей психической способности, которою познается тожество идеальнаго и реальнаго въ абсолютномъ, сознается единство „я“ съ міровымъ разумомъ: искомое абсолютное начало великаго міра осуществляется художникомъ въ

---

*) Другой наставникъ-руководитель юнаго Кольцова въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, А. Д. Вельяминовъ, читалъ въ воронежской семинаріи философію и физико-математическія науки. У него Кольцовъ бралъ книги и пользовался литературными совѣтами его, какъ большаго любителя и знатока словесности. Самъ поэтъ-прасоль не занимался естественными науками; но онъ былъ большимъ любителемъ, тонкимъ наблюдателемъ и знатокомъ природы и проводилъ большую часть времени между степью и поэзіей. Слѣдовательно, не какая-нибудь случайность, а общность развитія сближала всѣхъ, причастныхъ къ кружку Станкевича, приводила къ нему, какъ къ центру, всѣхъ, кто, съ одной стороны, воспринималъ идеи передовыхъ ученыхъ и мыслителей, а съ другой—эти идеи популяризировалъ и сообщалъ въ художественно-переработанномъ видѣ.

искусствѣ, когда онъ создаетъ свои маленькіе художественные міры. Объ этой способности художника Станкевичъ, по словамъ его біографа, впервые услышалъ на лекціяхъ Надеждина, который называлъ искусство „мірозданіемъ въ миниатюрѣ“ *).

Мы уже знаемъ, что лекціи Надеждина посѣщались такъ же усердно, какъ и лекціи его антипода—проф. Павлова, и оказали несомнѣнное вліяніе на взгляды молодежи изъ кружка Станкевича, а черезъ нее и на Кольцова. Въ самый разгаръ своей лекторской дѣятельности Надеждинъ изложилъ свои взгляды на „современное направленіе изящныхъ искусствъ“ въ словѣ, произнесенномъ въ торжественномъ университетскомъ собраніи 6 іюля 1833 года. Исходя изъ шеллинговой точки зрѣнія, что весь безбрежный океанъ бытія состоитъ изъ двухъ противоположныхъ стихій,—матеріи и духа, формъ и идей, надо признать, что художественное одушевленіе можетъ имѣть только два главныхъ направленія: внѣшнее, средобѣжное, матеріальное, и внутреннее, средостремительное, идеальное. Но первое исчерпано уже классическою древностью, а второе — христіанскимъ энтузіазмомъ среднихъ вѣковъ. Что же остается для современнаго генія? „Соединить идеальное одушевленіе среднихъ временъ съ изящнымъ благообразіемъ классической древности, уравниять душу съ тѣломъ, идею съ формою“. Задача великая, потому что соединеніе это отнюдь не должно быть механическое и эклектическое; нѣтъ, „это должно быть внутреннее, живое сліяніе обоихъ полюсовъ бытія, обоихъ элементовъ творчества“, и такое сліяніе уже называется „съ большею или меньшею ясностію въ различныхъ движеніяхъ современной художественной дѣятельности“.

*) Надеждинъ былъ магистромъ богословія и профессоромъ изящныхъ искусствъ и археологіи въ Московскомъ университетѣ; съ 1832 по 1835 годъ онъ читалъ сначала теорію изящныхъ искусствъ, потомъ ихъ исторію, или археологію, наконецъ, логику, такъ какъ убѣдился, по его словамъ, въ не возможности изучать законы искусствъ безъ предварительнаго ознакомленія съ законами самой мысли. Въ 1836 году была упразднена кафедра эстетики и археологіи по случаю введенія новаго устава.

Какъ бы предугадывая въ этой своей рѣчи начавшуюся около того времени поэтическую дѣятельность Кольцова, Надеждинъ говорилъ далѣе о такихъ частныхъ требованіяхъ, проистекающихъ изъ главнаго, только что упомянутаго начала, какъ естественность и народность. Исходя изъ шеллинговой точки зрѣнія на творческую дѣятельность, какъ на „воспроизводительницу бытія, соревновательницу духа жизни, струящагося въ нѣдрахъ природы“, Надеждинъ считаетъ потребность въ естественности свойственною генію, хотя природа противопоставляется обыкновенно искусству. Греко-римское и средневѣковое искусства изображали только „полміра, полжизни, полбытія, а это развѣ естественно?“ Современное эстетическое направленіе „спрашиваетъ, напротивъ, у образа: гдѣ твой духъ? у мысли: гдѣ твое тѣло?“—требуя отъ художественныхъ произведеній „полнаго сходства съ природою и равно чуждаясь поддѣльнаго изящества какъ въ наружныхъ матеріальныхъ формахъ, такъ и во внутренней, идеальной выразительности“. Въ народности Надеждинъ видѣлъ послѣдствіе естественности, являющееся по причинѣ существенной внутренней связи духа съ природою. Подъ народностію онъ подразумѣвалъ то „патріотическое одушевленіе изящныхъ искусствъ, которое, питаясь родными впечатлѣніями и воспоминаніями, отражаетъ въ своихъ произведеніяхъ родное богатое небо, родную святую землю, родныя драгоцѣнныя преданія“ и проч. Надеждину оставалось бы прибавить къ этому „родную пѣсню“, художественнымъ воспроизведеніемъ которой именно и прославился нашъ народный лирикъ.

Но Надеждинъ былъ сыномъ своего вѣка: талантливый теоретикъ-профессоръ, о лекціяхъ котораго Станкевичъ писалъ, что онѣ развили въ немъ чувство изящнаго, какъ бы ни были недостаточны онѣ сами по себѣ,—какъ эстетикъ-практикъ, т.е. какъ литературный критикъ, онъ оказался слабъ даже въ глазахъ тѣхъ, кто видитъ въ немъ „предшественника и учителя“ Бѣлинскаго. Ему не доставало непосредственнаго эстетическаго вкуса, почему онъ часто „садился не въ свои

сани“, когда брался за оцѣнку современныхъ художественныхъ произведеній. Такъ случилось съ Надеждинымъ и по отношенію къ Кольцову: когда появилась книжечка стихотвореній послѣдняго, изданная Станкевичемъ въ 1835 году, то „одинъ знаменитый московскій литераторъ (кажется, Надеждинъ) счелъ ее за мистификацію, шутку со стороны Бѣлинскаго,—удивляясь, при встрѣчѣ съ послѣднимъ, что онъ нашелъ въ этихъ стишонкахъ, какой—туть талантъ?...“ Разсказъ этотъ передается біографами, какъ, напримѣръ, г. Огарковымъ, въ біографической бібліотекѣ Ф. Павленкова, съ оговоркою: „кажется, Надеждинъ“. Фактъ не удостоверенъ, но съ Надеждинымъ не разъ случались подобные казусы, которыхъ не скрываютъ его біографы. Кому бы, кажется, какъ не ему, оцѣнить такого народнаго реального поэта, какъ Кольцовъ, въ лучшихъ произведеніяхъ котораго народный бытъ и окружающая природа отражаются съ такою естественностью, которая вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ эстетической теоріи шеллингянцевъ; въ нихъ осуществлено вполне ихъ требованіе нераздѣльнаго и естественнаго сліянія формы и содержанія, тѣла и мысли. Но, видно тогдашняя общественная атмосфера была слишкомъ неблагоприятна для распознанія и оцѣнки истинной народности и реальности въ литературѣ,—Надеждинъ не нашелъ никакого таланта въ стишонкахъ поэта-прасола, а славянофилы—тѣ просто проглядѣли его, хотя могли бы воспользоваться его восходившею звѣздой. Какъ бы то ни было, заслугою шеллингянской натурфилософіи остается то, что своимъ одушевленнымъ порывомъ она пробудила любовь къ естественности и самобытности въ литературѣ и въ жизни и помогла развитію, выдвинула такихъ ученыхъ, какъ Надеждинъ и Павловъ, такихъ критиковъ и эстетиковъ, какъ Бѣлинскій, какъ Серебрянскій, такихъ поэтовъ, какъ Кольцовъ.

Благодаря этой связи идейныхъ теченій, поэтъ нашъ долженъ былъ въ этомъ кругу встрѣтить высокую оцѣнку. И дѣйствительно, онъ былъ оцѣненъ критикою, благодаря

Станкевичу, развитію котораго былъ данъ толчокъ въ этомъ направленіи лекціями Павлова и Надеждина. Когда передъ нимъ закрылась пропасть, раздѣлявшая природу и духъ, Станкевичъ, — какъ говорить его біографъ, — „по свойству и праву мышленія переносилъ природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія, словомъ — становился ея центромъ, судьей и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресла для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія“. Съ восторгомъ развивалъ подобныя мысли, какъ извѣстно, и Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, называя искусство выраженіемъ великой идеи вселенной въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ... Все искусство поэта заключается въ томъ, чтобы показать читателю природу въ миниатюрѣ, какъ земной шаръ на ландкартѣ, чтобы заставить его хотя на минуту забыть свое я, почувствовавъ вѣяніе, дыханіе общей жизни природы; въ этомъ заключается наслажденіе изящнымъ. Кольцовъ выразилъ ту же мысль въ думѣ: „Поэтъ“, говоря: *„цѣлая природа — въ души чловѣки“*...

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ...

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину —
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;

И живетъ столѣтъя,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертию
Вѣчно торжествуя.

V.

Итакъ, Кольцову, поэту-реалисту, пришлось быть авторомъ „Думъ“, въ которыхъ онъ пытался выразить своеобразное и очень отвлеченное философское міросозерцаніе, и послѣ думъ появились его лучшія пѣсни, перлы кольцовой поэзіи... Для постановки вопросовъ философскаго характера въ популярной формѣ онъ былъ достаточно подготовленъ и пытливостью своего сильного, хотя не развитого ума, и непосредственнымъ интеллектуальнымъ воззрѣніемъ, сильно развитымъ въ немъ, какъ въ чуткомъ, отзывчивомъ художникѣ. Многіе согласны съ Бѣлинскимъ, что вопросы поставлены въ думамъ прекрасно: слабыми признаются лишь неудачныя попытки дать отвѣты на нихъ, на мучившія поэта метафизическія проблемы о жизни и смерти. Но, вѣдь, дѣло шло о преодолѣніи такой огромной трудности, какъ поэтическое воплощеніе отвлеченной философской мысли...—Можно ли было ожидать, чтобы поэтъ-прасоль вполнѣ справился съ такой задачей? Добиваясь рѣшенія мудреной задачи, онъ пережилъ сильный кризисъ; казалось, можно было опасаться за его творческую способность; сильно потрясло и на время остановило его творческую дѣятельность глубокое и потрясающее впечатлѣніе, произведенное на Кольцова философскимъ опредѣленіемъ жизни природы. „Долго не могъ онъ,—пишетъ биографъ Станкевича,—обрѣсти того непосредственнаго взгляда на міръ, который составлялъ сущность его поэзіи“. Но природа Кольцова претворила новый элементъ. Онъ обратилъ въ свое добро вопросы, возникшіе въ его умѣ, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ нѣкоторыя изъ его думъ, больше половины которыхъ относится къ 1836 и 1837 годамъ.

Съ этого же времени начинаютъ появляться лучшія пѣсни нашего поэта, какъ „Лѣсъ“, посвященный памяти Пушкина, „Пѣсни Лихача Кудрявича“, „Измѣна суженой“ и проч. Особенно плодovitъ былъ 1838 годъ, къ которому относятся: „Деревенская бѣда“, „Послѣдній поцѣлуй“; съ

„Бѣгства“, написаннаго въ 1839 году, талантъ Кольцова все крѣпнеть и дарить поэзію такими пѣснями, какъ „Путь“, „Что ты спишь, мужичокъ?“, „Хуторокъ“, „Такъ и рвется душа“ и проч. Кольцовъ - думецъ, если можно такъ выразиться, по примѣру Де-Пуле, — поэтъ-философъ — не только не помѣшалъ, а пришелъ на помощь лирику - пѣсеннику, что стало бы еще яснѣе, если бы въ собраніи стихотвореній Кольцова, изданномъ Бѣлинскимъ, думы были помѣщены между пѣснями въ хронологическомъ порядкѣ, а не выдѣлены въ особый отдѣлъ, какъ сдѣлано нашимъ критикомъ, хотя это дало въ руки орудіе его противникамъ. „Философія, или проще, — знакомство съ философскими началами, даже отрывочное, случайное и неполное, — говоритъ Анненковъ, — оказалось для поэзіи Кольцова тѣмъ благодатнымъ дождемъ, который, повидимому, своимъ паденіемъ придавливаетъ растительность къ землѣ, а послѣ способствуетъ ея росту и живучести“. Самъ Кольцовъ предупредилъ это удачное сравненіе, называя думы тучами, говоря въ стихотвореніи: „Поминки“, посвященномъ памяти Станкевича, о членахъ его кружка, что „ихъ думы — какъ тучи, ихъ рѣчи горятъ“... Поэзія Кольцова была орошена, оплодотворена философіей кружка, причемъ однимъ изъ плодовъ ея оказалось то замѣчательное соотвѣтствіе идеи съ формою, которое удивляетъ критиковъ, какъ напримѣръ, Стоюнина, справедливо замѣтившаго что у Кольцова нельзя и представить себѣ одно безъ другого, такъ какъ „одно родилось въ другомъ, какъ душа въ тѣлѣ“.

VI.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить и того факта, что шеллингянство имѣло на Кольцова другое вліяніе: онъ, — народный поэтъ-реалистъ, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ думъ является мистикомъ: такъ, мистицизму, хотя и нельзя сказать, чтобъ слишкомъ туманному, несомнѣнно отдалъ дань нашъ народный лирикъ въ своихъ думахъ о „будущемъ природы“, о „Божьемъ мірѣ“, гдѣ „нѣтъ безсильной смерти, нѣтъ

бездушной жизни“, о „Человѣкъ“ съ его любовью и ненавистью, добромъ и зломъ, о „Великомъ словѣ“, которымъ огласилась глубокая вѣчность: „То слово—да будетъ!“, — наконецъ, о „Вопросѣ“: „когда будетъ конецъ брани?“, брани духа съ землею, т.-е. съ тѣломъ, земляною глыбою, въ которую „сила неба жизнь вложила“... „Земь не хочетъ быть рабою... Духу жъ неба невозможно съ этой глыбой породниться“...

Буду ль жить я
 Въ безднѣ моря?
 Буду ль жить я
 Въ дальнемъ небѣ?
 Буду ль помнить,
 Гдѣ былъ прежде?
 Что я думалъ
 Человѣкомъ?
 Иль за гробомъ
 Все забуду,
 Смысль и память
 Потеряю?
 Что жъ со мною
 Тогда будетъ,
 Творецъ міра,
 Царь природы?...

Съ наивною непосредственнаго, хотя и сильнаго ума сознается поэтъ, что „въ моемъ толкѣ смыслу нѣту, чтобъ провидѣть дѣла Божьи...“ Въмѣсто отвѣта онъ ищетъ утѣшенія въ „Молитвѣ“, какъ называется одна изъ лучшихъ думъ:

Спаситель, Спаситель!
 Чиста моя вѣра,
 Какъ пламя молитвы.
 Но, Боже, и вѣрѣ
 Могила темна!
 Что слухъ мой замѣнитъ?
 Потухшія очи?
 Глубокое чувство
 Остывшаго сердца?

. . . . .

Къ этому вопросу нѣсколько разъ возвращается Кольцовъ; имъ задавался и Серебрянскій, когда писалъ въ своихъ „Мысляхъ о музыкѣ“: „Услышу ль я твою гармонію (т.-е. гармонію природы), когда приложусь слухомъ къ землѣ, когда закроюсь безмолвной одеждой могилы? Не умру! Живъ буду! Это слова неба на землѣ“... У Кольцова преобладаетъ, однако, сомнѣніе, вопросительная форма, оставляемая безъ отвѣта, хотя онъ и говоритъ въ „Неразгаданной истинѣ“: „Подсѣку жъ я крылья дерзкому сомнѣнью...“. Но, съ другой стороны, поэтъ думаетъ, что „умъ нашъ не шагаетъ міра за границу...“,—въ послѣднихъ словахъ слышится уже позитивистъ. Позитивизмомъ еще сильнѣе, рѣзче--запечатлѣны слѣдующія строфы думы: „Молитва“:

На крестъ, на могилу,
 На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній
 Творецъ всемогущій
 Накинулъ завѣсу,
 Налѣжилъ печать:
 Печать та на вѣки;
 Ея не расторгнуть
 Міры, разрушаясь;
 Огонь не растопить,
 Не смоетъ вода!...

. . . . .
 . . . . .

Трезвый умъ въ связи съ жизнерадостнымъ настроеніемъ въ молодости удержалъ нашего поэта отъ крайностей туманнаго мистицизма. Туманно-загадочными или просто непонятными являются только начальныя строки думы „Божій міръ“: „Отецъ свѣта—вѣчность, сынъ вѣчности—сила; духъ силы есть жизнь: міръ жизнью кипитъ“... Можно догадываться, что здѣсь поэтъ намѣревался выразить натурфилософскую теорію, въ родѣ теорій Павлова или Велланскаго.

Въ виду того, что мистицизмъ сравнительно рѣдко про-
 являлся у Кольцова, было бы ошибкою придавать особенное

значеніе послѣдней его думѣ, посвященной князю П. А. Вяземскому и написанной въ 1841 году: „Не время ль намъ оставить про высоты мечтать, земную жизнь безславить, что есть иль нѣтъ—желать?“ Въ этомъ стихотвореніи, одномъ изъ послѣднихъ, писанномъ уже въ болѣзни, сказалось не столько отреченіе отъ мистицизма, отъ котораго поэтъ освободился еще раньше, сколько порывъ къ жизни на краю могилы, когда „темна, страшна могила; за далью—мракъ густой... А тутъ дары земные, дыханіе цвѣтовъ“... Если тутъ былъ переломъ, то далеко не такой рѣзкій, какимъ было бы полное отреченіе отъ философіи,—на томъ основаніи, что она приводитъ, будто бы, къ мистицизму. Вѣрнѣе, это былъ естественный переходъ отъ метафизики къ философіи, или отъ алхиміи къ химіи, какъ замѣтилъ Добролюбовъ въ своей біографіи Кольцова, написанной для юношества. Подобно тому, какъ химія многимъ обязана алхиміи, такъ и въ философіи—во главѣ съ философіей искусства, эстетикою—возникла, зародилась лучшая часть поэзіи Кольцова, чѣмъ еще разъ подтверждается на живомъ, наглядномъ примѣрѣ тѣсное взаимодѣйствіе между искусствомъ, поэзіею, съ одной стороны, а съ другой, философіею,—въ частности, такою философіею, какою было шеллингянство, усвоенное поэтическо-философскимъ кружкомъ Станкевича. Метафизико-мистическій осадокъ не мѣшалъ нашему поэту-философу развивать свою творческую способность, которая расцвѣтала все пышнѣе и пышнѣе.

Но тутъ, въ пору полного расцвѣта таланта, Кольцова постигла болѣзнь, которая и свела его въ могилу. Случайности, раздражавшія поэта и человѣка, привели его къ философіи; одна же изъ такихъ роковыхъ случайностей, которыми кишѣла тогдашняя общественная атмосфера, заставила нашего поэта-философа замолкнуть навсегда. Можно только догадываться о томъ, какъ бы развивалась поэзія Кольцова, если бы смерть не унесла его преждевременно въ могилу. Во всякомъ случаѣ, мы должны видѣть въ думѣ: „Не время ль намъ оставить про высоты мечтать“... послѣд-

ней по времени, прощаніе съ алхиміей, метафизическою мистикой, и переходъ къ химіи, къ философіи въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Нужно было вовсе не знать или не понимать, что такое шеллингянство въ томъ его видѣ, въ какомъ оно понималось въ кружкѣ, чтобы ожидать, что Станкевичъ *уволитъ поэта отъ философіи*. Пусть Кольцовъ наивно сознавался въ письмахъ, что „субъекта и объекта немножко понимаетъ, а абсолюта — ни крошечки, или весьма худо“... все же, какъ художникъ, какъ тонкій психологъ, Кольцовъ все это или, во всякомъ случаѣ, многое изъ этого хорошо чувствовалъ, если не понималъ; не забудемъ, что чрезъ психологію лежитъ главный и самый широкій путь и входъ въ громадный лабиринтъ философіи. Пусть поэтъ путался въ терминахъ, опредѣленіяхъ до того, что въ подобныя минуты имѣлъ видъ нетрезваго, какимъ и показался однажды Никитенкѣ, но не онъ только одинъ, а и большинство шеллингистовъ были восторженными людьми, энтузіастами. Извѣстенъ энтузіазмъ Бѣлинскаго, извѣстно, на примѣръ, его обращеніе къ музыкѣ: „музыка, музыка, чортъ съ тобою!“. Серебрянскій, какъ извѣстно, едва не заплатился арестомъ за восторженное чтеніе своей упомянутой выше поэмы на семинарскомъ актѣ: присутствовавшій архіерей принялъ его за нетрезваго; но къ счастью, за него заступился губернаторъ Бѣгичевъ, не безызвѣстный романистъ, — и недоразумѣніе выяснилось. Біографъ Бѣлинскаго, А. Н. Пыпинъ замѣчаетъ, правда, въ одномъ мѣстѣ своей книги, что „философія никакъ не давалась Кольцову, и самъ соборъ (какъ онъ называетъ кружокъ Станкевича) не чувствовалъ, что могъ бы уволить его отъ философіи“. Де-Пуле, воспользовавшись недосказанностію этой фразы, подчеркнул и переиначилъ ее, причемъ у него вышло, будто «даже біографъ Бѣлинскаго замѣчаетъ, что Кольцова можно было бы уволить отъ философіи».

Между тѣмъ, біографу Бѣлинскаго была хорошо извѣстна переписка Станкевича, напрасно игнорированная біографомъ Кольцова, Де-Пуле. А Станкевичъ писалъ Невѣрову, — какъ

мы уже говорили, большому скептику въ дѣлѣ философіи, — что философія для него „ступень“ къ другимъ занятіямъ, и что не столько манитъ его рѣшеніе вопросовъ, которые болѣе или менѣе рѣшаетъ вѣра, сколько самый методъ. „Я, — писалъ Станкевичъ, — еще болѣе хочу убѣдиться въ достоинствѣ человѣка и, признаюсь, хотѣлъ бы убѣдить потомъ другихъ и пробудить въ нихъ высшіе интересы“. Какъ выразительны, характерны эти мысли по отношенію къ культурному значенію у насъ философіи Шеллинга, а съ другой стороны, какъ подходятъ онѣ къ Кольцову. У Шеллинга теоретически, а у Кольцова практически философія является ступенью къ искусству, къ поэзіи. Какъ Кольцова манило не столько рѣшеніе вопросовъ, сколько смѣлая, пытливая постановка ихъ, такъ и ученіе Шеллинга своимъ порывистымъ стремленіемъ къ лучшему въ наукѣ, въ искусствѣ, въ нравственности убѣждало въ достоинствѣ человѣческаго ума и сердца. Въ другомъ письмѣ, отъ 10 ноября 1835 года, на имя того же Невѣрова, не вѣровавшаго въ философію, Станкевичъ писалъ, что стремленіе къ философіи спасло многое въ немъ; оно занимало его болѣе, нежели что-нибудь другое, а всякое знаніе казалось ему одностороннимъ, если не имѣло философскаго значенія: „Гегеля я еще не знаю, — писалъ въ то время Станкевичъ; — скучны формы, въ которыя заключена философія, но мы потерпимъ за будущее поколѣніе и, можетъ быть, съ Божьей помощью, облегчимъ его трудъ“. Въ заключеніе онъ говоритъ, что философія заставитъ его съ большимъ жаромъ изучать исторію и искусства. То, что было обаяніемъ шеллингианства, то же самое привлекало и къ Станкевичу, волновало сердца и выводило ихъ изъ летаргіи: куда бы этотъ животворящій „философско-поэтическій“ элементъ ни обращался въ своемъ теченіи, онъ увлекалъ за собою самыхъ упорныхъ, самыхъ лѣнивыхъ натуры, говоритъ его біографъ. Философская поэзія, особенно Шиллера и Гёте, на которой воспитался Станкевичъ, гармонировала своимъ характеромъ съ поэтической философіей природы, по ученію Шеллинга. Но въ кружкѣ

Станкевича рано и настоятельно почувствовалась потребность связать все это крѣпкимъ нравственнымъ ученіемъ, которое отодвигалось на задній планъ натурфилософами; между тѣмъ оно стало выдающеюся и самою обаятельною особенностью ихъ русскихъ комментаторовъ и послѣдователей. Станкевичъ и члены его кружка не пренебрегали въ наукѣ и въ философіи тѣмъ, отъ чего отворачивались, какъ отъ скуки, какъ отъ суши, искатели однихъ наслажденій и сильныхъ ощущеній, всякаго рода жуиры. Если тутъ на высотахъ царилъ „умственный холодъ“, по выраженію одного изъ новѣйшихъ біографовъ Кольцова, которому осталась, какъ видно, незнакомою переписка Станкевича, то развѣ тотъ холодъ, въ которомъ носятся „думы—тучи“, прежде чѣмъ онѣ оросятъ землю теплымъ, благодатнымъ дождемъ. Самъ пламенный В. Г. Бѣлинскій вовсе не былъ „прямою противоположностью“ этого „умственного холода“, какъ думаетъ г. Огарковъ, такъ какъ отсюда, изъ этого кружка, отъ этихъ людей, повторяемъ, вѣяло тепломъ, согрѣвшимъ и нашего геніального критика. Извѣстно, далѣе, что впоследствии сблизились оба московскихъ кружка, враждовавшіе прежде между собою: кружокъ Станкевича, въ которомъ преобладалъ философско-поэтический элементъ, гдѣ ставились эстетическіе и метафизическіе „вопросы“, и другой кружокъ, называвшійся послѣ кружкомъ Герцена и занимавшійся въ особенности социальными и политическими идеями и идеалами, какіе назрѣвали въ общественной атмосферѣ того времени.

VII.

Дѣйствительно, несмотря на отвлеченность большей части тѣхъ, подвергавшихся обсужденію и изученію, міросозерцаніе кружка Станкевича увѣнчивалось высокимъ *нравственнымъ ученіемъ*, надъ выработкою и проведеніемъ въ жизнь котораго много потрудились и, можно сказать, „потерпѣли за будущія поколѣнія“ главные его участники. Исходною точкой для Станкевича, общею ему со всѣми членами кружка,

служило „чувство всеобщей идеи“, съ помощью котораго онъ пытался, „жаждалъ утвердить на мысли и разумъ всѣ самыя тонкія психологическія ощущенія“, „узаконить всѣ надежды сердца, стремленія, предчувствія и радости“, говоря словами его біографа. Высшая нравственная обязанность заключалась въ томъ, чтобы „высвободить въ себѣ божественную часть міровой идеи отъ всего случайнаго, нечистаго и ложнаго“ и тѣмъ получить „право на блаженство дѣйствительно разумнаго существованія“. Но такое моральное „блаженство“ достигается не иначе, какъ цѣною упорной борьбы съ случайностями и нелѣпостями жизни, которыми, какъ извѣстно, этика объявляетъ самую непримиримую, беспощадную войну. И если философія Шеллинга увѣнчивается философіей искусства, увѣнчивается невольно, сама собою, свойственнымъ ей порывомъ, стремленіемъ къ чему-то иному, лучшему, то только русскимъ шеллингистамъ въ кружкѣ Станкевича пришлось съ достаточною энергіей подчеркнуть и развить кроющійся здѣсь этический элементъ. Только этикою оплодотворяются оба господствовавшія въ кружкѣ начала: философско-метафизическое и философско-поэтическое, при чемъ оба вмѣстѣ сливаются въ тотъ дѣйствительно „животворящій философско-поэтический элементъ“, который былъ, такъ сказать, воплощеннымъ обаяніемъ, своего рода магнитомъ, для первыхъ членовъ кружка—въ лицѣ Станкевича и отчасти Серебрянскаго, а для всего общества, для ближайшаго и отдаленнаго потомства—есть и будетъ въ лицѣ Бѣлинскаго и отчасти Кольцова. | Нравственная жизнь вѣчной идеи заключается, по взгляду Бѣлинскаго, въ борьбѣ между добромъ и зломъ, любовью и эгоизмомъ; такъ же и въ физической жизни борются силы сжимательная и расширительная. Въ примѣненіи къ нравственной жизни послѣдняя соотвѣтствуетъ эгоизму, а первая—альтруизму; мысль эту горячо развивалъ Бѣлинскій въ упоеніи знаменательнымъ и новымъ для той поры признаніемъ, что въ основѣ явленій природы и духа лежатъ одни и тѣ же законы и что не существуетъ пропа-

сти между обоими мірами. Вспомните горячую проповѣдь въ его „Литературныхъ мечтаніяхъ“, въ которыхъ сказались многія задушевныя мысли кружка: „не забывай, что твое безконечное, высочайшее блаженство состоитъ въ уничтоженіи твоего «я» въ чувствѣ любви... Что ты не рѣшаешься? Этотъ *подвигъ* тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ? Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь; онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ... Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ... губи, угнетай, пей кровь и слезы...“ А къ 1833 году относится стихотвореніе Станкевича: „Подвигъ“, въ которомъ выражена та же мысль, воодушевлявшая кружокъ:

Когда любовь и жажда знаній
 Еще горять въ душѣ твоей,
 Бѣги отъ суетныхъ желаній,
 Отъ убивающихъ людей.
 Себѣ всегда предъ всѣми вѣренъ,
 Иди, люби и не страшись!
 Пускай твой путь земной измѣренъ —
 Съ непогибающимъ дружись!

Вотъ первыя двѣ строфы стихотворенія. Станкевичъ, правда, не блисталъ поэтическимъ талантомъ, но, вѣдь, и муза Кольцова съ трудомъ налаживалась на подобныя темы. Послѣднія три строфы этого стихотворенія Станкевича очень характерны по отношенію къ Кольцову и другимъ членамъ кружка:

Пускай *юнонье свѣта* взыдетъ
 Звѣздой злосчастья надъ тобой,
 И міръ тебя возненавидитъ:
 Отринь, попри его стопой!...
 Онъ для тебя погибнетъ, дольний,
 Но спасена душа твоя!
 Ты притечешь самодовольный
 Къ предѣламъ страшнымъ бытія,
 Тогда свершится *подвигъ* трудный,
 Перешагнешь предѣлъ земной —
 И станешь *жизнію повсюдной* —
 И все наполнится тобой!...

Разъ кружокъ предъявлялъ къ жизни такія высокія нравственныя требованія, разъ онъ настаивалъ на ихъ важности, требовалъ ихъ осуществленія, понятно, что онъ долженъ былъ стать во враждебныя отношенія къ этой жизни и возбудить въ ней противъ себя реакцію, подвергнуться гоненіямъ съ ея стороны. „Гоненіе свѣта“, дѣйствительно, обрушилось на всѣхъ, въ томъ числѣ и на Кольцова въ самую тяжелую минуту его жизни, когда поэтъ медленно угасалъ въ родномъ городѣ, но какъ будто среди чужихъ, покинутый семьей и друзьями, которые стступились отъ него съ нетерпимостью провинціальныхъ муравейниковъ. Положеніе его было тѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе, что цѣль жизни, этотъ „подвигъ“, никакъ не удавалась ему ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Тогда какъ Станкевичъ не сомнѣвался, что „подвижникъ“, проникнутый всеобщю, вѣчною идею, „станеть жизнію повсюдною“, Кольцовъ спрашиваетъ: „Буду-ль жить я въ дальнемъ небѣ? Буду-ль жить я въ безднѣ моря?...“ Въ „Косарѣ“ нашъ народный лирикъ прекрасно опозитизировалъ, правда, удалъ земледѣльческаго труда, увлеченіе упорнымъ тяжелымъ трудомъ: здѣсь, какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, изображающихъ поэзію труда, Кольцову приходится быть глубокимъ этикомъ, высоко-нравственнымъ писателемъ. Но это былъ не тотъ подвигъ, какой воплотился въ жизни Бѣлинскаго и Станкевича: первого, какъ высоко-талантливаго труженика, борца за правду, за свѣтъ, а второго, какъ умнаго, многосторонне образованнаго и высоко развитаго человѣка.

Кольцова мѣтко охарактеризовалъ Валерьянъ Майковъ, назвавъ его лирику поэзією порыва, страстнаго стремленія къ какому-то неопредѣленному идеалу, неясному для самого поэта; Кольцовъ восклицаетъ: „Такъ и рвется душа изъ груди молодой! Хочетъ воли она, проситъ жизни другой“, — онъ не опредѣляетъ, однако, ни этой, ни другой жизни, которая лишь смутно представлялась ему. Поэта, не разъ побывавшаго въ столицахъ, томили провинціальныя мракъ и застой; онъ рвался отъ нихъ, не зная, какъ слѣ-

дуетъ, куда идти и на чемъ остановиться. Томительная неизвѣстность будущаго, полное одиночество мучили умиравшаго Кольцова; всѣ покинули его, всѣ забыли о немъ до такой степени, что днемъ смерти поэта до сихъ поръ считается девятнадцатое октября, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, онъ отошелъ въ вѣчность десятию днями позднѣе.

Послѣднимъ интеллигентнымъ человѣкомъ, посѣтившимъ безнадежно-больного поэта, былъ Аскоченскій, товарищъ Серебрянскаго по семинаріи; поэту оставалось жить не долше двухъ мѣсяцевъ, — онъ говорилъ гостю тихимъ, сиповатымъ голосомъ: — „Боже мой! какъ вы счастливы, — вы учились, а мнѣ Богъ не судиль... Я такъ и умру — неученый“.

А между тѣмъ, по справедливому выраженію Майкова, Кольцовъ, какъ чистый лирикъ, вполнѣ выразилъ свою „исполинскую личность“ съ отличавшимъ ее „всестороннимъ развитіемъ потребностей“ въ своей поэзіи, проникнутой „необыкновенною дѣльностью и нормальностью“. Чуждый крайностей и болѣзненныхъ проявленій раздражительности, поэтъ производилъ впечатлѣніе человѣка, находящагося въ самой равной борьбѣ съ обстоятельствами, сильнаго борца, вполнѣ увѣреннаго въ побѣдѣ.

Трагизмъ положенія Кольцова, какъ человѣка, заключался, какъ мы видѣли, въ несоотвѣтствіи его знаній, умственныхъ приобрѣтеній — силамъ и способностямъ. Но, вѣдь, онъ и умеръ едва тридцати четырехъ лѣтъ; увѣренность же въ своихъ силахъ была у него такъ велика, что и въ тридцать лѣтъ онъ готовъ былъ всему учиться.

Этимъ стремленіемъ къ знанію, этой любовью къ наукѣ и свѣту Кольцовъ, несомнѣнно, въ значительной степени былъ обязанъ взглядамъ кружка, и въ особенности, его руководителя — Станкевича. Станкевичъ былъ далекъ отъ исключительности во всемъ: и въ философіи, не отдаваясь безраздѣльно отвлеченнымъ логическимъ построеніямъ, и въ искусствѣ, которое не обожалъ до забвенія природы; наконецъ, и за природою, которую любилъ, онъ не забывалъ общества. „Онъ былъ какъ-то дома во всѣхъ этихъ сферахъ

и обращался въ нихъ съ равною свободой“, говоритъ его біографъ. Не потому ли Станкевичъ и былъ „человѣкомъ, котораго одно присутствіе настраивало окружающихъ на правду, на презрѣніе къ темнымъ дѣяніямъ грубости и произвола“. Какъ велико было обаяніе этой замѣчательной личности, можно убѣдиться изъ того, что (спустя двадцать лѣтъ послѣ вышеприведенной характеристики Станкевича, сдѣланной Анненковымъ) когда появилась книга Де-Пуле, который написалъ множество страницъ въ доказательство вреднаго будто бы вліянія кружка на Кольцова, какъ на поэта-пѣсенника, то и въ ней отдана справедливость Станкевичу. Де-Пуле не сомнѣвается въ неоспоримомъ благотворномъ вліяніи личности Станкевича на Кольцова, какъ и на всѣхъ окружающихъ, но утверждаетъ лишь, что вліяніе это не было ни продолжительно, ни послѣдовательно, и что, во всякомъ случаѣ, личное вліяніе Станкевича надо отдѣлять отъ кружковаго, тенденціознаго. Между тѣмъ, сдѣлать этого нельзя, такъ какъ то и другое переплетаются во многихъ существенныхъ отношеніяхъ самымъ тѣснымъ образомъ. Кружку Кольцовъ обязанъ, въ значительной степени, направленіемъ своихъ лирическихъ порывовъ, всегда чуждыхъ всего грубаго и дикаго, проникнутыхъ вѣрою въ людей, любовью къ нимъ и надеждою на лучшее будущее. Пятидесятилѣтіе со времени смерти Станкевича прошло не отмѣченнымъ въ печати, но память о немъ тѣсно связана съ памятью Кольцова, котораго онъ открылъ для русской литературы. Такое „открытіе“ не могло быть случайнымъ, и, дѣйствительно, какъ мы видѣли, оно обусловливается какъ личностію Станкевича, такъ и составомъ кружка, особенностями его главныхъ участниковъ, такъ, наконецъ, и всѣмъ его міросозерцаніемъ *).

В. Ярмерштедтъ.

---

*) Напомнимъ кстати, что вліянію Станкевича съ его кружкомъ обязана русская литература и русская критика—тѣмъ, что былъ согрѣтъ, успокоенъ мягкимъ, теплымъ участіемъ и сохраненъ въ жизни, быть-можетъ, на нѣсколько лѣтъ нашъ гениальный критикъ В. Г. Бѣлинскій. Все тотъ же Станкевичъ первый пробился въ эту душу, глубоко отзывчивую ко всему доброму и свѣтлому.

„Заклинаніе со стрѣлой“ тибетскихъ ламъ.

Заклинаніе это мнѣ пришлось видѣть въ 1889 году въ Кяхтѣ. Оно производилось буддѣйскими ламами: однимъ монгольскимъ, другимъ бурятскимъ, причемъ послѣдній пользовался молитвой, написанной на тибетскомъ языкѣ. Въ виду того, что какъ монгольскіе, такъ и бурятскіе ламы не употребляютъ другихъ книгъ, кромѣ тибетскихъ, хотя монголы пользуются ими въ переводѣ, заклинаніе и слѣдуетъ считать пришедшимъ изъ Тибета.

Заклинаніе со стрѣлой употребляется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется что-нибудь отыскать, потерянную или пропавшую вещь преимущественно. Оно заключается въ томъ, что лама даетъ кому-нибудь изъ желающихъ стрѣлу и послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ приготовленій начинаетъ произносить заклинательную молитву. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ стрѣла начинаетъ дрожать въ рукѣ держащаго и затѣмъ увлекаетъ его, помимо воли и сознательнаго участія, туда, гдѣ находится отыскиваемый предметъ. Понятно, существуетъ множество разсказовъ о томъ, какъ были такимъ образомъ найдены затерянные или украденныя вещи, часто очень хитро припрятанныя.

Благодаря любезности торгующаго на Кяхтѣ г. А. Я. Нѣмчинова, мнѣ пришлось видѣть это заклинаніе, и то, что я видѣлъ, поразило меня своей простотой и въ тоже время сложностью.

Изъ двухъ пришедшихъ въ гости ламъ сначала сталъ про-

изводить заклинаніе монгольскій лама, но скоро онъ былъ смѣненъ другимъ, бурятомъ, который производилъ заклинаніе въ томъ же домѣ раньше.

Лама, молодой бурятъ, живой, но въ то же время какъ-то безстрастно спокойный, поставилъ передъ собою небольшой столикъ, спросилъ двѣ свѣчи и два блюдечка. Свѣчи требовались только для освѣщенія стола, а на блюдечки онъ положилъ нѣсколько травъ для куренья. Это все, что было нужно. Иногда на столъ ставятся священные предметы, напримѣръ, хонхо, колокольчикъ, употребляемый ламами при богослуженіи, когда онъ находится въ рукахъ у старшаго лама—ширетуя—вмѣстѣ съ священнымъ жезломъ. Тотъ жезлъ—вачиръ—иногда дается въ руки вмѣсто стрѣлы, иногда только кладется на столъ. Эти предметы, хотя во время богослуженія они употребляются только старшимъ ламой, находятся нерѣдко у монголовъ въ видѣ священныхъ предметовъ вмѣстѣ съ идолами, молитвенными мельницами и пр. на жертвенныхъ столикахъ, и тотъ маленький колокольчикъ, который я показывалъ на засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества въ 1890 году, былъ купленъ мною въ простой юртѣ. Кромѣ того, на столъ ставятся двѣ или нѣсколько жертвенныхъ чашечекъ. Въ одну изъ нихъ кладутся куренья, въ другую — наливается вино. Зачѣмъ нужно вино, будетъ видно далѣе. Вѣроятно, нерѣдко ставятся и другіе священные предметы, можетъ быть, идолы и пр. Собственно заклинаніе должно производиться по вполне опредѣленнымъ правиламъ, изложеннымъ въ священныхъ книгахъ, гдѣ указаны также и предметы, которые ставятся на столъ. Правила эти, впрочемъ, не соблюдаются вполне строго, и на столъ ставятся то тѣ, то другіе предметы. Притомъ они не необходимы, потому что для заклинанія, которое я описываю, потребовалось только блюдечко для курений, которыя скоро сгорѣли и много разъ молитва читалась уже безъ всякой обстановки.

Приступая къ заклинанію, лама далъ въ руки находившемуся въ комнатѣ монголу стрѣлу, которую заставилъ дер-

жать въ правой рукѣ, какъ держать долото, слѣдовательно, совершенно удобно и крѣпко, предоставивъ положить руку какъ угодно. Монголь прислонилъ предплечье къ столу. Лама подставилъ подъ руку блюдечко съ куреньемъ, дымъ котораго сталъ подниматься къ рукѣ мимо стрѣлы. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время, когда просто стало неловко держать руку надъ блюдечкомъ, лама убралъ его. Словомъ, положеніе руки, также какъ и поза, вполнѣ зависѣли отъ держащаго стрѣлу и были вообще удобны. Впрочемъ, большинство присутствовавшихъ, которыя потомъ держали стрѣлу, не старались избирать положенія достаточно удобнаго, что зависѣло отъ непривычки, отъ чувства нѣкотораго стѣсненія, наконецъ, отъ того, что стрѣлу требовалось подержать въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ и мысль о возможности утомленія, повидимому, не приходила въ голову тѣмъ, кто садился за столъ.

Усадивъ держащаго стрѣлу, лама досталъ изъ-за пазухи тетрадку съ написанной въ ней по-тибетски молитвой и началъ читать. Онъ читалъ вполголоса, довольно скоро, но совершенно внятно, съ тѣмъ особеннымъ монотоннымъ оттѣнкомъ, который вообще свойственъ чтенію молитвъ. У монголовъ и бурятовъ монотонность чтенія молитвъ вообще гораздо больше, чѣмъ у европейцевъ. Она имѣетъ своеобразный оттѣнокъ и по характеру совершенно напоминаетъ чтеніе какого-нибудь деревенскаго мальчугана, котораго пономарь или солдатъ научилъ читать псалтирь. Тотъ же оттѣнокъ носить молитва даже произносимая наизусть, такъ что, когда при мнѣ заставили однажды бурята сказать какую-нибудь молитву, онъ тотчасъ заговорилъ нараспѣвъ и монотонно. Но лама не читалъ нараспѣвъ и монотонность его чтенія была гораздо меньше, чѣмъ мнѣ приходилось слышать на примѣръ, въ кумирнѣ во время богослуженія. Для непредубѣжденнаго человѣка его чтеніе не показалось бы даже монотоннымъ, и наиболѣе правильная характеристика того, какъ читалъ лама, на мой взглядъ заключается въ выраженіи: благоговѣйное чтеніе.

Съ тѣмъ же благоговѣніемъ онъ складывалъ время отъ времени ладони, сближая концы пальцевъ, медленно подносилъ ихъ ко лбу, склоняя голову, и также медленно опускалъ ихъ опять.

Больше онъ не предпринималъ ничего и только изрѣдка пристально взглядывалъ на стрѣлу, которая оставалась совершенно спокойной. Чтеніе продолжалось около 5 минутъ. Стрѣла осталась неподвижной.

Лама сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и такъ же спокойно смотрѣлъ на окружающихъ. Въ его лицѣ нельзя было прочесть ни малѣйшаго смущенія, какъ будто не онъ произносилъ заклинанія и онъ, казалось, просто ожидалъ, чего отъ него потребуютъ далѣе.

Чтобы не тратить напрасно время, позвали бурята Батму, надъ которымъ заклинаніе уже однажды производилось съ успѣхомъ. Батма, самый обыкновенный бурякъ, если и отличался чѣмъ-нибудь отъ своихъ единоплеменниковъ, то развѣ нѣсколько большей смышленостью и развязностью, которую онъ приобрѣлъ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ русскими, среди которыхъ иногда жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Батма усѣлся такъ же, какъ и его предшественникъ. Его лицо, такъ-же какъ и лицо ламы, носило обычное выраженіе. Нельзя было замѣтить никакой перемѣны.

Чтеніе вновь началось. Опять тотъ же тихій речитативъ, то-же прикладываніе рукъ ко лбу. Черезъ нѣсколько минутъ чтеніе окончилось. Батма сидѣлъ по прежнему. Не было ничего, по чему можно бы судить о впечатлѣніи, которое сдѣлало на него чтеніе. Можно было отмѣтить только, что выраженіе его лица и поза остались совершенно безъ всякой перемѣны, но эта неподвижность не имѣла въ себѣ ничего характернаго. Повидимому, онъ не желалъ измѣнять свое положеніе, и только.

Окончивъ молитву, лама спросилъ рюмку водки и снова началъ читать, все тѣмъ же тономъ. Затѣмъ онъ помочилъ въ принесенной водкѣ конецъ безымяннаго пальца и движе-

ніемъ шелчка стряхнулъ нѣсколько капель на стрѣлу. Это былъ первый ясный намекъ на то, что наступилъ уже моментъ, когда стрѣла должна бы начать движеніе, котораго впрочемъ, не послѣдовало.

Постепенно чтеніе измѣняло свой характеръ: оставаясь по прежнему тихимъ, оно становилось быстрѣе и въ то же время утрачивало свою монотонность. По временамъ голосъ ламы какъ бы совсѣмъ замиралъ и затѣмъ неожиданно, сравнительно громко, хотя все-таки вполголоса, онъ произносилъ короткое слово: „цокъ!“ и тотчасъ опять продолжалъ читать. Неожиданно произнесенное первый разъ „цокъ!“ заставило вздрогнуть нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, но Батма отнесся къ нему довольно равнодушно, по крайней мѣрѣ, наружно. Чтеніе продолжалось, становясь все болѣе торопливымъ.

Наконецъ, стрѣла дрогнула.

Лама все читалъ по прежнему быстро, можетъ быть, еще быстрѣе.

Теперь можно было замѣтить, что Батма не сохраняетъ своего спокойствія. Его лицо выражало удивленіе и испугъ. Онъ не спускалъ глазъ со стрѣлы, которая продолжала вздрагивать и наконецъ воскликнулъ: „пошла!“

Дѣйствительно, его руку какъ будто тянуло впередъ. Но она была уже вытянута совсѣмъ и не могла вытягиваться болѣе; тогда Батма сталъ подниматься со стула. Рука уже не только вздрагивала, но просто билась о столъ.

Лама все продолжалъ свое чтеніе, быстро, насколько это было возможно.

— „Идетъ, идетъ, держите!“ — крикнулъ Батма, рука котораго стала совершать быстрыя колебательныя движенія. Понемногу онъ сталъ уже отходить отъ стола.

— „Ну, теперь все перебеетъ, не удержишь“, — сказалъ кто-то.

Мы всѣ уже стояли на ногахъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ схватилъ Батму, надѣясь удержать его руку, но напрасно. Черезъ нѣсколько времени онъ отказался отъ

чрезвычайныхъ усилій, доходившихъ до боли въ рукахъ, такъ какъ рука Батмы качалась съ очень большой силой.

— „Держите, держите!“—говорилъ Батма, рука котораго съ силой стала биться опять о столъ. Ему, видимо, было больно.

— „Не удержишь, надо убрать вещи“, опять было сдѣлано замѣчаніе.

Еще одинъ изъ присутствовавшихъ сдѣлалъ попытку удержать руку Батмы, но опять напрасно.

Я также подошелъ къ Батмѣ и первоначально взялъ руку съ силой, но тотчасъ убѣдился въ бесполезности прямой борьбы. Сила его движеній много превосходила мою, и стремиться переселить его было бы напраснымъ. Да это было и не нужно. Конечно, не въ этомъ былъ интересъ данной минуты. Было лишь любопытно знать, насколько Батма вообще доступенъ внѣшнему вліянію, обратному тому, которое уже произвело свое дѣйствіе и притомъ поддерживалось невольными замѣчаніями присутствующихъ. Я положилъ свою руку на его, просто, безъ всякихъ усилій, предоставилъ ей прыгать подъ толчками его руки и сказалъ скорѣе присутствующимъ, чѣмъ самому Батмѣ: „сейчасъ онъ перестанетъ“. Движенія, дѣйствительно, стали медленнѣе, но далеко не прекратились. Я повторилъ свое замѣчаніе, но черезъ минуту рука стала двигаться опять съ большой силой. Лама все читалъ. Моя рука продолжала лежать на предплечіи Батмы, и еще черезъ нѣсколько секундъ стрѣла выпала изъ его руки. Почти тотчасъ послѣ того его рука перестала совершать свои движенія, онъ схватился за плечо, заохалъ и убѣжалъ изъ комнаты. Одновременно съ тѣмъ, какъ выпала стрѣла, пересталъ читать и лама.

Опытъ окончился, причемъ Батма остался убѣжденнымъ, что, держа на его рукѣ свою, я читалъ въ то же время свои противоположныя заклинанія, вслѣдствіе которыхъ стрѣла и выпала изъ его рукъ, чего не бываетъ обыкновенно, такъ какъ она почти судорожно охватывается держащими ее пальцами.

Стрѣла могла, конечно, выпасть совершенно случайно, если не была достаточно крѣпко захвачена, могло играть нѣ-которую роль и мое вмѣшательство,—это рѣшить почти невозможно, да и не важно, такъ какъ прекращеніе движеній есть обстоятельство второстепенное.

Главный вопросъ заключается въ томъ, что заставило руку начать свои движенія и затѣмъ продолжать ихъ съ такою силой и упорствомъ.

При настоящемъ положеніи знаній естественно можетъ возникнуть вопросъ: Какое отношеніе имѣютъ описанныя явленія къ гипнотизму? Нельзя ли считать рассматриваемое явленіе не только родственнымъ, но тождественнымъ съ явленіями гипнотическими? Не видимъ ли мы здѣсь очевиднаго вліянія цѣлаго ряда косвенныхъ внушеній, которыя играютъ такую важную роль въ гипнотизмѣ?

Я полагаю, что отвѣтъ на эти естественные вопросы обнаружится съ достаточною ясностью уже изъ краткаго анализа описаннаго факта.

Что видимъ мы передъ собой?

Одинъ сидитъ со стрѣлою въ рукахъ, другой читаетъ молитву. Этому не предшествуетъ никакихъ приготовленій. Тѣ небольшія приготовленія, безъ которыхъ можно обойтись, какъ обошелся и нашъ лама, вызываютъ только напоминаніе, или лучше сказать, идею о Высшей Силѣ, но это напоминаніе нисколько не больше того, которое вызовутъ стоящія тутъ же изображенія божества. Видъ колокольчика и чашечекъ слишкомъ привыченъ для буддиста, чтобы этому придавать значеніе. Запахъ куренья ничтоженъ и значить не больше самой курильницы.

Такимъ образомъ, все, что можетъ дать обстановка, заключается въ нѣсколько болѣе, можетъ быть, серьезномъ настроеніи дѣйствующаго лица, но это еще вѣрнѣе и скорѣе вытекаетъ изъ общаго настроенія присутствующихъ.

Остается молитва. По мнѣнію буддистовъ, по крайней мѣрѣ, низшаго класса, именно молитва и двигаетъ стрѣлу. Такого же мнѣнія склонны держаться и русскіе, съ тою

разницею, что въ случаѣ надобности они могутъ допустить и участіе чорта.

Что касается молитвы, то здѣсь могутъ имѣть значеніе, съ одной стороны, слова, съ другой—характеръ чтенія, монотонность звуковъ, неподвижность чтеца.

Слова остались мнѣ неизвѣстными, и пока я еще не имѣю перевода. Относительно чтенія я уже замѣчалъ, что хоть его и можно было назвать монотоннымъ, но эта монотонность не была чрезмѣрной.

Остается еще вліяніе личности ламы. Несомнѣнно, это вліяніе очень велико. Буддисты въ религіозномъ отношеніи совершенно не просвѣщенны и потому суевѣрны и склонны къ мистическому въ чрезвычайной степени. Притомъ, они до крайней степени невѣжественны. Человѣкъ, читающій книги,—рѣдкость, это почти всегда лама; и не удивительно поэтому, что лама даже низшей степени пріобрѣтаетъ уже большое значеніе въ смыслѣ авторитетности въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ, особенно выходящихъ за предѣлы обычныхъ житейскихъ потребностей, и всюду, гдѣ человѣкъ встрѣчается съ явленіемъ природы, начиная отъ рожденія до смерти, лама, и только лама, если не сумѣетъ научить человѣка, все-таки найдетъ соотвѣтствующую молитву или поученія въ своихъ книгахъ. А книгъ великое множество, такъ что они недоступны никакому ламѣ. Къ тому же книги написаны, а не напечатаны и поэтому рѣдки и цѣнны, что внушаетъ уваженіе къ нимъ даже тибетскимъ ученымъ. И чѣмъ меньше начитанъ лама, тѣмъ съ большимъ почитеніемъ относится онъ къ этимъ неизвѣстнымъ ему книгамъ, такъ что самое невѣжество ламы представляетъ моментъ благоприятный для поддержанія слѣпого довѣрія къ нему.

Аффекты заразительны, и благоговѣніе ламы передается его окружающимъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается, быть можетъ, больше, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ.

Такимъ образомъ, казалось бы вполне дозволительнымъ слѣдующее разсужденіе.

Держащій стрѣлу находится подъ впечатлѣніемъ, что долж-

но совершиться нѣчто необыкновенное, что стрѣла потянетъ его руку. Лама своимъ чтеніемъ и всею обстановкой ослабляетъ въ немъ воспримчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Монотонные звуки производятъ нѣчто въ-родѣ слабой степени гипнотическаго состоянія. Образуется какъ бы состояніе моноидеизма. Идея, господствующая въ сознаніи, оставшись безъ контроля ассоціаций, переходитъ въ актъ, что ускоряется отрывочными аффектирующими восклицаніями ламы, его брызганіемъ на стрѣлу, его тономъ глубокаго убѣжденія. Слѣдовательно, говоря кратко, лама загипнотизировалъ Батму, и затѣмъ, подъ вліяніемъ внушеній и самовнушеній, Батма замахалъ рукою.

Но при этомъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

Гипнотизмъ есть явленіе опредѣленное. Благодаря разнообразію формъ, въ которыхъ онъ проявляется, и большому количеству фактовъ, которые онъ объединяетъ, правильныя границы этого явленія нерѣдко не узнаются. Гипнотическое вліяніе усматривается чуть не ежеминутно вездѣ, гдѣ есть личное взаимодействіе между людьми. Вслѣдствіе этого гипнотизмъ становится явленіемъ слишкомъ общимъ, обнимающимъ чуть не всю психическую жизнь человѣка.

Въ интересахъ правильной классификаціи явленій и, слѣдовательно, болѣе правильнаго ихъ изученія, такой взглядъ меньше всего заслуживаетъ одобренія.

Гипнотическія явленія суть явленія, производимыя искусственно. Это—непремѣнное условіе ихъ характеристики. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ, разнообразныхъ воздѣйствій, человѣкъ приходитъ въ особое стойкое фізіологическое состояніе, характеризующееся съ психической стороны тѣмъ, что психическая дѣятельность загипнотизированныхъ приходитъ въ болѣе или менѣе полное соотвѣтствіе съ внѣшними вліяніями и преимущественно съ вліяніями, исходящими отъ гипнотизирующаго лица.

Слѣдовательно, гипнотизмъ имѣетъ опредѣленные границы и опредѣленную характеристику. Это—частное явленіе ду-

шевной жизни человѣка, и за нимъ можно сохранять только частное значеніе.

Между тѣмъ, существуетъ общее свойство психической дѣятельности, включающее въ себя отчасти и гипнотическія явленія, съ опредѣленною характеристикой послѣднихъ.

Это общее свойство есть психическій автоматизмъ.

Такъ называется то свойство психической дѣятельности, вслѣдствіе котораго она совершается, въ предѣлахъ опредѣленнаго психическаго механизма, постоянно, пока присутствуетъ достаточно интенсивная жизнь, и притомъ безъ участія какой-либо непосредственно сознаваемой внѣшней или внутренней причины, кромѣ той, которая обуславливаетъ самое существованіе психической жизни.

Всякій разъ, какъ только сознаніе окружающаго нѣсколько ослабѣваетъ, если только это не происходитъ въ связи съ ослабленіемъ психической дѣятельности вообще, какъ это бываетъ, на примѣръ, при извѣстныхъ отравленіяхъ, при засыпаніи, или въ гипнотическомъ состояніи,—такъ выступаетъ съ большею или меньшею ясностью психическій автоматизмъ.

Достаточно напоминанія о тѣхъ случаяхъ, извѣстныхъ каждому, гдѣ выступаютъ несомнѣнно ускользнувшіе отъ сознанія и отъ вліянія воли акты, совершенные среди ряда другихъ актовъ, вполне отчетливо сознаваемыхъ. Такъ, на примѣръ, если вы идете по хорошо знакомой дорогѣ, то, задумавшись, легко можете повернуть въ знакомый переулочекъ, хотя на этотъ разъ и намѣревались идти совсѣмъ въ другую сторону.

Эти автоматическіе акты обыкновенно зависятъ отъ внутреннихъ причинъ, отъ извѣстныхъ, уже существующихъ ассоціаций. Это есть только проявленіе извѣстной части психическаго содержанія—не болѣе.

Если мы возвратимся теперѣ къ Батмѣ, то увидимъ, что и онъ началъ совершать рядъ движеній, повинуюсь, главнымъ образомъ, не внѣшнему вліянію даннаго момента, а тѣмъ идеямъ, которыя уже были въ его сознаніи раньше. Его убѣж-

деніе, что стрѣла его потащить, доходило до слѣпой вѣры. Онъ зналъ, что его рука будетъ качаться и что онъ не въ силахъ будетъ ее остановить. Нуженъ былъ только толчокъ, только ничтожное ослабленіе контроля внѣшнихъ чувствъ, и данная группа ассоціацій вступила въ свои права и дала въ результатъ рядъ движеній Батмы. Толчокъ былъ данъ всей внѣшней обстановкой и чтеніемъ ламы, постоянно поддерживавшимъ идею о движеніи стрѣлы.

Результатомъ обстановки явился аффектъ, который и обусловилъ нѣкоторое пониженіе сознательной дѣятельности вообще, т. е. ослабилъ вліяніе ассоціацій, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ дѣятельностью органовъ чувствъ.

Этотъ аффектъ и былъ главной причиной появленія автоматичныхъ актовъ, т.-е. движенія стрѣлы.

На первый взглядъ можетъ показаться, что тѣ же разсужденія сохраняютъ свою силу и съ точки зрѣнія существованія гипнотическаго состоянія.

Идея Батмы создала движеніе. Это—самовнушеніе.

Аффектъ обусловилъ ослабленіе сознательной дѣятельности: это—гипнотизація.

Но мнѣ кажется болѣе правильнымъ воздержаться отъ напраснаго смѣшенія понятій, хотя и представляющихъ только тонкое различіе, потому что изъ различія понятій, характеризующихъ психическій процессъ, вытекаютъ и различные практическіе выводы.

И дѣйствительно, еслибы гипнотическое состояніе играло главную роль въ этомъ и подобныхъ случаяхъ, то можно бы предполагать, что, съ одной стороны, каждый воспріимчивый къ гипнотическому вліянію человѣкъ не удержалъ бы стрѣлу спокойно; съ другой стороны, человѣкъ невоспріимчивый къ гипнотизированію въ прямомъ смыслѣ этого слова, всегда удержалъ бы ее.

Если же гипнотическое состояніе играетъ здѣсь только случайную, второстепенную роль, чего никакъ нельзя отрицать, такъ какъ появленіе его легко возможно,—то стрѣла можетъ пойти у человѣка очень мало воспріимчиваго къ

гипнотизированію собственно и даже невоспріимчиваго совершенно, если таковой найдется; и наоборотъ, она останется спокойной у многихъ воспріимчивыхъ лицъ.

По отношенію къ заклинанію этотъ вопросъ остается открытымъ и можетъ быть окончательно рѣшенъ только наблюденіемъ, но есть большое количество фактовъ, которые заставляютъ считать болѣе вѣроятной именно послѣднюю возможность. На основаніи тѣхъ же фактовъ необходимо строго отличать внушаемость вообще отъ внушаемости въ гипнотическомъ состояніи и отъ способности къ самовнушеніямъ. Наконецъ, подъ самовнушеніемъ слѣдуетъ разумѣть только сознательныя усилія человѣка создать въ себѣ извѣстное внутреннее состояніе и тѣмъ обусловить извѣстныя дѣйствія.

Тѣ же внутреннія состоянія и сопровождающія ихъ дѣйствія, которыя возникаютъ въ человѣкѣ самостоятельно, какъ естественное слѣдствіе предшествовавшихъ психическихъ процессовъ, не могутъ быть названы ни внушеніемъ, ни самовнушеніемъ. Это—проявленіе психическаго автоматизма.

И гипнотизмъ есть средство для обнаруженія автоматизма психической жизни. Но это средство не единственное и притомъ не всегда вполне дѣйствительное, по самымъ свойствамъ происходящихъ при этомъ физическихъ измѣненій. Это также средство для того, чтобы пользоваться психическимъ автоматизмомъ въ смыслѣ измѣненія психическаго содержанія, но опять только при извѣстныхъ условіяхъ.

Но есть и другія вліянія, усиливающія внушаемость и обусловливающія наступленіе произвольныхъ движеній и дѣйствій, и между этими вліяніями на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить аффективное состояніе человѣка.

Возможно, что гипнотическое состояніе по существу близко къ аффектамъ. Но даже отсюда не будетъ слѣдовать, что аффектъ и гипнотическое состояніе суть понятія тождественныя, хотя бы они и вели къ одинаковому конечному результату, къ яркому проявленію психическаго автоматизма.

Аффектъ есть одно условіе, гипнотическое состояніе — другое. Найдутся и еще условія, какъ напримѣръ, интенсивность отдѣльныхъ ассоціаціонныхъ сочетаній, обыкновенно называемая сосредоточенностью или напряженіемъ вниманія, напряженная дѣятельность отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Каждое изъ этихъ условій можетъ вести къ обнаруженію психическаго автоматизма, но каждое изъ нихъ сохраняетъ въ то же время свое самостоятельное значеніе, которое не уменьшается даже тѣмъ, что при соединеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ условій ихъ вліянія могутъ суммироваться и даже просто сливаться.

Поэтому я считаю неправильнымъ ставить аффектъ, производимый заклинаніемъ въ зависимость отъ гипнотическаго вліянія и сообщаю объ немъ съ намѣреніемъ обратить вниманіе на явленіе, очень близкое къ гипнотическимъ, происходящее, быть можетъ, при нѣкоторомъ участіи гипнотическаго вліянія, что исключить невозможно, да и не нужно, — но по существу своему не гипнотическое.

Остается еще вопросъ, который мнѣ можетъ быть предложенъ. Именно, стрѣла находить потерянные вещи, что подтверждается многими наблюдателями. Какое значеніе имѣютъ эти утвержденія, и нельзя ли здѣсь искать вліянія мысленнаго внушенія? Этого я не думаю. Впрочемъ, я совершенно не задавался этимъ вопросомъ, потому что рѣшеніе его, требующее чрезвычайной тонкости наблюдений, рѣшительно нельзя было предпринимать въ глубинѣ Азіи, среди чуждаго народа, говорящаго на незнакомомъ языкѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ томъ или другомъ смыслѣ, возможно только при точномъ знаніи обстановки и при возможности измѣнять условія наблюденія по своему желанію.

Ламы практикуютъ не одно только описанное заклинаніе. Ихъ существуетъ много, но большинство изъ нихъ имѣютъ чисто-медицинское примѣненіе, слѣдовательно, обусловливаютъ, если оказываются дѣйствительными, нѣкоторыя внутреннія измѣненія въ организмѣ, о чемъ теперь я совершенно не могу говорить. Упомяну лишь еще объ

одномъ занятіи, о которомъ мнѣ пришлось только слышать и которое ламы практикуютъ въ монастыряхъ: на примѣръ, въ монастырѣ, лежащемъ на дорогѣ между Кяхтой и Ургой. Среди комнаты ставится круглый столъ. Надъ этимъ столомъ вѣшается стрѣла, почти касающаяся его поверхности. Затѣмъ на столъ въ формѣ окружности, имѣющей видъ широкой дорожки, насыпается зола. Ламы садятся вокругъ стола и держатъ его руками. Черезъ нѣсколько времени столъ начинаетъ качаться, причемъ стрѣла задѣваетъ дорожку изъ золы и совершенно отчетливыми тибетскими буквами пишетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Самъ я не видѣлъ этого прототипа нашихъ вертящихся столовъ и теперь не буду останавливаться на этомъ, такъ какъ верченіе столовъ уже нашло себѣ достаточное объясненіе.

А. Токарскій.

Къ психологіи микроцефаловъ.

(Окончаніе.) *).

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что у нашей микроцефалки существуетъ психическая дѣятельность, и притомъ очень живая, но въ то же время чрезвычайно рѣзко отличающаяся отъ психической жизни нормальныхъ людей. Въ чемъ же заключается главное отличіе ея? Постараемся выяснитъ, постепенно разбирая, насколько Маша отстываетъ въ своихъ психическихъ проявленіяхъ отъ нормы психическихъ свойствъ человѣка.

Прежде всего мы должны остановиться на томъ, насколько организмъ Маши приспособленъ къ первому акту развитія психической жизни, къ полученію ощущеній. Безъ ощущеній не можетъ развиваться психическая жизнь человѣка, и образованіе ихъ составляетъ первый актъ въ процессѣ развитія его психической дѣятельности. Съ этой стороны, Маша, повидимому, не представляетъ никакихъ рѣзкихъ особенностей, такъ какъ всѣ органы чувствъ ея функционируютъ и чувствительность ея въ отношеніи нѣкоторыхъ родовъ чувствъ довольно тонкая.

Второй актъ въ развитіи психической дѣятельности, въ частности,—ея интеллектуальной сферы, составляетъ образованіе представленій. Что представленія у Маши образуются и хранятся въ запасѣ въ видѣ образовъ воспоминаній,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. У нея, какъ было видно изъ всего предыдущаго, существуетъ много образовъ тѣхъ предметовъ, которые на нее производили впечатлѣніе. Она различаетъ предметы и нѣкоторые изъ нихъ называетъ опредѣленными названіями (ключъ, ротъ,

---

*) См. кн. 21 «Вопросовъ философіи и психологіи».

ность, платокъ, столъ и пр.). Но предметовъ, которые имѣютъ опредѣленные словесные знаки, у нея не много. Несомнѣнно, что масса образовъ, которые являются въ ея психикѣ, не имѣютъ опредѣленныхъ названій; на эти образы она реагируетъ различно, смотря по ихъ свойствамъ, но не можетъ ихъ назвать какими-либо словами. Она различаетъ меня отъ сидѣлки, больную отъ сидѣлки, хотя назвать никого не умѣетъ.

Но если и существуютъ у Маши образы, и довольно стойкіе, все-таки ихъ гораздо меньше, чѣмъ у нормальныхъ людей. Самое большое количество впечатлѣній, повидимому, совсѣмъ не вызываетъ въ Машѣ воспріятій—не вызываетъ возстановленія образовъ воспоминанія, и эта масса впечатлѣній проходитъ, не оставляя слѣда въ ея психикѣ. Такимъ образомъ, во второмъ актѣ психическаго развитія мы встрѣчаемся у Маши уже съ рѣзко выраженнымъ уменьшеніемъ тѣхъ психическихъ процессовъ, которые характеризуютъ при нормальныхъ условіяхъ этотъ актъ психическаго развитія, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ интеллектуальной сферѣ. Но это уменьшеніе мы видимъ не только въ интеллектуальной сферѣ, но и въ другихъ: въ сферѣ чувства и воли. Такъ, тому акту, который въ интеллектуальной сферѣ характеризуется образованіемъ представленій, въ сферѣ чувства соотвѣтствуетъ образованіе элементарныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія. Мы видѣли, что и въ этомъ отношеніи Маша представляетъ довольно рѣзкое количественное отличіе отъ нормальныхъ людей. Она, несомнѣнно, испытываетъ эти чувствованія, но все-таки очень многія внѣшнія впечатлѣнія вовсе не сопровождаются у нея чувственнымъ тономъ. Къ громадному большинству предметовъ и внѣшнихъ вліяній она безразлична: дифференцировка чувствованій у нея ничтожна.

Въ сферѣ воли мы видимъ то же самое. Второму акту въ этой сферѣ будутъ соотвѣтствовать движенія, не только координированныя, но составляющія въ своей послѣдовательности двигательныя проявленія, имѣющія видъ какого-либо дѣйствія. О такихъ двигательныхъ проявленіяхъ у Маши мы уже говорили: она одѣвается, продѣлываетъ подражаніе шитью, дѣлаетъ крестное знаменіе, наконецъ, произноситъ фразы. Но всѣ эти дѣйствія крайне однообразны. Въ ея репертуарѣ есть, такъ сказать, только нѣсколько заученныхъ пьесъ, но нѣтъ того разнообразія, того множества поступковъ, которое характеризуетъ дѣятельность нормальнаго человѣка.

Такимъ образомъ, во второмъ актѣ развитія душевной жизни—мы встрѣчаемся у Маши съ крайней бѣдностью ея, съ рѣзкимъ уменьшеніемъ психическихъ продуктовъ, и эта бѣдность въ сферѣ интеллекта выражается въ маломъ числѣ представленій, въ томъ, что масса впечатлѣній, дѣйствующихъ на Машу, совсѣмъ не вызываютъ образовъ воспоминанія, а потому и проходятъ безслѣдно для душевнаго содержанія.

Отъ чего это зависитъ? Несомнѣнно, это находится въ зависимости отъ дефектовъ, существующихъ въ способности впечатлѣній и образовъ—къ сочетанію, къ образованію сложныхъ ассоціаций.

Отъ того, что въ извѣстной мѣрѣ ассоціація представленій и вообще элементарныхъ психическихъ актовъ у Маши существуетъ, мы говорили: примѣровъ этого мы видѣли достаточное количество, такъ какъ множество проявленій психической жизни Маши представляютъ явленія сложные, обязанныя своимъ происхожденіемъ сочетаніямъ представленій и соединенныхъ съ ними двигательныхъ актовъ. Но, какъ мы видѣли, въ сочетаніяхъ этихъ замѣтны рѣзкіе дефекты. У Маши существуютъ ассоціаціи по совмѣстности—и онѣ лежатъ въ основѣ почти всего запаса ея душевнаго содержанія, такъ какъ онѣ крѣпче всего хранятся ея памятью. Гораздо меньше сочетаній по сходству, и хотя нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній тоже хранятся памятью, но уже въ гораздо меньшей степени; запасъ такихъ сочетаній не великъ, вслѣдствіе чего и способность узнаванія у Маши очень слабо развита. Но если этихъ сочетаній мало, то все-таки ихъ гораздо больше, чѣмъ сочетаній еще болѣе высокаго порядка, сочетаній, въ которыхъ элементомъ связующимъ должно являться *соотношеніе* предметовъ и явленій,—сочетаній «по смыслу», какъ я ихъ называю. Этихъ сочетаній у Маши почти совсѣмъ не происходитъ, что и составляетъ, по моему, самое главное, самое существенное отличіе Маши отъ нормальнаго человѣка, и не только отъ взрослого, но и отъ ребенка, у котораго уже очень рано мы замѣчаемъ образованіе сочетаній «по смыслу». У Маши мы не видимъ продуктовъ сочетаній «по смыслу», и потому всего того, что обуславливается ими въ психической жизни нормальнаго человѣка, въ психической жизни Маши нѣтъ. Я смотрю на образованіе продуктовъ сочетаній «по смыслу», какъ на третій актъ развитія психической жизни человѣка, дающій

совершенно новый обликъ душевнымъ проявленіямъ, именно—вносящій въ нихъ элементъ „пониманія“ и этотъ - то актъ у Маши почти отсутствуетъ. У нея почти нѣтъ пониманія, нѣтъ понятій, нѣтъ мышленія, нѣтъ смысла во всѣхъ ея чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ. Все то, что въ человѣческой жизни обуславливается пониманіемъ, сознаніемъ цѣли, сознаніемъ отношеній, все это у Маши отсутствуетъ, или если и существуетъ, то только въ зачаточномъ состояніи, и вся ея живая психическая дѣятельность—безсмысленна, всѣ ея дѣйствія автоматичны, и сознаніе ея поэтому является лишь простымъ бодрствованіемъ, а не дѣйствительнымъ сознаніемъ, освѣщеннымъ свѣтомъ самосознанія.

Эти особенности, описываемыя нами у Маши, отмѣчаются и другими авторами у всѣхъ микроцефаловъ того типа, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ очеркѣ. Конечно, попадаютъ малоголовые, т. е. индивидуумы съ крайне малой головой, не представляющіе этихъ особенностей психическаго строя, но они, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ другой группѣ малоголовыхъ, у которыхъ малое развитіе костей черепа обуславливается другими причинами и имѣетъ другой патогенезъ, чѣмъ у тѣхъ микроцефаловъ, къ которымъ относится Маша и которые были предметомъ выше-названной монографіи Карла Фохта. По отношенію къ индивидуумамъ этой послѣдней группы всѣ авторы отмѣчаютъ, что у нихъ пониманіе, если и есть, то ничтожное, а Карлъ Фохтъ прямо утверждаетъ, что у микроцефала этого типа—мышленіе совершенно отсутствуетъ: у него не можетъ быть самостоятельной мысли. Хотя это заключеніе К. Фохта, основанное, впрочемъ, на старательной оцѣнкѣ всего, что извѣстно было ему относительно всѣхъ описанныхъ микроцефаловъ,—слишкомъ категорично, такъ какъ при этомъ не принято во вниманіе, что мы можемъ ошибаться въ оцѣнкѣ психическихъ явленій, наблюдаемыхъ у низшихъ существъ,—но тѣмъ не менѣе, для всякаго объективнаго наблюдателя ясно, что, анализируя психическія проявленія микроцефаловъ этого типа, можно замѣтить рѣзкую разницу по отношенію къ ассоціациямъ различныхъ категорій: механическія ассоціаціи смежности у нихъ очень развиты, ассоціаціи по сходству существуютъ, но ихъ уже меньше, а ассоціацій «по смыслу» крайне мало или даже почти совершенно нѣтъ.

Вотъ эта-то особенность психическаго строя микроцефаловъ и заслуживаетъ, по моему мнѣнію, большого вниманія психоло-

говъ. Для меня она иллюстрируетъ нѣкоторыя воззрѣнія, касающіяся развитія нашего интеллекта, и подтверждаетъ одно изъ важнѣйшихъ положеній теоретической психологѣи, котораго я держусь, а именно—необходимость признанія особой функціи сочетанія идей въ опредѣленномъ направленіи, признанія въ психикѣ человѣка особой *направляющей* функціи.

По отношенію къ развитію нашей интеллектуальной дѣятельности я держусь воззрѣнія, сходнаго съ воззрѣніемъ тѣхъ психологовъ, которые (какъ, на примѣръ, Вундтъ) не довольствуются для объясненія интеллектуальныхъ процессовъ простой ассоціативной теоріей, а считаютъ необходимымъ добавить ее предположеніемъ существованія особой направляющей дѣятельности (активной апперцепціи—по Вундту). По моему представленію, наша интеллектуальная дѣятельность получаетъ первоначальный матеріалъ изъ ощущений. Благодаря громадному количеству получаемыхъ человѣкомъ ощущенийъ разнаго качества и различной интензивности, притомъ различно локализующихся, и благодаря тому, что они не исчезаютъ мгновенно, а оставляютъ слѣды,—ощущенія составляютъ громадный элементарный капиталъ, который и служитъ для развитія дальнѣйшихъ проявленій душевной жизни, и прежде всего—для развитія образовъ предметовъ, или представленій: такъ какъ получаемыя человѣкомъ ощущенія при своемъ появленіи входятъ черезъ посредство богатой ассоціаціонной сѣти нервныхъ волоконъ въ соечтаніе съ хранящимися въ запасѣ слѣдами прежнихъ ощущенийъ и такъ какъ психическому организму человѣка принадлежитъ непостижимое свойство проэцировать свою дѣятельность во внѣшній міръ, то и являются изъ ощущенийъ новые элементарные психическіе продукты — *представленія*. Представленія могутъ быть чрезвычайно разнообразны въ зависимости отъ ощущенийъ, изъ которыхъ они развились; а такъ какъ ощущенийъ у человѣка множество, то и представленій чрезвычайно много. Они входятъ между собою въ обширныя и многочисленныя сочетанія, черезъ посредство ассоціаціонныхъ волоконъ, и образуютъ множество болѣе или менѣе сложныхъ представленій. Сложныя представленія бываютъ очень разнообразны въ зависимости отъ входящихъ въ составъ ихъ элементовъ и отъ качества ихъ связи, но изъ нихъ особую важность для душевной жизни человѣка имѣютъ тѣ сложныя представленія, которыя называются—*понятіями*.

Я, конечно, разойдусь во взглядѣ со многими профессиональными психологами въ опредѣленіи того, что такое понятіе, но я считаю необходимымъ выяснитъ, что для меня это слово имѣетъ значеніе очень опредѣленнаго продукта психической дѣятельности, притомъ тѣсно связаннаго съ его филологическимъ смысломъ: понятіе должно имѣть въ себѣ элементомъ пониманіе, или попытку пониманія. Это будетъ яснѣе видно изъ слѣдующаго.

Когда я вижу нѣсколько разъ одинъ и тотъ же предметъ и знаю, съ какими другими предметами этотъ предметъ находится *въ соотношеніи*, я не только имѣю образъ этого предмета въ своей душѣ, но и начинаю понимать его значеніе, понимать, что составляетъ основной признакъ этого предмета; съ даннымъ представленіемъ сочетается представленіе о смыслѣ, лежащемъ въ основѣ различія предмета, соответствующаго этому представленію, отъ другихъ предметовъ, о значеніи и цѣли этого предмета. Это я и называю понятіемъ. Напримѣръ, я вижу знакомаго и говорю, что это — человѣкъ. «Человѣкъ» можетъ обозначать и представленіе, и понятіе; это — понятіе, если я подъ нимъ разумѣю не образъ одного человѣка, а основные признаки человѣческаго существа. Возьмемъ другой примѣръ: когда я вижу ключъ, которымъ отпираютъ замокъ, у меня является сочетаніе представленій его формы, блеска тяжести и т. п., и въ концѣ концовъ образуется сложное представленіе ключа. До поры до времени это — только представленіе, хотя и сложное.

Но вѣдь, я могу говорить о ключѣ, и не представляя себѣ формы этого ключа, а имѣя въ виду только смыслъ ключа, т. е. предмета, при помощи котораго можно отворять то, что заперто. Въ этомъ случаѣ, слово «ключъ» будетъ обозначать уже не представленіе, а понятіе. Итакъ, для понятія необходимо, чтобы у меня складывался не только образъ предмета, но была бы, хотя и элементарная, попытка понять его значеніе, — понять, что составляетъ основной признакъ этого предмета, что объединяетъ всѣ составные элементы его. Понятія образуются изъ комбинацій представленій, какъ и всѣ сложные представленія; а отъ другихъ сложныхъ представленій они отличаются тѣмъ, что въ нихъ связующимъ представленія цементомъ должно служить то, что короче всего можно назвать «осмысленіемъ». Для образованія понятій недостаточно сочетаній по смежности и одновременности

или по одному внѣшнему сходству, а должна быть связь представленій «по смыслу».

Терминъ «связь по смыслу» очень трудно замѣнить какимъ-либо другимъ, хотя я понимаю, что онъ не обозначаетъ ясно того условія, которое я считаю необходимымъ признакомъ «понятія». Его нельзя замѣнить терминами: по «причинной зависимости», по «цѣлесообразности», потому что все это будутъ только частичныя формы тѣхъ соотношеній между предметами, которыя мы опредѣляемъ словомъ «осмысленіе». Мнѣ кажется, что этотъ терминъ будетъ понятнѣе, если я выскажу, что основною задачей осмысленія я считаю объединеніе множества, нахожденіе логическаго единства во множествѣ. Одною изъ функций человѣческой психики, — функций, опредѣляемыхъ непреодолимою потребностью нормальной психической жизни и, вѣроятно, основными свойствами психической организациі нормальнаго человѣка, является исканіе и нахожденіе единства во множествѣ; удовлетвореніе этой потребности даетъ высшія чувствованія: эстетическія, нравственныя и логическія. Эта-то потребность въ приложеніи къ сочетанію представленій и вызываетъ ихъ комбинацію по принципу логическаго объединенія. Какъ только начинаетъ дѣйствовать притягательная сила логическаго объединенія (осмысленія), начинаютъ образовываться и понятія. Актъ этого объединенія есть логическое сужденіе, продуктъ его — понятіе. Если память хороша, то запасъ образовавшихся понятій составляетъ главный капиталъ ума.

Такимъ образомъ, подъ связью представленій «по смыслу» я разумѣю сочетаніе ихъ по принципу логическаго объединенія, сочетаніе въ силу рокового стремленія найти единое во множествѣ. Эти сочетанія иногда могутъ оставаться только попытками къ такого рода объединенію; но если въ нихъ принимаетъ участіе эта всеобъединяющая функція, они будутъ заслуживать названіе «понятій».

Способность къ образованію большого количества понятій и большой запасъ ихъ составляютъ свойство исключительно человѣческаго интеллекта, въ отличіе отъ интеллекта животныхъ, и естественно является мысль, что именно въ человѣческой организациі лежатъ наиболѣе благопріятныя условія для того, чтобы происходили сочетанія по этой высшей связи, т.е. по смыслу; столь же естественно искать въ головномъ мозгу человѣка усло-

вій для этого рода сочетаній. Повидимому, условія эти находятся въ энергичной дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣловъ мозговой коры, назначенныхъ для того, чтобы давать направленіе сочетаніямъ представленій между собой. Отъ нервныхъ клѣтокъ, залегающихъ въ этихъ отдѣлахъ, исходитъ импульсъ иннервационнаго процесса, служащаго субстратомъ сочетанія представленій «по смыслу», благодаря чему и образуются понятія.

Эти отдѣлы начинаютъ проявлять себя у человѣка очень рано; уже въ первые годы жизни нормальнаго ребенка мы замѣчаемъ у него неупорядоченное стремленіе къ разрѣшенію задачъ, представляющихся ему среди окружающихъ его явленій; оттого дѣти такъ часто и спрашиваютъ: «почему? и зачѣмъ?» Въ этихъ «почему и зачѣмъ» видны основныя свойства человѣческой психики — находить смыслъ въ окружающихъ предметахъ и сочетать замѣчаемыя явленія по ихъ значенію, по ихъ цѣлесообразности, по ихъ причинной зависимости другъ отъ друга. Я говорю: «причинной зависимости, цѣлесообразности» — потому, что все это входитъ, какъ части, въ понятіе «смысла», составляя проявленія роковой потребности логическаго объединенія.

Гдѣ же локализируются эти отдѣлы, въ какой части мозга должны мы искать аппаратовъ, откуда направляются эти импульсы, какіе элементы служатъ для этой направляющей сочетанія функции? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только приблизительно. Многими фактами установлено, что ближайшее отношеніе къ умственной дѣятельности имѣютъ полушарія головного мозга и что функции различныхъ отдѣловъ полушарій не одинаковы, и я не буду подробнѣе говорить объ этомъ. Опыты Гольца, произведенные надъ собаками, привели къ заключенію, что хотя у собаки способность замѣщенія функций удаленныхъ или разрушенныхъ частей мозга очень велика (вслѣдствіе чего очень часто явленія, развившіяся послѣ операціи удаленія какой-нибудь части, сглаживаются съ теченіемъ времени), но все-таки и его опытами установлено, что задніе и передніе отдѣлы полушарій имѣютъ не одинаковыя функции. По опытамъ Гольца, при удаленіи у собаки обѣихъ переднихъ долей теряется «умѣнье» производить дѣйствія, при удаленіи же заднихъ — разстраивается способность узнаванія. При отнятій переднихъ долей съ обѣихъ сторонъ, собака, на примѣръ, не умѣетъ держать кость лапами, не умѣетъ подавать лапу; она не можетъ найтись въ затруднительныхъ положеніяхъ, вяла, тупа. При этомъ у нея остаются привязанности, половая похоть,

сторожливость, злость; она слышитъ, видитъ и обоняетъ. При удаленіи обоихъ заднихъ отдѣловъ полушарій собака сохраняетъ способность держать кость лапами; умѣнья у нея вообще больше, но она не узнаетъ (зрѣніемъ) знакомыхъ людей, дѣлается равнодушна къ угрожающимъ жестамъ, къ плеткѣ. Таковы экспериментальныя данныя; они съ несомнѣнностью доказываютъ не только то, что полушарія имѣютъ отношеніе къ психической дѣятельности, но и то, что функціи различныхъ отдѣловъ полушарій не совсѣмъ одинаковы по отношенію къ психическимъ отправлениямъ: задніе отдѣлы имѣютъ наибольшее отношеніе къ чувствованію и узнаванію, передніе же—къ направленію дѣйствій и къ умѣнью. Задніе отдѣлы имѣютъ больше отношенія къ восприниманію, передніе же—къ активности. Это соотвѣтствуетъ и тому, что констатировано многочисленными наблюденіями надъ человѣкомъ, а именно, что въ корѣ заднихъ отдѣловъ мозга находятся центры зрѣнія, слуха и осязанія, тогда какъ центры для движеній, психомоторные центры—находятся впереди.

Отсюда не трудно сдѣлать предположеніе, что тѣ центры, откуда, главнымъ образомъ, исходятъ двигательные импульсы, должны находиться въ переднихъ отдѣлахъ мозга и что, слѣдовательно, въ переднихъ отдѣлахъ мы должны искать и тѣхъ центровъ, отъ которыхъ исходитъ импульсъ, вліяющій на направленіе сочетаній идей; импульсъ къ сочетанію идей есть двигательный актъ, и потому мы должны локализовать его центры въ переднихъ отдѣлахъ мозговой коры. Въ виду этого естественно является предположеніе, что значеніе центра, откуда происходитъ направленіе сочетаній по логическому объединенію, «по смыслу», съ вѣроятностью можетъ быть приписано лобнымъ долямъ или переднимъ отдѣламъ темянныхъ долей, тѣмъ болѣе, что прямыя опыты Гитцига и Гольца указываютъ, что удаленіе лобныхъ долей у собаки специально вліяетъ на ослабленіе умственныхъ способностей. Благодаря функціи элементовъ, залегающихъ въ лобныхъ или темянныхъ отдѣлахъ, и совершается, можетъ-быть, соединеніе представленій въ силу принципа объединенія, и, благодаря этому, образуются своеобразныя сложныя представленія, называемыя понятіями.

Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ однако прибавить, что, если для образованія понятій и необходимъ, по всей вѣроятности, импульсъ, исходящій изъ переднихъ отдѣловъ полушарій, то это не значитъ, что уже образовавшіяся понятія локализируютъ

ются только въ этихъ отдѣлахъ, напримѣръ, въ лобныхъ доляхъ. Они локализируются, по всей вѣроятности, во всѣхъ тѣхъ отдѣлахъ коры, въ которыхъ образуются и хранятся всякія представленія, и потому человѣкъ, съ глубокимъ и обширнымъ поврежденіемъ заднихъ отдѣловъ полушарій, будетъ такъ же лишень способности къ умственной дѣятельности, какъ и лишенный переднихъ. Для умственной дѣятельности необходимо гармоническое взаимодѣйствіе всѣхъ центровъ психической жизни.

Мысль, что именно въ переднихъ доляхъ нужно искать центровъ, изъ которыхъ исходятъ импульсы для сочетаній «по смыслу», есть, конечно, предположеніе, нуждающееся еще въ подтвержденіи. И вотъ, однимъ изъ подтвержденій этой мысли являются результаты изученія микроцефаловъ. Изъ анализа явленій, представляемыхъ нашей микроцефалкой Машей, мы пришли къ заключенію, что у нея чрезвычайно рѣзко выражается отсутствіе или крайняя бѣдность сочетаній логическихъ, на-ряду съ обиліемъ чисто механическихъ сочетаній, Это уже, само по себѣ, составляетъ весьма важный фактъ, служащій доказательствомъ фізіологической раздѣльности этихъ двухъ родовъ сочетаній. Но этотъ фактъ приобрѣтаетъ еще большее значеніе, когда мы знаемъ, что этому свойству психическихъ явленій соотвѣтствуетъ недоразвитіе опредѣленныхъ отдѣловъ головного мозга. У всѣхъ микроцефаловъ, принадлежащихъ къ типу, описанному Карломъ Фохтомъ, къ которому принадлежитъ и Маша, отмѣчалось крайне слабое развитіе именно переднихъ отдѣловъ полушарій, особенно темянныхъ и лобныхъ долей, и, конечно, этотъ фактъ въ значительной мѣрѣ гармонируетъ со взглядомъ, по которому переднимъ отдѣламъ полушарій, и въ частности лобнымъ (или темяннымъ) долямъ, слѣдуетъ приписать значеніе центровъ, изъ которыхъ исходитъ сочетаніе идей въ опредѣленномъ направленіи, со взглядомъ, утверждающимъ, что тамъ нужно искать исходный пунктъ силы, направляющей умъ.

Исслѣдованіе психологіи микроцефаловъ представляетъ еще много интересныхъ фактовъ, которые могли бы послужить для выясненія или иллюстраціи нѣкоторыхъ психологическихъ воззрѣній, напримѣръ, относящихся до теоріи сознанія, теоріи развитія чувствованій, теоріи вниманія, но и такъ мой очеркъ вышелъ слишкомъ длиннымъ, и я не могу затрогивать такіе важные вопросы. Тѣмъ болѣе, что самое главное, чему насъ можетъ на-

учить изученіе микроцефала съ психологической точки зрѣнія, это, по моему мнѣнію, то, на чемъ я довольно подробно остановился, а именно: это изученіе заставляетъ насъ считать необходимымъ признаніе *физиологической* раздѣльности процессовъ, лежащихъ въ основѣ механическихъ сочетаній и сочетаній логическихъ, т.-е. имѣющихъ цѣлью логическое объединеніе. А физиологическая раздѣльность этихъ двухъ родовъ сочетаній заставляетъ признать существованіе физиологической функции, направляющей сочетанія въ смыслѣ логическаго объединенія, или, говоря иначе, направляющей функции ума, *высшей направляющей функции* *).

Многіе психологи, вмѣстѣ съ Вундтомъ, считаютъ, что для объясненія умственной дѣятельности недостаточно предположенія простыхъ ассоціативныхъ процессовъ, а нужно еще допустить существованіе дѣятельности, имѣющей содержаніемъ своимъ направленіе сочетаній. Это — «активная апперцепція» Вундта. Необходимость допущенія такой направляющей дѣятельности вытекаетъ уже изъ того, что мы не можемъ отрицать у людей самыхъ различныхъ національностей и различныхъ историческихъ періодовъ — единства логики и единства многихъ другихъ высшихъ проявленій душевной жизни, какъ, на примѣръ, нравственнаго императива въ широкомъ смыслѣ этого слова. Для объясненія этого единства недостаточно однихъ механическихъ ассоціаций смежности и одновременности и даже простыхъ сочетаній по внѣшнему сходству, — нужны еще сочетанія по извѣстному, единому для всего рода человѣческаго, направленію. Только признавая существованіе направляющей функции, и можно объяснить высшія проявленія разума и его единство для всѣхъ нормальныхъ людей.

Я сказала, что Вундтъ называетъ функцию, завѣдующую логическими сочетаніями — активной апперцепціей. Я избѣгаю употреблять это названіе, а говорю или просто «направляющая функция», или «направляющая сила ума, или разума». Я это дѣлаю потому,

*) Во избѣжаніе недоразумѣнія, я считаю нужнымъ прибавить, что, признавая физиологическую раздѣльность сочетаній по смежности и сходству отъ сочетаній логическихъ и видя одно изъ оснований для этого различія въ томъ, въ какой степени участвуетъ въ образованіи сочетаній различныхъ категорій — направляющая функция, я однако не хочу сказать, чтобы направляющая функция *совсѣмъ* не вліяла на образованіе сочетаній по смежности и сходству; она вліяетъ на ихъ образованіе, но въ меньшей степени, и именно, меньше всего въ ассоціацияхъ по смежности, нѣсколько болѣе — въ ассоціацияхъ сходства.

что Вундтовская апперцепція (сколько я могу понять его нѣсколько туманное изложеніе этого предмета)—есть высшее проявленіе сознательности. Апперцепція его есть приведеніе психическихъ актовъ въ ясный пунктъ сознанія. Правда, съ этимъ соединено и дѣйствіе, и даже мускульное движеніе, и дѣйствіе это заключается въ логическомъ сочетаніи представленій,—но на первомъ планѣ все-таки стоитъ наибольшая ясность сознанія.

Мнѣ кажется, что нельзя такъ соединять двѣ функціи: одну—приведеніе въ ясный пунктъ сознанія, а другую — направленіе сочетаній по принципу логическаго объединенія. Есть факты, служащіе указаніемъ, что сочетанія по этому принципу совершаются и ниже уровня яснаго сознанія. Высшія творческія сочетанія, происходящія во время поэтическаго вдохновенія, совершаются въ силу роковой потребности объединенія и чаще всего безъ отчетливаго сознанія, и только готовый результатъ является въ ясномъ полѣ сознанія, да и то не всегда. То же можно сказать и о сочетаніяхъ, лежащихъ въ основѣ гениальныхъ открытій, художественнаго творчества и высокихъ нравственныхъ дѣяній. Это и заставляетъ меня считать, что «направляющая функція разума» должна быть отдѣлена отъ высшей сознательной дѣятельности, отъ активной апперцепціи, для которой активное вниманіе является главнымъ орудіемъ.

Правда, очень часто эти функціи дѣйствуютъ и развиваются параллельно, но все-таки онѣ не тождественны. Активная апперцепція есть приведеніе психическихъ актовъ въ наиболѣе ясный пунктъ сознанія, а направляющая функція разума есть болѣе широкая и болѣе глубокая дѣятельность, заключающаяся вообще въ сочетаніи идей, чувствованій и стремленій—по опредѣленному направленію. Эта дѣятельность присуща человѣческой организаціи; она есть результатъ спеціальнаго дифференцированія физиологическихъ отправленій нервныхъ центровъ человѣка; она обусловливаетъ образованіе понятій, она обусловливаетъ гармонію высшихъ проявленій разума. Ея дѣятельность можетъ быть и ниже уровня сознанія. Конечно, активная апперцепція пользуется этой общей и глубокой функціей: для приведенія психическихъ актовъ въ ясный пунктъ сознанія необходимо, чтобы была возможность активнаго, произвольнаго сочетанія идей (а именно это и происходитъ при активной апперцепціи); но это только одна часть дѣятельности направляющей функціи ума. Правда, это—часть

очень важная, не только по своему непосредственному значенію для ясности сознанія, но и потому, что этимъ путемъ дается способъ произвольнаго приложенія направляющей функціи, а это даетъ возможность не только направлять ее для тѣхъ или другихъ цѣлей сознанія, но и стимулировать и развивать ее. Въ произвольномъ вниманіи, обращенномъ на то или другое, мы имѣемъ способъ концентрировать фізіологическія функціи именно на этой направляющей дѣятельности и тѣмъ имѣемъ возможность упражнять ее, усиливать и развивать. Отсюда — величайшее значеніе дисциплины активнаго вниманія для каждаго человѣка, отсюда и то, что даже люди очень даровитые, съ обширнымъ запасомъ направляющихъ сочетанія импульсовъ, должны много и активно работать, чтобы ихъ сила не растрчивалась попусту. Насколько активное вниманіе увеличиваетъ проявленіе этой силы, можно видѣть на той же Машѣ, которая была предметомъ этого очерка. У Маши функція, управляющая сочетаніями логическими, крайне слаба; проявленія ея дѣятельности чрезвычайно немногочисленны, но мы видимъ, что и у нея подъ вліяніемъ тѣхъ стимуловъ, которые возбуждаютъ у нея, хотя бы на короткое время, активное вниманіе, — является усиленіе процесса сочетаній по смыслу, являются, хотя очень небольшія, проявленія этого процесса въ видѣ смутнаго сознанія какой-то цѣли, въ видѣ послушанія, хотя и недостаточно осмысленнаго, а иногда даже въ словахъ, наводящихъ на мысль объ существующей, хотя и слабой, разумности.

Въ заключеніе я долженъ прибавить, что признаніе существованія функціи, заключающейся въ направленіи сочетаній по опредѣленному плану, который можетъ быть названъ разумнымъ, — кажется для многихъ уступкой метафизическимъ воззрѣніямъ. Но я совершенно не согласенъ съ этимъ. Разумъ человѣка не есть что-то метафизическое, — это такое свойство психической дѣятельности человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло на каждомъ шагу. Правда, мы не можемъ еще дать этому понятію точнаго опредѣленія, но намъ постоянно приходится дѣлать различеніе того, что разумно и что неразумно, — слѣдовательно, непосредственное пониманіе того, что такое разумъ, у насъ имѣется. Для разума, какъ свойства нормальной человѣческой организациі, мы должны предполагать и субстратъ, и механизмъ, и вотъ, для уясненія этого механизма является почти необходи-

мымъ предположеніе направляющей сочетанія функціи. Лишь опредѣленіе сущности того направленія, по которому должны происходить различныя сочетанія, ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми метафизическими воззрѣніями, но и оно еще не вводитъ насъ въ ихъ область, такъ какъ здѣсь мы и оста- навливаемся, ограничиваясь въ этомъ опредѣленіи простой сим- волической формулой: мы говоримъ, что понятіе смысла (когда говорятъ объ осмысленныхъ сочетаніяхъ) уясняется больше всего представленіемъ о нахожденіи этимъ путемъ *единого во множе- ствѣ*. Несмотря на кажущуюся метафизичность этой формулы, она, однако, не можетъ считаться таковой, потому что является выраженіемъ результатовъ эмпирическаго изслѣдованія и выво- домъ, сдѣланнымъ изъ анализа множества проявленій душевной жизни человѣка.

Но если предположеніе существованія направляющей функціи разума и не есть предположеніе метафизическое, а результатъ наблюдений и опыта, тѣмъ не менѣе оно все-таки остается только предположеніемъ, съ которымъ далеко не всѣ психологи- эмпирики могутъ согласиться. Въ виду этого и всякій фактъ, который можетъ намъ уяснить значеніе этой функціи и, тѣмъ болѣе, подтвердить существованіе ея, имѣетъ неоспоримое зна- ченіе. Къ такимъ фактамъ принадлежатъ, по моему мнѣнію, и данныя, добываемыя изученіемъ микроцефаловъ.

С. Корсаковъ.

Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи *).

Мм. гг.!

Среди многочисленныхъ открытій, изслѣдованій и теорій, которыми такъ богата научная лѣтопись истекающаго столѣтія, весьма видное мѣсто принадлежитъ тѣмъ чрезвычайно любопытнымъ и оригинальнымъ математическимъ изысканіямъ, которыя представляютъ собою обобщеніе основныхъ положеній и дальнѣйшихъ выводовъ науки о пространствѣ. Первая мысль о подобнаго рода изслѣдованіяхъ принадлежитъ Гауссу и, по его собственному свидѣтельству, восходитъ къ концу прошлаго столѣтія (къ 1792 году). Самъ Гауссъ, высказавшій нѣсколько краткихъ указаній въ перепискѣ съ астрономомъ Шумахеромъ, ничего не издалъ по этому предмету; первыя напечатанныя изслѣдованія въ этой новой отрасли математическихъ знаній принадлежатъ нашему соотечественнику, казанскому профессору Лобачевскому, котораго память чествовалась русскимъ обществомъ и всѣмъ ученымъ міромъ два съ половиною мѣсяца тому назадъ по случаю столѣтія со дня его рожденія. Лобачевскій въ продолженіе тридцати лѣтъ, начиная съ 1826 года, до самой своей смерти въ 1856 году, продолжалъ заниматься новою задачей, которая имъ впервые была разрѣшена во всей полнотѣ и съ замѣчательною силой и послѣдовательностію мысли. Онъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ старался придать своимъ изслѣдованіямъ болѣе совершенную форму и большую убѣдительность;

*) Рѣчь, читанная на послѣднемъ общемъ собраніи IX-го Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ 11-го января 1894 г.

но, за исключеніемъ Гаусса, никто изъ современныхъ ему ученыхъ не обратилъ вниманія на его труды, а также и на сходные по содержанію и выводамъ труды Вольфганга и Іоганна Боіаи—двухъ венгерскихъ ученыхъ того же времени. Дѣло оставалось въ такомъ положеніи до конца шестидесятыхъ годовъ, когда ближайшій изъ учениковъ Гаусса, талантливый математикъ Риманъ, поднялъ тотъ же вопросъ, придавъ ему несравненно большую общность; статья Римана и появившіяся вслѣдъ за нею изслѣдованія Гельмгольца привлекли всеобщее вниманіе ученыхъ; съ того времени быстро развилась обширная литература по этому предмету, и въ настоящее время ученіе о непрерывныхъ многообразіяхъ составляетъ весьма значительный и важный новый отдѣлъ математическаго анализа. Русская ученая литература обязана признательностію Казанскому Физико-Математическому Обществу за изданіе къ столѣтнему юбилею Лобачевскаго перевода на русскій языкъ важнѣйшихъ основныхъ сочиненій по этой новой отрасли математики въ видѣ сборника подъ общимъ заглавіемъ: «Объ основаніяхъ геометріи».

Общія изысканія о непрерывныхъ многообразіяхъ несомнѣнно представляютъ глубокій интересъ и существенную важность, какъ со стороны аналитическихъ приемовъ, помощью которыхъ разрѣшаются относящіяся сюда вопросы, такъ и по тѣмъ болѣе общимъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ эти изслѣдованія даютъ возможность смотрѣть на геометрическія соотношенія въ дѣйствительномъ пространствѣ. Но нельзя не замѣтить, что мнѣнія почти всѣхъ ученыхъ о критическомъ и реформирующемъ значеніи этой новой теоріи многообразій для науки о дѣйствительномъ пространствѣ и преимущественно для ея начальныхъ основаній едва ли могутъ быть признаны свободными отъ недоразумѣній и преувеличеній. Настоящая рѣчь имѣетъ цѣлю указать на нѣкоторыя наиболѣе распространенныя изъ этихъ недоразумѣній; позволяю себѣ думать, что такой предметъ, несмотря на его незначительность и сухость, на отсутствіе въ немъ всякаго блеска и эффекта, не будетъ признанъ неумѣстнымъ въ собраніи лицъ, соединенныхъ здѣсь прежде всего стремленіемъ къ истинѣ.

Почти всѣми геометрами, начиная съ Гаусса, занимавшимися новыми вопросами о многообразіяхъ, высказывалась съ большею или меньшею опредѣленностью та мысль, что этими новыми математическими изслѣдованіями совершенно измѣняются прежнія

воззрѣнія на достовѣрность начальныхъ положеній общепринятой Евклидовой геометріи, и что дѣйствительное пространство можетъ обладать совсѣмъ другими свойствами, чѣмъ мы привыкли думать до сихъ поръ. Если это такъ, то, принимая въ соображеніе, что задача науки заключается не въ однихъ только отвлеченныхъ логическихъ упражненіяхъ, и вдумываясь въ глубокое, коренное значеніе началъ геометріи для всѣхъ нашихъ знаній о внѣшнемъ мірѣ, мы должны бы прійти къ заключенію, что этимъ знаніямъ грозитъ полное разрушеніе, что въ нихъ все должно быть перестроено отъ самыхъ основаній, причемъ только одинъ математическій анализъ, силою котораго должна совершиться эта грандіозная реформа, остался бы неприкосновеннымъ. Однако, мы видимъ, что въ наукѣ ничего столь страшнаго не происходитъ: на ряду съ новыми взглядами продолжаютъ мирно существовать и старая геометрія, и старая механика, и физика, и всѣ другія науки. Очевидно, тутъ есть недоразумѣніе, которое, по моему мнѣнію, объясняется очень просто: новыя математическія изысканія о многообразіяхъ не только не измѣнили, но и не могли измѣнить прежнихъ основаній геометріи, потому что они ихъ вовсе не касались и не могли касаться. Для объясненія сказаннаго я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Въ «Началахъ Евклида»,—первомъ систематическомъ трактатѣ геометріи, появившемся слишкомъ 2100 лѣтъ тому назадъ и представляющемъ удивительный для такой глубокой древности и для перваго шага въ наукѣ образецъ силы и ясности сужденія,—приняты за основаніе двѣнадцать положеній, называемыхъ аксіомами. Эти положенія, а также и три сопровождающіе ихъ постулата, приведены у Евклида безъ всякихъ объясненій относительно ихъ обязательной силы и происхожденія. Это—истины, съ которыми всякій, приступающій къ изученію геометріи, долженъ согласиться вслѣдствіе ихъ непосредственной очевидности. Изъ 12 аксіомъ только четыре выражаютъ собою свойства, исключительно принадлежащія пространственнымъ протяженіямъ; остальные относятся столько же къ протяженіямъ, сколько и къ отвлеченнымъ числамъ, т.-е. къ величинамъ вообще. Знаменитая въ исторіи науки XI-я аксіома, формулирующая необходимость встрѣчи перпендикуляра и наклонной, болѣе, чѣмъ остальные аксіомы Евклида, имѣетъ видъ теоремы, т.-е. вызываетъ желаніе вывести ее изъ какихъ-либо другихъ положеній, обладающихъ

въ большей степени непосредственною убѣдительностію. Попытки замѣнить эту XI-ю аксіому другими, болѣе очевидными истинами встрѣчаются уже въ древности и продолжаются до настоящаго времени. Ровно сто лѣтъ тому назадъ начальная геометрія была тщательно переработана французскимъ геометромъ Лежандромъ, трудамъ котораго мы обязаны хорошо всѣмъ намъ знакомою формою изложенія, преобладающею въ современныхъ учебникахъ геометріи. Замѣтимъ кстати, что эта форма изложенія, представляя по сравненію съ «Началами Евклида» несомнѣнное улучшение системы и значительное упрощеніе предмета, къ сожалѣнію, устранила изъ нашего учебнаго курса многія существенно важныя и глубокомысленныя идеи и разсужденія древняго первоучителя. Лежандру и его современнику Бертрану, изъ Женевы, принадлежатъ наиболѣе извѣстныя доказательства XI-й аксіомы, которыя, какъ и должно быть, сводятся къ замѣнѣ этой аксіомы другими, равносильными ей положеніями. Я не могу указать, когда и гдѣ въ первый разъ высказана была неправильная мысль, будто бы эти попытки имѣли цѣлію чисто логическій выводъ XI-й аксіомы изъ остальныхъ аксіомъ Евклидовой геометріи, а не приисканіе на ея мѣсто другого, болѣе очевиднаго, предложенія. Однако, въ разсматриваемомъ нами новомъ научномъ движеніи, котораго начало относится къ тому же самому времени, вся аргументація въ пользу отрицанія XI-й аксіомы и въ пользу права замѣнить ее предложеніемъ болѣе общимъ сводится исключительно къ указанію на бесплодность усилій доказать эту аксіому изъ остальныхъ. Дѣло представляется, слѣдовательно, въ такомъ видѣ: Евклидъ установилъ извѣстную систему аксіомъ; его послѣдователи придавали имъ, не измѣняя сущности и смысла, другія формы выраженія и, между прочимъ, замѣняли XI-ю аксіому равнозначащими съ ней допущеніями. Конечно, отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что XI-ю аксіому, или какую угодно другую, должно признать невѣрною или излишнею. Аксіомы, по самому своему понятію, какъ истины первоначальныя, не могутъ сами обосновываться чисто логически; для ихъ признанія должно существовать какое-либо иное основаніе; въ данномъ случаѣ это основаніе есть непосредственная очевидность. Если смотрѣть на геометрію только какъ на рядъ математическихъ умозаключеній, то будетъ совершенно безразлично, примемъ ли мы за исходныя положенія истины, безспорныя по своей очевидности, или, на-

противъ, такія предложенія, которыя прямо несогласны съ нашими пространственными представленіями; необходимо только, чтобы эти положенія не противорѣчили другъ другу; при этомъ условіи правильно выведенныя слѣдствія, во всякомъ случаѣ, будутъ представлять систему предложеній, не заключающую въ себѣ никакихъ логическихъ противорѣчій. Если за основныя положенія будутъ избраны обобщенія аксіомъ Евклидовой геометріи, то само собою разумѣется, что выведенная система слѣдствій будетъ заключать въ себѣ геометрію Евклида, какъ частный случай, какъ разъ соотвѣтствующій возвращенію отъ обобщенныхъ аксіомъ къ ихъ первоначальной частной формѣ. Такова именно такъ называемая, не-евклидова геометрія, или геометрія псевдосферическаго пространства, выведенная Лобачевскимъ изъ обобщенія XI-й аксіомы. Подобнымъ же образомъ возникли позднѣе ученія о сферическомъ и Римановомъ пространствѣ, о пространствахъ съ переменною кривизною и о пространствахъ со многими измѣреніями. Со временемъ появятся, вѣроятно, теоріи пространствъ, въ которыхъ Пифагорова теорема не имѣетъ мѣста даже для бесконечно-малыхъ разстояній, пространства съ дробнымъ числомъ измѣреній и т. п. Подобныя математическія изысканія могутъ быть не только весьма любопытны, но и существенно полезны во многихъ отношеніяхъ: ими, съ одной стороны, вызывается разработка новыхъ аналитическихъ пріемовъ; съ другой стороны, полученные результаты находятъ примѣненіе въ разныхъ отдѣлахъ математики и въ свою очередь являются усовершенствованными орудіями изслѣдованія. Они могутъ быть очень полезны и для геометріи, потому что, представляя собою обобщеніе геометрическихъ соотношеній, могутъ указывать на такія зависимости и связи между предложеніями геометріи, подмѣтять которыя безъ ихъ помощи было бы невозможно, и такимъ образомъ могутъ открывать новые пути для изслѣдованій о дѣйствительномъ пространствѣ.

Но во всемъ этомъ не видно и намекъ не только на опроверженіе или критику, но даже на какое-либо отношеніе этихъ математическихъ изысканій къ тѣмъ основаніямъ, изъ которыхъ геометрія почерпаетъ свою безспорную достовѣрность. Здѣсь оказывается возможнымъ только одно, и притомъ прямо обратное, критическое отношеніе: является именно вопросъ, насколько могутъ быть согласованы съ требованіями очевидности начальныя

положенія и выводы новыхъ математическихъ теорій. Для того, кто признаетъ законность требованій очевидности и не считаетъ ихъ заранѣе иллюзіями, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: всякое измѣненіе существеннаго смысла аксіомъ должно приводить къ заключеніямъ, не согласующимся съ нашими дѣйствительными пространственными представленіями. Такъ называемыя, пространства четырехъ и большаго числа измѣреній, дающія поводъ ко множеству чрезвычайно интересныхъ, остроумныхъ и заманчивыхъ разсужденій, совсѣмъ недоступны для нашего представленія и потому никакой очевидности имѣть не могутъ. Что касается различныхъ видовъ трехмѣрнаго многообразія, отличающихся отъ Евклидова пространства, то непримиримость ихъ съ требованіями очевидности безъ труда обнаруживается какъ въ основоположеніяхъ, такъ и въ дальнѣйшихъ выводахъ.

Итакъ, математическія изслѣдованія о многообразіяхъ ничему не могутъ насъ научить въ вопросѣ о геометрическихъ аксіомахъ, ничего не могутъ сказать ни за, ни противъ ихъ достовѣрности. А потому—мысль о критическомъ значеніи этихъ изслѣдованій и о томъ, будто бы ими опровергнута признававшаяся до сихъ поръ достовѣрность основаній геометріи, есть логическая ошибка и недоразумѣніе, проистекающее отъ того, что математики съ недостаточнымъ вниманіемъ и осторожностію, а иногда и съ пренебреженіемъ относятся къ вопросамъ о характерѣ и источникѣ истинъ, лежащихъ въ основаніи математическаго знанія.

Въ тѣсной связи съ этимъ находится другое недоразумѣніе, относящееся къ вопросу о происхожденіи аксіомъ и о возможности убѣждаться въ ихъ истинѣ посредствомъ опытной повѣрки.

Допустивъ равноправность какихъ угодно положеній въ качествѣ основаній геометріи, лишь бы они были удобны для математической обработки, нѣкоторые изъ представителей новаго ученія пришли къ заключенію, что вопросъ о томъ, какія аксіомы лежатъ въ основаніи геометріи дѣйствительнаго пространства, можетъ быть рѣшенъ только посредствомъ внѣшняго опыта.

Въ этомъ мнѣніи слышится отголосокъ и чувствуется вліяніе эмпирическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній, которыя въ наукѣ текущаго столѣтія составляютъ самое слабое мѣсто и самый тяжкій грѣхъ, коснувшійся наконецъ въ этомъ пунктѣ и

ясной области математическаго знанія. Я говорю здѣсь объ основномъ догматѣ эмпиризма, заключающемся въ отрицаніи духовной сущности сознанія и духовнаго бытія вообще. Мечтая о возможности такого отрицанія, послѣдователь эмпиризма уподобляется человѣку, который сталъ бы отрицать всякій смыслъ написаннаго или напечатаннаго на бумагѣ на томъ безспорномъ основаніи, что этого смысла нельзя открыть никакими микроскопическими или химическими изслѣдованіями бумаги и чернилъ. Для всякаго, кто допускаетъ возможность познанія, кто признаетъ обязательную силу логики и хотя какое-нибудь различіе между истиною и заблужденіемъ, несостоятельность этого отрицанія доказана уже давно, и доказана не какими-нибудь туманными, сомнительными философствованіями, но съ полною математическою строгостію и непререкаемою убѣдительностію. Знать объ этомъ для людей науки болѣе необходимо, чѣмъ знать первыя правила ариѳметики.

Существенныя черты понятія о внѣшнемъ опытѣ выясняются при разсмотрѣніи кореннаго различія объектовъ, непосредственно данныхъ въ нашемъ сознаніи, отъ тѣхъ, которые вносятся въ сознаніе въ видѣ показаній о внѣшнемъ мірѣ, доставляемыхъ намъ внѣшними чувствами. Эта существенная разнородность объектовъ знанія сказывается самыми ясными и опредѣленными признаками. Чувственные воспріятія съ принудительною силою удостоверяють насъ въ существованіи какого-то чуждаго намъ, загадочнаго и полнаго тайнъ матеріальнаго міра, постиженіе котораго составляетъ неисчерпаемую задачу и неотразимую привлекательность естествознанія. Но эти данныя чувственнаго опыта, именно вслѣдствіе ихъ чуждаго происхожденія и неустранимаго несовершенства доставляющихъ ихъ орудій, никогда не могутъ имѣть той безусловной достовѣрности и точности, какая свойственна идеальнымъ показаніямъ разума, на которыхъ зиждется, между прочимъ, и математическое познаніе. Въ свою очередь математическія науки, имѣя характеръ чисто умозрительный, не утверждаютъ и не могутъ утверждать никакого матеріальнаго бытія; но онѣ становятся необходимыми при стремленіи къ болѣе полному—а тѣмъ болѣе научному—уразумѣнію опытныхъ данныхъ, дѣлающихся предметомъ точнаго изслѣдованія не иначе, какъ послѣ предварительнаго упрощенія, обобщенія и идеализаціи. Лучшимъ свидѣтельствомъ разнородности умозрительныхъ

и опытныхъ объектовъ знанія можетъ служить то обстоятельство, что въ научномъ языкѣ нѣтъ слова, выражающаго понятіе столь неясное и неопредѣлимое, какъ слово «вещество» или «матерія», а между тѣмъ слово это существенно необходимо для выраженія именно того чуждаго элемента, который вносится въ наше сознаніе путемъ внѣшняго опыта. Напротивъ того, пространственныя представленія понимаются нами въ совершенной полнотѣ и съ идеальной ясностію, будучи, такъ сказать, вполне и насквозь проницаемы для нашего ума. Всякое опытное знаніе представляетъ собою очень сложное сплетеніе умозрительныхъ и чисто-опытныхъ элементовъ, которые ясно распознать и раздѣлить можно только посредствомъ весьма тщательнаго и осмотрительнаго анализа.

Лобачевскій думалъ, что можно непосредственными измѣреніями угловъ въ очень большихъ треугольникахъ убѣдиться, равна ли сумма этихъ угловъ полуокружности, или нѣтъ. Онъ даже дѣйствительно производилъ такую повѣрку въ треугольникахъ, вершинами которыхъ были два положенія земли и одна изъ неподвижныхъ звѣздъ, параллаксъ которой считался извѣстнымъ. Подобныя измѣренія не могли, само собою разумѣется, привести ни къ какому результату, такъ какъ самый планъ наблюдений построенъ былъ на логической ошибкѣ, которая называется ложнымъ кругомъ; дѣло въ томъ, что параллаксъ звѣзды, предполагаемый извѣстнымъ, опредѣляется на основаніи повѣряемой аксіомы какъ разъ изъ тѣхъ наблюдений, которыя, по мнѣнію Лобачевского, должны эту аксіому повѣрять.

Но Лобачевскому вовсе не нужно было производить новыхъ измѣреній: астрономы уже давно и неоднократно встрѣчались съ треугольниками, не удовлетворяющими требованіямъ Евклидовой геометріи; но это именно несогласіе повело ихъ не къ измѣненію аксіомъ геометріи, а къ открытію рефракціи, аберраціи, собственнаго движенія звѣздъ и т. д. Только при безусловномъ довѣрїи къ началамъ геометріи могли быть сдѣланы эти и многія другія, можетъ быть даже всѣ безъ исключенія, открытія въ наукѣ о природѣ. Если бы мы имѣли возможность перенестись съ нашими инструментами въ центры Сиріуса и Полярной звѣзды и, произведя измѣреніе угловъ громаднаго треугольника: Земля—Сиріусъ—Полярная, нашли бы даже сумму, отступающую отъ двухъ прямыхъ, то вывели бы конечно изъ этого факта не

поправку началъ геометріи, а либо новыя, неизвѣстные до сихъ поръ законы распространенія свѣта, либо какія-нибудь другія причины замѣченнаго отступленія. Да и уносятся на звѣзды нѣтъ никакой надобности: измѣренія на земной поверхности также давали и даютъ результаты болѣе или менѣе уклоняющіеся отъ требованій геометріи; по этимъ уклоненіямъ геодезисты судятъ, однако, не о степени вѣрности XI-й аксіомы Евклида, а о степени вѣрности своихъ инструментовъ и, когда встрѣчаются съ отклоненіями, выходящими за предѣлы ошибокъ, то открываютъ рефракцію лучей свѣта въ нижнихъ слояхъ атмосферы и т. п. Все, что мы до сихъ поръ знаемъ относительно внѣшней природы и ея законовъ, уже предполагаетъ аксіомы геометріи и существенно на нихъ основывается, такъ что, во всякомъ случаѣ, не въ опытѣ слѣдуетъ искать поводовъ для ихъ измѣненія. Съ другой стороны, опытные данныя сами по себѣ, вслѣдствіе неизбѣжнаго недостатка точности, настолько податливы, что всегда могутъ быть приноровлены и къ не-евклидовой, и ко всякой другой геометріи, а изъ этого еще съ большею ясностію обнаруживается, что достовѣрность аксіомъ не можетъ ни подтверждаться, ни опровергаться посредствомъ опытной повѣрки.

Имѣя въ виду сказать также нѣсколько словъ о воззрѣніяхъ Римана, приведу здѣсь небольшую, относящуюся къ занимающему насъ предмету, цитату изъ его статьи: «О гипотезахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи» *):

«Множественно протяженная величина можетъ обладать различными метрическими соотношеніями, и пространство поэтому является только нѣкоторымъ особеннымъ случаемъ трехкратно-протяженной величины. Необходимымъ же слѣдствіемъ отсюда будетъ то, что теоремы геометріи не могутъ быть выведены изъ общихъ понятій о величинѣ, но что тѣ свойства, которыми отличается пространство отъ другихъ мыслимыхъ трехкратно-протяженныхъ величинъ, могутъ быть выведены только изъ опыта».

Въ этихъ словахъ не только указывается, но и мотивируется необходимость выводить изъ опыта всѣ свойства, которыми пространство отличается отъ другихъ трехмѣрныхъ многообразій. Изъ общихъ понятій о величинѣ можетъ быть выведено сколь-

*) «Объ основаніяхъ геометріи». Казань, 1893 г., стр. 67.

ко угодно самыхъ разнообразныхъ многообразій; съ другой стороны, какъ сказано было ранѣе, опытъ можетъ быть также согласованъ съ самыми разнообразными предположеніями; кромѣ того, одинъ опытъ можетъ приводить къ однимъ, а другой—къ другимъ свойствамъ пространства; нынѣшній опытъ можетъ завтра замѣниться другимъ, болѣе совершеннымъ, который снова заставитъ переѣнить принятыя гипотезы. Такимъ образомъ, наука, древнѣйшая по происхожденію, болѣе чѣмъ двадцать одно столѣтіе не возбуждавшая сомнѣній и лежащая въ основаніи всѣхъ другихъ наукъ, наука Архимеда и Ньютона, ставится въ какое-то комическое положеніе неустойчивости и это именно въ томъ XIX вѣкѣ, когда эта старая наука сдѣлала такъ много успѣховъ, обогатившись болѣе простыми и самостоятельными способами изслѣдованія и вылившись въ особенно стройную, изящную форму. Теперь всякому предоставляется имѣть собственную геометрію и мѣнять ее по мѣрѣ надобности. Всѣ разработанныя до сихъ поръ математическимъ анализомъ геометріи имѣютъ ту особенность, что онѣ въ очень малыхъ частяхъ пространства совпадаютъ съ геометріею Евклида. Самому Риману, какъ это видно изъ послѣднихъ параграфовъ его статьи, нравилась другая, еще не получившая развитія, геометрія, которая допускаетъ различныя свойства пространства въ очень близкихъ точкахъ его, но такъ, чтобы въ среднемъ, для всякаго конечнаго объема, выходила справедливою старая Евклидова геометрія. И всѣ эти странныя, неправдоподобныя вещи приходится читать и слышать по поводу основаній самага простаго и яснаго изъ всѣхъ нашихъ знаній. Неужели это не есть недоразумѣніе? Не особенно трудно здѣсь усмотрѣть, въ чемъ оно состоитъ и откуда проистекаетъ.

Риманъ, какъ видно изъ приведенной цитаты, признаетъ два источника точнаго знанія, именно—опытъ и общія понятія о величинѣ, т.-е. математическій анализъ. Но съ этимъ воззрѣніемъ не согласятся ни сторонникъ, ни противникъ опытнаго происхожденія геометрическихъ аксіомъ. Математическій анализъ, безъ сомнѣнія, самъ въ концѣ концовъ опирается на какія-нибудь основныя истины; какъ онъ ни осложняется обиліемъ условныхъ символовъ и обобщеній, онъ, однако, нисколько не представляетъ изъ себя безвыходнаго лабиринта формальныхъ умозаключеній, въ которомъ окончательно потеряна нить, ведущая къ точкамъ исхода. Весь вопросъ заключается въ томъ, что это за

истины, на которыхъ основывается анализъ. Чистый эмпирикъ скажетъ, что эти истины сами должны истекать изъ опыта, и признаетъ умозаключеніе Римана или логической ошибкой, или таутологіей, ибо, съ точки зрѣнія эмпирика, аксіомы геометріи должны основываться на опытѣ не потому, что онѣ не вытекаютъ изъ анализа, а потому, что всякое знаніе, будетъ ли это геометрія или анализъ, не можетъ, по его мнѣнію, имѣть другого источника. Противникъ эмпиризма потребуеетъ указанія тѣхъ первоначальныхъ положеній, на которыхъ основывается достовѣрность анализа, и спроситъ объясненія, почему же аксіомы не могутъ имѣть своимъ основаніемъ тѣ же, или другія, столь же достовѣрныя, первоначальныя истины; отвѣтомъ же на этотъ вопросъ можетъ быть только признаніе непосредственной очевидности, равно необходимой для принциповъ какъ геометріи, такъ и анализа. Риманъ, не приводя объясненій, причислилъ пространство къ трехмѣрнымъ протяженіямъ; любопытно бы было знать, опытъ ли, или что другое, служило ему для этого основаніемъ.

Итакъ, вѣрованіемъ въ опытное происхожденіе геометріи ее можно только разрушить, лишить достовѣрности, опредѣленности и точности, но никакъ не утвердить основы, на которыхъ она зиждется.

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній о недоразумѣніяхъ, встрѣчающихся во взглядахъ на основанія геометріи, передъ нами возникаетъ вопросъ, гдѣ же въ самомъ дѣлѣ причина ихъ неоспоримой достовѣрности, что такое эта непосредственная ихъ ясность и очевидность? Пытаясь дать отвѣтъ на это, мы чувствуемъ себя какъ бы у преддверія всякаго знанія, у того источника, изъ котораго непосредственно почерпаются начала знанія; мы какъ бы находимся въ томъ пунктѣ, откуда въ одну сторону открывается передъ нами внѣшній міръ явленій, а въ другую—глубина нашего духа, область мысли съ ея логическими законами, область сознанія и духовнаго созерцанія. Въ этомъ пунктѣ и находимъ мы искомую очевидность, и эта очевидность есть именно пространство,—пространство, не какъ слово или отвлеченное понятіе, но какъ живое, дѣятельное представленіе въ нашемъ умѣ. Мы имѣемъ дѣло съ простѣйшимъ умственнымъ актомъ, не допускающимъ ни сомнѣній, ни доказательствъ. Если отъ меня требуется объясненіе сказаннаго, то я могу только обозначить

описательно путь, приводящій къ этому умственному усилю, или акту, предоставляя доброй волѣ слушателя послѣдовать этому пути и въ дѣйствительности пережить сказанный умственный процессъ.

Я обращаюсь къ той, всѣмъ близко знакомой и постоянно упражняемой способности нашей, которую называютъ воображеніемъ, созерцаніемъ, пространственнымъ представленіемъ (Anschauung) и которую было бы вѣрнѣе всего называть умозрѣніемъ, если бы послѣднее слово не употреблялось въ иномъ значеніи. Эта способность представлять и воображать себѣ внѣшніе предметы и явленія, въ какой бы ни находилась она зависимости отъ испытанныхъ нами или унаслѣдованныхъ чувственныхъ воспріятій, во всякомъ случаѣ неизмѣримо шире и разнообразнѣе, чѣмъ наблюденіе дѣйствительности; она ни въ малой степени не подчинена никакимъ физическимъ законамъ, нисколько не стѣснена ни размѣрами и расстояніями, ни временемъ. Можно сказать, что она безусловно подчинена законамъ математическимъ, и это совершенно вѣрно, но происходитъ это только потому, что именно математическіе законы и составляютъ ея существенную принадлежность, ея, такъ сказать, основное свойство. Пользуясь этою способностію, мы безъ всякаго затрудненія можемъ мысленно устранить всѣ безъ исключенія матеріальные предметы внѣшняго міра, представить себѣ, что они исчезли, уничтожились, такъ что ничего вещественнаго не осталось. Тогда передъ нашимъ умственнымъ взоромъ предстанетъ образъ безграничной, безконечной, непрерывной, повсюду и по всѣмъ направленіямъ однообразной пустоты, того абсолютнаго простора, который оказывается необходимою средою и вмѣстилищемъ всѣхъ внѣшнихъ явленій и всѣхъ нашихъ представлений и который носитъ названіе пространства. Это есть чистое, никакимъ внѣшнимъ чувствамъ недоступное и отъ нихъ совершенно не зависящее представленіе, съ совершенною полнотою и ясностію открытое для нашего ума. Все, что мы вполне отчетливо усматриваемъ въ пространствѣ, имѣетъ для насъ непосредственную достовѣрность и очевидность. Только благодаря представленію пространства, мы имѣемъ ясныя понятія о раздѣльности и непрерывности, о числѣ и величинѣ, о томъ, что есть цѣлое и что часть, что больше и что меньше и т. д. Какъ аксіомы геометріи, такъ и первыя положенія ариѳметики и анализа получаютъ характеръ безспорныхъ

истинъ только чрезъ представленіе пространства. Въ сущности, аксіомы геометріи представляютъ собою замѣну описанія свойствъ, принадлежащихъ непосредственно усматриваемымъ простѣйшимъ формамъ двухъ и одного измѣренія, т.-е. плоскости и прямой линіи, имѣющихъ съ самимъ пространствомъ одинаковые основные признаки: безконечность, непрерывность и тождество во всѣхъ частяхъ. Въ научной обработкѣ геометріи эти основные формы служатъ элементами для построенія всѣхъ другихъ пространственныхъ формъ, чѣмъ и объясняется возможность свести изученіе ихъ къ чисто-логическому выводу слѣдствій изъ аксіомъ и опредѣленій. Аксіома, соотвѣтствующая XI-й аксіомѣ Евклида, имѣетъ назначеніемъ формулировать вышеупомянутыя свойства полного безразличія и единообразія, принадлежащія плоскости и прямой линіи, и это можетъ быть достигнуто различными формами выраженій той же мысли. По моему мнѣнію, напримѣръ, всего лучше можно бы было замѣнить XI-ю аксіому указаніемъ на несуществованіе въ пространствѣ обязательной, изъ самой сущности пространства вытекающей, линейной единицы мѣры, т.-е. параметра, причемъ было бы совершенно ясно видно существенное различіе между мѣрою прямыхъ линій и угловъ. Въ сущности, та же самая мысль очень кратко и мѣтко выражена Гауссомъ *) въ видѣ положенія: «въ Евклидовой геометріи ничто не велико абсолютнымъ образомъ»; но Гауссъ, упомянувшій объ этомъ въ письмѣ къ Шумахеру, гдѣ онъ излагаетъ и отстаиваетъ принципы не-евклидовой геометріи, призналъ это совершенно вѣрное положеніе иллюзіей.

Ограничимся этими немногими намеками, такъ какъ говорить объ этомъ здѣсь съ бѣльшими подробностями было бы неумѣстно.

Такимъ образомъ, геометрическія представленія и ихъ законы имѣютъ чисто-умственное происхожденіе и именно отъ этого обладаютъ идеальными качествами точности и достовѣрности. Геометрія имѣетъ особое, въ высшей степени важное значеніе для науки о внѣшней природѣ вслѣдствіе того, что геометрическія формы представляются намъ въ томъ же пространствѣ, въ которомъ находятся и объекты внѣшняго опыта,—особенность, не принадлежащая понятіямъ отвлеченнымъ.

*) «Объ основаніяхъ геометріи». Казань, 1893 г., стр. VIII.

Встрѣчаясь съ непобѣдимыми противорѣчіями при объясненіи изъ опыта чисто-умозрительныхъ и идеальныхъ основъ математическаго знанія, эмпирики второй половины нашего вѣка стали вводить въ свои разсужденія нѣкоторую поправку: не настаивая болѣе на необходимости, чтобы каждый изъ собственнаго опыта приобрѣталъ себѣ геометрическія воззрѣнія, стали говорить, что эти воззрѣнія вырабатываются долговременнымъ путемъ накопленія опытовъ въ предшествующихъ поколѣніяхъ и передачи ихъ потомству по законамъ наслѣдственности. Но эта поправка едва ли что-нибудь поправляетъ: какую бы особую первобытную мудрость мы ни приписывали нашимъ отдаленнымъ предкамъ, для насъ все-таки останется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ они могли извлекать изъ опыта то, что для нашего современнаго сознанія никоимъ образомъ изъ опыта извлечено быть не можетъ. Останется неяснымъ и то, какимъ образомъ предки, жившіе, надо полагать, какъ и мы, подъ такимъ же круглымъ сводомъ неба, замѣчавшіе, какъ и мы, что все, что кажется прямымъ на близкомъ разстояніи, при удаленіи неизбѣжно искривляется по линіи горизонта, наблюдавшіе, что съ удаленіемъ предметы становятся меньше и меньше, — какимъ образомъ они не выработали себѣ геометрическихъ воззрѣній, наиболѣе согласующихся съ этими ближайшими и постоянными опытными данными, а пришли къ Евклидовскимъ воззрѣніямъ, на первый взглядъ нисколько этими данными не указываемымъ. Еслибъ я былъ въ силахъ хотя въ какой-нибудь степени уяснить себѣ смыслъ трактуемаго объясненія, я, можетъ быть, не соглашался бы съ нимъ, считая его неправдоподобнымъ, или недостаточно доказаннымъ; но мнѣ приходится сознаться, что я его совсѣмъ не понимаю, какъ не понимаю представленія четырехъ измѣреній, или утвержденія, что дважды-два — не четыре. Говорю о своемъ непониманіи совершенно искренно и правдиво; если кто-нибудь такъ же правдиво скажетъ, что непонятое мною для него ясно, то мнѣ останется только признать, что въ самомъ дѣлѣ не коснувшаяся меня эволюція мысли за послѣдніе два-три десятка лѣтъ подвинулась настолько, что разоблачила и уяснила то, что для меня представляется необъяснимымъ. Я долженъ положить оружіе, оставаясь по совѣсти, хотя бы совершенно одинокимъ, при своихъ устарѣлыхъ мнѣніяхъ.

Если возможны недоразумѣнія и заблужденія даже въ такой

простой области познаній, какъ науки математическія, то въ необозримой, чрезвычайно разнообразной и сложной области естествовѣдѣнія для мысли представляется, безъ сомнѣнія, еще болѣе опасности попасть на ложный путь неправильныхъ выводовъ и незаконныхъ обобщеній. Въ эту область, гдѣ опытъ доставляетъ и матеріаль для научнаго изслѣдованія и средство для контроля гипотезъ и теоретическихъ выводовъ, гдѣ глубина замысла, остроуміе и искусство въ производствѣ опыта составляютъ высокое умственное наслажденіе естествоиспытателя и нерѣдко его славу, въ эту область чаще всего проникаютъ глетворныя воззрѣнія эмпиризма, которыя, унижая достоинство человѣка отрицаніемъ его духовной природы, стремятся сдѣлать его рабомъ матеріи. Для всякаго безпристрастно мыслящаго человѣка эмпиризмъ опровергается строго логическими доказательствами, но еще болѣе возмущается противъ него нравственное чувство, такъ какъ отрицаніемъ духовнаго бытія уничтожается единственная прочная опора нравственности и подавляются всѣ высшія идеальныя стремленія человѣка.

Наука и истинное знаніе не должны быть рабами опыта; они должны надъ нимъ господствовать и заставить его служить своимъ задачамъ. Вѣрно то, что наука должна руководиться не матеріальными, а идеальными стремленіями; но еще вѣрнѣе то, что она основывается не на матеріальныхъ, а на идеальныхъ началахъ. Высшія качества науки—это ясность, простота и искренность или добросовѣстность мысли; свѣточъ науки—это идеаль истины. Но наука есть только одна изъ сторонъ духовнаго бытія и жизни человѣка; тотъ же идеаль истины является съ другихъ сторонъ, то какъ идеаль красоты и гармоніи, то какъ идеаль добра и чести, правды и человѣколюбія; это одинъ и тотъ же идеаль, — тотъ, передъ которымъ мы всѣ, безъ различія возрастовъ и положеній, безъ различія взглядовъ и убѣжденій, безъ различія заслугъ и талантовъ, благоговѣйно преклоняемся, какъ передъ идеаломъ божественной мудрости и любви!

В. Я. Цингеръ.

Вопросы познанія въ области физическихъ наукъ *).

«Каждый вѣкъ имѣетъ свои нужды и стремленія, ему присущія способности и силы. То, что въ данный моментъ представляется осторожностью и похвальною сдержанностью, позднѣе становится чрезмѣрною робостью. То, что въ данную эпоху должно казаться смѣлостью и самонадѣянностью, въ другую покажется мудростью и справедливымъ сознаниемъ силы. При быстромъ прогрессѣ науки бываетъ полезно и даже необходимо сдѣлать остановку на нѣсколько мгновеній, осмотрѣться и мысленно измѣнить какъ путь уже пройденный, такъ и путь еще предстоящій».

Эти слова, произнесенныя Жоффруа - Сентъ - Илеромъ въ 1841 г. **), могутъ быть приложены и къ нашему времени.

Теоріи, перешедшія къ намъ изъ болѣе или менѣе близкаго прошлаго, созданныя для раздѣльныхъ классовъ явленій, остановились въ своемъ развитіи, смущенныя нивелирующими законами взаимной превращаемости явленій. Онѣ удерживаются въ наукѣ, благодаря потребности человѣческой мысли группировать факты около идей, и ждутъ или своихъ замѣстителей, или отвода новаго мѣста въ области познанія. Факты, умножающіеся съ каждымъ днемъ, колеблутъ и ученія, выросшія на почвѣ современности.

Въ такое время возникаютъ сомнѣнія въ возможности практическаго выполненія научнаго идеала, стремящагося установить гармонию между потребностями человѣческой мысли и требова-

*) Рѣчь, произнесенная на первомъ общемъ собраніи IX Съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей (въ Москвѣ) 4-го января 1894 года.

**) Предисловіе къ сочиненію «Essais de Zoologie générale».

ніями точной науки. «Конечная цѣль научнаго знанія,—говорить Гельмгольцъ,— заключается въ изысканіи постоянныхъ причинъ явленій. Здѣсь не идетъ рѣчи о томъ, всѣ ли факты могутъ быть сведены къ такимъ причинамъ,—иными словами, всегда ли природа доступна нашему пониманію,—или же въ ней происходятъ перемѣны, которыя, ускользая отъ законовъ необходимости, принадлежатъ къ области произвола, свободы. Но можно утверждать, что наука, ставящая своею цѣлью пониманіе вселенной, должна допускать эту постижимость; она должна, исходя изъ этой гипотезы, продолжать свое дѣло хотя бы для того, чтобы пріобрѣсти не подлежащую сомнѣнію увѣренность въ ограниченности нашей познавательной способности». Такимъ образомъ, основною гипотезой физическаго знанія ставится предположеніе, что законы природы сообразованы съ законами нашего мышленія, что вселенная рациональна.

Но на запросы, вытекающіе изъ такого воззрѣнія, наука, опирающаяся на факты, отвѣчаетъ часто символомъ, не поддающимся рациональному объясненію. Отсюда исходятъ два одинаково законныхъ теченія научной мысли—раціонализмъ и символизмъ. Познаніе въ различныя эпохи склоняется то въ ту, то въ другую сторону: условія равновѣсія обоихъ теченій намъ не открыты, и только на эмблемахъ XVII столѣтія разумъ и опытъ идутъ въ согласіи.

Эта мысль выясняется и слѣдующими словами Жоффруа-Сентъ-Илера: «Уже много лѣтъ двѣ школы, оказавшія неисчислимыя услуги, раздѣляютъ умы; двѣ школы, которыя можно охарактеризовать немногими словами, одну—почти исключительнымъ изысканіемъ фактовъ путемъ наблюденія; другую—непрестаннымъ стремленіемъ къ обобщенію и отвлеченію.

«Первая—позитивная школа, по ея собственному опредѣленію, робкая школа—предпочитаетъ факты идеямъ... Вторая школа, систематическая, или прогрессивная и философская, подчиняетъ, напротивъ того, наблюденіе—отвлеченію.

«Эти два направленія, одинаково похвальные и прекрасныя, могутъ быть преувеличены. Одни пренебрегаютъ фактами ради выводовъ, другіе впадаютъ въ противоположную крайность. Иногда возводятъ въ общіе законы природы результаты небольшого числа наблюденій, желаютъ охватить всѣ факты импровизированными теоріями и теряются въ неопредѣленныхъ отвлеченіяхъ;

другіе отбрасываютъ, какъ праздныя дедукціи, наиболѣе установленные факты: для нихъ существуетъ только то, что они могутъ видѣть своими глазами.

«Позитивная школа доказала необходимость построения научнаго знанія на незыблемой почвѣ наблюденія и фактовъ... Мы должны опасаться скорыхъ обобщеній, изгнать окончательно изъ науки неопредѣленные взгляды, наименьшее неудобство которыхъ — въ томъ, что они прикрываютъ наше невѣжество и пробѣлы, которые мы стремились бы наполнить при другихъ условіяхъ».

Орудіе научной мысли, работающей на пути исканія истины, обоюдо-острое: созидая новое, или останавливаясь на старомъ, оно непрестанно испытываетъ ихъ своими лезвіями. Научныя системы падаютъ; но, разрушаясь, онѣ не исчезаютъ безслѣдно: на ихъ обломкахъ строятся теоріи болѣе совершенныя и долговѣчныя. Такое паденіе системъ вызываетъ нерѣдко сомнѣнія, которыя, повышаясь, захватываютъ и вопросы о задачахъ и предѣлахъ познанія. Мы не имѣемъ критерія для ихъ разрѣшенія, и намъ остается, исторически освѣщая эпоху, уяснить себѣ смыслъ подобныхъ запросовъ и тѣмъ самымъ предугадывать ближайшія судьбы научной мысли.

Эти судьбы, въ наше время, волнуютъ не тѣсный кружокъ профессиональныхъ ученыхъ: съ каждымъ годомъ становится очевиднѣе, что главное русло человѣческой мысли лежитъ въ наукѣ, а потому все болѣе сознается настоятельная потребность въ сопоставленіи внѣнаучнаго мышленія съ научнымъ. Не такъ тѣсенъ и самый кругъ профессиональныхъ ученыхъ: его предѣлы не могутъ быть точно обозначены; они все болѣе и болѣе стираются временемъ. На нашихъ глазахъ сбывается предсказаніе, идущее къ намъ изъ далекаго XVII-го столѣтія. Въ эту отдаленную эпоху Бэконъ Веруламскій провозгласилъ человѣка жрецомъ новаго научнаго культа вселенной, испытывающаго ее въ ея глубинахъ, охватывающаго въ ея неисчерпаемомъ разнообразіи, въ ея подавляющемъ величій, не отдаваясь ни призрачнымъ фантазіямъ Востока, ни тонкостямъ греческой софистики и средневѣковой схоластики.

Одни факты, безъ гипотезъ и теорій, получали, по ученію Бэкона, первостепенное значеніе; это повышеніе цѣнности наблюденія не только плодотворно вліяло на пріобрѣтеніе достовѣрныхъ знаній, но оказало наукѣ и человѣчеству еще другую не-

ощенную услугу: святая святыхъ, считавшаяся доступною только генію, открывалась каждому, способному къ правильному наблюдению, — и тысячи тружениковъ, соразмѣрно своимъ силамъ, стали собирать матеріалы для величаваго научнаго зданія!

Семнадцатое столѣтіе передало намъ типическія формы двухъ направленій физическаго знанія. Онѣ характеризуются словами Вольтера, содержащими и сужденіе восемнадцатаго вѣка:

«Гипотеза есть признакъ генія и въ то же время признакъ заблужденія. Начинать съ гипотезы это значитъ ставить идею, почерпнутую въ насъ, на мѣсто вещей, это значитъ выводить изъ такой идеи то, чѣмъ должна быть дѣйствительность. Это все равно, какъ еслибы мы означили на картѣ еще неизвѣстные истоки потока, по воображаемому теченію котораго мы желаемъ плыть къ его устью; между тѣмъ, мы не болѣе какъ странники, стоящіе у этого устья, обязанные еще восходить по теченію, чтобы дойти до истоковъ».

Восходя отъ устья—сложнаго явленія—по теченію, мы достигаемъ мѣстности намъ недоступной: истинные истоки остаются намъ неизвѣстны; мы говоримъ условно: здѣсь, гдѣ мы остановились, начинается потокъ; измѣримъ скорость его водъ, размѣры русла и этими данными, съ помощью законовъ механики и математическаго анализа, объяснимъ теченіе. Условно принятое нами начало потока съ величинами, его характеризующими, представляетъ собою символъ, которымъ мы объясняемъ совокупность явленій. Такимъ символомъ будетъ, на примѣръ, представленіе о тяготѣющихъ другъ къ другу частицахъ матеріи. Школа, руководящаяся въ познаваніи природы намѣченными принципами, называется Ньютоніанской, и на ея знамени начерчены слова безсмертнаго Ньютона: «*hypotheses non fingo*» (я не выдумываю гипотезъ). Символы Ньютоніанской школы извѣстны: взаимно тяготѣющія частицы матеріи, взаимно дѣйствующія электрическія и магнитныя жидкости, свѣтовая и тепловая матерія. Эти символы такъ же, какъ и построенныя на нихъ теоріи, стоятъ рядомъ, безъ внутренней связи, до первой четверти нашего столѣтія. Характерныя черты Ньютоніанской школы мы находимъ у Бэкона и еще ранѣе у Леонардо-да-Винчи. «Опытъ—говоритъ онъ—объясняетъ приемы природы; онъ никогда не обманываетъ насъ; наши заклю-

ченія часто приводятъ къ заблужденію, потому что мы ожидаемъ послѣдствій, которыя противоположны опыту. Мы должны сообразоваться съ опытомъ, измѣняя условія, пока не выведемъ изъ него общихъ законовъ, ибо, поступая только такимъ образомъ, мы находимъ истинные законы... Мы должны начинать съ опыта и черезъ него восходить къ общимъ принципамъ».

Но у Вольтера намѣченъ и другой путь: идею, почерпнутую въ насъ, ставить на мѣсто вещей. Среди такихъ именно идей лежатъ и основы рациональнаго объясненія вселенной. По этому пути идетъ Декартъ, поставившій себѣ, какъ говоритъ физикъ Біо, великую задачу—свести всѣ естественныя явленія на простое развитіе законовъ механики.

Физика Декарта основывается на двухъ элементахъ: веществѣ и движеніи. Для обхода символическихъ свойствъ вещества мы должны принимать матерію единой по своей сущности, недѣятельной и инертной.

Передача движенія совершается только толчкомъ и при соприкосновеніи,—гипотеза, допускаемая въ современной теоріи газовъ. Въмѣсто силъ, дѣйствующихъ на разстояніи, являются движенія тонкой матеріи, наполняющей все пространство, — эфиръ современной науки.

Роль вещества заключается въ воспріятіи и передачѣ движенія. Если движеніе уменьшается или прекращается въ одной формѣ, оно является въ другой: количество движенія во вселенной неизмѣнно. Въ этихъ положеніяхъ, несмотря на иную формулировку, скрыто современное ученіе о сохраненіи вещества и энергіи.

Всѣ физическія явленія вызываються движеніями. «Потирая руки, — говоритъ Декартъ, —мы ихъ согрѣваемъ, и всякое тѣло можетъ быть нагрѣто безъ огня, только подъ условіемъ, чтобы ему были сообщены сотрясенія, которыя привели бы въ движеніе его малѣйшія части, а эти послѣднія сообщали бы его такимъ же частямъ нашихъ рукъ». Два столѣтія послѣ Декарта современные физики не говорятъ ничего болѣе опредѣленнаго о движеніяхъ, вызывающихъ тепловое ощущеніе. «Я предполагаю, — говоритъ Декартъ, — существованіе безчисленнаго множества разнообразныхъ движеній, вѣчно присущихъ міру; отмѣчая наибольшія изъ нихъ, дающія намъ дни, мѣсяцы и годы, я останавливаюсь на непрестанномъ теченіи паровъ къ облакамъ съ поверхности земли, восходящихъ и нисходящихъ, — на томъ, что воздухъ движетъ

ся вѣтромъ, что море не остается въ покоѣ, что источники и рѣки текутъ неизмѣнно, что прочнѣйшія зданія падаютъ и разрушаются, растенія и животныя растутъ или дряхлѣютъ,—словомъ, нигдѣ нѣтъ неизмѣннаго... Я не останавливаюсь на изысканіи причины этихъ движеній, потому что мнѣ достаточно сознанія, что они начались вмѣстѣ съ существованіемъ міра. Въ этомъ я нахожу достаточное основаніе для утвержденія, что прекращеніе этихъ движеній невозможно и самое ихъ измѣненіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ измѣненіемъ формы; это значитъ, что свойство или способность къ движенію, встрѣчающаяся въ одномъ тѣлѣ, можетъ переходить на другое и не быть уже въ первомъ, но оно не можетъ исчезнуть изъ вселенной... Такими заключеніями можно объяснить причину всѣхъ переменъ, происходящихъ въ мірѣ». Въ этихъ положеніяхъ скрыто современное ученіе о сохраненіи силы или, точнѣе, ученіе о сохраненіи энергіи. У Ньютона мы не встрѣчаемъ идей, аналогичныхъ съ только что приведенными.

Цвѣтъ, запахъ, вкусъ и т. д.—все это, по Декарту, опредѣляется отношеніями между нашими органами чувствъ и движеніями матеріи. Введеніе отношенія двухъ элементовъ—внѣшняго движенія и ощущенія—срываетъ съ окружающей насъ природы ея символическую одежду, способности, атрибуты, приписывавшіеся вещественному міру для объясненія разнообразія производимыхъ имъ впечатлѣній.

Итакъ, вся вселенная есть машина, въ которой слѣдуетъ изучать только формы и движенія ея частей. Законы механики становятся основаніемъ науки о вещественномъ мірѣ.

Школа, исповѣдующая такія воззрѣнія, называется Картезіанской; она не считаетъ своими союзниками тѣхъ, коихъ разумъ не простирается далѣе концевъ ихъ пальцевъ. Современной физикѣ прилагаютъ эпитетъ картезіанской, такъ какъ въ идеяхъ Декарта мы находимъ ея основы: 1) механическая природа физическихъ явленій, 2) инерція матеріи, 3) сохраненіе вещества и энергіи, 4) существованіе ээира. Путь, указываемый Декартомъ, при недостаточномъ знакомствѣ съ явленіями, легко приводитъ къ ложнымъ теоріямъ: вначалѣ ему слѣдовали съ увлеченіемъ, затѣмъ покинули и только два вѣка спустя, обогащенные опытомъ, мы возвращаемся къ тѣмъ же принципамъ. На конгрессѣ нѣмецкихъ натуралистовъ въ Инсбрукѣ въ 1869 г. Гельмгольцъ высказывалъ такія мыс-

ли: «Все во внѣшней природѣ сводится къ переменѣмъ формы агрегатовъ химическихъ элементовъ, вѣчно неизмѣнныхъ, къ различію состава, распредѣленія и структуры образуемыхъ ими тѣлъ. Во всѣхъ явленіяхъ они остаются тѣми же самыми. Иными словами, нѣтъ иныхъ возможныхъ измѣненій въ природѣ, какъ измѣненія въ распредѣленіи и расположеніи различныхъ элементовъ въ пространствѣ, что сводится къ движенію. Отсюда слѣдуетъ, что если всѣ переменны суть движенія, — силы ихъ производящія, суть силы механическія». Не звучатъ ли эти строки такъ же, какъ слова Декарта: «дайте мнѣ протяженіе и движеніе, и я построю вселенную!» Еще къ концу XVII-го столѣтія картезіанцевъ упрекали въ ненужной болтовнѣ о малыхъ тѣлахъ, коихъ строеніе намъ неизвѣстно и представляется не болѣе, какъ потаеннымъ свойствомъ. Лейбницъ приходилъ въ нетерпѣніе отъ общихъ разсужденій, покрывавшихъ только праздность и незнаніе.

Слѣдующій, XVIII-й вѣкъ произнесъ суровый приговоръ надъ картезіанскими ученіями, блѣднѣвшими передъ геніальными открытіями Ньютона и противорѣчившими новымъ научнымъ фактамъ. Ньютоніанская школа сознательно исключила гипотезу изъ области физики. Мы знаемъ мнѣніе Вольтера о гипотезѣ.

Болѣе умѣренные (Фонтенель) находили, что Декартъ исходить изъ очевидныхъ принциповъ, которые, однако, не всегда приводятъ къ дѣйствительнымъ явленіямъ; напротивъ того, Ньютонъ исходить изъ фактовъ, принимая ихъ такъ, какъ они ему представляются, но эти факты не всегда приводятъ его къ достаточно очевиднымъ принципамъ.

D'Alembert выражаетъ радость, что склонность къ построенію системъ, ласкающихъ воображеніе и не просвѣщающихъ разума, изгнана изъ всѣхъ порядочныхъ работъ.

Химикъ Руель начертилъ въ лабораторіи, въ которой работалъ Лавуазье, девизъ Локка: «*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*». Ищущій познанія долженъ забыть все, ранѣе приобрѣтенное, долженъ низвести до *tabula rasa* свое духовное содержаніе. Намъ откроется царство истины, если мы будемъ просты, какъ дѣти.

«По отношенію къ наукѣ, говоритъ знаменитый химикъ Лавуазье, мы не болѣе, какъ дѣти, и путь, намъ предстоящій, тотъ самый, которому слѣдуетъ природа, создавая и развивая идеи.

Гипотеза есть ядъ разумѣнія и чума философіи; можно дѣлать только тѣ заключенія и построенія, которыя непосредственно вытекаютъ изъ опыта».

Наука XVIII-го вѣка, вернувшаяся къ чистому и простому наблюденію, показала, что на этомъ пути можно научиться многому и безъ построенія неизвѣстной сущности матеріи.

Однако, постепенно, къ осторожности въ изученіи явленій присоединялась смѣлость мысли: опасеніе гипотезъ и системъ переходило изъ области факта въ оговорку, освященную научными приличіями. Съ цѣлымъ рядомъ такихъ оговорокъ, Лавуазье представляетъ позднѣе (въ 1775 г.) свою знаменитую теорію горѣнія.

Ньютоніанское направленіе постепенно оттѣсняется, и наука, подъ покровомъ пророческихъ опытовъ Румфорда и Деви надъ превращеніемъ работы въ тепло, вступаетъ въ эпоху нашего столѣтія.

Преобладаніе фактовъ надъ идеями постепенно исчезаетъ. Мѣсто недовѣрія къ творческой дѣятельности человѣка заступаетъ снисходительное отношеніе. Ученыхъ сравниваютъ съ поэтами; Шеврель, Клодъ-Бернаръ, Бертелло восхваляютъ роль воображенія въ научныхъ открытіяхъ. Брюстеръ осуждаетъ пренебреженіе къ праву человѣческой мысли дѣлать выборъ между фактами, подлежащими изслѣдованію. Химикъ Либихъ возмущается, что науку стремятся низвести до простого наблюденія явленій безъ гипотезъ и заключеній. Чисто эмпирическаго изслѣдованія не существуетъ;—опытъ, не связанный напередъ съ теоріей или идеей, такъ же похожъ на изслѣдованіе, какъ трещотка на музыку.

Наука, съ довѣріемъ смотрящая на идеи и теоріи, приобретаетъ еще новую черту, не замѣчаемую въ двухъ предшествующихъ столѣтіяхъ,—стремленіе къ чистой истинѣ, безъ расчета той матеріальной пользы, которую можетъ извлечь изъ нея человѣчество. Въ этихъ цѣляхъ прогрессируетъ разработка наукъ какъ математическихъ, такъ и физическихъ. Физика стремится принять обликъ отвлеченной науки: ученія о свѣтѣ и теплотѣ строятся на механическихъ началахъ, и химія ищетъ идеи для уясненія таинственной области превращенія веществъ.

Недоступное человѣческому чувству становится предметомъ изслѣдованія: устанавливаются законы свѣтового эѳира.

Полезность изгоняется изъ науки, искусства и этики, и —

странное дѣло! нашъ вѣкъ становится свидѣтелемъ безпримѣрныхъ и величавыхъ практическихъ приложений: это вѣкъ пара и электричества! Ученіе объ энергіи, энергетика, дѣлается знаменемъ не только отвлеченной науки, но и практическихъ примѣненій. Подъ сѣнью тройственнаго идеала: добро для добра, наука для науки, искусство для искусства, развиваются къ пятидесятымъ годамъ нашего столѣтія блестящія научныя теоріи въ рамкахъ картезіанскихъ ученій.

Во-первыхъ, открыты связи въ различныхъ классахъ явленій между величинами, доступными непосредственному измѣренію; открыта взаимная превращаемость явленій. Изученіе послѣдней привело къ двумъ символамъ: одинъ имѣетъ своимъ содержаніемъ сохраненіе энергіи; другой—условія ея перехода въ инныя формы и къ инымъ напряженіямъ. Эти два символа управляютъ и освѣщаютъ явленія, какъ солнце—планеты. Лабиринтъ, созданный многообразными свойствами тѣлъ природы, развертывается въ стройныя системы, въ которыя укладываются, по ихъ родству, эти свойства.

Хотя на этомъ ньютоніанскомъ пути мы не подвигаемся въ пониманіи явленій въ смыслѣ картезіанцевъ, тѣмъ не менѣе такое содержаніе науки считается многими первоклассными учеными совершенно достаточнымъ. Вотъ что говоритъ Сенъ-Клеръ-Девиль въ своихъ *Leçons sur l'affinité*: «Нужно отбросить всѣ эти неизвѣстныя силы, къ которымъ прибѣгаютъ только потому, что ихъ дѣйствія не измѣрены. Напротивъ того, все наше вниманіе должно быть направлено къ наблюденію и численному опредѣленію этихъ дѣйствій, что одно намъ доступно».

Найденные символы получаютъ далѣе картезіанское толкованіе и въ связи съ механическимъ міровоззрѣніемъ приводятъ къ теоріямъ въ области молекулярнаго міра, причемъ въ своихъ послѣднихъ элементахъ не могутъ обойтись безъ ньютоніанскаго символа силы.

Извѣстный геометръ Бертранъ указываетъ на блѣдность тѣхъ образовъ, которые можно себѣ составить о мірѣ молекулъ, не привлекая специальныхъ символовъ, добытыхъ наблюденіемъ и анализомъ фактовъ, а руководясь только картезіанскимъ толкованіемъ сохраненія энергіи. Какія свѣдѣнія о планетной системѣ можно было извлечь изъ наблюденій, руководясь однимъ принципомъ сохраненія энергіи? Солнце, отвѣчаетъ Бертранъ, есть

центр планетныхъ движеній; оно непрестанно дѣйствуетъ на окружающія его свѣтила, и это дѣйствіе можетъ зависѣть только отъ разстояній между массамаи и ихъ относительной скорости. Работа этой силы равна нулю во время одного полнаго обращенія планеты, потому что планета возвращается на свое мѣсто съ тою же скоростью, съ которою она изъ него вышла. Прежнія условія возстановлены; сила получаетъ прежнее значеніе, дѣйствуетъ въ прежнемъ направленіи, и—вѣчное движеніе по одной и той же орбитѣ *объяснено*. Не болѣе того можетъ быть сказано о молекулярномъ мірѣ безъ новыхъ символовъ, открытіе которыхъ еще предстоитъ опытной наукѣ. Каково напряженіе дѣйствующей силы, ея направленіе, ея законъ? Почему орбита имѣетъ эллиптическую форму, почему солнце лежитъ въ ея фокусѣ?

Незнаніе процессовъ въ мірѣ молекулъ восполняется частью эксплуатаціей одной его особенности. Мы имѣемъ дѣло съ неисчислимымъ множествомъ объектовъ, именно: молекулъ, ихъ орбитъ, скоростей, движеній, представляющихъ въ данный моментъ безпредѣльное, исчерпывающее разнообразіе, а потому картина этого міра, предполагаемая составленною статистическимъ методомъ, представляется или неизмѣнною, или же непрерывно измѣняющеюся. Приписывая величинамъ, надъ которыми можно оперировать методами механики, указанный выше предположительный статистическій смыслъ, мы примѣняемъ механику къ молекулярному міру. Этотъ приѣмъ, хотя и приводитъ къ результатамъ, согласнымъ съ опытомъ, далеко не можетъ считаться законнымъ, съ точки зрѣнія переноса математическихъ операцій на среднія значенія величинъ.

Во многихъ случаяхъ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бертрана: «Оказывая на философію физическихъ наукъ огромное и законное вліяніе, новыя теоріи пріучили, повидимому, выдающіеся умы снисходительно относиться къ строгости доказательствъ и точной формулировкѣ гипотезъ».

Въ закрытомъ для насъ молекулярномъ мірѣ мы не имѣемъ путей для провѣрки законности тѣхъ средствъ, которыми мы пользуемся для достиженія цѣлей познанія.

Извѣстный химикъ Вюртцъ говорилъ въ 1874 г.: «Въ движеніяхъ атомовъ и молекулъ ищутъ въ настоящее время не только источникъ химическихъ силъ, но и причину физическихъ измѣ-

неній вещества, измѣненій его состоянія, явленій свѣта, тепла и электричества».

Какія условія налагають современная наука на такіе поиски? Не одними движеніями, но и свойствами молекулъ и атомовъ объясняются явленія. Сведеніе этихъ свойствъ на движенія, предполагая существованіе единой матеріи, встрѣчаетъ затрудненіе въ характерной чертѣ, отличающей законъ сохраненія вещества отъ закона сохраненія энергіи.

Законъ сохраненія энергіи установленъ для всей совокупности энергій, но не для отдѣльныхъ формъ; электрическая энергія, напримѣръ, можетъ исчезать, превращаясь въ свѣтовую и тепловую и т. д. Но законъ сохраненія вещества принимается не только для всей совокупности матеріи, участвующей въ какомъ-нибудь явленіи, но и для отдѣльныхъ ея классовъ или видовъ: азотъ не превращается въ кислородъ, хлоръ — въ калий и т. д. Вотъ что говоритъ Максвеллъ: «Мы знаемъ, что существуютъ естественныя причины, которыя могутъ измѣнить и, въ концѣ концовъ, разрушить расположеніе земли, планетъ и солнца. Но каковы бы ни были катастрофы въ небесныхъ пространствахъ въ отдаленномъ будущемъ или въ настоящее время, каково бы ни было разрушеніе старыхъ міровъ и народженіе изъ ихъ обломковъ новыхъ, молекулы, изъ коихъ построены эти міры, основныя камни мірозданія, не измѣнятся ни въ своихъ размѣрахъ, ни въ своихъ свойствахъ. Сегодня, какъ и въ моментъ творческаго акта, они совершенны въ числѣ, мѣрѣ и вѣсѣ».

Въ другомъ мѣстѣ Максвеллъ говоритъ: «...каждый индивидуумъ въ мірѣ молекулъ остается вѣчнымъ. Здѣсь нѣтъ рожденія, разрушенія, измѣненія, и нѣтъ никакого различія между индивидуумами одного и того же рода».

Итакъ, каждый классъ матеріи имѣетъ свою личность, неизмѣнную и вѣчную. Такихъ классовъ наука насчитываетъ въ настоящее время около 70 и столько же символовъ и потаенныхъ свойствъ, противъ которыхъ возставали картезианцы. Но и въ этой таинственной области наука сдѣлала значительный шагъ впередъ въ ньютоніанскомъ направленіи, устанавливая классификацію элементовъ, подчиняющуюся періодическому закону, открытому Менделѣевымъ.

Гипотезы, стремящіяся объяснить свойства отдѣльныхъ классовъ молекулъ различными формами движенія универсальной

матеріи, должны считаться съ указаннымъ выше спеціальнымъ характеромъ закона сохраненія вещества, а именно: искомыя формы движенія не могутъ переходить другъ въ друга. Пока только гипотеза вихревыхъ колець Вилльяма Томсона удовлетворяетъ этому условію.

Картезіанскія, или употребляя научный терминъ, кинетическія, теоріи взвѣсили и измѣрили размѣры молекулъ. Нанизывая на неосвязаемо тонкую нить молекулы воздуха, занимающія объемъ одного кубическаго сантиметра, такъ, чтобы онѣ касались другъ друга, мы намотали бы эти молекурные четки двѣсти разъ по экватору земли.

Въ этихъ воззрѣніяхъ молекулы представляются сфабрикованными, ходячей монетой, отчеканенной по опредѣленному образцу. Такое пониманіе молекулярнаго міра противорѣчитъ духу картезіанскихъ ученій. Максвеллъ, сравнивая два различныхъ объясненія взаимодѣйствія тѣлъ: гипотезу о непосредственномъ дѣйствіи на разстояніи—съ гипотезой, объясняющей взаимное тяготѣніе тѣлъ состояніемъ среды, въ которую они погружены, отдаетъ предпочтеніе послѣдней, опираясь на чисто картезіанскую формулу: если принять первую гипотезу, то дальнѣйшее мышленіе о процессѣ, обусловливающимъ взаимодѣйствіе, исключается.

Можетъ быть, при современномъ состояніи знаній, на планкѣ съ отверстіями различныхъ размѣровъ, прикидываемой нами къ незримо малому для опредѣленія его калибра — недостаетъ отверстій болѣе тонкихъ?...

Поиски инертной матеріи увлекаютъ насъ все глубже и глубже въ міръ неосязаемаго. Тѣло, повидимому, находящееся въ покоѣ и неспособное, по закону косности, измѣнять своего состоянія, представляется картезіанцу цѣлымъ міромъ движеній и перемѣнъ. Инертность переносится имъ съ тѣла, какъ цѣлаго, на его движущіяся части! Если, съ развитіемъ науки, оказывается, что и эти части способны, кажущимся образомъ, самостоятельно совершать перемѣны, мысль картезіанца раздробляетъ ихъ на мельчайшія, инертныя части. Раздробленіе тѣла на молекулы и недѣлимые атомы представляется идеальнымъ предѣломъ, послѣднимъ недостижимымъ членомъ безконечнаго ряда операций на пути исканія инертной матеріи. Но и этотъ недостижимый членъ не приводитъ насъ къ цѣли; эти послѣднія частицы, рассматриваемыя даже въ одиночку, повидимому, произвольно измѣняютъ свое со-

стояніе: здѣсь, въ помощь процессу раздробленія является гипотеза о невѣсомой матеріи, проникающей всю вселенную, объ эфирѣ, — гипотеза, уже созидаящая.

Въ началѣ нашего столѣтія составилось ясное представленіе о колебаніи частицы свѣтового эѳира, какъ явленіи, дающемъ намъ свѣтовое впечатлѣніе; законы и строеніе свѣтового эѳира были вполнѣ опредѣлены.

Работы Фарадея, Максвелла, Гертца и др. устанавливають тѣсную связь между свѣтовыми и электромагнитными явленіями. Оказалось, что эти послѣднія должны происходить въ невѣсомой и тонкой матеріи, разлитой во всемъ пространствѣ, — въ электрическомъ эфирѣ. Электрическій и свѣтовой эфиръ должны быть тождественны. Но законы свѣтового эѳира не совмѣстимы съ законами электрическаго эѳира. Свѣтовой эфиръ, какъ гипотеза, *объясняющая* явленіе, вычеркивается изъ науки. Свѣтъ переносится въ неизвѣстную область электрическаго эѳира, законы котораго не подходятъ къ законамъ осязаемаго вещества. Ясное представленіе о свѣтовомъ колебаніи теряется. вмѣсто объясненія остаются только формулы, начерченные на безпредѣльномъ пергаментѣ, простирающемся черезъ всю вселенную!

Является мысль, что механика, принципы которой почерпнуты изъ опытовъ вещественнаго міра, не тождественна съ механикой эѳира. Послѣдняя покоится на иныхъ началахъ, частнымъ видомъ коихъ должны явиться принципы механики вещественнаго міра.

Около 70-хъ годовъ нашего вѣка теоретическое изслѣдованіе явленій, построенное на почвѣ механическаго міровоззрѣнія, сдѣлало такіе блестящіе успѣхи, что цѣлью естествознанія ставилось *объясненіе* природы. Съ другой стороны, описательныя естественныя науки торжествовали, получивъ возможность, въ гипотезѣ Дарвина, не только описывать формы живыхъ существъ и явленія жизни, но и *объяснять* ихъ. Станнымъ образомъ, почти одновременно физика дѣлаетъ обратный шагъ.

Знаменитый Кирхгофъ провозглашаетъ идеи, отставляющія физику въ область описательныхъ наукъ. Этотъ взглядъ находитъ себѣ послѣдователей. *Задача физики* низводится на представленіе и описаніе простѣйшими формулами непосредственно наблюдаемыхъ явленій, не прикрывая ихъ пестрымъ одѣяніемъ гипотезъ, сотканныхъ нашею фантазіей.

Формула, представляющая математическое описаніе явленія, можетъ быть изображаема, иллюстрируема или геометрически, или механически подыскиваніемъ ей аналогій въ механизмахъ, составленныхъ изъ зубчатыхъ колесъ, маховиковъ, блоковъ и т. д. Такія аналогіи представляются и реальными моделями.

Старыя теоріи, какъ свѣтовой эфиръ, теорія газовъ, схемы химиковъ, выводы законовъ сохраненія энергіи и ея свойствъ на началахъ механики, рассматриваются только какъ механическія аналогіи, и наконецъ, рождается ученіе, что вообще познаніе есть не что иное, какъ изысканіе аналогій.

Остроумныя, воображаемая или дѣйствительно построенныя модели, своими зубчатками, блоками, ремнями и проч. воспроизводящія даже электрической эфиръ, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ механическимъ или картезианскимъ міровоззрѣніями. Онѣ даютъ для построенія теорій сложный и своеобразный символъ, устанавливающій символическою рѣчью соотношенія между величинами, подлежащими наблюденію, но реальный смыслъ которыхъ намъ остается неизвѣстнымъ. Есть символы, на примѣръ, установленные для электро-магнитныхъ явленій гениальнымъ Максвеллемъ, не сразу обнаруживающіе свои свойства и только постепенно раскрывающіе свою почти неисчерпаемую магическую силу.

Уклоненіе современныхъ взглядовъ отъ картезианскихъ воззрѣній высказывается нѣкоторыми учеными въ болѣе крайнихъ формахъ.

Въ трудѣ Карла Неймана, появившемся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы находимъ слѣдующія мысли: «Теплота обнимаетъ особый классъ явленій, необъясняемыхъ механическими принципами», и «мелькающіе вдали истинные и простые принципы электродинамики и магнетизма не будутъ только механическими».

Не разумѣетъ ли Нейманъ, что ключъ къ объясненію этихъ загадокъ дастъ, быть-можетъ, механика эфирѣ?

Въ своемъ введеніи въ химическую механику (изд. въ истекшемъ году) Duhem, рассмотрѣвъ современныя гипотезы какъ картезианской, такъ и смѣшанной механики и ихъ приложенія къ явленіямъ физическаго міра, высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Мы прослѣдили эту методу на дѣлѣ; мы удостовѣрились, какъ мало опытъ согласовался съ результатами ея дедукцій. Въ виду этихъ неудачъ, не слѣдуетъ ли отказаться отъ ходячихъ пріемовъ?

«Не создавая механическихъ построений для объясненія структуры и свойствъ тѣлъ природы, будемъ разсматривать эти свойства такими, какими они являются намъ въ нашихъ ощущеніяхъ или въ нашемъ сознаніи. Къ чему разсматривать температуру какъ нѣчто соотвѣтствующее или нѣкоторому количеству невѣсомой матеріи, или живой силы; не достаточно ли разсматривать ее какъ признакъ свойства тѣлъ вызывать въ насъ ощущение тепла или холода, свойства удлинять или укорачивать ртутный столбикъ термометра? Къ чему представлять себѣ измѣненія состоянія—какъ обусловленные перемѣщеніемъ молекулъ, перемѣною ихъ орбитъ и т. д.?»

«Не достаточно ли характеризовать измѣненіе физическаго состоянія тѣла измѣненіемъ плотности, выдѣленіемъ или поглощеніемъ тепла и т. п.? Нужно ли стремиться къ тому, чтобы основы, на которыхъ покоятся теоріи, были заимствованы изъ принциповъ статики и динамики? Не достаточно ли руководиться принципами, почерпнутыми изъ опыта, какова бы ни была ихъ форма и каковы бы ни были символы, въ которыхъ они находятъ свое выраженіе?»

«Эти размышленія побуждаютъ перевернуть методы, которымъ слѣдовали физики до настоящаго времени. Идеаль теоретиковъ заключался въ изображеніи явленій небольшимъ числомъ простыхъ механическихъ гипотезъ, которыя разсматривались какъ дѣйствительныя объясненія; мы должны отказаться отъ этого идеала; лучшею теоріей будетъ та, которая введетъ въ свои разсужденія величины, имѣющія физическій смыслъ и непосредственно измѣряемая».

Не слышимъ ли мы въ этихъ словахъ такого же осужденія гипотезъ, какъ и въ XVIII-мъ вѣкѣ?»

Не стоимъ ли мы, въ исходѣ пятидесятилѣтняго безпримѣрнаго роста естествознанія, на предѣлахъ постижимаго?»

Изложенная передъ вами въ бѣглыхъ чертахъ исторія развитія физическихъ знаній даетъ и надежду, и успокоеніе. Въ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ современности мы усматриваемъ соперничество двухъ направленій научной мысли, обнаружившееся и въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда слышался отбой по всей линіи картезіанскихъ ученій.

Можетъ быть, будетъ правильнымъ резюмировать современное состояніе науки словами Гельмгольца, сказанными имъ

въ періодъ наибольшаго блеска картезіанскихъ теорій: «Далеко не всѣ естественныя дѣйствія сведены къ первоначальному дѣйствию движенія. Разнообразіе и многосложность этихъ дѣйствій, невозможность ихъ непосредственнаго наблюденія, представляетъ столько же препятствій, мѣшающихъ открыть первичную форму движенія. Эта задача можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, и ея рѣшеніе останется, можетъ быть, неизвѣстнымъ современнымъ поколѣніямъ».

Если творенія Ньютона даютъ высочайшее удовлетвореніе чловѣческому духу своею ясностью и пластичностью, мы спокойно и увѣренно встрѣчаемъ занимающуюся надъ современною наукой зарю его безсмертнаго генія.

Н. Умовъ.

Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей*).

Для ассоціаціонной психологіи, которая до сихъ поръ всецѣло господствуетъ въ Англіи, а въ послѣднее время получила и у насъ преобладающее значеніе, вся душевная жизнь человѣка слагается изъ рядовъ идей, проходящихъ вереницами по законамъ простаго преемства; идеи смѣняются другъ друга, какъ рядъ туманныхъ картинъ, вставляемыхъ въ оптической фонарь, въ той послѣдовательности, въ какой онѣ были первоначально положены; онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ съ большею или меньшею быстротой, но остаются всегда раздѣльно стоящими величинами, какъ зубцы на вертящемся колесѣ; онѣ ассоціируются между собою, но не гармонизируются, не согласовываются другъ съ другомъ. Такимъ образомъ, для ассоціаціонистовъ вся задача науки о духѣ сводится исключительно къ изученію рядовъ состояній, въ которыхъ духъ преемственно существуетъ; а что невозможно свести на простое преемство, то систематически игнорируется; такъ, явленія памяти, вниманія, воображенія, личности, сознанія или почти вовсе не разбираются, или, если разбираются, то только для того, чтобы показать, что они не имѣютъ значенія, «такъ какъ это все—иллюзіи, внушаемая пустыми словами». Суживая такимъ образомъ свой взглядъ, ассоціаціонная психологія сдѣлалась неподражаемой въ дѣлѣ описанія явленій, которыхъ она коснулась,—безъ всякихъ затѣй, просто по ихъ смежности или преемству во времени.

---

*) Сообщение, читанное въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 13-го ноября 1893 г.

Шире гораздо посмотрѣла нѣмецкая психологія. Она старалась объять разомъ всю совокупность явленій и пыталась проникнуть въ самую глубь законовъ душевной жизни. Преимущественно Herbart и его школа,—Volkmann, Drobisch, Waitz, Lotze, Lazarus, Steinthal—и новѣйшая психофизическая школа: Fechner, Wundt и ихъ ученики собрали много матеріала для описанія тѣхъ сторонъ психической жизни, которыя почти не нашли себѣ мѣста у ярыхъ ассоціационистовъ. Стараясь вникнуть въ глубь явленій, нѣмецкая психологія не могла ограничиться простымъ описаніемъ того, что непосредственно дано наблюденіемъ,—наука на этомъ не должна останавливаться. Но нѣмецкая психологія тотчасъ попала въ дебри ни на чемъ не основанныхъ гипотезъ, составленныхъ исключительно какъ бы по наитію,—вмѣсто описанія явленій она дала аллегорическія картины ихъ, вмѣсто науки—метафизику. Старая нѣмецкая психологія теперь почти уже забыта даже у насъ, гдѣ она прежде всецѣло господствовала.

Но среди нашего Психологическаго Общества въ послѣднее время явилась тенденція обратить опять свое вниманіе на явленія, оставленные въ сторонѣ ассоціационною психологіей. Не желаютъ нѣбликомъ возвратиться къ старой нѣмецкой метафизикѣ, и потому появляются попытки самостоятельной разработки вопросовъ, избѣгаемыхъ ассоціационною психологіей, стоящихъ въ связи съ законами согласованія идей и не имѣющихъ ничего общаго съ законами простого преемства. Я, съ своей стороны, также старался подойти къ явленіямъ, затронутымъ въ нашей средѣ, но пришелъ къ заключенію, что анализъ явленій возможенъ только при подробномъ предварительномъ анализѣ главныхъ условій ихъ существованія, условій мѣста или распространенія ихъ въ пространствѣ и условій времени или распространенія ихъ во времени.

Не желая вовсе вдаваться въ теорію познанія, я однако позволю себѣ сдѣлать на этомъ мѣстѣ небольшую вставку, замѣтивъ, что сложныя явленія природы вообще, а явленія жизни въ особенности, прежде всего должны быть изучаемы именно по отношенію къ общимъ условіямъ ихъ происхожденія и существованія. Если мы къ условіямъ пространства и времени прибавимъ еще условія числа, то мы назовемъ самыя общія условія, безъ которыхъ ни одно явленіе не могло бы сдѣлаться и быть тѣмъ, что оно есть. Даже при самомъ элементарномъ описаніи явленія прежде всего необходимо установить обстоятельства времени,

мѣста и числа. Чѣмъ точнѣе установлены эти общія условія, тѣмъ точнѣе сдѣлано описаніе; точное же описаніе есть анализъ; точный же анализъ, — вотъ, можетъ быть, и все, чего только возможно требовать отъ точной науки.

Перехожу прямо къ этому анализу.

І. Условія пространства.

Психическія явленія опредѣляются большинствомъ психологовъ, какъ лишенныя (въ противоположность явленіямъ физическимъ) всякой протяженности. Съ извѣстной точки зрѣнія, и я считаю такое опредѣленіе *безусловно* - вѣрнымъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тотъ фактъ, что явленія душевной нашей жизни, насколько они составляютъ внутренній нашъ міръ, не имѣютъ пространственныхъ свойствъ, — они ни толсты, ни тонки, ни длинны, ни коротки, ни широки, ни узки — въ смыслѣ протяженности въ пространствѣ; они совершаются, въ сущности, Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ въ какой формѣ. Дѣйствительно, наша душевная дѣятельность непосредственно вовсе не чувствуется совершающейся въ опредѣленномъ мѣстѣ. Напротивъ, намъ всегда кажется, что мы находимся со своими мыслями совершенно неопредѣленно гдѣ-нибудь, — не то здѣсь, гдѣ мы сидимъ, не то тамъ, куда мы случайно переносимся съ своими мыслями, — т. е., въ сущности, вездѣ и нигдѣ. Глядя, напримѣръ, на внѣшній предметъ, мы чувствуемъ, что мы, находясь здѣсь, касаемся его тамъ, и обхватываемъ его тамъ, гдѣ онъ намъ кажется. Мы чувствуемъ предметъ на концѣ палки, которою мы его трогаемъ, мы слышимъ стукъ экипажей на улицѣ, мы видимъ звѣзды на небѣ; меньше всего мы ощущаемъ все это въ своей собственной головѣ, а фантазія уноситъ наши мысли съ одинаковою легкостію какъ за версту, такъ и въ заоблачную даль.

Размышленіе, а не непосредственное наше сознаніе насъ учитъ, что все-таки все это иллюзія, и мы все-таки знаемъ, что наша психическая жизнь совершается не безразлично гдѣ бы то ни было, а непремѣнно внутри насъ, гдѣ-нибудь между ушами и позади глазъ. Наука (а не непосредственное наше сознаніе), насъ учитъ, далѣе, что субстратомъ или носителемъ нашей психической жизни должна быть нервная система, а центромъ этой жизни головной мозгъ. Самое здравое размышленіе само собою не могло бы додуматься до этихъ убѣжденій, искусственно

и съ трудомъ и терпѣніемъ добытыхъ данными науки; а для непосредственнаго сознанія, несмотря на всѣ данныя науки, психическія явленія не имѣютъ пространственныхъ опредѣленій точно такъ, какъ для непосредственнаго сознанія до сихъ поръ солнце вертится вокругъ земли.

Дѣйствительно, глядя самимъ себѣ внутрь съ закрытыми глазами, мы никакъ не можемъ себѣ вообразить, что все, что мы при этомъ чувствуемъ, совершается тамъ, въ тѣсно ограниченномъ пространствѣ. А представляя тамъ, гдѣ мы чувствуемъ, пространство, мы рѣшительно ничего не видимъ. Совершенно не то, если мы (не только съ открытыми глазами, но еще черезъ посредство всякихъ научныхъ приемовъ) посмотримъ дѣйствительно кому-нибудь внутрь. Мы увидимъ тамъ, правда, крайне мало, но то, что мы увидимъ, представится намъ ясно и отчетливо, и мы обязательно придемъ, въ концѣ концовъ, къ тому заключенію, что всѣ психическіе факты совершаются непремѣнно гдѣ-нибудь въ опредѣленномъ мѣстѣ, у меня тутъ, за этимъ лбомъ, у васъ тамъ, въ вашихъ головахъ.

Итакъ, съ объективной точки зрѣнія, опредѣленіе психическихъ фактовъ, какъ не имѣющихъ никакого пространственнаго опредѣленія, не выдерживаетъ критики. Пусть душа будетъ абсолютно имматеріальное существо, само по себѣ настолько же безтѣлесное и недѣлимое, какъ математическая точка (что и я, съ своей стороны, вполне признаю), а все же эта душа чувствуетъ, мыслить и желаетъ непремѣнно въ опредѣленномъ мѣстѣ. Да гдѣ же? Въ мозгу. А гдѣ въ мозгу? Въ большихъ полушаріяхъ мозга, говорятъ физиологи. Такъ, —но большія полушарія головного мозга—слишкомъ обширная арена для того, чтобъ ею опредѣлить положеніе математической точки, и никакъ нельзя удовлетвориться сказавъ, что она, молъ, пропадаетъ въ неизвестности гдѣ-нибудь, приблизительно въ этомъ пространствѣ. Куда, спрашивается, доходить физиологическое раздраженіе, если человѣкъ такъ или иначе реагируетъ чувствомъ, мыслию и желаніемъ, и откуда исходятъ импульсы, если онъ такъ или иначе выражаетъ то, что онъ чувствуетъ, мыслить и желаетъ? Научныя данныя, собранныя за послѣдніе десятки лѣтъ, склоняются къ предположенію, что различныя впечатлѣнія собираются въ различныя, но опредѣленныя мѣста, и различные волевые импульсы исходятъ изъ различныхъ, но опредѣленныхъ мѣстъ

головного мозга. Какъ извѣстно, нарушеніе цѣлости опредѣленныхъ частей головного мозга нарушаетъ цѣлость и опредѣленныхъ психическихъ отправленій. Не допуская даже мысли, чтобы можно было убить часть души, разрушая часть мозга, нужно тѣмъ не менѣе допустить, что вмѣстѣ съ нарушеніемъ цѣлости органа душа лишается возможности функционировать въ опредѣленномъ мѣстѣ опредѣленнымъ образомъ. Но вмѣстѣ съ разрушеніемъ частей органа исчезаетъ не только возможность проявлять свои душевныя состоянія внѣшнимъ образомъ, уничтожается, несомнѣнно, также способность *имѣть* опредѣленные внутреннія психическія состоянія. Афазику, напримѣръ, не просто не владѣть рѣчью, у него совершенно не то, чтобы просто языкъ отнялся,—у него совершенно отсутствуютъ звуковые образы словъ, у него самая внутренняя сторона всего явленія пропала. У него пропало именно то, присутствіе чего можетъ быть констатировано только внутреннимъ наблюденіемъ, часть внутренняго духовнаго міра. У него какъ бы сгинула часть его души. Онъ чувствуетъ, можетъ - быть, чего у него не хватаетъ. Онъ только не знаетъ, гдѣ именно случилась пропажа. Объ этомъ ему его непосредственное чувство ничего не говоритъ. Но знаніе объективныхъ данныхъ пополняетъ намъ пробѣлъ, оставляемый самонаблюденіемъ. При знаніи фактовъ, сюда относящихся, можно діагносцировать, съ большей или меньшей вѣроятностью, мѣсто изъяна. Изъянъ этотъ—чисто-психическая недостаточность опредѣленнаго рода; слѣдовательно, прежній психическій достатокъ потерпѣлъ опредѣленный уронъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ другомъ мѣстѣ уронъ будетъ другого рода, въ третьемъ третьяго рода и т. д. Слѣдовательно даже тѣ, которые (вмѣстѣ со мной, въ скобкахъ будь сказано) признаютъ, что душа есть абсолютно имматеріальная субстанція, должны признать, что душевныя явленія совершаются по различнымъ мѣстамъ. Даже признавая не болѣе, какъ одинъ обязательный *параллелизмъ* (коррелятивность, или эквивалентность) между двумя въ сущности совершенно различными порядками явленій,— между фізіологическими отправленіями, съ одной стороны, и психическими состояніями съ другой, нельзя отрицать, что параллелизмъ этотъ распространяется не на одни только интензивности и время, но и на распредѣленіе въ пространствѣ о трехъ измѣреніяхъ. Выводъ поразительный, но очень простой.

Это распредѣленіе въ пространствѣ психическихъ явленій имѣетъ мѣсто, однако, въ совершенно иномъ порядкѣ, чѣмъ можно было предположить а priori. Когда въ началѣ нашего столѣтія Галль впервые выступилъ съ ученіемъ о локализациі душевныхъ способностей, то онъ на черепѣ старался опредѣлить мѣста для домовитости, привязанности, вороватости, храбрости и т. д. А когда затѣмъ Флурансъ дѣлалъ свои опыты надъ мозгами куриць, то онъ искалъ мѣстопребыванія памяти, чувства, разума, воли и т. д. До сихъ поръ многіе психологи распредѣляютъ идеи цѣликомъ по разнымъ клѣточкамъ мозга, не предполагая вовсе, что они впадаютъ этимъ въ чистѣйшую метафизику. Явленія афазіи дали первыя опытыя основанія для болѣе правильнаго пониманія господствующихъ въ головномъ мозгу принциповъ локализациі. Открытіе Hitzig'омъ и Fegier двигательныхъ центровъ пролило дальнѣйшій свѣтъ. А въ настоящее время, сколько бы ни существовало еще недомолвокъ и недоразумѣній въ результатахъ экспериментальныхъ изслѣдованій и патологическихъ наблюденій въ этой области, ясно по крайней мѣрѣ то, что элементарныя душевныя качества присущи въ зачаткѣ каждому нервному элементу (опыты Пфлюгера), а сложныя душевныя явленія зависятъ отъ совмѣстнаго дѣйствія самыхъ разнообразныхъ частей нервной системы. Функціи же въ головномъ мозгу (центральной станціи нервной системы) распредѣляются не по искусственнымъ категоріямъ какой-либо изъ существующихъ классификацій, а по фізіологическимъ функціямъ периферическихъ органовъ ощущенія и движенія, имѣющихъ каждый своего представителя въ центральной станціи. Преимущественно патологическія наблюденія выяснили, что то, что мы обозначаемъ какъ представленіе или идею, не есть что-нибудь простое, какъ принимали прежніе психологи, по отношенію къ распредѣленію въ пространствѣ, но составляется изъ множества частичныхъ признаковъ, изъ которыхъ каждый возникаетъ, сохраняется и воспроизводится въ своемъ специальномъ мѣстѣ головного мозга и можетъ въ отдѣльности быть разрушенъ извѣстными патологическими процессами. Простѣйшихъ, совершенно не сложныхъ идей нѣтъ и не можетъ быть. Всякая идея состоитъ минимумъ изъ двухъ признаковъ: одного чувственнаго, а другого двигательнаго. Въ дѣйствительности же (безъ искусственнаго отвлеченія!) всякое представленіе состоитъ изъ большей или мень-

шей суммы положительных и отрицательных признаков. Представленіе, напримѣръ, «апельсина» состоитъ изъ зрительнаго, двигательнаго, обонятельнаго, осязательнаго и вкусового признаковъ; кромѣ того, ему соотвѣтствуетъ еще нѣсколько символическихъ знаковъ; всему этому соотвѣтствуетъ въ мозгу, по крайней мѣрѣ, семь мѣстъ, въ которыхъ эти чувственные признаки воспринимаются, сохраняются и воспроизводятся. Относящіеся къ предмету факты, доказывающіе локализацию психическихъ функцій въ головномъ мозгу именно по элементарнымъ чувственнымъ признакамъ, а не по психологическимъ категоріямъ сложныхъ явленій, вамъ, конечно, достаточно хорошо извѣстны. Остается только признать значеніе этихъ фактовъ. — Вопросы, относящіеся къ этому ученію, конечно, далеко еще не закончены, и психофизики ждутъ не дождутся еще дальнѣйшихъ фактовъ, которые, въ сущности, могутъ быть даны только патологическою казуистикою, ибо опыты надъ животными даютъ сбивчивые результаты. Но для нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, признаковъ представленій теперь уже окончательно доказано, что они распредѣляются въ отдѣльныхъ, пространственно раздѣленныхъ центрахъ. И пусть это будетъ пока одно только предположеніе, что, молъ, *всѣ* признаки представленій распредѣлены по разнымъ частямъ головного мозга, гдѣ они воспринимаются, запечатлѣваются и воспроизводятся въ отдѣльности, но это предположеніе имѣетъ уже достаточно данныхъ, которыя говорятъ въ его пользу.

Чѣмъ же отличается одна идея (или одно представленіе) отъ другого? Отвѣчаю категорично: своеобразною группировкой этихъ признаковъ, распредѣляющихся по разнымъ мѣстамъ головного мозга. Если такимъ образомъ принять доказаннымъ, что элементарные признаки идей воспринимаются, сохраняются и воспроизводятся въ разныхъ (и притомъ опредѣленныхъ) мѣстахъ головного мозга, и всякая идея, даже самая простая, состоитъ изъ группировки такихъ признаковъ, то для появленія всей идеи необходима совмѣстная функція всѣхъ соотвѣтствующихъ мѣстъ. Всякая же другая идея, какъ изъ этого слѣдуетъ, будетъ состоять изъ другого сочетанія признаковъ и изъ функционирования сочетанія другихъ мѣстъ головного мозга. Элементарныхъ признаковъ, качественно между собою различныхъ, въ сущности, сравнительно немного, и подобно тому, какъ на шахматной дос-

къ съ ея 64 фигурами возможны почти безконечно разнообразныя комбинаціи, такъ и небольшого сравнительно количества элементарныхъ данныхъ въ различныхъ комбинаціяхъ достаточно для того, чтобы дать въ результатъ безконечное разнообразіе возможныхъ для человѣческаго ума представленій, понятій и мыслей.

Соединеніе между собою элементарныхъ признаковъ въ одно представленіе можно назвать элементарной ассоціаціей. Ей соотвѣтствуетъ, какъ анатомическій субстратъ, ассоціаціонные пути, которые для каждаго отдѣльнаго представленія должны имѣть своеобразный ходъ. А если себѣ ясно представить, какъ долженъ быть построенъ весь анатомическій субстратъ отдѣльнаго представленія, то само собою будетъ ясно, что сходныя съ нимъ представленія обязательно должны имѣть параллельные ассоціаціонные пути, отклоняясь только въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существуетъ разница въ признакахъ.

Итакъ, анатомическимъ субстратомъ всякой идеи служить опредѣленный ассоціаціонный путь, соединяющій въ своеобразномъ сочетаніи центры элементарныхъ впечатлѣній; *физиологическимъ же эквивалентомъ* возникшей идеи является функція такого субстрата; всякая же идея, неразрывно связанная съ ея физиологическимъ эквивалентомъ, имѣетъ вмѣстѣ съ нимъ опредѣленное для себя мѣсто возникновенія и опредѣленную форму распространенія по фибрамъ нервной системы.

Спрашивается, какимъ образомъ, при такихъ воззрѣніяхъ, объяснить фактъ несомнѣннаго единства, господствующаго во всѣхъ психическихъ явленіяхъ, единства представленій, единства воли, единства сознанія,—словомъ, единства души? На это я отвѣчу: душевныя явленія едва ли такъ просты, какъ абсолютно математическая точка въ абсолютно пустопорожней безконечности. Только такая простота была бы абсолютна и исключала бы всякую сложность. Но это была бы единичность, но не единство. Понятіе о единствѣ не только не исключаетъ понятія о сложности, но требуетъ его какъ логическаго своего дополненія. Единство можетъ господствовать только между кѣмъ и чѣмъ-нибудь. Единство есть простота или гармонія въ сложномъ. Абсолютно простое или единичное можетъ быть только агармонично, и объ единствѣ тутъ рѣчи быть не можетъ. Душевныя же явленія, хотя и самыя сложныя явленія во всемъ извѣстномъ намъ мірѣ, пред-

ставляютъ намъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ высшаго единства, чудной гармоніи и божественной красоты.

Перехожу безъ всякихъ предисловіи къ анализу другого условія *sine qua non* всякаго явленія, къ анализу условій времени психическихъ явленій.

II. Условія времени.

Вопросъ объ условіяхъ времени психическихъ явленій кажется гораздо болѣе простымъ. Тутъ громаднѣмъ подспорьемъ для насъ, или даже прямо руководствомъ можетъ послужить непосредственное чувство, которое намъ совершенно ясно и опредѣленно говоритъ, что всѣ психическія явленія совершаются, внѣ всякаго сомнѣнія, во времени. Но, конечно, всякая субъективная оцѣнка времени крайне неточна. Попытки замѣнить эту субъективную оцѣнку объективными способами измѣренія времени, въ которомъ протекають психическіе акты, вамъ, несомнѣнно, очень хорошо извѣстны изъ психофизики. Я предполагаю также для васъ хорошо извѣстными всѣ изслѣдованія касательно такъ-называемой 'узости' сознанія, доказывающія, что въ единицу времени можетъ существовать только весьма ограниченное число представленій, обязательно сливающихся, при совмѣстномъ ихъ существованіи, въ одинъ общій объектъ представляющагося. Не объ этихъ изслѣдованіяхъ я хочу вести рѣчь. Я хотѣлъ бы только сдѣлать небольшую попытку воспользоваться приблизительной оцѣнкой времени психическихъ актовъ для того, чтобы общія условія времени приложить къ общимъ условіямъ пространственныхъ отношеній (какъ я ихъ понимаю) и дать себѣ такимъ способомъ нѣкоторый отчетъ объ образѣ дѣйствія ассоціаціи идей въ обширномъ смыслѣ слова, понимая подъ этимъ не только механическое сцѣпленіе представленій, но и гармоническую ихъ смѣну въ логическомъ мышленіи. При этомъ считаю возможнымъ предупредить, что всѣ мои спеціальныя соображенія относительно субстратовъ и физиологическихъ эквивалентовъ представленій не имѣють рѣшающаго значенія относительно всего послѣдующаго; дѣло не въ этихъ спеціальныхъ соображеніяхъ, а въ принципиальной постановкѣ вопроса. При послѣдующемъ анализѣ условій времени психическихъ фактовъ я остановлю сегодня ваше вниманіе исключительно на явленіяхъ *дискурсивнаго* мышленія, т. е. на той формѣ ассоціаціи идей, которая имѣетъ своимъ выраже-

ніемъ членораздѣльную рѣчь. Это выраженіе мысли, устное или письменное, вполне объективно, а потому имѣетъ неоспоримыя преимущества, давая намъ факты, которые каждый можетъ провѣрить. Оставлю въ сторонѣ всю не менѣ интересную для нашего вопроса область явленій взаимныхъ отношеній идей, которыя не имѣютъ или имѣютъ въ очень незначительной степени такое объективное выраженіе, — область явленій нравственныхъ и волевыхъ, ибо это повело бы насъ слишкомъ далеко.

Начну съ примѣровъ простѣйшихъ ассоціаций идей. Пусть я вамъ опять скажу слово «апельсинъ». Изъ совокупности признаковъ, въ характерномъ ихъ сопоставленіи, составляющихъ идею апельсина, одинъ признакъ явился у васъ, т. е. у слушателей, раньше другихъ, а именно звуковой образъ «а-пель-синъ». Уже потомъ онъ вызвалъ по навыку всѣ прочіе признаки: форму, запахъ, вкусъ и т. д. Такимъ образомъ идея апельсина въ вашихъ головахъ взяла свое начало въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а затѣмъ распредѣлилась по всѣмъ другимъ мѣстамъ своего субстрата. Но такъ какъ всѣ признаки, не исключая словеснаго знака, составляютъ одно неразрывное цѣлое, то, очевидно, частичный признакъ (или его физиологическій эквивалентъ?) долженъ былъ пережить время присоединенія къ нему другихъ признаковъ, чтобы составить цѣльную идею апельсина. Слово «апельсинъ» составило вмѣстѣ съ другими признаками этого предмета одинъ, какъ я себѣ позволю выразиться, общій аккордъ.

Что же возникаетъ вслѣдъ за этимъ аккордомъ?

Въ психической жизни только съ наступленіемъ глубокаго сна наступаетъ остановка, иначе все движется, все течетъ, идея, возникшая разъ, обязательно вскорѣ смѣняется другой, третьей и т. д. Переведа этотъ эмпирический законъ на понятіе о движеніи, — о движеніи не въ переносномъ, аллегорическомъ смыслѣ, а о движеніи въ пространствѣ и во времени, — должно его формулировать такъ: возбужденіе, возникнувъ въ одномъ мѣстѣ, обязательно должно цѣликомъ или отчасти тотчасъ перейти на другое мѣсто, съ одного анатомическаго субстрата идей на другой. Смѣна представленій, совершающаяся такимъ образомъ, называется ассоціацией идей, теченіемъ представленій или ходомъ мышленія.

Съ чѣмъ же ассоціруется въ нашемъ случаѣ идея апельсина? Какъ это знать? Что ни голова, то своеобразный рядъ пред-

ставлений, что ни времена, то различно во всякой головѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько условій нужно брать въ расчетъ и взвѣсить, чтобы предугадать, куда пойдетъ ассоціація? Не милліоны, а милліарды. Если отсюда заключить о возможности ни на чемъ не основаннаго произвола въ ассоціаціяхъ, то это было бы, по меньшей мѣрѣ, легкомысленно. Какъ бы сложны ни были явленія, а должны быть законы, по которымъ опредѣляется связь нашихъ представлений. Психологи скажутъ: ассоціація пойдетъ по закону смежности или сходства, или даже, какъ то и дѣлаютъ самые ярые ассоціанисты, по одной смежности. Я противъ такого простаго рѣшенія трудной дилеммы рѣшительно ничего не имѣю. Законы смежности и сходства представляютъ изъ себя общее выраженіе для фактовъ, въ которыхъ сомнѣваться никоимъ образомъ нельзя. Но исчерпывается ли ими все, что для насъ любопытно знать о духѣ? Положимъ, ассоціація пойдетъ отъ идеи апельсина по какой-нибудь смежности или по какому-нибудь сходству. Что же изъ этого? Въ головномъ мозгу, вѣдь, все функционально смежно, а въ душѣ все связано, и вездѣ по всѣмъ направленіямъ найдутся точки прикосновенія. Законъ смежности идей въ психологіи то же, чѣмъ былъ бы законъ встрѣчи людей въ социологіи. Всѣ общественныя явленія можно бы свести на яко бы «законъ» встрѣчи. Возьмите всѣ формы встрѣчъ людей между собой, все равно, какія бы они тамъ ни были, — опишите, какъ люди сходятся, раскланиваются и опять расходятся, вездѣ и повсюду, — и вы получите, несомнѣнно, прекрасную картину житья-бытья людей, но вы были бы еще очень далеки отъ пониманія законовъ, управляющихъ общественною жизнью. Законъ смежности у ассоціанистовъ, впрочемъ, въ сущности, всегда скрываетъ другой законъ, о которомъ большею частію говорится какъ-то вскользь: это — законъ, по которому ассоціація яко бы идетъ легче всего по слѣдамъ тѣхъ смежностей, которыя наичаще уже повторялись. Этотъ законъ *привычной преемственности* имѣетъ несомнѣнно большое значеніе, но только тамъ, гдѣ ассоціація идей идетъ, такъ сказать, наизусть, чисто-механическимъ путемъ, и гдѣ вообще психическій складъ уступаетъ мѣсто механическому навыку, гдѣ исчезаетъ психика и начинаетъ дѣйствовать готовая машина. Въ мышленіи же механическое повтореніе играетъ роль, только какъ подспорье; мышленіе, конечно, пользуется въ широкихъ размѣрахъ тѣмъ, что извѣстно наизусть,

но само мышленіе, какъ таковое, есть противоположность всякому механическому пересказу.

Перейдемъ, впрочемъ, скорѣе къ своему предмету. Мы спросили себя, что же мы ассоціируемъ съ идеей «апельсина»? Чтобы установить единство въ вашихъ головахъ, я вамъ назову: лимонъ, яблоко, груша,—по закону, положимъ, наичаще повторявшейся уже преемственности, или по закону сходства, какъ хотите. Какъ вы теперь полагаете, въ то время, пока я вамъ говорилъ: лимонъ, яблоко, груша, и пока *эти* соотвѣтствующія идеи преемственно изображались въ вашихъ умахъ, продолжала ли свое существованіе рядомъ съ ними идея апельсина? Я думаю: и да и нѣтъ, смотря по обстоятельствамъ. Идея апельсина какъ будто и смѣнилась послѣдовательнымъ рядомъ другихъ представленій, но какъ будто продолжала и существовать. Она какъ-то чувствовалась, хотя, можетъ быть, больше и не представлялась. Могло быть и такъ, что рядомъ съ апельсинами вы представляли себѣ груды другихъ фруктовъ, тогда явилась одна общая картина разныхъ фруктовъ, на примѣръ, на столѣ передъ вами или въ мелочной лавочкѣ, или тамъ не знаю, гдѣ. А можетъ быть, и такъ, что представленіе апельсина какъ-то ступшевалось, ступшевались также послѣдовательно представленія о лимонахъ, яблокахъ и грушахъ, и осталось одно общее впечатлѣніе. Въ послѣднемъ случаѣ отъ перечисленныхъ отдѣльныхъ идей въ концѣ концовъ остался одинъ только общій аккордъ, образовалась одна общая идея,—словомъ, то, что называется понятіемъ; образовалось понятіе о фруктахъ, которое можетъ-быть даже сопровождалось, *implicit* или *explicit*, и соотвѣтствующимъ символомъ, — словомъ «фрукты». Можно ли предположить, что отдѣльныя идеи, входящія въ составъ общаго понятія, продолжаютъ свое отдѣльное существованіе даже послѣ слянія ихъ въ одно общее понятіе? Это, по-моему, возможно бы допустить, потому что всякая идея имѣетъ свой отдѣльный субстратъ и свое отдѣльное существованіе въ мозгу. Но этому противорѣчитъ то, что при общемъ понятіи опредѣленные идеи, входящія въ его составъ, перестаютъ отдѣльно представляться. Или ничего, можетъ быть, не остается, кромѣ слова? Но въ нашемъ случаѣ этого слова, какъ символа, связывающаго рядъ представленій, можетъ быть, вовсе и не было; при образованіи взаимной связи между родственными представленіями слово вовсе не обязательно. Слѣдовательно, я здѣсь во-

все не поднимаю старый споръ о номинализмѣ и реализмѣ. Вопросъ здѣсь просто въ томъ, остаются ли отдѣльные представленія, вошедшія въ составъ общаго аккорда, остаются ли они и продолжаютъ ли они дѣйствовать? Положимъ, представленія остаются. Но что же это за представленія, которыя уже не представляются, что же это за идеи, которыя продолжаютъ свое существованіе послѣ своего исчезновенія? Это классическій *nonsens*, — классическій потому, что онъ повторяется почти всѣми классическими философами со временъ — *jam ante Platonem*, достигаетъ классическихъ геркулесовыхъ столбовъ у нѣмцевъ, а въ скрытомъ, замаскированномъ видѣ содержится даже въ ученіяхъ классиковъ англійскаго ассоціационизма (сравни законъ относительности и соотносительности всѣхъ идей и т. д.).

Однако же, что-то остается послѣ образованія этого общаго аккорда. Притомъ, ясно чувствуется, что остается не только въ совокупности, но даже какъ-то въ отдѣльности, остается и, что важнѣе всего, форменно продолжаетъ дѣйствовать и вліять. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорятъ: представленія остаются на второмъ планѣ сознанія, или за порогомъ сознанія. Я никакъ не могу согласиться, чтобы такія и подобныя выраженія можно было назвать удачными, и чтобы эти выраженія давали хоть какое-либо представленіе о томъ, что совершается. Сознаніе здѣсь изображается какою-то комнатою, въ которую представленія входятъ, — милости просимъ, — черезъ какой-то дверной порогъ; или сценою съ кулисами, за которыми представленія стоятъ и ждутъ очереди, чтобы представиться почтеннѣйшей публикѣ; или полемъ, надъ горизонтомъ котораго представленія всходятъ и заходятъ, какъ солнце, или экраномъ, на который проецируется картина, вырисовывающаяся ясно только въ серединѣ, какъ отъ плохой *camera lucida*. Это все аллегоріи и больше ничего, — аллегоріи о какихъ-то пространствахъ тамъ, гдѣ пространства, въ сущности, нѣтъ, по утвержденію, по крайнѣй мѣрѣ, самихъ изобрѣтателей всѣхъ этихъ аллегорій. Я же, съ своей стороны, признавая дѣйствительныя пространственныя отношенія въ фактахъ душевной жизни, стараюсь избѣгнуть всякой неясности и считаю всякую аллегорію, даже въ простомъ описаніи, для картинности, на примѣръ, описуемаго, вреднымъ приемомъ, способнымъ только внушить иллюзію пониманія тамъ, гдѣ этого пониманія рѣшительно нѣтъ, и дающимъ дурную привычку удов-

летворяются ничего не значащими фразами.—Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ сущности, самъ по себѣ очень не сложенъ. Исчезнувшія въ данный моментъ представленія намъ кажутся какъ бы еще существующими, хотя мы ясно сознаемъ, что въ дѣйствительности ихъ уже нѣтъ; или, вѣрнѣе, мы чувствуемъ, что отъ нихъ что-то осталось, хотя ихъ самихъ уже нѣтъ. Такое чувство существованія чего-то, что соотвѣтствуетъ представленію въ то время, когда этого представленія навѣрное нѣтъ, достигается иногда высокой степени интенсивности, такъ что сомнѣваться въ существованіи факта, о которомъ идетъ рѣчь, едва ли возможно. Такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ищемъ подходящаго слова, не находимъ его. Представленія нѣтъ на лицо, но мы чувствуемъ, что оно имѣется. Чувство это можетъ дойти до степени самой интенсивной душевной муки, — представленіе не является... оно явится, можетъ быть, впоследствии — вдругъ, среди совершенно посторонней мысли.—Итакъ, остается или нѣтъ представленіе апельсина послѣ того, какъ я назвалъ далѣе: лимонъ, яблоко, груша, въ тотъ моментъ, когда изъ ряда представленийъ образовался одинъ общій аккордъ? Представленія, вошедшія въ составъ такого, какъ я это называю, аккорда, скажутъ мнѣ, продолжаютъ, вѣроятно, существовать, но только они не сознаются, существуютъ не въ дѣйствительности, а только виртуально, интенціонально. Такъ, — но нѣчто, что не существуетъ болѣе для сознанія, продолжаетъ ли то принадлежать къ міру открываемому внутреннимъ опытомъ, въ противоположность къ міру, открываемому внѣшнимъ опытомъ? Можетъ ли то, что исчезло какъ элементъ сознанія, быть выражено въ терминахъ сознанія? Очевидно, нѣтъ. Что перестало непосредственно сознаваться, то перестало быть предметомъ внутренняго опыта, то можетъ быть представлено только какъ внѣ этого опыта лежащее; что перестало представляться, то перестало быть представленіемъ; и если представленіе и оставило послѣ себя что-нибудь, то это можетъ быть только слѣдомъ, но слѣдомъ оставленнымъ не психологическою стороною всего акта, а стороною, шедшею параллельно съ ней, стороною физиологической, т. е., слѣдомъ не представленія, какъ такового, а слѣдомъ его физиологическаго эквивалента. Слѣдовательно, изъ дилеммы, поставленной мною, есть только одинъ исходъ: нужно признать, что остаются не представленія, какъ таковыя, а только *физиологическіе ихъ эквиваленты*.

Какая же разница между эквивалентомъ, когда онъ сопровождается представленіемъ, и тѣмъ же эквивалентомъ, когда онъ не сопровождается представленіемъ? Я объ этомъ ничего не знаю. Я даже не могу высказать здѣсь никакихъ на этотъ счетъ предположеній, потому что это было бы не у мѣста. Достаточно признать, что остаются физиологическіе эквиваленты въ то время, когда сами представленія уже исчезли. Про эти эквиваленты можно сказать только то, что Бэнъ говоритъ о возобновленныхъ чувствованіяхъ, сравнивая ихъ съ оригинальными чувствованіями: эквиваленты «даютъ занятіе» тѣмъ же самымъ частямъ мозга и такимъ же точно образомъ, какъ и идеи (представленія), — и никакимъ другимъ частямъ, никакимъ другимъ, доступнымъ опредѣленію, образомъ (Bain: The Senses and the Intell., p. 344).

Перечисленіе предметовъ, которое я сдѣлалъ для примѣра, содержало въ себѣ извѣстный логическій смыслъ. Это, очевидно, зависѣло отъ того, что, кромѣ ихъ привычной смежности, между ними оказалось еще большое число точекъ соприкосновенія; предметы перечисленные имѣли много общихъ признаковъ, другими словами, они принадлежали къ группѣ представленій, въ извѣстной степени сходныхъ между собою. Представленія легко и какъ бы сами собою вступили между собою въ очень тѣсную взаимную связь и составили одно общее понятіе. Физиологически, съ моей точки зрѣнія, это очень легко понять, потому что всѣ субстраты идей, сходныхъ между собою, лежатъ параллельно другъ другу въ ближайшемъ сосѣдствѣ, отклоняясь только въ очень несущественныхъ чертахъ. Гдѣ нѣтъ такой тѣсной логической связи представленій, входящихъ въ составъ перечней, тамъ, вопреки смежности представленій, въ смыслѣ ассоціаціонной психологіи, связь устанавливается съ трудомъ, даже вопреки частому повторенію той же ассоціаціи, — вопреки закону наиболѣе частой преемственности. Чтобы показать на примѣрѣ, какую громадную роль играетъ съ самаго начала логическая связь при ассоціаціи идей, беру совершенно произвольный рядъ представленій, на примѣръ, сигара, пѣтухъ, Цицеронъ, пуговица, квасъ, шляпа и т. д. Тутъ, конечно, невозможно найти какую-либо логическую связь; перечисленіе бессмысленное и, соотвѣтственно этому, исходная идея сигары съ трудомъ переживаетъ время возникновенія сосѣдей по ассоціаціи. Члены алогического перечисленія не составляютъ общаго понятія, — между ними нѣтъ сходства, нѣтъ общихъ признаковъ,

и ихъ фізіологическіе эквиваленты лежатъ въ полномъ беспорядкѣ во всѣхъ направленіяхъ въ мозгу. Члены алогическаго порядка обыкновенно забываются быстро, исчезновеніе ихъ изъ головы чувствуется моментально, и даже при очень частомъ повтореніи запоминаніе идетъ очень туго, развѣ только ухо совершенно виѣшнимъ образомъ привыкнетъ къ странному сочетанію безсвязныхъ звуковъ.

Рядъ идей, связанныхъ между собою логически, составляетъ, во всякомъ случаѣ, одинъ общій аккордъ, все равно, вызовутъ ли эти идеи общее для нихъ понятіе *explicite*, или это понятіе останется, какъ это чаще всего бываетъ, *implicite*. Образование такого общаго понятія чувствуется, несмотря на то, что оно, можетъ быть, не развилось въ отдѣльно стоящую единицу мышленія. Тогда я говорю: образовался, по крайней мѣрѣ, одинъ общій аккордъ, соотвѣтствующій общему понятію, а также соотвѣтствующій этому фізіологическій эквивалентъ, можетъ быть еще никогда не выразившійся въ отдѣльности. Вотъ вамъ, кстати, и примѣръ фізіологическаго основанія для того, что у насъ принято называть бессознательной дѣятельностію идей. Я же этого выраженія не употребляю, потому, во-первыхъ, что нахожу противорѣчіе въ выраженіи «бессознательная идея», а во-вторыхъ—потому, что не убѣжденъ, совершенно ли бессознательно то, что происходитъ: можетъ быть, образование аккорда между идеями сопровождалось здѣсь же довольно опредѣленнымъ чувствомъ, чувствомъ гармоническаго сложенія, какъ предчувствія возникновенія въ будущемъ уже готоваго понятія.

Если данъ аккордъ (или связующее понятіе *explicite* или *implicite*), то уже легко предсказать, куда далѣе пойдетъ ассоціація. Я, напримѣръ, сказалъ вамъ: фрукты, а вы тотчасъ скажете: апельсинъ, лимонъ, яблоко, груша; я сказалъ: апельсинъ, лимонъ, яблоко, груша, а вы быстро и какъ бы сами собою добавите: персикъ, абрикось, слива, вишня и т. д. Это потому, что всякій логическій перечень содержитъ въ себѣ понятіе, а всякое понятіе содержитъ въ себѣ логическій перечень; первое есть синтезъ втораго, а второе есть анализъ перваго. Но и всякая идея, сама по себѣ, принадлежитъ къ извѣстной группѣ другихъ идей, или, другими словами, содержитъ въ себѣ *implicite* соотвѣтствующее понятіе. На этомъ основано то пониманіе, которое сопровождаетъ въ большей или меньшей степени всякое представленіе; оно есть

не что иное, какъ образованіе гармонической связи не одного представленія, конечно, съ другими, не представляющимися представленіями, а съ физиологическими эквивалентами другихъ, сродныхъ представленій.

Изъ вышеизложеннаго ясно, какое громадное, можно сказать, всемогущее значеніе имѣютъ при ассоціаціи идей общія понятія. Они руководятъ даже простѣйшею формой ассоціаціи, простымъ перечисленіемъ. Они производятъ то, что наше мышленіе не есть алогическое скаканіе отъ одного предмета къ другому по случайной ихъ смежности, хотя бы сто тысячъ разъ повторенной, и даже не по случайно найденнымъ сходствамъ, но синтетическій ростъ, аналитическое развитіе и гармоническое единство.

Ассоціація идей, конечно, сравнительно рѣдко протекаетъ въ простыхъ перечисленіяхъ. Несравненно чаще, даже сплошь, ассоціація идей состоитъ изъ ряда сужденій. Простѣйшее сужденіе, выраженное дискурсивно, состоитъ изъ подлежащаго и сказуемаго. Возьмемъ для примѣра простѣйшее сужденіе: «апельсинъ зрѣеть». Переживаетъ ли идея апельсина идею созрѣванія? Да, непременно, иначе идея апельсина не могла бы согласоваться съ идеей созрѣванія, а подлежащее—апельсинъ—не могло бы согласоваться съ сказуемымъ—зрѣеть. Слѣдовательно, идеи не просто механически вызвали другъ друга по смежности и не стали просто рядомъ; онѣ вступили между собою въ опредѣленное взаимное отношеніе. Слово «зрѣеть» выражаетъ перемѣну, совершившуюся надъ представленіемъ апельсина. Когда я сказалъ: апельсинъ зрѣеть, то тогда въ вашихъ головахъ апельсинъ сталъ и краснѣе, и слаще, и вкуснѣе. Переведа это на физиологическую точку зрѣнія, я сказалъ бы: вслѣдствіе новаго слухового впечатлѣнія, линіи, ассоціировавшія элементарные признаки, у васъ нѣсколько передвинулись. У меня же въ головѣ, въ тотъ моментъ, по крайней мѣрѣ, когда я впервые придумывалъ примѣръ, дѣло происходило, вѣроятно, иначе: сначала признаки апельсина измѣнились, а потомъ уже появилось сужденіе о томъ, что онъ зрѣеть. Отчего же оригинальная ассоціація идей пошла у меня именно по такому, а не по иному направленію? Очень можетъ быть, что и по закону привычной уже смежности. Незрѣлые апельсины, можетъ быть, часто лежали около зрѣлыхъ. Все можетъ быть. Но гораздо вѣроятнѣе, что ассоціація приняла такое именно направленіе черезъ посредство общаго понятія, содержащагося *implicite*

въ представленіи обь апельсинахъ. «Плоды растутъ и зрѣютъ, апельсинъ— плодъ, слѣдовательно, апельсинъ растетъ и зрѣетъ», — вотъ то логическое основаніе, можетъ-быть, еще никогда въ такой формѣ explicitе не выраженное, которое по своей общности (а не по своей привычности) есть наиболѣе вѣроятная причина появленія даннаго сужденія въ частности. Но, помимо этого, дѣло могло произойти еще гораздо проще (и въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій Психологическаго Общества на эту возможность уже указывалъ д-ръ А. А. Токарскій). Дѣло въ томъ, что всякое представленіе, нѣкоторое время просуществовавшее, имѣетъ тенденцію измѣниться прежде, чѣмъ исчезнуть совершенно, можетъ быть, на тѣхъ же физиологическихъ основаніяхъ, какъ мѣняются оптическіе слѣды на сѣтчаткѣ. Какъ бы то ни было, но физиологическій эквивалентъ представленія апельсина претерпѣлъ видоизмѣненіе, — надъ представленіемъ совершилось дѣйствіе, и это дѣйствіе выразилось глаголомъ, согласованнымъ, какъ сказуемое, со своимъ подлежащимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этихъ трансформацияхъ физиологическихъ эквивалентовъ представленій заключается самый обильный источникъ не только сновидѣній и бреда, но и всякаго творчества. А въ сущности, всякое наше сужденіе, даже самое простое, но самостоятельное, а не повторенное по привычной преемственности, есть актъ несомнѣннаго творчества.

Между появленіемъ подлежащаго и появленіемъ сказуемаго можетъ протечь нѣкоторое время, большее или меньшее — въ извѣстныхъ границахъ. Напримѣръ, апельсинъ этотъ.... (многоточіе).... гниль. Ставлю свой старый вопросъ: продолжаетъ ли въ этотъ промежутокъ времени свое существованіе подлежащее въ ожиданіи своего сказуемаго? Да или нѣтъ? Трудно въ данномъ случаѣ съ положительностію рѣшить. А если вставляются еще разныя, часто къ предмету вовсе не относящіяся мысли? напримѣръ, если я скажу: «этотъ апельсинъ (не въ обиду будь вамъ сказано, я вообще никого не хотѣлъ бы чѣмъ бы то ни было задѣть за живое) — гниль». Мысль часто прерывается еще гораздо болѣе неподходящими вставками, въ особенности, такими, которыя врываются извнѣ. Напримѣръ, начнетъ человѣкъ свою рѣчь такъ: «Апельсины, милостивые государи (здѣсь онъ возьметъ глотокъ чаю, закуритъ папиросу, а затѣмъ продолжаетъ) растутъ въ Италіи». Если предположить, что въ теченіе всего времени прерыва мысли посторонними дѣлами, представленіе обь апельсинѣ дер-

жалось въ головѣ съ одинаковою силой, то это мало вѣроятно. Напротивъ, нужно предположить, что представленіе, какъ такое, въ подобныхъ случаяхъ совершенно исчезаетъ, хотя, съ другой стороны, отъ него остается что-то такое, что не есть представленіе. Съ субъективной точки зрѣнія, если что, можетъ быть, и остается, то развѣ только общее и неопредѣленное чувство, что представленіе сейчасъ должно опять вызваться; а съ объективной точки зрѣнія нужно признать, что въ мозгу остается физиологическій эквивалентъ представленія, который и дѣлаетъ то, что начавшій свою рѣчь не будетъ слишкомъ долго посреди нея пить чай и курить папиросу и не забудетъ, что онъ рѣчь завелъ объ апельсинахъ.

Я нарочно для примѣра взялъ алогическую вставку для того, чтобы рѣче отмѣтить значеніе физиологическихъ эквивалентовъ представленій. Въ непрерывной же логической рѣчи всѣ вставки, въ родѣ всякихъ опредѣленій, дополненій, придаточныхъ предложеній и вводныхъ словъ и т. д., связаны и согласованы въ одинъ цѣльный, гармоническій аккордъ. Вдумываясь въ сложность взаимныхъ отношеній идей, входящихъ въ составъ такой сложной мысли, мнѣ даже страннымъ кажется, какъ можетъ тутъ быть рѣчь о господствѣ единственно только закона наиболѣе обычной преемственности, если говорить человѣкъ, а не попугай. Не стану вдаваться въ подробности, — это значило бы повторять здѣсь то, что говорится (съ иною, конечно, цѣлью) въ каждой грамматикѣ. Всѣ этимологическія и синтаксическія формы членораздѣльной рѣчи суть выраженія многообразныхъ взаимныхъ отношеній, которыя существуютъ между представленіями (черезъ посредство ихъ физиологическихъ эквивалентовъ). И какъ бѣденъ кажется даже самый богатый формами языкъ по сравненію съ безконечнымъ разнообразіемъ того, что человѣкъ хотѣлъ бы выразить! Беспомощность языка въ этомъ отношеніи, повидимому, все болѣе и болѣе чувствуется цивилизованнымъ человѣчествомъ, и, отчаявшись, оно начинаетъ упрощать грамматическія формы своей рѣчи. Но, какъ бы то ни было, пока мы всѣ еще не сократили свой языкъ, подобно англичанамъ, и пока мы еще не перешли къ слогу телеграммъ, рѣчь останется самымъ живымъ объективнымъ выраженіемъ того, что совершается внутри насъ, когда мы мыслимъ. Фактъ на-лицо: представленія послѣдовательно ассоціируются другъ съ другомъ, возникаютъ и, возникнувъ,

тотчасъ исчезаютъ, а все-таки между ними оказывается опредѣленное согласованіе. Согласованіе, говорятъ, совершается по чутью. Это такъ, —но не можетъ же представленіе существующее согласоваться съ представленіями исчезнувшими и съ представленіями еще не представившимися? Выводъ мой одинъ: хотя представленія и исчезаютъ тотчасъ послѣ ихъ появленія одно за другимъ, но остаются ихъ фізіологическіе эквиваленты, которые не только вліяютъ на то, что далѣе должно появиться въ ассоціаціи, но и опредѣляютъ, какъ и въ какой связи оно должно появиться. Такимъ-то образомъ играютъ, по моему мнѣнію, въ человѣческой головѣ тѣ чудныя мелодіи, которыя называются логическимъ мышленіемъ. Общіе аккорды обязательно сопровождаютъ эти мелодіи. Они являются или съ самаго начала, и тогда мелодія есть какъ бы саморазвитіе этихъ аккордовъ, или они являются, —въ особенности, при воспріятіи чужихъ мыслей, —только въ концѣ. Любопытно наблюдать, какъ нетерпѣливо иногда ждуть всякія второстепенныя дополненія, опредѣленія, придаточныя предложенія и т. д. своего окончательнаго согласованія въ главномъ предложеніи. Напримѣръ, если я начну свою рѣчь такъ: въ прекрасномъ климатѣ Италіи, гдѣ нѣтъ нашихъ зимнихъ вьюгъ и морозовъ, гдѣ термометръ рѣдко опускается ниже нуля и т. д., и т. д... Да что въ Италіи? причемъ тутъ вьюги, морозы и термометръ? Я давно знаю, къ чему это, зналъ даже раньше, чѣмъ началъ свою рѣчь, а у васъ все это ждетъ своего разрѣшенія, своей гармонизаціи. Итакъ, что же въ Италіи?—то, что простолюдинъ не нуждается въ полушубкахъ. А сколько разнообразныхъ мыслей въ это время толпилось въ вашихъ головахъ, пока я не покончилъ съ своей фразой? Начатая фраза требовала съ извѣстнымъ напряженіемъ своего окончанія. Но что, спрашивается, требовало?—Чувство,—но за этимъ чувствомъ скрывалось опредѣленное содержаніе. Содержаніе это дано было представленіями. Представленія, возникнувъ, исчезали послѣдовательно, уступая другъ другу мѣсто. Оставались только ихъ фізіологическіе эквиваленты, съ извѣстнымъ напряженіемъ, требовавшіе дальнѣйшей ассоціаціи.

Какъ сложны и извилисты бываютъ ассоціаціи въ логически связанномъ мышленіи! Вспомните, напримѣръ, тяжеловѣсный слогъ Ломоносова и Карамзина, вспомните хитросплетенную конструкцію фразъ вашей латыни или пресловутое нѣмецкое Haben, Wer-

den, Sein на концѣ предложенія въ полторы страницы—и вы согласитесь, что легко могло показаться, будто образы, представленія, понятія и сужденія цѣлыми массами и рядами въ громадномъ числѣ тѣлятся рядомъ другъ около друга, тѣснятъ и толкаютъ другъ друга, сплетаясь и расплетаясь, точно въ котильонѣ. Одно лишь вѣрно, что ряды представленій, которыя смѣнялись бы только по смежности, хотя бы съ прибавкой еще сходства и различія, дали бы мышленіе, по существу, безсвязное, еслибы они не явились какъ повтореніе чего-то наизусть. Можно различить три степени недостаточности связи въ мышленіи: непослѣдовательность, безсвязность и спутанность. Въ послѣдней степени спутанности замѣчается отсутствіе даже грамматическаго согласованія словъ при полномъ господствѣ законовъ смежности и сходства, и это только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ остраго бреда (*Délire aigu*), гдѣ жизнь—какъ психическая, такъ и физическая—виситъ на волоскѣ.

Аккорды, приводящіе къ окончательному согласованію рядъ идей, являются у слушателей, большею частію, подъ самый конецъ, по выслушаніи всей фразы или рѣчи. Однако, у слушателя нерѣдко мысль предугадывается, является ясное и опредѣленное предчувствіе того, что далѣе должно слѣдовать, выраженіемъ чего служатъ восклицанія, въ родѣ: «а, знаю!» «понимаю», «ну, конечно», «какъ бы не такъ» и тому подобныя. И это происходитъ моментально. За этими словами скрывается опредѣленное содержаніе,—не представленія и мысли, конечно, ибо что это за представленія, которыя еще не представились, и что это за мысли, которыя еще не мыслились. Это опять-таки фізіологическіе эквиваленты извѣстныхъ представленій и мыслей, которые, возбуждившись, держатся съ извѣстною степенью напряженія и требуютъ своего дальнѣйшаго развитія. Говорящій экспромптомъ обыкновенно разомъ чувствуетъ все содержаніе своей будущей мысли; ему только остается дать свободный ходъ своему порыву, и слова текутъ, какъ изъ рога изобилія, наполняясь на ходу новыми вдохновенными мыслями. Описываемымъ и другимъ подобнымъ фактамъ даютъ обыкновенно такое толкованіе, что будто бы разомъ съ необыкновенною быстротою «мимо духовнаго ока проносятся мысли». Такой неимовѣрной быстроты смѣны представленій и мыслей въ дѣйствительности никто не наблюдалъ; опыты, напротивъ, показываютъ, что представленія для своей смѣны требуютъ сравни-

тельно довольно продолжительнаго времени (до $\frac{1}{3}$ и даже до 1 секунды). Самонаблюденіе показываетъ только, что нерѣдко мы разомъ чувствуемъ присутствіе болѣе или менѣе обширнаго содержанія, но при этомъ много если одно или нѣсколько представлений, какъ ракеты, промелькнуть въ головѣ, все прочее въ такіе моменты вовсе не представляется и не мыслится. Предполагаемая быстрота смѣны мыслей въ такіе моменты вовсе не фактъ самонаблюденія, а одна изъ попытокъ объяснить явленіе. Но если и допустить невѣроятное, то все же никакой быстротой не объяснить всего послѣдующаго: съ какой бы быстротой ни промелькнули представленія и мысли, они, во всякомъ случаѣ, не могли бы оставаться, а потому не могли бы и руководить послѣдующимъ дискурсивнымъ мышленіемъ. Остается, говорятъ, чувство, которое и руководитъ ходомъ представлений. Это допустить можно, но вмѣстѣ съ этимъ должно также признать, что позади этого чувства стоитъ опредѣленное содержаніе. Если же это содержаніе и не могло быть разомъ готово, то оно могло быть сразу подготовлено въ одномъ общемъ основномъ аккордѣ физиологическихъ эквивалентовъ представлений и мыслей.

И этотъ аккордъ звучитъ все дальше и дальше, усложняется и комбинируется съ новыми звуками и неудержимо требуетъ дальнѣйшаго своего развитія, пока, наконецъ, въ заключительномъ созвучіи онъ не получитъ окончательнаго своего разрѣшенія.

Фактически очень рѣдко бываетъ, чтобы одна единичная идея ассоціировалась съ другой единичной идеей, не касаясь вовсе всего прочаго содержанія, скрытаго въ данный моментъ въ чувствѣ. Обыкновенно цѣлые ряды предыдущихъ представлений и мыслей вызываютъ слѣдующія представленія и мысли въ извѣстной логической послѣдовательности. Еслибъ идеи шли, какъ косточки въ четкахъ, одна за другой въ той преемственности, въ которой онѣ проявляются, то только именно послѣдняя идея обязательно рождала бы слѣдующую. Это дѣйствительно такъ и бываетъ, но не при логическомъ мышленіи, а только при повтореніи наизусть съ трудомъ заученнаго въ зубрячку. Бываетъ ли вообще предыдущая идея когда-либо причиной возникновенія послѣдующей идеи? Не знаю, можетъ быть... но, во всякомъ случаѣ, только въ самомъ обыкновенномъ, популярномъ смыслѣ слова «причина», т.-е. она можетъ лишь случайно играть роль послѣдняго толчка для возникновенія послѣдующей идеи. Но бываетъ

ли непосредственно предшествующая идея когда-либо условіемъ для возникновенія послѣдующей идеи? Нѣтъ, никогда. Я одинаково могу сказать: апельсины зрѣютъ въ Италіи, въ Италіи зрѣютъ апельсины, зрѣютъ въ Италіи апельсины и т. д., и это все въ зависимости отъ условій, въ этой фразѣ вовсе не лежащихъ. Идеи вяжутся съ идеями, мыслями не по ихъ случайному сосѣдству и не по случайно и односторонне найденному сходству, а по ихъ относительному значенію въ ряду всей совокупности представленій и мыслей во взаимномъ отношеніи ихъ эквивалентовъ. На болѣе значительныхъ идеяхъ и мысляхъ лежитъ удареніе: если не онѣ сами, то, навѣрное, ихъ физиологическіе эквиваленты съ извѣстнымъ напряженіемъ и упорствомъ удерживаются въ головѣ, и ими обусловливается направленіе и распределеніе всего дальнѣйшаго теченія ассоціаціи. Напряженіе и упорство не самихъ, конечно, представленій и мыслей, а того, что послѣ нихъ остается или что имъ предшествуетъ, чувствуется иногда совершенно ясно и составляетъ то, что называется чувствомъ интеллектуальнаго интереса. Умственный интересъ возбуждается всегда, когда къ уже сложившемуся гармонически цѣлому присоединяются элементы, грозящіе нарушить эту гармонию, или если къ агармоническому комплексу присоединяются новые элементы, обѣщающіе возстановить новую, небывалую гармонию. Это фактъ, фактъ, можетъ быть, неудачно выраженный, но тѣмъ не менѣе фактъ, что что-то внутри насъ требуетъ извѣстнаго пополненія и развитія. Живучесть же этихъ чисто интеллектуальныхъ интересовъ увеличивается черезъ присоединеніе къ нимъ, по законамъ ассоціаціи, интересовъ нравственныхъ съ ихъ эмоціями, страстями, желаніями, стремленіями и хотѣніями.

Время мнѣ не позволяетъ здѣсь объ этомъ распространяться, хотя именно въ этой области можно найти самые разительные примѣры, иллюстрирующіе все значеніе физиологическихъ эквивалентовъ представленій. Напомню только, что умственный интересъ къ извѣстному предмету, слѣдовательно, по-моему, напряженное состояніе опредѣленныхъ физиологическихъ эквивалентовъ идей и мыслей—можетъ пережить не только минуты и часы, а можетъ существовать и продолжать дѣйствовать, капля за каплей, цѣлые годы, десятки лѣтъ и всю жизнь.

Умственнымъ интересомъ обусловливаются тѣ явленія, кото-

рыя извѣстны подѣ названіемъ интеллектуальнаго вниманія. Вниманіе есть, такъ сказать, проявленіе интереса въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ. Вниманіе можетъ относиться до внѣшняго міра, до чужихъ мыслей, выслушиваемыхъ или вычитываемыхъ, и тогда это вниманіе внѣшнее; но оно можетъ относиться также до собственныхъ представленій и мыслей, и тогда это вниманіе внутреннее. При усиленномъ вниманіи чувствуется, обыкновенно говорятъ, извѣстное напряженіе извѣстныхъ мышцъ. Очень можетъ быть. Но что заставляетъ мышцы напрягаться? Определенныя представленія?—Едва ли, потому что представленія идутъ своимъ чередомъ, измѣняясь. Это — напряженіе извѣстныхъ физиологическихъ эквивалентовъ представленій и мыслей, которое можетъ продолжаться въ теченіе неопределеннаго, болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Итакъ, вниманіе есть то напряженное состояніе физиологическихъ эквивалентовъ представленій и мыслей, которымъ подготавливается воспріятіе и которымъ предопредѣляется возникновеніе извѣстныхъ идей и мыслей. Понятно послѣ этого, какую роль играетъ внутреннее вниманіе въ дѣлѣ правильнаго гармоническаго мышленія. Это — та сила, перераспредѣляющая и направляющая всякую ассоціацію идей сообразно определеннымъ цѣлямъ, о которой здѣсь не разъ уже говорилось; но я, конечно, не въ точномъ смыслѣ назвалъ вниманіе силой, потому что везуть лошади, а не кучеръ, который ими управляетъ.

Чѣмъ же управляется, спросятъ, само вниманіе? Развѣ изъ всего вышесказаннаго это не ясно? Говорятъ, вниманіе управляется волей. Коротко и неясно. Воля позади явленій? Къ чему тутъ этотъ *deus ex machina*? Волевое вниманіе не управляется волей, будто бы позади явленія стоящей: само волевое вниманіе есть актъ воли, одинъ изъ видовъ явленій, называемыхъ волевыми. Наша воля, съ субъективной точки зрѣнія, не можетъ означать ничего другаго кромѣ особаго класса духовныхъ явленій, отличнаго отъ ума и отъ чувствъ. Съ физиологической же точки зрѣнія, на которую я стараюсь стать, воля есть то напряженіе эквивалентовъ представленій, которое предваряетъ будущіе духовные акты, облегчая наступленіе однихъ и препятствуя, прямо или косвенно, наступленію другихъ. Въ интеллектуальной сферѣ волевымъ вниманіемъ предопредѣляется содержаніе будущихъ представленій и мыслей. А управляется ассоціація идей, въ концѣ

концовъ, даже не собственно волевымъ вниманіемъ, которое есть только ближайшій распорядитель, а законами согласованія идей, въ томъ смыслѣ, какъ явленія природы вообще «управляются ея законами».

Если же кто-нибудь сталъ бы утверждать, что ему уже извѣстны эти законы, то онъ сказалъ бы неправду. Но законы согласованія должны существовать—сверхъ законовъ простой ассоціаціи. Это тѣ законы, по которымъ слагается та простота въ безконечно сложномъ, которая не есть абсолютная единичность въ неопредѣленной и пустопорожней безконечности, а единство высшаго порядка, гармонія, красота, микрокосмъ, единство духа и тѣла, единство живой разумной души.

В. Р. Буцке.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

1. Обзоръ книгъ.

Girard. La Transmigration des âmes et l'évolution indéfinie de la vie au sein de l'Univers. Paris, 1892, p. 406.

Riddles of the Sphinx. A study in the Philosophy of Evolution, by a Troglodyte. London. 1891, pp. XXVII+468.

Petavel-Oliff. Le Problème de l'immortalité, 2 vols. Paris, 1891—1892, pp. XII+441+499.

Авторъ первой изъ названныхъ книгъ задался цѣлью доказать нравственными и метафизическими доводами предсуществованіе и безсмертіе души. По его мнѣнію, «изъ всѣхъ проявленій религіозной идеи на землѣ только одна эта способна дать рѣшеніе наиболѣе грозныхъ вопросовъ, тревожащихъ людей, и въ то же время объяснить великую тайну мірозданія». Авторъ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы «очистить ее отъ грубыхъ и дѣтскихъ идей, измѣнившихъ въ прошломъ ея истинный духъ, и вмѣсто неопредѣленныхъ, неполныхъ и часто противорѣчивыхъ указаній, которыми мы обладаемъ, дать философскую теорію, достойную нашего времени и способную удовлетворить самые возвышенные умы» (р. 8).

Безконечное существованіе души доказывается безконечнымъ прогрессомъ, а этотъ послѣдній предполагается нравственными постулатами. «Настоящій міръ не удовлетворяетъ ни утратившія надежду сердца, обледенѣлыя подъ бурями несчастья и отъ людского вѣроломства, ни потеряныя души, разбившіяся о скалы жизни. Ни тотъ, кто разочарованъ во всемъ и позналъ ничтожество земныхъ радостей и величія, ни тотъ, кто разсчитываетъ

на будущее, не могутъ удовлетвориться настоящею жизнью». Большинство для ея продолженія нуждается въ поддержкѣ надеждой, что мы идемъ «къ идеалу болѣе возвышенному, справедливости болѣе совершенной, счастью менѣе скоротечному» (р. 22).

Предсуществованіе души необходимо для того, чтобы можно было понять безконечное разнообразіе способностей, инстинктовъ и условій нашей жизни. Существованіе души послѣ смерти необходимо для исполненія всѣхъ тѣхъ обѣщаній, которыя дасть намъ судьба «на зарѣ нашей юности», для осуществленія нашихъ «золотокрылыхъ грезъ»; для вознагражденія за незаслуженныя роковыя потери, непризнанныя самопожертвованія, непонятія чувства, для оправданія нашихъ идеаловъ истины и справедливости, для завершенія начатыхъ, но не доконченныхъ въ этой жизни благихъ дѣлъ и т. д. (рр. 25—26).

При этомъ безконечный прогрессъ требуетъ, чтобы наша вѣчная жизнь не была прикована къ одной нашей планетѣ, но протекала бы послѣдовательно въ безконечномъ множествѣ безконечно разнообразныхъ. все болѣе и болѣе совершенныхъ міровъ.

Автору не безызвѣстны тѣ доводы, которыми обыкновенно думаютъ рушить подобныя теоріи. Съ понятіемъ человеческой души (такъ обыкновенно рассуждаютъ) связано понятіе индивидуальности, а индивидуальность доказывается непрерывностью памяти. Между тѣмъ, мы помнимъ лишь то, что испытали въ этой жизни, и не знаемъ ничего изъ того, что, по предположенію, должны были пережить въ прежнихъ существованіяхъ, а потому и не имѣемъ права говорить объ этихъ послѣднихъ.

Однако (возражаетъ нашъ авторъ) память вовсе не есть нѣчто непрерывное. Зрѣлый человѣкъ не помнитъ того, что съ нимъ было въ ранней юности, глубокой старецъ иногда забываетъ о томъ, что имъ пережито въ зрѣлыхъ годахъ. Можно ли на этомъ основаніи отрицать индивидуальность?

Да и дѣйствительно ли мы не хранимъ никакихъ воспоминаній изъ предвѣчной жизни? Чѣмъ инымъ объяснить тѣ небесныя грезы, которымъ ничто не соотвѣтствуетъ въ наличной дѣйствительности, тѣ возвышенныя чаянія, которыя заставляютъ насъ переноситься въ міръ идеаловъ? Эти грезы и чаянія не говорятъ ли намъ смутно о томъ, что мы когда-то видѣли и испытывали (рр. 68—71)?

Теорія эта, очевидно, отзвукъ Платоновой. Другія параллели приведены у автора. Для сочувствующихъ подобному міровоззрѣнію, быть можетъ, будетъ не безынтереснымъ указаніе, что взгляды, совершенно сходный съ тѣмъ, какой защищаетъ Жираръ, уже давно нашель превосходное поэтическое выраженіе въ когда-то знаменитой, но теперь позабытой (между прочимъ, и нашимъ авторомъ) одѣ Вордсворта «Intimations of immortality», особенно въ стихахъ:

Our birth is but a sleep and a forgetting:
 The Soul that rises with us, our life's Star,
     Hath had elsewhere its setting,
     And cometh from afar:
     Not in entire forgetfulness,
     And not in utter nakedness,
 But trailing clouds of glory do we come
     From God, who is our home:
 Heaven lies about us in our infancy etc. *).

Несочувствующая критика, еслибъ удостоила книгу Жирара вниманіемъ, нашла бы въ ней не мало данныхъ для отрицательнаго приговора. Можно было бы отмѣтить слабую разработку плана, отсутствіе «солидной эрудиціи», неточность терминовъ, недостатокъ «строгихъ доводовъ», быть можетъ, кто-нибудь упрекнулъ бы даже за поэтической характеръ изложенія. Съ двумя послѣдними укорами мы не согласились бы. «Строгость доводовъ» кажется намъ понятіемъ неопредѣленнымъ и растяжимымъ. Мы думаемъ, что для каждой области вѣдѣнія существуетъ своя метода доказательствъ: въ математикѣ—математическая, въ естествовѣдѣніи—экспериментальная, въ метафизикѣ—отвлеченно рационалистическая, а въ нравственныхъ вопросахъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть только нравственные доказательства. Тамъ, гдѣ эти вопросы не затрогиваются, достаточно формальной убѣдительности, поскольку она соотвѣтствуетъ или не противорѣчитъ фактамъ; но въ нравственной области необходимо справляться съ нравственнымъ чувствомъ, такъ какъ здѣсь всякій вѣруеть прежде всего въ то, въ чемъ находитъ наибольшее удов-

*) Рус. пер.: Наше рожденіе—это только сонъ и забвеніе. Душа, восходящая вмѣстѣ съ нами, звѣзда нашей жизни, гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ имѣла свое пребываніе, и приходитъ издалека. Не въ полной забывчивости и не въ совершенной наготѣ, но влача облачное сіяніе, приходимъ мы отъ Бога, который есть наше обиталище. Небеса окружаютъ насъ въ нашемъ дѣтствѣ и т. д.

летвореніе. Вслѣдствіе того, что въ этой области форма не отдѣлима отъ содержанія, а содержаніе столь же разнообразно и подвижно, какъ сама наша жизнь, нравственную достовѣрность нельзя выразить ни въ какой отвлеченной схемѣ. Но еслибы мы на этомъ основаніи стали отрицать правоспособность такой достовѣрности, то вся наша жизнь, а слѣдовательно, и вся наша дѣятельность, не исключая и теоретической, утратила бы всякій смыслъ, такъ какъ смыслъ жизни раскрывается лишь на почвѣ нравственнаго міровоззрѣнія. Какое нравственное міровоззрѣніе правильно, это, конечно, другой вопросъ.

Поэтическая форма была бы мало пригодна для передачи положеній, такъ называемыхъ, точныхъ наукъ, но вполне умѣстна для выраженія нашихъ высшихъ чаяній. Полная истина познается не одной какой-нибудь способностью души, но всею душой въ ея нераздѣльной цѣльности, и такъ какъ эта цѣльность проявляется только въ сознаніи красоты, то поэтическая форма изложенія, коль скоро служитъ выраженіемъ прекраснаго содержанія, должна быть вмѣнена не въ укоръ, а въ заслугу мыслителю.

Всякій по своему оцѣнитъ широкія фантазіи нашего автора, что «въ составъ нашего тѣла, быть можетъ, входятъ атомы, принадлежавшіе когда-то мудрецамъ Индіи и Греціи, красавицамъ Вавилона и Аеинъ, дикимъ и ручнымъ животнымъ, ядовитымъ и цѣлебнымъ растеніямъ» (р. 17), но едва ли кто не отнесется съ полнымъ сочувствіемъ къ надеждѣ, которой онъ заключаетъ свою книгу: «Если человѣкъ почиталъ на землѣ только идоловъ грязи и плоти, унижалъ свой разумъ, заглушалъ преступленіемъ чувство долга, то онъ отойдетъ съ душой, обремененной страшною отвѣтственностью, разбитой, приниженной и преслѣдуемой отвратительными призраками; но если онъ понялъ высокое призваніе своей жизни, если чувство добра вдохновляло всѣ его дѣйствія, если благородныя занятія ему открыли великолѣпіе разума, онъ уйдетъ въ сопровожденіи улыбающихся видѣній и унесетъ съ земли грустныя воспоминанія и возвышенныя надежды, величественныя впечатлѣнія и восхитительные образы» (р. 401).

Быть можетъ, въ подобныхъ фантазіяхъ не все—фантазія.

Напомнимъ, что въ настоящее время нѣтъ недостатка въ попыткахъ доказать предсуществованіе и безсмертіе души не только на нравственной и метафизической, но и на біологической почвѣ. Какъ

на образецъ въ области философской литературы, можно указать на соотвѣтствующій отдѣлъ во второй изъ названныхъ нами книгъ, *The Riddles of the Sphinx*—своеобразной системѣ плюрализма, построенной путемъ критики основныхъ метафизическихъ проблемъ на почвѣ ученія о развитіи и признающей существованіе Божества, но одинаково чуждой какъ пантеизму, такъ и правовѣрному теизму.

Если (такъ приблизительно рассуждаетъ ея авторъ) справедлива теорія Дарвина, что человѣкъ произошелъ отъ животныхъ, а эти послѣдніе въ свою очередь отъ менѣе развитыхъ формъ, въ которыхъ мы должны видѣть лишь низшую ступень обособленія единой вселенской жизни, то не вправѣ ли мы говорить о безконечной исторіи человѣческаго духа? Но считать человѣка вѣнцомъ эволюціи нѣтъ основанія. «Параллельно съ физической эволюціей идетъ эволюція духовная, которая относится къ первой, какъ смыслъ и мотивъ—къ внѣшнему и зримому обнаруженію. И нѣтъ причины, почему бы этотъ процессъ не былъ развитіемъ не духа вообще, но единичныхъ духовъ, и почему бы единичное я не могло пройти чрезъ послѣдовательный рядъ организмовъ и развитій сознанія, отъ амебы до человѣка, отъ человѣка до совершенства. Такой взглядъ есть какъ бы спиритуалистическое истолкованіе происхожденія человѣка отъ животныхъ и въ то же время обезпечиваетъ за нимъ надлежащую, соотвѣтственную часть въ безсмертіи высшаго (ultimate) духа» (р. 404). Одной нашей планеты недостаточно для такой эволюціи; развитіе, начавшееся на землѣ, можетъ продолжаться и завершаться въ иныхъ мірахъ. Разсматриваемая въ этомъ свѣтѣ, теорія Дарвина есть ученіе не о нисхожденіи (descent), но восхожденіи (ascent) человѣка (р. 411). Въ справедливости ученія Дарвина нашъ авторъ такимъ образомъ не сомнѣвается, а возраженія противъ индивидуальности, построенныя на фактахъ памяти, опровергаетъ совершенно сходно съ Жираромъ. Нельзя только не пожалѣть, что онъ въ своемъ анализѣ оставляетъ безъ вниманія ученіе Вейсмана о *Keimplasma*, въ которомъ мысль объ органическомъ безсмертіи могла бы найти подтвержденіе *).

Покажется ли эта мысль убѣдительною? Нашъ авторъ не только

*) Интересующихся мы отсылаемъ, кромѣ трудовъ самого Вейсмана, къ книгѣ Geddes and Thomson, *The Evolution of Sex*, 2 ed. Lond. 1891, гдѣ вопросъ объ органическомъ безсмертіи разобранъ сжато и ясно, pp. 258—262.

въ этомъ сомнѣвается, но даже думаетъ, что его теоріи способны возбудить противъ него ненависть. Оттого онъ и скрывается въ своей анонимной книгѣ, словно «троглодитъ въ пещерѣ», оправдываясь эпиграфомъ изъ Платона, что того, кто попытался бы освободить людей изъ пещеры и вывести на свѣтъ, они были бы готовы схватить и убить (De Rep. 517 A). Теперь онъ можетъ опасаться только убійства своихъ теорій. Будетъ ли оно совершено, увидимъ. Книга «троглодита» заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ какое выпало до сихъ поръ на ея долю и какое могли удѣлить ей здѣсь мы, говоря о ней лишь по поводу частнаго вопроса.

Если въ первой изъ разсмотрѣнныхъ книгъ вопросъ о безсмертіи обсуждается съ нравственной и метафизической точки зрѣнія, во второй преимущественно съ біологической, то въ третьей—съ историко-богословской. Взвѣсивая всѣ вообще доводы въ пользу безсмертія, какъ старыя, такъ и новыя, авторъ приходитъ къ выводу, что единственно убѣдительныя доказательства могутъ быть даны только Откровеніемъ. Сообразно съ этимъ, онъ приводитъ и критически оцѣниваетъ относящіяся сюда тексты изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, съ цѣлью представить въ историческомъ развитіи и истинномъ свѣтѣ христіанское ученіе о судьбахъ нашей души. Несмотря на нефилософскую постановку основного вопроса, историческая часть имѣетъ строго научный характеръ, вполне соответствующій высокому развитію современной богословской критики на Западѣ. Насколько намъ извѣстно, трудъ Петавель-Олиффа даетъ впервые исчерпывающее, всесторонне разработанное и документально доказательное изложеніе христіанскаго ученія о безсмертіи.

Такимъ образомъ, вопросъ о конечныхъ судьбахъ нашей души одновременно интересуетъ представителей различныхъ направленій. Не знаменіе ли это переживаемаго настроенія? Пора легкомысленнаго отрицанія и осмѣянія стародавнихъ вѣрованій, повидимому, миновала; наступило время приложить и къ нимъ непредубѣжденный скептицизмомъ анализъ. Въмѣсто того, чтобы отыскивать въ этихъ вѣрованіяхъ несообразное и смѣшное, какъ было въ обычаѣ недавняго прошлаго, теперь стараются въ нихъ находить элементы цѣнные и истинные. Такой перемѣнѣ можно только порадоваться.

А. Гиляровъ.

Külpe. Grundriss der Psychologie auf experimenteller Grundlage dargestellt. Leipzig. 1893, стр. 478.

Къ числу выдающихся явленій въ современной психологической литературѣ нужно отнести книгу Кюльпе «Очеркъ психологии». Въ общемъ, о ней можно сказать, что она примыкаетъ къ направленію, созданному Вундтомъ, непосредственнымъ ученикомъ котораго является авторъ. Всѣ основныя воззрѣнія автора тѣ же, что и у Вундта; даже можно сказать, что взгляды Вундта получили наилучшее объясненіе въ книгѣ Кюльпе, которая въ этомъ смыслѣ представляетъ прекрасное введеніе въ психологию Вундта, такъ какъ разъясненія Кюльпе во многихъ мѣстахъ даютъ возможность понимать то, что у Вундта остается непонятнымъ. Впрочемъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что книга Кюльпе есть простое повтореніе психологии Вундта; по нашему мнѣнію, въ ней все отъ начала до конца вполне оригинально: совершенно своеобразный планъ сочиненія, множество экспериментовъ, произведенныхъ авторомъ и поясняющихъ важнѣйшіе законы психической жизни, сжатое, точное изложеніе и строго, до конца выдержанный планъ. Самое главное достоинство книги Кюльпе мы видимъ въ томъ, что онъ среди огромнаго матеріала экспериментальной психологии сумѣлъ удержать равновѣсіе и сдѣлать изъ физиологической психологии *психологию*, а не *физиологию*, какъ это дѣлаютъ многіе другіе: онъ ни на минуту не забываетъ, что физиологія есть только вспомогательная величина, которую слѣдуетъ отбрасывать тотчасъ же, какъ только миновала въ ней надобность. Хотя книга автора и изобилуетъ физиологическимъ матеріаломъ, тѣмъ не менѣе ему отведено второстепенное мѣсто: авторъ неизмѣнно преслѣдуетъ свою основную задачу—«описаніе психическихъ явленій».

Во введеніи разсматривается вопросъ о понятіи и задачахъ психологии, о ея методахъ и вспомогательныхъ средствахъ. Здѣсь авторъ выражаетъ свой взглядъ на «отношеніе психологии къ физикѣ и физиологіи», которое, какъ намъ * кажется, вполне вѣрно имъ оцѣнивается. «Говоря о вспомогательныхъ средствахъ психологии, замѣчаетъ Кюльпе, мы умолчали о физикѣ и физиологіи, потому что онѣ намъ помогаютъ не столько въ построеніи психологии, сколько въ работѣ приобрѣтенія психологическихъ фактовъ: мы нуждаемся

въ физическихъ аппаратахъ и познаніяхъ для установки психологическихъ экспериментовъ, и всякій прогрессъ въ познаніи физическихъ и химическихъ условій чувственнаго воспріятія имѣеть цѣну также и для психологическаго изслѣдованія, но результаты физики не суть матеріаль для психологіи. Нѣсколько иначе обстоитъ съ физиологіей, такъ какъ физиологія чувствъ даетъ намъ свѣдѣнія объ ощущеніяхъ и воспріятіяхъ, физиологія же центральныхъ нервныхъ органовъ — о духовныхъ функціяхъ. Поэтому есть не мало физиологовъ, которые въ психологіи видятъ только часть физиологіи. Но это воззрѣніе основывается на теоретико-познавательномъ заблужденіи. Правда, психологія и часть физиологіи примыкають другъ къ другу тѣснѣйшимъ образомъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что послѣднія намѣренія и цѣли въ обѣихъ наукахъ совершенно различны. Въ интересахъ прогресса психологическаго познанія, можно желать, чтобы работы физиологовъ, имѣющія психологическое значеніе, существовали, какъ было до сихъ поръ, и на будущее время. При недостаткѣ психологическихъ институтовъ, помощь такого рода со стороны физиологіи весьма желательна».

Психологію свою Кюльпе дѣлитъ на три части. Въ первой изъ нихъ говорится объ *элементахъ* сознанія, во второй о *соединеніяхъ элементовъ сознанія* и, наконецъ, въ третьей—о *состояніи сознанія*. Первая часть—объ элементахъ сознанія — распадается на вопросы: объ *ощущеніяхъ* (анализъ ощущенія, качество ощущенія, интенсивность ощущенія, репродукція и ассоціація) и о *чувствованіяхъ*. Вторая часть—о соединеніяхъ элементовъ сознанія—распадается на вопросы: о *слияніи* (*Verschmelzung*) [слияніе слуховыхъ ощущеній, слияніе между другими ощущеніями, аффекты и влеченія] и *связи* (*Verknüpfung*) [пространственныя и временныя отношенія ощущеній], и, наконецъ, въ третьей части—о состояніи сознанія—говорится о *вниманіи*, о *воли* и *самосознаніи*, о *снѣ* и *сновидѣніяхъ*, о *пипнозѣ*. Уже изъ этого плана легко видѣть, какъ стройно расположены весь матеріаль психологіи.

Въ главѣ объ «анализѣ ощущенія» Кюльпе излагаетъ, между прочимъ, г. назыв. «психофизическіе методы» съ такою полнотою и ясностью, какая только возможна въ такомъ трудномъ вопросѣ. Въ главѣ о репродукціи и ассоціаціи имѣ, на основаніи ряда опытовъ, высказываются оригинальныя соображенія объ отноше-

ни образовъ воспоминанія къ образамъ воспріятія, а также о возможности репродукціи, не основанной на ассоціаціи. Затѣмъ, имъ приводится рядъ критическихъ замѣчаній по поводу ученія объ *ассоціаціи идей* въ такомъ видѣ, какъ она въ настоящее время наиболѣе признана. Ассоціативная психологія утверждаетъ, что только раньше образовавшаяся ассоціація ощущеній составляетъ условіе для возвращенія ихъ въ сознаніе. Съ этимъ требованіемъ находятся въ противорѣчій два случая: во-первыхъ, непосредственная репродукція, или сами по себѣ появляющіяся представленія: часто происходитъ, что у насъ мгновенно появляются сложныя центральныя ощущенія, ассоціативнаго происхожденія которыхъ мы не въ состояніи указать. Во-вторыхъ, неоспоримъ тотъ фактъ, что можетъ существовать посредственная репродукція безъ того, чтобы предшествовала ассоціація репродуцированнаго и репродуцирующаго представленія, безъ того, чтобы процессы сознанія, вошедшіе въ это отношеніе, ранѣе стояли бы другъ съ другомъ въ какой-либо связи. Совершенно новыя впечатлѣнія, которыя мы воспринимаемъ, вызываютъ въ насъ болѣе или менѣе обширныя движенія представленій. Кто можетъ сказать, что онъ исчерпалъ все изобиліе различаемыхъ степеней яркости, кто можетъ сказать, что онъ знаетъ уже любой оттѣнокъ и встрѣчалъ его въ какой-либо ассоціаціи? Тѣмъ не менѣе, всякій, при воспріятіи подобнаго оттѣнка, коль скоро онъ сдѣлается предметомъ его вниманія, тотчасъ побуждается къ какому-либо обозначенію его, а, можетъ быть, и къ другимъ единичнымъ представленіямъ. Каждая картина, каждая связь тоновъ, видъ природы, какъ цѣлое, могутъ вызывать центрально возбужденное ощущеніе, и мы не будемъ въ состояніи сказать, что всегда единичные факторы общаго впечатлѣнія были исходными пунктами репродукціи. Затѣмъ, въ дальнѣйшей критикѣ авторъ между прочимъ указываетъ, что ассоціація по сходству, какъ она обыкновенно понимается, не можетъ быть закономъ репродукціи. Въ отдѣлѣ о сліяніи (*Verschmelzung*) подробно рассматривается вопросъ о сліяніи звуковыхъ ощущеній. Вопросъ этотъ, выдвинутый Штумфомъ, имѣетъ огромную психологическую важность и состоитъ приблизительно въ слѣдующемъ: воспринимаемъ ли мы сліяніе отдѣльныхъ тоновъ (напр., въ аккордѣ), какъ нѣчто единичное или же какъ нѣчто множественное? Разъясненію этого вопроса посвящено много мѣста у Кюльпе

Мы не можемъ въ краткой замѣткѣ дать полнаго отчета о всемъ томъ, что имѣется въ книгѣ Кюльпе, но рѣшаемъ рекомендовать тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не имѣютъ достаточной подготовки для изученія экспериментальной психологіи по Вундту, воспользоваться книгой Кюльпе, которая содержитъ все самое существенное изъ психологіи этого направленія.

Е. Челпановъ.

Souriau. La Suggestion dans l'Art. Paris, 1893, pp. 348.

Разсматриваемая книга — одно изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ современнаго увлеченія гипнотическими теоріями. Авторъ пытается объяснить творческіе процессы и дѣйствіе искусства сближеніемъ съ явленіями, наблюдаемыми при гипнотизмѣ и внушеніи. Поэты, музыканты и художники очаровываютъ насъ на подобіе того, какъ гипнотизеры—своихъ субъектовъ; музыка своимъ ритмомъ, поэзія размѣромъ и чередованіемъ рифмъ, живопись—блестящими красками, всѣ вообще произведенія искусства «художественнымъ навожденіемъ» дѣйствуютъ на насъ такъ же, какъ на гипнотиковъ «гипногенные приемы»: однообразные звуки, фиксація зрѣнія, внушеніе. Созерцая картину или статую, слушая музыку, углубляясь въ поэтическое произведеніе, мы впадаемъ въ состояніе, напоминающее гипнотическую летаргію и переходящее, подобно этой послѣдней, въ экстазъ. И какъ въ гипнотической практикѣ гипнозъ имѣетъ значеніе лишь какъ средство, облегчающее дѣйствіе внушенія, точно также и главная цѣль произведеній искусства—внушать нашей душѣ ихъ содержаніе, а «художественный» гипнозъ есть лишь споспѣшствующее этой цѣли средство. Силою художественнаго внушенія мы, подобно гипнотическимъ субъектамъ, испытываемъ иллюзіи, галлюцинаціи, неотступныя идеи, раздвоеніе личности и т. д. Наконецъ, поэты, художники и композиторы переживаютъ состоянія, сходныя съ тѣми, которыя испытываютъ субъекты, получившіе внушенія, особенно на долгій срокъ. Какъ скоро художникомъ овладѣетъ творческая идея, онъ не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не приведетъ ее въ исполненіе, т. е. не выразитъ въ своемъ произведеніи.

Съ формальной стороны, нельзя не согласиться съ этими аналогіями, но по существу онѣ, быть можетъ, скорѣе мнимыя, чѣмъ дѣйствительныя. Безспорно, существуютъ и такія произведенія «художества», которыя обладаютъ свойствомъ погружать въ сонъ,

но это свойство—плохая рекомендація для ихъ авторовъ. Всякое же истинно-художественное произведеніе дѣйствуетъ прямо противоположно гипнозу: оно не суживаетъ, но расширяетъ «поле сознанія», не обѣдняетъ его содержанія, а обогащаетъ, не понижаетъ духовную дѣятельность, но повышаетъ, и притомъ безъ всякой промежуточной стадіи, въ родѣ летаргіи. Точно также и свойственную гипнотическому состоянію амнезію мы напрасно стали бы искать въ дѣйствиіи искусства.

Говоря о гипнозѣ, Суріо, очевидно, подразумѣваетъ подъ этимъ словомъ нѣчто отличное отъ того, что обыкновенно подъ нимъ подразумѣвается. Но тогда большая часть его сближеній—простая игра словъ. Равнымъ образомъ, и вводимое имъ въ эстетику ученіе о внушеніи не проливаетъ никакого свѣта. Это ученіе могло бы быть плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы мы знали, что такое внушеніе. Но на этотъ вопросъ книга Суріо отвѣчаетъ столь же мало, какъ и труды всѣхъ другихъ авторовъ о гипнотизмѣ. Повидимому, подъ внушеніемъ мы должны, по Суріо, подразумѣвать всякое впечатлѣніе, сохраняемое памятью и способное побуждать насъ къ его выраженію. Если такъ, то что же новаго вносить въ эстетику это ученіе?

Красота природы, по нашему автору, способна оказывать такое же гипногенное дѣйствіе, какъ и художественныя произведенія. Въ доказательство онъ приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ поэтовъ, исключительно французскихъ, главнымъ образомъ, романтическаго направленія (Ламартинъ, Гюго). На это нельзя не замѣтить, что всякое вообще стихотвореніе выражаетъ обыкновенно только личное настроеніе его автора, притомъ, по большей части, лишь въ извѣстный моментъ. Приведеннымъ Суріо образцамъ можно противопоставить другіе, опровергающіе его мысль. Можно ли, на примѣръ, прослѣдить что-нибудь подобное гипнотическому состоянію въ извѣстныхъ «*Erhabner Geist*» etc. Гёте, «*There is a pleasure*» etc. Байрона, «*Ce qu'on entend sur la montagne*» В. Гюго? Для объясненія чувствъ, выраженныхъ въ этихъ общеизвѣстныхъ образцахъ, приходится обращаться не къ руководствамъ по гипнотизму, но къ метафизическимъ трактатамъ, на примѣръ, Гегеля или Шопенгауэра. А вѣдь подобныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Въ нихъ нѣтъ недостатка и у цитруемыхъ авторомъ поэтовъ. (У В. Гюго они на каждомъ шагу, у Ламартина, на примѣръ, въ *Jocelyn* и *Childe Harold*).

Къ красота́мъ природы принадлежить и «цвѣту́щая женская красота́», о которой не забываетъ вскользь упомянуть и нашъ авторъ. Быть можетъ, кого-нибудь она и погружаетъ въ «гипнотическую летаргію», большинство же при видѣ ея испытываютъ «экстазъ», притомъ едва ли гипнотическій.

Умиротворяющее свойство всякой вообще красоты объясняется не сродствомъ ея съ гипнозомъ, но тѣмъ, что она способна приводить нашъ духовный организмъ въ равновѣсіе, удовлетворяя одинаково какъ чувство, такъ и мыслительную способность и сосредоточивая волю на отраднѣйшей созерцательной дѣятельности, порою требующей внѣшняго выраженія. Вотъ старая, общеизвѣстная, совершенно «истинная истина». Ея вполне достаточно для объясненія какъ эстетическаго наслажденія, такъ и творческихъ процессовъ, и къ гипнотизму здѣсь прибѣгать нѣтъ никакой нужды. Да и какая можетъ быть отъ него въ данномъ случаѣ польза, когда происходящіе при этомъ психологическіе процессы вовсе неизвѣстны?

Суріо увлекается своими сближеніями настолько, что прямо заявляетъ о своей «амбиціи», вызваннѣйшей его «открытіемъ». И надо отдать ему справедливость: онъ можетъ гордиться своей книгой, — однако, безъ всякаго отношенія къ гипнотическимъ теоріямъ. Она свидѣтельствуетъ о широкомъ знакомствѣ его со всѣми вообще отраслями искусства и о вдумчивомъ къ нему отношеніи. Въ ней разсѣяно множество тонкихъ, мѣткихъ и остроумныхъ психологическихъ замѣчаній, интересныхъ не только для обыкновеннаго читателя, но весьма поучительныхъ и полезныхъ и для художниковъ, музыкантовъ, поэтовъ. Къ тому же она написана яснымъ и изящнымъ слогомъ.

Давая такую оцѣнку, мы вполне соглашаемся съ заявленіемъ самого автора, что все то, что онъ говоритъ въ специальной части своего труда, до извѣстной степени, — въ зависимости отъ его гипнотическихъ теорій и можетъ остаться правильнымъ и въ томъ случаѣ, если мы откажемся отождествлять дѣйствіе искусства съ дѣйствіемъ гипнотизма. (р. 81).

А. Гиляровъ.

Проф. М. И. Каринскій. Объ истинахъ самоочевидныхъ. Спб., 1893. Выпускъ первый. Стр. 196.

Однимъ изъ блестящихъ явленій въ нашей философской литературѣ служить новый трудъ проф. Каринскаго, заглавіе

котораго нами выписано. Насколько можно судить о немъ по первому выпуску, онъ задуманъ широко: авторъ хочетъ выяснитъ природу самоочевидныхъ истинъ, лежащихъ въ основаніи всего нашего знанія и служащихъ его первыми посылками, подвергнувъ предварительно критической оцѣнкѣ противоположные отвѣты на этотъ вопросъ — Канта и представителей новѣйшаго эмпиризма. Но на этотъ разъ онъ останавливается лишь на *разборъ мнѣнія Канта*. Этотъ разборъ, впрочемъ, и независимо отъ цѣлаго, представляетъ самостоятельный и глубокой интересъ.

Основная мысль, господствующая надъ всѣмъ критическимъ этюдомъ автора, можетъ быть выражена такъ: ученіе Канта о самоочевидныхъ истинахъ (главнымъ образомъ, о категорияхъ и основоположеніяхъ разсудка: причинности, субстанціальности и пр.), какъ оно изложено въ *Трансцендентальной эстетикѣ* и *аналитикѣ* и въ параллельныхъ мѣстахъ *Пролегоменъ*, есть ученіе не критическое, а догматическое, такъ какъ, по смыслу ученія Канта, эти истины «представляются чѣмъ-то роковымъ, на подобіе обычно предполагаемыхъ нами законовъ мертваго вещества» (50, ср. 44, 48 — 9, 66, 196). Съ большою пронизательностью онъ вскрываетъ догматизмъ уже въ самой постановкѣ основной задачи *Критики*, — въ признаніи универсальности и необходимости основныхъ понятій (аксіомъ математики, категорій), безъ предварительнаго изслѣдованія вопроса о томъ, «правомѣрно ли это убѣжденіе логически» (8), вслѣдствіе чего и для Канта, какъ и для Декарта и Лейбница, все, въ сущности, сводится къ акту вѣры, которая «составляетъ для него не поводъ только, не исходный пунктъ только для изслѣдованія, и даже не основаніе только для личнаго непосредственнаго убѣжденія въ истинности аксіомъ, а прямо, безъ всякаго ея анализа, безъ всякой попытки ея научнаго оправданія, считается за научный, совершенно достаточный и безспорный доводъ, которымъ можно установить дѣйствительную всеобщность и необходимость, а слѣдовательно, умозрительный характеръ этихъ аксіомъ» (16). Установивъ этотъ исходный пунктъ съ большою тщательностію и, по нашему мнѣнію, съ непоколебимою твердостью, почтенный критикъ шагъ за шагомъ отнимаетъ у Канта почву и разрушаетъ его аргументы, — доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ, что между отдѣльными положеніями у Канта часто не достаетъ согласованности; что его терминологія по мѣстамъ двусмысленна; формулировка

тезисовъ не ясна и измѣнчива; что при установкѣ тезисовъ онъ часто не руководствуется никакими опредѣленными критеріями (28, 51, 61); что, вслѣдствіе этого, его доказательства часто переходятъ въ софизмы и представляютъ кругъ; что даже въ важнѣйшей части его критики, въ ученіи о категоріяхъ, у него все сплошь перетолковано «съ одной стороны, вслѣдствіе крайняго несовершенства его психологическаго анализа, съ другой—подъ рѣшительнымъ вліяніемъ предвзятой тенденціи описать процессы такъ, чтобъ отсюда получались доказательства предполагаемыхъ имъ основоположеній отношенія» (86). Результатъ антикритики проф. Каринскаго, насколько мы его понимаемъ, можетъ быть выраженъ въ двухъ слѣдующихъ *контр-тезисахъ*. Во-первыхъ, по смыслу Кантовой теоріи, оправданіе самоочевидныхъ истинъ лежитъ въ томъ, что онѣ, будто бы, суть *необходимыя условія постановки объекта*,—говоря иначе, Кантъ хочетъ оправдать ихъ изъ условій, въ которыхъ поставлено наше мышленіе при своемъ познаніи дѣйствительности. Но наше сознаніе,—такое общій смыслъ возраженія проф. Каринскаго,—руководится при постановкѣ внѣшней дѣйствительности *совѣстьми иными*, не имѣющими ничего общаго съ абстрактными категоріальными понятіями, мотивами,—именно, опирается на показанія мускульнаго чувства, сопровождаемая сознаніемъ произвольности и непроизвольности воспріятія, въ связи съ законами перемѣщенія сферы воспріятія, благодаря чему мы отлично научаемся различать, исчезъ ли совершенно предметъ, выступившій изъ сферы нашего наличнаго воспріятія, или онъ еще продолжаетъ существовать совмѣстно съ воспринимаемою нами дѣйствительностью. Наоборотъ, Кантова теорія, при ея послѣдовательномъ проведеніи, приводитъ къ ошибочной мысли, будто «для человѣческаго знанія не можетъ быть и рѣчи о констатированіи познанія объекта въ смыслѣ какъ внутренне переживаемой самимъ субъектомъ, такъ и внѣшней ему дѣйствительности» (194), откуда у Канта и возникло его предположеніе о творческомъ синтезѣ чистаго самопознанія,—о томъ, что наше познаніе есть будто бы *не констатированіе предмета*, но его построеніе, *твореніе*. Во-вторыхъ, Кантъ связываетъ свои синтетическія требованія разсудка съ тождествомъ самосознанія,—разсматриваетъ ихъ, какъ «условія сохраненія этого тождества». Но и на этой почвѣ, какъ разъясняетъ критикъ, Кантъ устоять не могъ—и не устоялъ. Въ самомъ дѣлѣ,

такъ какъ между отдѣльными эмпирическими состояніями сознанія (созерцаніями), какъ признаетъ и разъясняетъ это и самъ Кантъ, обыкновенно вовсе нѣтъ связи, соотвѣтствующей особенно категоріямъ отношенія (причинности и пр.), то приходилось бы признать, что условіемъ тождества самосознанія служить не *дѣйствительный синтезъ* даннаго матеріала по категоріямъ, но лишь *возможность* его или, точнѣе, «*въра*, что представленія должны допускать связь по извѣстному общему типу синтеза», а отсюда слѣдуетъ, что, на самомъ дѣлѣ, категоріи вовсе не необходимы условія тождества самосознанія, что «представленія, составляющія достояніе одного и того же сознанія, фактически могутъ оставаться разрозненными и не составлять одного представленія, съ точки зрѣнія категорій отношенія» (184 — 7). Такимъ образомъ, основоположенія у Канта лишены надлежащаго оправданія, «въ смыслѣ разъясненія логическаго, понятнаго для мысли права пользоваться ими». Они для мысли являются чѣмъ-то внѣшнимъ, фатальнымъ, роковымъ*).

Проф. Каринскій не разъясняетъ нарочито положительныхъ предпосылокъ своей критики и лишь мимоходомъ намекаетъ на нихъ. Что онъ реалистъ, это несомнѣнно: онъ признаетъ реальность внѣшняго міра открыто и весьма рѣшительно (173—6). Но какъ онъ обосновываетъ этотъ реализмъ и *что* такое для него самого очевидная истины, объ этомъ пока можно строить только догадки. Когда, выясняя процессъ и мотивы постановки нами внѣшней дѣйствительности, онъ возвышаетъ моментъ опыта (показанія мускульнаго чувства); когда думаетъ, что только послѣдовательный эмпиризмъ новаго времени снимаетъ со сцены остатки догматизма, столь значительные еще у Канта, и проводить критическое направленіе далѣе (16); когда, выясняя необоснованность Кантова положенія о чисто умозрительной природѣ математическихъ истинъ, говоритъ, что «ничто не можетъ препятствовать, напимѣръ, *устанавливать (?) какую угодно геометрическую аксіому на основаніи частныхъ примѣровъ*, ее под-

---

*) Позволимъ себѣ привести здѣсь, для поясненія изложенныхъ контр-тезисовъ, остроумное *reductio ad absurdum* ученія Канта. „Всѣ условія,—говоритъ проф. Каринскій,— всѣ условія или требованія для постановки объективности въ сознаніи, если ихъ разсматривать, именно, какъ требованія для постановки объективности, должны считаться (съ точки зрѣнія Канта) иллюзорными требованіями, такъ какъ не на констатированіе объекта, а на сохра-

тверждающихъ» (18), «ничто не можетъ препятствовать строго эмпирическимъ путемъ убѣждаться въ истинности аксіомы», такъ что «каждая геометрическая теорема можетъ быть доказываема чисто опытнымъ путемъ, путемъ измѣренія, сличеній и пр. п. данныхъ во внѣшнемъ опытѣ пространственныхъ фигуръ» и т. д. (19): во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ, повидимому, есть достаточный поводъ истолковывать предпосылки автора въ смыслѣ философіи эмпиризма. Но когда, съ другой стороны, въ ученіи Канта о пространствѣ и времени, какъ *априорныхъ* созерцаніяхъ, онъ видитъ мысль «глубокую и вѣрную» и только лишь получившую «несоотвѣтственную форму» (16—17); когда, разъясняя и оцѣнивая ученіе Канта о категоріяхъ и основоположеніяхъ разсудка, онъ признаетъ въ немъ «совершенно вѣрную мысль, что разнообразныя связи, въ которыхъ воспринимаемое нами непосредственно дано нашему сознанію, не входятъ цѣликомъ сами собою въ нашу душу, какъ представляется то непосредственному сознанію, и никакъ не составляютъ результата совершенно пассивнаго процесса, по образцу пассивныхъ процессовъ природы, какъ принимаетъ ходячая психологія новаго времени, но предполагаютъ въ нашемъ сознаніи активность, самодѣятельность духа, активные процессы, въ которыхъ какъ-бы *скрыто подразумеваются нѣкоторыя предположенія*, ко-

неніе тождества сознанія они расчитаны, и на самомъ дѣлѣ не констатируютъ предмета для сознанія, а даютъ только призракъ предметности. А если это такъ, то... можно ли доказывать, что подведеніе подъ извѣстное понятіе даетъ понятное для мысли, логически очевидное право ставить то или другое отношеніе въ объективномъ бытіи, когда то, что ставится, признается только призрочною объективностью, не имѣющею никакого логическаго права приниматься за то, чѣмъ оно ставится, и когда даже самый синтезъ, который долженъ считаться логически оправдывающимъ объективную постановку, оказывается въ концѣ концовъ только синтезомъ, необходимымъ для сохраненія единства сознанія? Если, напримѣръ, доказательство причинности перевести на точный языкъ, не злоупотребляя сколькимъ терминомъ объективности, то будетъ ли оно содержать въ себѣ какую-нибудь другую мысль, кромѣ слѣдующей: для того, чтобы сознаніе съ логическою необходимостью приняло совершенно ошибочную мысль, будто перемѣна произошла не въ его только представленіи, но и внѣ его, для этого необходима причинная зависимость этой перемѣны отъ нѣкоторой другой? *Такъ какъ логическаго права для логической ошибки быть не можетъ, то ясно, что подъ разъясняемое доказательствомъ логическою необходимостью можетъ разумѣться не логическое право, а роковая необходимость для мысли....»* (195—6).

торыми какъ бы руководится сознание при активномъ усвоеніи даннаго ему матеріала» (85—6), нѣкоторое «молчаливо и незнательно подразумѣваемое понятіе о предметѣ, о томъ бытіи, которое составляетъ цѣль знанія»,—нѣкоторыя «скрытыя антиципации мысли» (47—8): во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ, повидимому, являются достаточныя основанія классифицировать критика уже въ рядъ апіористовъ. Но въ чемъ же, въ концѣ концовъ, здѣсь дѣло? Намъ кажется, выходъ изъ этого затрудненія, путь къ опредѣленію точки зрѣнія автора, на которой у него примиряются и его эмпиризмъ и его апіоризмъ, намѣченъ имъ самимъ въ двухъ слѣдующихъ, едва ли не самыхъ рѣшительныхъ, его сужденіяхъ принципиальнаго характера. Во-первыхъ, онъ признаетъ у насъ возможность и средства проникать своею мыслью въ область дѣйствительности *дальше* того предѣла, до котораго доводитъ насъ *логика*: «несомнѣнно,—говоритъ онъ,— что непосредственное сознание въ своемъ констатированіи объекта и его отношеній имѣетъ сторону, которая *никогда и ни въ какомъ случаѣ логически оправдана быть не можетъ*» (173), такъ что „непосредственное сознание въ своей постановкѣ внѣшней дѣйствительности идетъ далѣе того, что можетъ быть логически оправдываемо» (175). Во-вторыхъ, какъ мы отчасти уже знаемъ, онъ повсюду подчеркиваетъ свободный и активный характеръ мышленія, которое не знаетъ надъ собою никакихъ непроницаемыхъ для него законовъ, никакихъ роковыхъ формъ, не терпитъ на себѣ никакихъ отвнѣ наложенныхъ путей: «мышленіе,—говоритъ онъ,— есть дѣятельность, изслѣдующая право на достовѣрность всего, что только можетъ стать предметомъ этой дѣятельности» и, хотя «чистой, совершенной безпредвзятости фактически не представляетъ никакое научное изслѣдованіе», однако, «было бы чистымъ догматизмомъ признать цѣлую систему понятій относящуюся къ природѣ самой мысли, или составляющую самую сущность разсудочнаго синтеза,—признать ранѣе, чѣмъ эта система сдѣлалась бы *насквозь прозрачной для мысли въ ея логической необходимости*, ранѣе, чѣмъ она въ цѣломъ и частяхъ получила бы разумное оправданіе по самому своему содержанію» (49—50). Если мы смягчимъ интеллектуалистическій отгѣнокъ въ выраженіи послѣдней мысли и уравновѣсимъ его вышеприведеннымъ сужденіемъ автора объ относительно узкихъ границахъ, въ которыя заклю-

чена логика сравнительно съ другими ресурсами познанія, которыми владѣетъ нашъ духъ, то положительныя предпосылки критики проф. Каринскаго, очевидно, опредѣляются предъ нами въ смыслѣ *волюнтаризма*, — въ смыслѣ возвышенія въ познаніи волевыхъ и вообще практическихъ мотивовъ мысли, т. е. въ томъ направленіи, къ которому почтенный авторъ склоняется уже въ первомъ своемъ литературно-философскомъ произведеніи, изданномъ двадцать лѣтъ тому назадъ (*„Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи“*, Спб., 1873). Если предлагаемое нами истолкованіе взглядовъ почтеннаго представителя нашей современной философіи вѣрно, то въ его дѣятельности мы имѣемъ рѣдкій случай неизмѣнной вѣрности разъ принятому направленію, — упорной работы мысли въ виду однихъ и тѣхъ же, твердо поставленныхъ съ самаго начала, задачъ. И понятно, какой въ виду этого интересъ должны представлять дальнѣйшіе выпуски начатаго труда.

И изъ того немногаго, что нами сказано о монографіи проф. Каринскаго, можно усмотрѣть, что она заслуживаетъ полнаго вниманія и самаго серьезнаго отношенія со стороны представителей нашей философіи. Правда, она читается не легко. Скажемъ даже болѣе: читать ея весьма трудно. Мы не припомнимъ ни одной книги не только русской, но даже и нѣмецкой, чтеніе которой потребовало бы съ нашей стороны такого напряженія мысли, какого потребовала монографія проф. Каринскаго. Но за то, съ другой стороны, мы знаемъ очень немного философскихъ книгъ, которыя бы, по прочтеніи, оставляли такое полное удовлетвореніе, порождали такое высокое возбужденіе мысли, какъ эта монографія: важности затронутыхъ въ ней вопросовъ вполне отвѣчаетъ серьезность отношенія къ нимъ хорошо подготовленнаго и обладающаго тонкимъ и строго дисциплинированнымъ мышленіемъ автора. Особенно на представителяхъ нашей критической философіи лежитъ обязанность отнестись къ его труду съ возможнымъ вниманіемъ: послѣ того какъ авторитетъ главы школы въ этой монографіи значительно поколебленъ, она не можетъ уже по прежнему продолжать спокойно и догматически раскрывать его взгляды и обязана принять обращенный къ ней вызовъ.

Алексій Введенскій.

Памяти отца современной педагогической, Яна Амоса Коменскаго. По поводу 301 годовщины его рождения. Изд. Педагогического музея военно-учебныхъ заведеній. Ц. 30 коп. С.-Петербургъ, 1893.

Безспорно, многія идеи этого великаго славянскаго «отца народной школы» не только до сихъ поръ не потеряли своего глубокаго, универсальнаго значенія, но еще долго будутъ ждать ихъ достойнаго, полнаго практическаго осуществленія. Въ особенности, это представляется вѣрнымъ по отношенію къ Россіи, гдѣ онѣ всего менѣе, качественно и количественно, осуществлены. Хуже того, наблюдая практику и направленіе нашихъ народныхъ школъ за послѣднія 10 — 12 лѣтъ, невольно приходится даже констатировать крайне печальный фактъ, что эти могучія, свѣтлыя идеи у насъ тускнѣютъ и какъ-бы отходятъ въ область «забытыхъ словъ»... Между тѣмъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. Моздалевскій въ одной своей рѣчи, посвященной памяти Коменскаго, ученіе послѣдняго, оставаясь по существу своему универсальнымъ, все же, естественно, болѣе другихъ подходитъ къ духу роднаго ему славянства. Истинный реализмъ взглядовъ у него не противорѣчитъ высокому идеализму настроенія. Его стремленіе усвоить и примирить въ высшемъ синтезѣ всѣ жизненные элементы западно-европейскаго образованія—глубоко соответствуетъ потребностямъ русскаго духа. Поэтому мы, пользуясь случаемъ, съ полной симпатіей отмѣчаемъ дѣятельность недавно возникшаго при Педагогическомъ музеѣ «Отдѣла Коменскаго», задавашагося прекрасною цѣлью распространять въ нашей публикѣ идеи великаго мыслителя и педагога, главнымъ образомъ, путемъ хорошихъ переводовъ на русскій языкъ его лучшихъ сочиненій. Въ настоящее время членами «Отдѣла» переведены и уже появились въ свѣтъ «Великая дидактика» и «Материнская школа» Коменскаго. Плодомъ той же симпатичной дѣятельности «Отдѣла» является и рецензируемая нами книга. Она содержитъ, кромѣ введенія и приложений, слѣдующія статьи: Отчетъ о дѣятельности отдѣла Коменскаго за первый годъ его существованія. М. Ю. Поповскаго.—Очеркъ дѣятельности международнаго общества Коменскаго. Е. А. Лева.—О сочиненіи Коменскаго «Путь къ свѣту» (*Via lucis*). Рѣчь проф. А. Д. Вейсмана.—Отрывки изъ соч. Коменскаго «Великая дидактика», перев. И. А. Шляпкина.—Стихотвореніе Лейбница, посвященное

памяти Коменскаго. Сообщено Л. Н. Моздалевскимъ.— О сочиненіи Коменскаго «Всякъ своего счастья кузнецъ» (Faber fortunæ). М. А. Холодняка. — Къ книгѣ приложенъ хорошій портретъ Коменскаго.

Т. Ясаковъ.

Тимошей Соловьевъ. Теорія волевыхъ представленій. Отношеніе ея къ спеціаціи и элевациі органическаго міра. С.-Пб. 1892.

Теорія г. Т. Соловьева выставила не одинъ (какъ указываетъ авторъ въ предисловіи), а два новыхъ фактора органическаго развитія:

- 1) субъективное вниманіе и
- 2) волевое представленіе.

1. Согласно теоріи субъективнаго вниманія, организмъ (и всякое видоизмѣненіе его) есть продуктъ дѣйствія индивидуальнаго вниманія, какъ *досознательной* (?) силы задержки извѣстныхъ молекулярныхъ колебаній. Къ сожалѣнію, г. Соловьевъ нигдѣ не доказываетъ дѣйствительнаго существованія этой силы.

2. Согласно теоріи волевого представленія, организмъ (и всякое видоизмѣненіе его) есть *продуктъ воли*. Насколько отношеніе *воли къ своему продукту* понятно, какъ нѣчто аналогичное отношенію *сознанія къ своему объекту*, настолько идея организма, какъ продукта индивидуальной, т. е. детерминированной воли, представляется намъ дѣйствительно правильной, истинной. Продуктивность воли только не должно отождествлять съ причиннымъ обусловленіемъ: какъ продуктъ воли, организмъ не есть дѣйствіе воли, какъ нѣкоторой опредѣленной причины: *Воля не причиняетъ, а оформляетъ только, какъ и сознаніе*. Въ качествѣ же дѣйствія причины, организмъ всецѣло падаетъ въ міръ безконечной причинности, или индивидуальную природу. Волевое представленіе, значить, вовсе не факторъ развитія; субъективное же вниманіе—факторъ еще не доказанный.

Вообще, мы въ основномъ расходимся съ теоріей г. Т. Соловьева, но вполнѣ оцѣниваемъ въ ней своеобразную естественно-научную обработку обильно собраннаго матеріала.

Ө. Шперкъ.

К. Гильти, профес. Бернскаго университета. Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Переводъ съ 4-го

нѣмецкаго изданія и предисловіе Александра Острогорскаго. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». С.-Петербургъ, 1894.

Основная идея книги—несомнѣнно, вѣрна, и притомъ проводится подчасъ съ истиннымъ нравственнымъ одушевленіемъ. Существуетъ нравственный міропорядокъ. По законамъ его и нашей природы, трудъ, согрѣтый любовью къ людямъ, сознательный, свободный и уравновѣшенный, есть необходимое условіе, главный факторъ истиннаго, личнаго и общаго, счастья. Безъ всеобщей любви къ труду, безъ глубокаго пониманія его универсальнаго значенія, не можетъ быть и рѣчи о здоровомъ личномъ существованіи, объ исцѣленіи по существу страшныхъ социальныхъ язвъ, унижающихъ и развѣдающихъ челоуѣчество, наполняющихъ міръ слезами и скорбью... Къ сожалѣнію, эта глубоко симпатичная идея у автора философски не обоснована и притомъ развита односторонне: недостаточно подчеркнута великая роль науки (что, впрочемъ, отчасти восполнено въ прекрасномъ предисловіи переводчика). Психологическій и общественный анализъ крайне слабъ. Повидимому, въ связи съ этимъ у автора стоитъ странное недоразумѣніе: онъ полагаетъ, что философія вообще, будучи недоступна большинству, «является самой невыносимой аристократіей», что совсѣмъ не вяжется, прежде всего, съ его же представленіемъ о христіанствѣ, какъ общедоступной «истинной философской основѣ абсолютной демократіи.» Одно изъ двухъ: или въ христіанствѣ нѣтъ совсѣмъ никакой философской основы, или истинная философія, говоря вообще, по существу своему доступна всѣмъ, и дѣло только въ формѣ изложенія,—пишетъ же авторъ популярныя очерки по философіи.. Въ книгѣ подчасъ встрѣчаются и банальности, какъ наприм.: «Излишне пить пиво во всякое время дня», или еще—настойчивый совѣтъ не читать *чрезмѣрно* много газетъ... Но такихъ мѣстъ очень немного; въ общемъ же получается впечатлѣніе свѣтлое, бодрящее. Переводъ сдѣланъ подходящимъ языкомъ.

Т. Ясаковъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей.

L'Anomalo. Rivista mensile di antropologia e sociologia criminale, psichiatria e medicina legale. Napoli, 1893 (Gennaio - Settembre). Direttore Angelo Zuccarelli.

Алексѣй Введенскій. Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіевъ посадъ. 1894. XXXIII+186+330 стр. Ц. 3 рубля.

К. Гильти, проф. Бернскаго унив. Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Пер. А. Острогорскаго. Изд. ред. жур. «Образованіе». Спб. 1894. 94 стр. Ц. 50 к.

De la Grasserie. De la classification objective et subjective des arts, de la littérature et des sciences. Paris. 1893. 304 стр.

E. Gruber. Experimentelle Untersuchungen über die Helligkeit der Farben. Leipzig. 1893. 30 стр.

Н. П. Каменевъ. Случай психологическаго автоматизма (Оттискъ.)

Кожевниковъ, В. А. Безцѣльный трудъ, «недѣланіе», или дѣло? Второе исправленное изданіе. М. 1894. 56 стр. Ц. 20 к. 50% выручки поступаетъ въ пользу церковно-приходской школы въ селѣ Мордовскомъ-Качимѣ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи.

Кратній очеркъ дѣятельности Тобольскаго Общества трезвости. Тобольскъ. 1893.

Международная бібліотека. Одесса. Изд. Бейленсона и Юровскаго. 1893—4, по 15 к. № 6. **Ферд. Брюнетьеръ.** Отличительный характеръ французской литературы. 30 стр. № 7. **Ш. Рише.** Геніальность и помѣшательство. 32 стр. № 8. **Г. фонъ-Шель.** Самоубійство и современная цивилизація. 32 стр. № 9. **И. Тэнь.** В. Шекспиръ. I. 36 стр.

«**Сократъ и его время.**» Историческій очеркъ **В. Д. Сиповскаго.** «**Тѣни**» (фантазія). **В. Г. Короленко.** М. 1894. 110 стр. 35 к.

Шербюле, Викторъ. Искусство и природа. Перевелъ М. Калмыковъ. Спб. 1894 Ц. 1 р. 50 к. X+214 стр.

II. Обзоръ журналовъ.

Revue Philosophique. 1893 г. №№ 3, 4, 5 и 6.

Bourdon. О послѣдовательности психическихъ явленій (№ 3).

Авторъ излагаетъ свои опыты надъ ассоціаціею идей: онъ называлъ ряду лицъ буквы и слова, а тѣ писали ему непосредственно ассоціровавшіяся съ названными буквы, цвѣта и различныя группы словъ. Въ среднемъ, каждый вопросъ и отвѣтъ занимали четыре секунды. Изслѣдовалась не быстрота ассоціаціи, а логическое и грамматическое *значеніе* ассоціруемыхъ элементовъ, причемъ, на примѣръ, оказалось, что большая часть ассоціацій происходила между понятіями соподчиненными; идеи же классовъ высшихъ съ идеями низшихъ связывались гораздо рѣже; названія качествъ вызывали приблизительно одинаково часто идеи какъ другихъ качествъ, такъ и предметовъ, названія же предметовъ и дѣйствій обыкновенно ассоціировались съ идеями тѣхъ же группъ. Особенно новыхъ и важныхъ выводовъ у автора нѣтъ.

Danville. Патологическое ли состояніе любовь? (№ 3).

Теоріи, сводящія любовь къ слѣпому родовому инстинкту, невѣрны. Любовь есть специфическое влеченіе къ *опредѣленному* субъекту другого пола, такъ что къ ней не относятся внѣшне похожія на нее влеченія, *безразличныя*—къ какому-либо индивидууму, а также влеченія къ части или атрибуту такового (последній случай есть проявленіе эротической патологіи). Любовь есть явленіе вполне нормальное, прогрессивное и плодотворное; сходство ея проявленій съ припадками безумія и фактами вырож-

денія, а также иногда бывающая связь ея съ преступленіями объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что она есть *продуктъ очень высокою дифференцированія* и поэтому стоитъ недалеко отъ легко переходимаго предѣла правильнаго теченія психическихъ функций. Проявляясь и на низшихъ ступеняхъ животной жизни, полного развитія любовь достигаетъ лишь у человѣка и представляетъ собою мгновенное и безсознательное суммирование, отождествленіе (identification) всѣхъ накопленныхъ въ теченіе жизни воспріятій, имѣющихъ отношеніе къ области родовой жизни, чѣмъ и объясняется внезапность проявленія любви.

Р. Коehler. Почему мы походимъ на нашихъ родителей? Опытъ о природѣ и происхожденіи оплодотворенія (№ 4).

Указавъ на недостаточность старыхъ теорій, авторъ излагаетъ результаты новыхъ изслѣдованій, устанавливающихъ эволюцію полового продолженія рода изъ первичнаго, безполога, совершающагося простымъ дѣленіемъ клѣтки-матери, черезъ рядъ фазисовъ, въ которыхъ безполое воспроизведеніе послѣдовательно теряетъ значеніе и затушевывается половымъ; послѣднее вводитъ «омоложеніе» (rajeunissement) организма, которое дѣлается для него все болѣе необходимымъ, по мѣрѣ его совершенствованія и подъема на лѣстницѣ органическихъ существъ. Авторъ указываетъ на тѣ элементы яичка и оплодотворяющаго начала, которые анатомически, матеріально служатъ для передачи по наслѣдству свойствъ отцовскихъ и материнскихъ клѣтокъ и перечисляетъ нѣкоторыя причины, видоизмѣняющія строгую наслѣдственность.

Л. Аггеат. Графологическій методъ (№ 4).

Авторъ предлагаетъ пользоваться анализомъ письма, какъ одного изъ видовъ естественной мимики и жестикуляціи человѣка, для изученія основныхъ типовъ характера—въ обширномъ смыслѣ этого слова; онъ указываетъ на нѣкоторые элементы писанія, выражающіе, по его мнѣнію, степень аффективности, интеллигентности и эстетическаго вкуса пишущихъ: для первой характерны признаки разгнѣнности или сжатости письма, его энергіи, быстроты, для второй—признаки связности, экономіи и стройности движеній, для послѣдняго—изящество, пропорціональность, общая гармонія письма.

Ф. Рісаветъ продолжаетъ свое обзорѣніе (въ отдѣлѣ «Revue

générale») новыхъ трудовъ по нео-томизму и исторіи схоластики (№ 4). Предыдущее «обозрѣніе» было въ мартовской книжкѣ 1892 года.

L. Daugiac. Психологія музыканта (№№ 5 и 6).

Обыкновенные люди воспринимаютъ, но забываютъ свои воспріятія, у художника же они объединяются, организуются. Для историка искусства, артисты—только тѣ, кто создалъ какое-либо художественное произведеніе, для психолога же—артистами въ извѣстной степени являются критики, исполнители, а также внимательные зрители и слушатели такихъ произведеній, сочувственно переживающіе ихъ содержаніе. Статья состоитъ изъ двухъ частей: въ первой авторъ говоритъ о развитіи музыкальныхъ способностей, во второй—объ условіяхъ «музыкальнаго уха».

✓ F. Houssay. Общественность и мораль у животныхъ (№ 5). Обыкновенно эволюціонисты слишкомъ выдвигаютъ на первый планъ въ числѣ факторовъ эволюціи — борьбу за существованіе и естественный подборъ; между тѣмъ, особенно въ области эволюціи нравственности, половой подборъ, борьба за воспроизведеніе—играютъ чрезвычайно важную роль. У бесполоыхъ особей живущихъ обществами перепончатокрылыхъ, у рабочихъ пчелъ, муравьевъ—только два главныхъ направленія дѣятельности: интересъ личный и интересъ общественный. Между тѣмъ, у людей выступаетъ третья тенденція, третій общій мотивъ практики — борьба за основаніе и поддержаніе семьи. Это чрезвычайно усложняетъ дѣло и разрѣшается борьбой между обществомъ и семьей, изъ которой, въ концѣ концовъ, вырабатывается нѣкоторый *modus vivendi*: на Востокѣ—полное разъединеніе семейной и общественной жизни, на Западѣ—проникновеніе той и другой элементами другъ друга и смѣшеніе ихъ. У пчелъ и муравьевъ значительное совершенство ихъ общественной организациі достигается лишь подавленіемъ половой жизни у массы особей—рабочихъ; жизнь же рода продолжается одной самкой—царицей. Очевидно, что такая организациія возможна лишь при сравнительно сильной плодовитости насекомыхъ; при гораздо меньшей плодовитости людей, такой порядокъ немислимъ, и факторъ полового подбора неустранимъ; разныя же искусственныя попытки его устранить могутъ привести, при послѣдовательномъ примѣненіи, къ прекращенію челоуѣческаго рода. Поэтому, вышеуказанный инстинктъ долженъ

значительно противодействовать всѣмъ попыткамъ провести на практикѣ полное и безусловное преобладаніе общественнаго, коллективнаго интереса.

G. Marchesini. Объ общихъ идеяхъ (№ 5).

Эта статья представляетъ собою одну главу изъ неизданнаго сочиненія автора о «Психологическомъ монизмѣ». Авторъ является рѣшительнымъ номиналистомъ.

«Всякая идея, по своей природѣ, есть, первично, ощущение... Общія или отвлеченныя идеи, сами въ себѣ и по себѣ, не существуютъ. Всякая отвлеченная форма есть лишь логическій аспектъ, получаемый, посредствомъ анализа, изъ чувственныхъ данныхъ и ассоціаціи ощущений... Всякій элементъ идеи, какъ дѣйствительнаго, такъ и *возможнаго*, есть чувственное данное... Образуемый общею идеею классъ—субъективенъ, какъ и образующее его сужденіе различія; но онъ также и объективенъ, такъ какъ представляетъ конкретныя отношенія. Недоразумѣніе, заставляющее вѣрить въ существованіе отвлеченныхъ и общихъ идей—въ собственномъ смыслѣ, происходитъ отъ того, что полагаютъ, будто субъективный фактъ можетъ существовать самъ собою, независимо отъ объективнаго,—другими словами, что синтезъ (общая идея) составляется не изъ тѣхъ же терминовъ, изъ какихъ состоитъ анализъ (воспріятіе)... Всеобщее понятіе есть просто логическая функція ощущенія... Психическая активность перерабатываетъ, при помощи опыта, реальныя чувственныя данныя, и всѣ элементы идей имѣютъ опытное происхожденіе: врождена только способность ощущать и мыслить извѣстнымъ образомъ... Способность отвлеченія состоитъ въ безконечной возможности воспроизведенія ощущенія,—ошибаются, думая, что при этомъ покидаютъ всѣ чувственныя данныя и творятъ особыя умственныя формы». Идеація есть основное, существенное качество всякой формы мысли,—и понятіе идеи можетъ дать основу *психическому монизму*.

J. M. Charcot et A. Binet (№ 6) описываютъ нѣкоего г. Діаманди, замѣчательнаго счетчика, но не съ слуховымъ (какъ Иноди), а съ зрительнымъ типомъ памяти.

Y. Delages (№ 6) излагаетъ возбуждившую много споровъ «теорію наслѣдственности» Вейсмanna.

Mind. New Series, № 8. Октябрь, 1893.

Arthur James Balfour. Критика современныхъ и идеалистическихъ теорій. Если, исходя изъ того взгляда, что конечная цѣль философіи состоитъ въ отысканіи единого во многомъ и многого въ единомъ, мы спросимъ, какой всеобъемлющій принципъ выставлялся идеалистической философіей, то, несомнѣнно, придется отвѣтить, что идеалистическая философія придаетъ всеобъемлющее значеніе только той истинѣ, что всѣ явленія, какова бы ни была ихъ природа, всегда должны быть объединены въ опытѣ единого самопознающаго субъекта, что они даже существуютъ только вслѣдствіе этого объединенія. Но это общее положеніе, какова бы ни была его цѣнность, не можетъ нами руководить при приложеніи подчиненныхъ категорій. Оно не даетъ намъ указанія для примѣненія того или иного принципа при изслѣдованіи поля опыта. Оно не даетъ намъ права прилагать законъ причинности къ явленіямъ опыта и не даетъ намъ возможности убѣдиться въ существованіи міра объектовъ.

E. E. C. Jones. О природѣ логическаго сужденія. Всѣ простыя сужденія могутъ быть выражены въ одной изъ слѣдующихъ формъ: 1) S есть P; 2) S не есть P. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ тождествомъ въ разнообразіи; въ одномъ случаѣ существованіе этого тождества утверждается, а въ другомъ — отрицается. Этотъ взглядъ на сужденіе, какъ на тождество въ разнообразіи (Identity in Diversity) можетъ служить основой ученія о силлогизмѣ и разъяснить множество спорныхъ вопросовъ, на примѣръ, вопросъ о квантификаціи предиката.

Prof. H. Jones. Идеализмъ и теорія познанія. Въ основѣ современныхъ теорій познанія лежитъ противорѣчіе. Онѣ смѣшиваютъ два совершенно различныхъ вопроса. Первый вопросъ можно выразить такъ: можемъ ли мы перейти отъ познанія къ дѣйствительности, или, другими словами, можемъ ли мы познать *какую бы то ни было* дѣйствительность? Другой же вопросъ заключается въ томъ, можемъ ли мы отъ субъективныхъ состояній, какъ извѣстныхъ намъ реальностей, перейти къ другимъ реальностямъ. Первый вопросъ изслѣдуетъ возможность перехода отъ знанія, исключающаго всякую реальность, къ реальности; второй же вопросъ занятъ возможностью перехода отъ знанія, заключающаго въ себѣ извѣстную дѣйствительность, къ другимъ дѣйствительностямъ.

Поскольку теорія познанія занимается первымъ вопросомъ, постольку она — невозможная наука. Она до сихъ поръ казалась возможною только потому, что подъ видомъ отвѣта на этотъ первый вопросъ, въ сущности, занималась изученіемъ второго вопроса, т.-е. вопроса о возможности познанія чего либо, *сверхъ* субъективныхъ состояній. Но тутъ она перестаетъ быть теорією познанія и является психологіей, стремящейся сдѣлаться метафизикою. Тутъ она не предшествуетъ онтологіи, а слѣдуетъ за нею.

С. L. Franklin. Теоріи свѣтового ощущенія. Авторъ критикуетъ теоріи Гельмгольца и Геринга, предложенныя этими учеными для объясненія свѣтовыхъ ощущеній; затѣмъ авторъ предлагаетъ свою теорію, которую онъ, впрочемъ, самъ считаетъ не окончательною, а скорѣе примѣромъ того, *въ какомъ родѣ* должна быть настоящая теорія свѣтового ощущенія. Сущность этой теоріи сводится къ тому, что первичнымъ ощущеніемъ считается ощущение сѣраго цвѣта, а всѣ остальные цвѣта суть результатъ дифференціаціи первичной молекулы, раздраженіе которой вызываетъ сознаніе сѣраго цвѣта; однако, не всѣ эти молекулы дифференцировались и, такимъ образомъ, въ нашемъ глазѣ раздраженіе не дифференцированныхъ молекулъ вызываетъ ощущение сѣраго цвѣта, а раздраженіе молекулъ дифференцированныхъ вызываетъ ощущеніе всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ.

П. Моніевскій.

Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd. 101 и 102.

O. Liebmann. Psychologische Aphorismen.

Это—рядъ афористически изложенныхъ мыслей по поводу различныхъ психологическихъ вопросовъ; размышленія касаются и Аристотеля, и современной психофизики, и вопроса о параллелизмѣ психическихъ и физическихъ явленій, ассоціаціи идей и т. п. Въ общемъ, статья производитъ впечатлѣніе какъ бы нѣкотораго раздумья.

✓ E. v. Hartmann. Unterhalb und oberhalb von gut und böse.

Возможны три точки зрѣнія по отношенію къ нравственности: 1) *натуралистическая* точка зрѣнія, которая признаетъ только область

естественнаго порядка природы и отрицаетъ всякое значеніе нравственной и сверхъ-нравственной областей, 2) *моралистическая*, которая смотритъ на естественную область, какъ на лежащую ниже нравственнаго и долженствующую бытъ препобѣжденной нравственной областью, и 3) *супраморалистическая* точка зрѣнія, которая видитъ цѣль и оправданіе міра въ сверхъ-нравственной области. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою долю истины, но взятая односторонне и обособленно, ведетъ къ ложнымъ слѣдствіямъ. Истина лежитъ въ синтезѣ трехъ областей: естественной, нравственной и сверхъ-нравственной—такимъ образомъ, чтобы онѣ образовали органическое цѣлое: подобно тому, какъ чисто-причинная или механическая сторона естественнаго порядка есть только средство для его телеологической стороны, точно такъ реализующійся въ механизмѣ естественнаго порядка природы телеологическій міропорядокъ есть только средство для нравственнаго міропорядка; равнымъ образомъ, и нравственный міропорядокъ является только средствомъ для сверхъ-нравственнаго порядка спасенія (Heilsordnung). Подобно тому, какъ сознательный духъ не можетъ оторваться отъ естественной обусловленности своихъ функций, точно такъ и сверхъ-нравственная, телеологическая основа бытія не должна отрываться отъ своего нравственнаго базиса. На почвѣ такого синтеза Гартманъ выясняетъ вопросы о происхожденіи зла и нравственной отвѣтственности; зло есть самоутвержденіе низшаго момента телеологической системы при столкновеніи съ высшимъ моментомъ; нравственная отвѣтственность обусловливается имманентностью Бога человѣку: человѣкъ отвѣтственъ, не какъ человѣкъ въ его естественной индивидуальности, но какъ функціональное ограниченіе Бога, или какъ человѣкобогъ.

L. Busse. Zu Kants Lehre vom Ding an sich.

Статья эта представляетъ самостоятельное критическое изслѣдованіе, примыкающее въ то же время къ изложенію работы другого лица, а именно—диссертации японскаго ученаго Накашима: «Kants doctrine of the things in itself». Въ систематической части своего труда Накашима изслѣдуетъ: 1) понятіе вещи въ себѣ въ эстетикѣ, 2) въ аналитикѣ, 3) въ діалектикѣ, 4) сущность Кантовскаго идеализма, сравнительно съ идеализмомъ Бэркли и 5) вопросъ о совмѣстности понятія вещи въ себѣ съ субъективностью категорій причинности и существованія. Особенно оригиналенъ взглядъ Накашима на отношеніе понятія вещи въ себѣ

къ идеаламъ разума: онъ полагаетъ, что «идеи разума совершенно различны отъ *poispen'a* и вещи въ себѣ эстетики и аналитики, такъ что между тѣми и другими нѣтъ никакого отношенія». Буссэ оспариваетъ этотъ взглядъ. Что касается до отношенія Кантовскаго идеализма къ идеализму Бэркли, то Н. различаетъ критическій или трансцендентальный идеализмъ Канта отъ догматическаго идеализма Бэркли и скептическаго идеализма Декарта. По поводу этого Буссэ дѣлаетъ обширный критическій экскурсъ и приходитъ къ тому результату, что Кантовское понятіе феноменальности отличается отъ бэрклеевскаго; однако, если развить его въ его послѣдовательности, то оно совпадетъ съ послѣднимъ. Въ вопросѣ о причинности по отношенію къ вещи въ себѣ Н. отбрасываетъ теорію Эрдмана и К. Фишера о причинности черезъ свободу и пытается сгладить коренящееся здѣсь противорѣчіе при помощи Рилевскаго различенія причинности, какъ принципа и какъ понятія. Однако, Буссэ не признаетъ, чтобы эта попытка достигала цѣли, и видитъ въ этомъ пунктѣ Кантовскаго ученія явное противорѣчіе, корень котораго, однако, лежитъ не въ томъ, что Кантъ принимаетъ существованіе вещи въ себѣ, а въ томъ, что онъ отрицаетъ возможность какого бы то ни было ея познания. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Буссэ, что разъ мы необходимо должны мыслить вещь въ себѣ существующей, то нѣтъ основанія оспаривать правомѣрность дальнѣйшихъ опредѣленій ея природы. Равнымъ образомъ, и Н. признаетъ ошибочнымъ ограниченіе познанія одними явленіями и замѣчаетъ, что если знаніе о трансцендентномъ невозможно, то и вся критика чистаго разума, изслѣдующая нефеноменальныя условія явленій, не представляетъ собственно никакого знанія.

E. Dreher. Geistige und materielle Kraft.

Въ очеркѣ «Das Wachstum d. Energie in der geistigen u. organischen Welt» проф. М. Каррьеръ старается доказать, что законъ сохраненія энергіи не имѣетъ значенія въ области духа, такъ какъ здѣсь мы замѣчаемъ увеличенія энергіи съ теченіемъ времени. Соглашаясь съ Каррьеромъ, Dr. Dreher сомнѣвается вообще въ томъ, чтобы законъ сохраненія энергіи имѣлъ значеніе всеобщаго закона и въ физической области.

Кромѣ того, въ указанныхъ книгахъ журнала помѣщены слѣдующія статьи:

Döring, Doxographisches zur Lehre vom *τέλος*, *Wreschner*, E. Platner's und Kant's Erkenntnisstheorie, *Volkelt*, Psychologische Streitfragen и др.

А. Басистовъ.

Перечень самостоятельныхъ статей, помѣщенныхъ въ послѣднихъ книжкахъ иностранныхъ философскихъ журналовъ:

The Monist. Vol. 4. № 2. (янв. 1894) — *Shaku So yen*. The Universality of truth.—*Z. Ashitsu*. The fundamental teaching of Buddhism.—*R. Garbe*. On the connexion between indian and greek Philosophy. — *Lester F. Ward*. A monistic theory of mind.—*R. Lewins*. The unity of thought and thing. — *Mc. Crie*. The subjective and objective relation.—*P. Carus*. Monis and henism.—*J. Delboeuf*. Are the dimensions of the physical World absolute? — *G. Ferrero*. The problem of Woman, from a bio-sociological point of view.

The psychological Review. Vol. I. № 1 (янв. 1894). — *G. T. Ladd*. President's Address before the New-York Meeting of the American Psychological Association.—*J. Royce*. The Case of John Bunyan.—*H. Münsterberg*. Studies from the Harward Psychological Laboratory.—*F. Galton*. Arithmetic by smell.—*J. Dewey*. The Psychology of infant language.—*E. W. Scripture*. Work at the Yale Laboratory.—**№ 2.**—*G. S. Fullerton*. The psychological Standpoint.—*J. Royce*. idem.—*J. Jastrow*. Community and Association of Ideas. — *C. S. Dolley a. J. Mc. Keen Catell*. Reaction times and the Velocity of the nervous impulse.

Vierteljahrsschrift f. wissenschaftliche Philosophie. XVIII Jahrgang (1894).—**Heft I.**—*Willy*. Das erkenntniss - theoretische Ich und der natürliche Weltbegriff.—*Avenarius*. Anmerkung zu der vorst. Abhandl. — *Petzold*. Einiges zur Grundlegung der Sittenlehre (II Art).—*Ehrenfels*. Werththeorie und Ethik (V Art). — *Swerff, N.* Zur Frage über die Freiheit des Willens (II Art.).

Revue philosophique. 1893. № 11—*J. Delboeuf*. L'ancienne et les nouvelles géométries. I. L'espace réel est il l'espace euclidien?—*A. Lalande*. Sur les paramnésies.—*Paulhan*. La classification des types moraux et la psychologie générale.—**№ 12.** *G. Tarde*. La logique sociale des sentiments.—*Calinon*. Sur l'indetermination géométrique de l'univers.—*V. Henri*. Les laboratoires de psycho-

logie expérimentale en Allemagne. — 1894. № 1.—A. Fouillée. L'abus d'inconnaissable et la réaction contre la science.—D u g a s. Observations sur la fausse mémoire.—L é v y - B r u h l. Jacobi et le spinosisme.—№ 2. Janet (Pierre). Histoire d'une idée fixe.—G. Ferrero. L'inertie mentale et la loi du moindre effort.—№ 3. — Sollier. Recherches sur les rapports de la sensibilité et de l'émotion.—F. Paulhan. La sanction morale.—F. Bouillier. Deux nouveaux historiens de Descartes.

Психологическое Общество.

СІХ. Изложеніе преній по реферату П. Д. Боборыкина: „Формулы и термины въ области прекраснаго“ *), происходившихъ въ засѣданіи 30-го октября 1893 года.

Положенія референта.

1. Формулы: «искусство для искусства» и «чистое искусство» только мѣшаютъ выясненію вопроса о *методѣ* изслѣдованія художественнаго творчества и мастерства.

2. Морально-публицистическая критика художественныхъ произведеній является однимъ изъ косвенныхъ симптомовъ борьбы аффекта съ положительнымъ знаніемъ.

3. Избитыя формулы, приводимыя обыкновенно, въ отрицательномъ смыслѣ, противниками эстетики, представляютъ собою несомнѣнный анахронизмъ: онѣ не отвѣчаютъ тому *эволюціонному* взгляду на искусство, которымъ можетъ руководиться наука о прекрасномъ.

4. Взаимодѣйствіе жизни и творчества даетъ содержанію, т.-е. творческимъ идеямъ, такую же важность, какъ и формѣ.

5. Расширеніе *источниковъ прекраснаго*—законно, въ предѣлахъ области эстетическаго чувства.

6. Терминъ «безкорыстный»—въ примѣненіи къ чувству прекраснаго вѣрный и точный—установленъ и принятъ выдающимися мыслителями и психологами какъ метафизическихъ, такъ и опытныхъ школь.

7. Термины: «творчество», «искусство», «мастерство»—нуждаются въ болѣе точномъ опредѣленіи. Психическая природа *твор-*

---

*) Рефератъ напечатанъ въ первомъ отдѣлѣ настоящей книги журнала.

чества и искусства различна и не можетъ быть смѣшиваема: въ первомъ дѣйствуютъ *безсознательность и произвольность*; во второмъ—въ извѣстной степени—волевые и разсудочные импульсы.

8. Слово «талантъ» ждетъ болѣе точной оцѣнки. Присутствіе таланта предполагаетъ также постоянное участіе произвольныхъ творческихъ ассоціацій, обусловленныхъ прирожденнымъ дарованіемъ; воля того, кто выполняетъ свой замыселъ, только помогаетъ этимъ произвольнымъ ассоціаціямъ.

9. Противопоставленіе *природы, или жизни—искусству* въ томъ смыслѣ, что одно исключаетъ другое, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія и представляетъ собою одно изъ произвольныхъ положеній псевдо-реализма.

10. Эстетическое наслажденіе не исчерпываетъ собою всей области прекраснаго. Оно есть только *показатель* душевнаго свойства. *Красота-же*, разлитая въ природѣ и душевныхъ тайникахъ человѣка, имѣетъ и самобытное значеніе. Она пользуется эстетическимъ чувствомъ для своего обнаруженія. Между ними есть постоянное взаимодействіе.

11. Несмотря на всѣ научно-философскіе пробѣлы въ ученіи о красотѣ, творчествѣ и эстетическомъ чувствѣ, оно уже можетъ опираться на психологическую почву, и его дальнѣйшіе успѣхи обезпечены всѣмъ тѣмъ, что психологія самонаблюденія и опытная психофизика вносятъ существеннаго и плодотворнаго.

12. Исторія искусства, накопившая огромный складъ документовъ художественно-творческой дѣятельности человѣка, тогда только выйдетъ изъ рамокъ дилетантства или узко-описательнаго знанія, когда эволюціонный методъ, на психологической почвѣ, научно преобразуетъ ее и сдѣлаетъ пригодной и для философскихъ обобщеній.

А. А. Токарскій. Въ одномъ мѣстѣ Вашего сообщенія, мнѣ кажется, нѣтъ достаточной ясности. Именно, въ положеніи четвертомъ, устанавливая различіе понятій: творчество, искусство, талантъ, Вы находите это различіе въ томъ, что въ творчествѣ дѣйствуютъ *безсознательность и произвольность*, въ искусствѣ—волевые и разсудочные импульсы. Талантъ же, далѣе, характеризуется произвольностью, но не *безсознательностью*.

Между тѣмъ, анализируя понятія творчества, искусства, мастерства, таланта, съ указанной Вами точки зрѣнія, должно придти

къ заключенію, что между ними нѣтъ, въ сущности, никакой разницы, что и показываетъ недостаточность избраннаго Вами критерія.

Дѣйствительно, степень проявленія сознательности, произвольности, равно какъ безсознательности и непроизвольности, очень различна во всѣхъ сложныхъ психическихъ актахъ, и всѣ эти элементы почти постоянно присутствуютъ совмѣстно. Вы, повидимому, придаете слишкомъ исключительное значеніе моменту перехода психическаго возбужденія черезъ «порогъ сознанія», тогда какъ, совершается ли въ большей или меньшей степени такой переходъ для нѣкоторыхъ возбужденій, лежащихъ въ основѣ сложнаго психическаго акта, присоединяется ли при этомъ ощущеніе произвольности, или нѣтъ,—всегда психическій актъ будетъ результатомъ гармонической дѣятельности элементовъ сознательныхъ, безсознательныхъ, произвольныхъ и непроизвольныхъ. Сознательные и произвольные элементы опредѣляются нами уже въ началѣ или въ теченіе процесса, безсознательные же и непроизвольные открываются нами лишь въ послѣдствіи, по достигнутому результату, такъ какъ мы всегда находимъ въ этомъ результатѣ нѣкоторое добавленіе къ тому, что лежало въ нашихъ сознательныхъ и произвольныхъ импульсахъ, откуда мы собственно и заключаемъ объ участіи элементовъ безсознательности и непроизвольности.

И такъ какъ открыть всѣ эти элементы можно во всякомъ сложномъ психическомъ актѣ, то, слѣдовательно, всѣ эти элементы должны находиться и въ психологической характеристикѣ всѣхъ приведенныхъ Вами терминовъ: творчество, искусство, мастерство, талантъ.

Поэтому, принятый Вами критерій слѣдуетъ признать недостаточнымъ, и для различенія этихъ понятій надо избрать другую исходную точку. Такъ, напримѣръ, рассматривая ихъ съ точки зрѣнія созиданія, мы найдемъ, что творчество есть внутреннее созиданіе образца, искусство есть созиданіе внѣшнее - воспроизведеніе даннаго образца, причемъ мастерство есть только низшая степень искусства. Талантъ есть понятіе характеризующее присутствіе способности созиданія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго (почему для полноты будетъ правильнымъ употребленіе термина «творческій талантъ»).

Степень же сознательности, безсознательности, произвольности и непроизвольности во всѣхъ этихъ проявленіяхъ психической

жизни будетъ то больше, то меньше, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ она не во всякій моментъ одинакова.

Л. М. Лопатинъ въ своихъ замѣчаніяхъ П. Д. Боборыкину остановился, главнымъ образомъ, на роли сознанія въ творческомъ процессѣ. По мнѣнію Л. М. Лопатина, референтъ слишкомъ принижаетъ роль сознанія и отводитъ ему недостаточное мѣсто въ своей схемѣ художественнаго творчества. Это прежде всего отражается на даваемомъ у референта перечнѣ моментовъ художественно-творческой дѣятельности.

П. Д. Боборыкинъ указываетъ лишь два основные момента въ психологическомъ возникновеніи художественныхъ произведеній: 1) произвольное и безсознательное пробужденіе творческаго замысла (собственно *творчество*); 2) болѣе или менѣе сознательное воплощеніе этого замысла въ словѣ, картинѣ, статуѣ черезъ примѣненіе различныхъ техническихъ приемовъ (*искусство* или *мастерство*). Можно ли сказать, что этими двумя моментами исчерпывается художественный процессъ? Развѣ безсознательный, подобно грезѣ возникшій, первый замыселъ сразу облекается во внѣшнія, осязательныя формы, свойственныя тому или иному искусству? Не очевидно ли, что между этими двумя моментами лежитъ еще третій, едва ли не самый существенный: совершаемый внутреннею дѣятельностью воображенія подборъ стдѣльныхъ образовъ, положеній, картинъ, лицъ, отвѣчающихъ содержанію замысла, который первоначально представляется нашей фантазіи въ очень неопредѣленныхъ, тусклыхъ и безсвязныхъ очертаніяхъ.

Когда романистъ создаетъ романъ или когда драматургъ пишетъ драму, то самый процессъ писанія, конечно, не составляетъ наиболѣе важной стороны задачи и является лишь заключительнымъ звеномъ долгой внутренней работы: комбинаціи разнообразныхъ характеровъ, рѣчей, столкновеній. Эту ли работу слѣдуетъ считать во всемъ ея составѣ *безсознательною* и *произвольною*? Нельзя спорить, что такое предположеніе доказать чрезвычайно трудно: если вообще когда-нибудь сказывается у художника сознательный и обдуманый выборъ, то, конечно, прежде всего приходится имѣть въ виду эти внутреннія проявленія воплощающей замыселъ дѣятельности фантазіи. Между тѣмъ, въ этой избирающей дѣятельности заключается именно та часть творческаго процесса, которая только и дѣлаетъ его ху-

дожественнымъ; вѣдь, пока она не началась, бессознательно шевелящейся въ душѣ художника замысль его будущаго произведенія мало чѣмъ отличается отъ навязчиваго сновидѣнія или болѣзненной галлюцинаціи. Поэтому, въ художественномъ творествѣ должно признать три момента: 1) первое возникновеніе замысла или творческой идеи, иногда совершенно безотчетное, причемъ эта идея нерѣдко овладѣваетъ душою съ патологической силой; 2) внутреннюю работою фантазіи производимое воплощеніе идеи въ ясныхъ, раздѣльныхъ, осмысленно связанныхъ между собою образахъ; 3) внѣшнюю объективацию продуктовъ такой работы въ опредѣленныхъ художественныхъ созданіяхъ помощью техническихъ средствъ, сродныхъ отдѣльнымъ искусствамъ. Референтъ не обратилъ вниманія на второй моментъ художественнаго процесса, и черезъ это психическая природа творчества у него цѣликомъ попала въ область *бессознательнаго и произвольнаго* (тез. 7). Между тѣмъ, задача такъ просто не рѣшается: бессознательный и произвольный элементъ, несомнѣнно, присутствуетъ во всѣхъ трехъ моментахъ художественнаго творчества, но онъ никакъ не исключаетъ огромной роли сознательныхъ и произвольныхъ дѣйствій ума и фантазіи въ созданіи произведеній искусства. Отношеніе *сознательнаго и бессознательнаго* въ художественномъ процессѣ есть очень деликатная проблема психологіи, которой, кажется, еще довольно далеко до полнаго и научнаго разрѣшенія.

Н. А. Зетревъ замѣтилъ, что онъ не можетъ согласиться съ утвержденіемъ референта относительно произвольности художественнаго замысла, какъ непремѣннаго условія творчества. Замысль можетъ быть не только произвольна, но прямо преднамѣренъ, какъ показываетъ, на примѣръ, художественная дѣятельность Лессинга; далѣе, онъ можетъ быть внушенъ даже со стороны, какъ это, на примѣръ, было съ «Мертвыми душами» Гоголя, сюжетъ которыхъ подсказанъ Пушкинымъ.—Но, не раздѣляя упомянутаго утвержденія въ его безусловной формѣ, трудно не согласиться съ референтомъ, что въ творествѣ художника есть, дѣйствительно, много произвольнаго, въ особомъ, однако, значеніи слова. Съ этой стороны, творчество художника весьма напоминаетъ работу ученаго, хотя тамъ и здѣсь умственные процессы въ другихъ отношеніяхъ мало сходны между собою и отмѣчены своеобразными чертами. Ученый, вращаясь въ

міръ общихъ, абстрактныхъ понятій, въ своихъ заключеніяхъ и выводахъ скованъ законами логики, какъ скоро ему даны опредѣленные послышки: тутъ нѣтъ для него никакого произвола, если только онъ правильно ведетъ свою работу. Точно такъ же и художникъ, имѣя дѣло съ образами, долженъ подчиняться въ движеніяхъ своей творческой мысли внутренней логикѣ этихъ образовъ: если образъ сложился въ его умѣ, онъ не воленъ дѣлать съ нимъ, что хочетъ, подобно тому какъ ученый не воленъ въ своихъ выводахъ изъ данныхъ посылокъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дальнѣйшая работа пойдетъ въ извѣстномъ и уже хорошо predetermined направленіи. Въ этомъ смыслѣ, но не въ другомъ, слѣдуетъ, казалось бы, понимать произвольность художественнаго творчества.

С. С. Корсаковъ такъ изложилъ свои замѣчанія на докладъ *П. Д. Боборыкина*.

Мое возраженіе касается, во-первыхъ, Вашего десятаго тезиса. Я такъ же, какъ *Л. М. Лопатинъ* и *Н. А. Звѣревъ*, полагаю, что Вы слишкомъ умаляете значеніе сознанія въ творческомъ актѣ, говоря, что въ немъ, въ отличіе отъ искусства, дѣйствуютъ безсознательность и произвольность. Акты художественнаго творчества, въ значительной части своей, дѣйствительно, совершаются въ области безсознательной, но безъ участія сознанія они все-таки происходятъ, по моему мнѣнію, не могутъ. Всякому, занимавшемуся литературнымъ трудомъ, извѣстно слѣдующее: когда что-нибудь пишешь, то часто совершенно неожиданно является новая идея, и рѣшающая вопросъ оригинальная мысль приходитъ въ голову уже во время писанія; это значитъ, что сочетанія, лежащія въ основѣ этой мысли, происходили ниже уровня сознанія. Но разъ явились въ сознаніи такая мысль или открытіе, они вызываютъ рѣзкую эмоцію удовольренія, довольства; а это является толчкомъ для дальнѣйшей работы; въ то же время явившаяся идея открываетъ новые горизонты и заставляетъ направлять умственный процессъ по новому направленію, по которому онъ не пошелъ бы, не будучи освѣщенъ сознаніемъ и подвинутъ той радостной эмоціей, которая появляется при сознаніи удовлетворительнаго сочетанія идей.

Изъ чередующейся смѣны такого рода процессовъ, происходящихъ то въ безсознательной области, то въ сознательной, и состоитъ актъ творчества. Сознаніе для него необходимо. Я не думаю, чтобы у человѣка, лишеннаго сознанія и его координирующаго

вліянія въ направленіи хода сочетаній, могло происходить дѣйствительно высокое творчество, хотя, конечно, вполнѣ признаю, что отдѣльныя и въ высшей степени важныя части творческаго акта происходят ниже уровня сознанія.

Кромѣ того, я имѣю еще вопросъ по поводу пятого тезиса. Вы говорите въ немъ, что «расширеніе источниковъ прекраснаго законно, въ предѣлахъ области эстетическаго чувства». Если это значить, что источниками прекраснаго могутъ быть и впечатлѣнія, получаемыя не черезъ высшіе органы чувствъ, а черезъ низшіе, то мнѣ хотѣлось бы знать, Вы, лично, признаете ли, что, дѣйствительно, можетъ быть эстетическое чувство въ области, напримѣръ, вкуса и другихъ низшихъ чувствъ?

В. Н. Ивановскій изложилъ свои замѣчанія такъ: рѣшительно нельзя согласиться съ отрицательнымъ отношеніемъ референта къ «морально-публицистической критикѣ», въ которой онъ видитъ лишь «одинъ изъ косвенныхъ симптомовъ борьбы аффекта съ положительнымъ знаніемъ» (положеніе 2). Въ связи съ этимъ мнѣніемъ у референта стоитъ цѣлый рядъ другихъ неясныхъ положеній: наприм., «расширеніе источниковъ прекраснаго—законно, въ предѣлахъ области эстетическаго чувства» (полож. 5); «красота, разлитая въ природѣ и душевныхъ тайникахъ человѣка, имѣетъ и самобытное значеніе. Она пользуется (?) эстетическимъ чувствомъ для своего обнаруженія. Между ними есть постоянное взаимодействіе» (полож. 10); «противопоставленіе природы или жизни—искусству въ томъ смыслѣ, что одно исключаетъ другое, не имѣетъ никакого серьезнаго значенія» (пол. 9); «взаимодействіе жизни и творчества даетъ содержанію, т.-е. творческимъ идеямъ, такую же важность, какъ и формѣ» (полож. 4).

При такихъ утвержденіяхъ неясно, что именно понимаетъ референтъ подъ «взаимодействіемъ жизни и творчества», подъ «красотою, разлитой въ природѣ и въ душевныхъ тайникахъ человѣка», подъ «расширеніемъ источниковъ прекраснаго»...

По мнѣнію оппонента, всѣ неясности и противорѣчія вытекаютъ изъ одного, главнаго: у референта не рѣшенъ, даже не поставленъ вопросъ о томъ, что такое красота. Если она, по мнѣнію референта, «разлита въ природѣ и душевныхъ тайникахъ человѣка», то въ чемъ же она не разлита? Что есть, помимо природы и духа, объекта и субъекта? Слѣдовательно, казалось

бы, красота — *вездѣ, во всемъ*. Между тѣмъ, есть вещи и явленія, несомнѣнно, непричастныя красотѣ.

Дѣло въ томъ, что есть красота, и есть безобразіе, и есть нѣчто среднее, безразличное... *Красота* (или безобразіе, или ни то ни другое) есть *одна сторона всякаго предмета или явленія*, точка зрѣнія на него, и правы авторы, расширяющіе атрибуты красоты (или ея отсутствія), эстетичности (или неэстетичности) на всѣ проявленія жизни какъ міра, такъ и духа. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, красота положительная или отрицательная (т.-е. результатъ оцѣнки явленій съ *эстетической* точки зрѣнія) имѣетъ *самобытное значеніе* потому, что существуетъ совершенно самостоятельно и потому именно отнюдь не исключаетъ всѣхъ остальныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія на предметы и явленія. А разъ это такъ, красота, *можетъ быть* (или не быть) *вездѣ*: и въ области грозныхъ, величественныхъ, или ясныхъ и мягкихъ явленій природы, и въ области человѣческой мысли, и въ области чувствъ (какъ низшихъ, такъ и особенно всѣхъ высшихъ, т.-е. эмоцій), и въ области проявленій человѣческой самодѣятельности, активности, характера. Внѣшнія чувства имѣютъ и свою область красоты (гармонія цвѣтовъ, запаховъ, звуковъ), но въ передачѣ красоты *собственно духовной* служатъ лишь орудіями, средствами выраженія другого вида красоты.

Изъ полной самостоятельности и раздѣльности областей красоты и добра, прекраснаго и нравственнаго, эстетики и этики естественно вытекаетъ, что могутъ быть явленія изящныя, удовлетворяющія эстетическому чувству, но въ то же время безнравственныя, враждебныя нормамъ морали (нѣкоторыя произведенія порнографической и декадентской литературы), и, наоборотъ, могутъ быть произведенія очень нравственныя по взглядамъ, высказываемымъ ихъ авторами, но не эстетичныя, антихудожественныя (многія произведенія тенденціозной литературы); первыя — вредны для нравственности, вторыя — скучны, и тѣ, и другія — негармоничны, односторонни оттого, что въ нихъ элементы эстетической и этической находятся въ разладѣ. Соединеніе же и гармоническое сочетаніе обоихъ элементовъ даетъ художественныя и въ то же время вполнѣ нравственныя творенія. Здѣсь гармонія обоихъ элементовъ, а не единство, какъ думаютъ сторонники объективнаго значенія красоты. Дѣйствительно, на вопросъ, что объединяетъ всю сферу прекраснаго, что даетъ

ей особое названіе, повидимому, можетъ быть данъ одинъ отвѣтъ: красота есть характеристика всѣхъ предметовъ и явленій, которыя возбуждаютъ въ насъ эстетическое чувство, или вѣрнѣе цѣлый рядъ эстетическихъ, связанныхъ съ воспроизведеніемъ, чувствъ: эстетическія эмоціи красиваго, изящнаго, ужаснаго, величественнаго, грознаго, трогательнаго, нѣжнаго, смѣшнаго и т. д.

Поэтому можетъ быть и красота идеаловъ человѣческой дѣятельности, и красота общественныхъ эмоцій и движеній, вообще красота, такъ сказать, социальная. Пока эта красота существуетъ въ самой жизни, не воспроизведена, она составляетъ часть *красоты природы*; но эта же красота проявляется и въ искусствѣ, если она воспроизведена, прошла черезъ творческій духъ художника и затѣмъ выражена въ образахъ, словахъ, краскахъ и т. п., удовлетворяющихъ, въ свою очередь, требованіямъ эстетическаго чувства, — притомъ, съ соблюденіемъ необходимыхъ условій художественной дѣятельности: безкорыстности, доступности для общаго пользованія и т. п. Я не беру съ перечесть ихъ.

Дѣло здѣсь — въ этомъ процессѣ *идеаціи* и въ соблюденіи этихъ условій художественной дѣятельности, а не въ чемъ иномъ.

При такомъ взглядѣ, какъ кажется, можно избѣгнуть нѣкоторыхъ противорѣчій, существующихъ у референта. Если область нравственности и общественности можетъ составлять предметъ художественнаго произведенія, то и критика, уже съ этой точки зрѣнія, должна оцѣнивать не только эстетичность, но и правдивость (не строго фактическую, конечно, а общую, художественную) изображенія; слѣдовательно, долженъ быть произведенъ *анализъ* изображаемаго явленія, указаны его условія, причины, игра мыслей, страстей, интересовъ и т. п., лежащая въ его основѣ, и рѣшено, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ реальности воспроизведеніе ея художникомъ: воспроизвелъ или исказилъ онъ дѣйствительность. Это еще не «морально-публицистическая» критика, но уже и не эстетическая только...

«Морально-публицистическая» критика начинается дальше... Всякое произведеніе искусства есть *актъ* человѣка, продуктъ его дѣятельности, поступокъ, и, какъ и всѣ поступки, подлежитъ нравственной оцѣнкѣ: оно можетъ или быть согласно съ требованіями морали и основанными на нихъ обще-

ственными идеалами и взглядами, или противорѣчить имъ; оно можетъ или помогать, или мѣшать улучшенію *нравственной строя* жизни извѣстной группы людей, или всего человѣчества, и общественной организаціи, представляющей средство и условіе совершенствованія нравственности. Съ этой стороны, всякое художественное произведеніе подлежитъ суду морали, а черезъ нея и общественныхъ точекъ зрѣнія (каковы бы онѣ ни были). И это—не нарушеніе, а пополненіе критики эстетической, которая, въ противномъ случаѣ, дѣлается узкой и односторонней, примѣры чего и бывали.

Затѣмъ, художественное произведеніе есть результатъ творчества автора, его психической дѣятельности; и несомнѣнно, что какъ моральные, такъ и общественные взгляды и убѣжденія автора (ихъ не можетъ не быть) отразятся на его произведеніи; для многихъ и многихъ авторовъ, обладающихъ истиннымъ творчествомъ и эстетичностью формы, художественныя произведенія ихъ являются очень важнымъ способомъ и путемъ къ заявленію своихъ убѣжденій, и они были бы изумлены, если бы вопросъ о содержаніи ихъ произведеній совсѣмъ не былъ поднятъ и всѣ сужденія критиковъ ограничили чистую эстетичностью ихъ произведеній.

Наконецъ, и въ той «морально-публицистической» критикѣ, какую, повидимому, имѣетъ въ виду референтъ, въ критикѣ, мѣшающей эстетическую оцѣнку съ моральной, есть частица правды: она смѣшиваетъ различныя вещи, но если она раздѣльно скажетъ: «это произведеніе изяшно и прекрасно, но безнравственно или противообщественно», и обратно—«такое-то имѣетъ въ основѣ хорошее стремленіе, но не художественно, надумано, вымучено, тенденціозно», — то трудно будетъ найти въ ея приговорахъ особую фальшь.

Поиски референта за правильнымъ методомъ изслѣдованія художественнаго творчества и мастерства могутъ, повидимому, легко разрѣшиться: методъ ихъ изученія — есть общій методъ субъективно-психологическихъ изслѣдованій, достаточно выясненный и установленный. Эстетическая сторона художественныхъ произведеній подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія теоріи эстетическихъ эмоцій, общественное же содержаніе произведеній подлежитъ критикѣ съ точки зрѣнія моральной и общественной, поскольку онѣ выработаны и установлены. Въ своей теоріи эстетической критики референтъ, повидимому, впадаетъ въ односторон-

ность, указывая только на *психологию творчества*, какъ на основу эстетики, и забывая совсѣмъ *психологию эстетическаго воспріятія, критики и оцѣнки*.

Нѣсколько замѣчаній было сдѣлано О. П. Герасимовымъ и Г. А. Рачинскимъ.

Отвѣчая на замѣчанія оппонентовъ, П. Д. Боборыкинъ высказалъ, въ общихъ чертахъ, слѣдующее:

Разграниченіе, какое референтъ полагаетъ между творческимъ замысломъ и его выполненіемъ (творчество, искусство, мастерство), основывается на извѣстномъ различіи психической природы того и другого. *Степень* этого различія — вопросъ болѣе детальный, котораго референтъ ни въ текстѣ своего доклада, ни въ положеніяхъ, извлеченныхъ изъ него, не касается. Смѣшивать термины: *творчество, искусство, мастерство*, — во всякомъ случаѣ, не научно. Существуютъ безчисленные виды даже *художественнаго* мастерства, въ которыхъ элементъ произвольныхъ замысловъ, т. е. творческихъ идей, не играетъ никакой роли и все дѣло сводится къ болѣе или менѣе совершенному выполненію по разъ заданному плану.

Расширеніе предѣловъ искусства и источниковъ прекраснаго допустимо только тогда, когда факторами воспріятій будутъ высшіе *эстетическіе* органы чувствъ: зрѣніе и слухъ. Другіе органы чувствъ могутъ доставлять поводы и импульсы къ идеямъ и настроеніямъ, къ образамъ и мотивамъ эстетическаго характера, — но не прямо, а путемъ переработки ихъ въ тѣхъ отдѣлахъ душевной жизни, гдѣ чувственные побужденія и инстинкты не даютъ главнаго тона.

Противопоставленіе природы (жизни) и красоты, которое обыкновенно приводятъ лже-реалисты, клонится всегда къ тому, чтобы признать всю область прекраснаго, созданную человекомъ, лишь блѣднымъ отраженіемъ красотъ, доставляемыхъ жизнью природы и общества. Въ этомъ смыслѣ и говорится въ соотвѣтственномъ тезисѣ реферата. Такое смѣшеніе жизни съ областью искусства, или подчиненіе послѣдней принципу, по которому творческое искусство есть только блѣдное подспорье дѣйствительности, — одинаково ведутъ къ полной эстетической анархіи; вычеркиваютъ изъ человѣческой психики цѣлую самостоятельную сферу бытія, которая только въ сознаніи человека и въ глубинахъ его душевной организціи находитъ свое обоснованіе и

свой высшій смыслъ. Морально-публицистическая обработка произведеній изящнаго творчества и творческаго искусства имѣетъ свой особенный объектъ; она пользуется областью искусства для своихъ специальныхъ цѣлей, и въ этомъ смыслѣ ни у кого нѣтъ права ограничивать ее. Но тѣ, кто доказываетъ ея односторонность и недостаточность, точно также правы, когда рѣчь идетъ объ изслѣдованіи сферы прекраснаго, какъ *таковой*. Въ этой сферѣ есть свои законы развитія, она держится за особенныя потребности и отправления человѣческой психики. Рѣшеніе вопросовъ *этики* представляетъ собою законный интересъ, но эти вопросы не могутъ быть разрѣшаемы изученіемъ прекраснаго и эстетическаго чувства. Мораль, когда *ей* служатъ произведенія искусства, преслѣдуетъ свои задачи, которыя держатся за функции *души*, не имѣющія непосредственной связи съ красотой и ея воспріятіемъ.

СХ. Изложеніе преній по реферату В. Р. Буцке: „Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціи идей“ *), происшедшихъ въ засѣданіи 13-го ноября 1893 года.

А. А. Токарскій спросилъ, существуютъ ли, по мнѣнію референта, для представленія и понятія отдѣльные фізіологическіе эквиваленты, и обратилъ вниманіе на отсутствіе въ рефератѣ объясненія происхожденія понятій. Затѣмъ, онъ высказалъ мнѣніе, что процессъ гармоническаго сочетанія психическихъ элементовъ недостаточно объясняется присутствіемъ одной руководящей основной идеи.

С. С. Корсаковъ такъ резюмировалъ основную мысль доклада В. Р. Буцке:

В. Р. Буцке считаетъ, что въ душевной жизни существуетъ «единство». По его мнѣнію, единство въ душевной жизни является какъ результатъ основныхъ свойствъ человѣческой природы. Человѣкъ чувствуетъ потребность единства, и эта потребность является мотивомъ для объединенія разнообразнѣйшихъ психическихъ актовъ. «Единство» явленій душевной жизни есть реальный фактъ, и мы можемъ его чувствовать. Орудіями объ-

*) Рефератъ этотъ напечатанъ во второмъ отдѣлѣ настоящей книги журнала.

единенія въ насъ являются общія понятія, которымъ и принадлежитъ доминирующая и направляющая роль въ процессахъ мышленія.

Я думаю, что этой главной мысли докладчика достаточно для того, чтобъ его рефератъ представилъ интересъ, особенно если принять во вниманіе, что его дѣлаетъ натуралистъ. Если для спиритуалиста вопросъ о «единствѣ» душевныхъ явленій есть вопросъ, почти не требующій доказательствъ и рѣшаемый аргюіи, то этого нельзя сказать относительно натуралистовъ. Для натуралиста—подвести представленіе объ «единствѣ» душевныхъ явленій, объ объединяющей дѣятельности, къ общему уровню натуралистическихъ воззрѣній — задача чрезвычайно трудная и въ то же время очень важная.

Въ видахъ рѣшенія этой задачи важно даже, если удастся хотя бы приблизить предполагаемое объединеніе душевныхъ явленій къ тѣмъ фактамъ, которые доступны анализу по методу естественныхъ наукъ.

Съ этой точки зрѣнія, является очень интересной мысль докладчика, что единство вытекаетъ, какъ необходимость, изъ *чувства* человѣка. Когда можно свести дѣло на чувство, то рассматриваемое явленіе уже значительно придвигается къ уровню явленій, изслѣдуемыхъ натуралистомъ, потому что чувство есть такая область душевныхъ явленій, которая тѣснѣе, чѣмъ, на примѣръ, интеллектуальная сфера, связана съ *ощущеніями*, а ощущенія представляютъ собою матеріалъ, уже вполне доступный физиологическому изслѣдованію. Такимъ образомъ, основная мысль докладчика представляетъ, по-моему, большой интересъ.

Развивая свою мысль, В. Р. говоритъ, что общимъ понятіямъ, которыя доминируютъ въ душѣ и даютъ направленіе умственной дѣятельности при всякомъ сочетаніи представленій, соотвѣтствуютъ анатомио-физиологическіе эквиваленты. Въ своемъ докладѣ онъ, однако, не опредѣляетъ болѣе точно, что это за эквиваленты.

Для меня въ этомъ отношеніи представляется интереснымъ разрѣшеніе такого вопроса: должны ли мы представлять анатомио-физиологическіе эквиваленты, лежащіе въ основѣ доминирующихъ общихъ понятій, въ формѣ *непрерывно-дѣйствующей* функціи нервныхъ элементовъ, или только въ формѣ *предрасположенія* къ дѣятельности, которая является при извѣстныхъ условіяхъ? Допуская, что нервному процессу соотвѣтствуетъ состояніе вибраціи въ нервныхъ элементахъ, я могу поставить вопросъ мой дру-

гими словами такъ: вибрируютъ ли въ нашей нервной системѣ *беспрерывно* тѣ элементы, дѣятельность которыхъ служить субстратомъ общихъ понятій, или ихъ вибрація существуетъ только въ потенціи, а въ дѣйствительности является лишь тогда, когда иннервационный процессъ по ассоціационнымъ путямъ дойдетъ до соотвѣтствующихъ нервныхъ элементовъ?

Для меня лично кажется болѣе удобнымъ допущеніе перваго предположенія, потому что при немъ гораздо понятнѣе становится неизмѣнность основныхъ чертъ личности у одного и того же нормальнаго индивидуума въ теченіе всей его жизни: объ этомъ, впрочемъ, я имѣлъ уже случай говорить въ Психологическомъ Обществѣ.

Если допустить существованіе этой непрекращающейся дѣятельности, т.-е. существованіе постоянной вибраціи нервныхъ элементовъ, хранящихъ слѣды образовавшихся общихъ понятій, — то спрашивается: въ какомъ видѣ можно представить себѣ направляющее вліяніе этой дѣятельности?

По моему мнѣнію, ее можно представить двояко: или эта дѣятельность проявляется аналогично фізіологическому мышечному тону, благодаря которому существуетъ опредѣленное положеніе частей человѣческаго тѣла, или она измѣняетъ результатъ сочетанія представленій въ ряды, усиливая нѣкоторыя изъ сочетаній и ослабляя другія; это могло бы дѣлаться аналогично тому, какъ въ музыкальномъ инструментѣ звуки пріобрѣтаютъ отгнѣнокъ, свойственный именно данному инструменту, такъ какъ и форма, и матеріалъ инструмента способствуютъ тому, что одни изъ тоновъ звучатъ сильнѣе, другія слабѣе. Мнѣ думается, что предположеніе о дѣятельности *на подобіе мышечнаго тону* — болѣе вѣроятно.

В. Р. Буцке. Я понимаю, почему С. С. Корсаковъ ставитъ мнѣ вопросъ о непрерывности функціи нервныхъ элементовъ. Онъ вспоминаетъ другой мой рефератъ, въ которомъ я отрицалъ необходимость принимать непрерывность этой функціи, въ извѣстномъ смыслѣ, для объясненія явленій памяти. По моему, для моего сегодняшняго реферата безразлично, въ какую сторону рѣшить поставленный вопросъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что фізіологическіе эквиваленты функціонируютъ въ извѣстномъ смыслѣ, только когда происходитъ соотвѣтствующій психологическій фактъ.

Л. М. Лопатинъ замѣтилъ, что упрекъ, дѣлаемый референтомъ по адресу нѣмецкихъ психологовъ, можно обратить противъ него самого: въ своихъ выводахъ онъ отправляется отъ предвзятой метафизической теоріи. Отсюда чрезвычайная оригинальность нѣкоторыхъ его мнѣній, съ которыми, однако, едва ли можно согласиться. Такъ, референтъ возстаеъ противъ истины, которую, въ виду ея очевидности, признаютъ обыкновенно психологи всѣхъ школъ, — что психическія явленія лишены протяженности, что наши мысли, чувства, акты воли не имѣютъ ни толщины, ни длины, ни какой-нибудь фигуры въ пространствѣ. В. Р. Буцке думаетъ, что этотъ взглядъ основанъ на иллюзіи: психическимъ явленіямъ онъ приписываетъ опредѣленное бытіе въ пространствѣ и въ доказательство ссылается на пространственную локализацию и неизбѣжную протяженность *физиологическихъ эквивалентовъ* психическихъ процессовъ. Другими словами, онъ *отождествляетъ* психическія явленія съ ихъ физиологическими эквивалентами. Но возможно ли утверждать такое тождество, и говорить о немъ не значить ли предрѣшать метафизическій вопросъ о сущности души? Вѣдь все, на что насъ уполномочиваетъ опытъ, заключается въ признаніи нѣкотораго параллелизма между душевными и физиологическими явленіями. И при этомъ не нужно забывать, что такой параллелизмъ есть понятіе лишь относительное и отъ тождества весьма далекое. Психическая и физиологическая сферы представляютъ коренные и непримиримые пункты различія. Въ физиологической сферѣ совершается въ каждое мгновеніе неограниченное множество одновременныхъ явленій, — а поле сознанія ограничено: въ немъ въ каждый данный моментъ протекаютъ лишь немногія идеи, ощущенія и дѣятельности. Физиологическіе процессы, при всемъ ихъ разнообразіи, качественно однородны (представляютъ лишь механическія видоизмѣненія движенія атомовъ вещества); психическія явленія качественно разнородны до полной невозможности логически свести содержаніе однихъ явленій души на содержаніе другихъ (напримѣръ, ощущеній свѣта нельзя выразить въ терминахъ ощущеній звука). Психическія и физиологическія явленія не имѣютъ ничего общаго по своему непосредственному содержанію и составу: напримѣръ, видимый нами красный цвѣтъ и соотвѣтствующій нашему воспріятію *безцвѣтный* процессъ въ атомахъ мозга не имѣютъ никакого сходства. Наконецъ, физиологическіе процес-

сы, въ математическомъ смыслѣ, *непрерывны*; психическія явленія отличаются свойствомъ математической *прерывности* (не всѣ физическія измѣненія отражаются въ нашей психической сферѣ, а лишь достигнувшія извѣстной степени интенсивности). Эти рѣзкія черты противоположности, казалось бы, рѣшительно препятствуютъ отождествлять психологическій и физиологическій порядки феноменовъ. Между тѣмъ, референтъ совершенно сливается ихъ, и отсюда вытекаютъ большія неясности въ его выводахъ. Существенный моментъ въ его объясненіяхъ составляетъ переносъ предикатовъ одного порядка явленій на другой. Такъ, волю онъ опредѣляетъ, какъ напряженіе физиологическихъ эквивалентовъ по направленію къ извѣстной цѣли, и забываетъ при этомъ, что физиологическіе эквиваленты, сами по себѣ, независимо отъ соотвѣтствующихъ имъ душевныхъ состояній, никакихъ цѣлей преслѣдовать не могутъ. Чувство смысла нашихъ общихъ идей онъ отождествляетъ съ наличностью физиологическихъ эквивалентовъ ихъ логическаго состава. И съ другой стороны, чтобы объяснить единство и связность процессовъ умственной жизни, онъ говоритъ объ единствѣ физиологическихъ эквивалентовъ, объ ихъ гармоніи, согласованіи, аккордѣ и т. д. и не замѣчаетъ, что эти понятія *единства, аккорда, гармоніи* имѣютъ полное приложеніе къ сферѣ психической, поскольку мы судимъ о продуктахъ нашей душевной дѣятельности, съ эстетической, нравственной или логической точки зрѣнія, но они едва ли сохраняютъ какое-нибудь значеніе, когда мы ими характеризуемъ отношенія физико-химическихъ процессовъ нашего мозга. Во всякомъ случаѣ, они нуждаются въ научномъ опредѣленіи ихъ физиологическаго смысла, а такого опредѣленія мы у референта не находимъ.

В. Р. Буцке. Въ своемъ рефератѣ я тщательно старался избѣгнуть всякой собственной метафизики, хотя, съ другой стороны, правда, я совершенно искренне сдѣлалъ всякія возможные уступки любой изъ возможныхъ метафизикъ. Я могъ бы доказать, что мои воззрѣнія согласуемы съ любой теоріей о сущности души, даже самой трансцендентальной, лишь бы этой теоріей не нарушались основныя положенія физическихъ наукъ въ области физическихъ явленій.

Сверхъ того, нѣсколько замѣчаній было сдѣлано *Н. В. Буяевымъ*, а также *Н. Я. Гротомъ*, который обѣщалъ представить

черезъ нѣкоторое время по вопросамъ, затронутымъ В. Р. Буцке, и отчасти въ возраженіе ему—особый рефератъ.

СХІІ. Извлеченіе изъ протокола закрытаго засѣданія 18 декабря 1893 г.

Засѣданіе открыто въ 8¹/₂ ч. вечера, подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность товарища предсѣдателя Л. М. Лопатина, при секретарѣ Н. А. Иванцовѣ, въ присутствіи гг. дѣйств. членовъ: Н. А. Абрикосова, А. П. Басистова, Н. В. Бугаева, В. Р. Буцке, П. В. Безобразова, М. В. Безобразовой, П. Д. Боборыкина, В. А. Гольцева, В. Е. Гиацинтова, В. Н. Ивановскаго, С. С. Корсакова, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, Н. И. Ржондковскаго, В. П. Сербскаго, А. А. Токарскаго, кн. С. Н. Трубецкаго, Н. И. Шишкина, Е. А. Шмидта и член. соревнователей: А. А. Андреевой, А. С. Гончаровой.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ прочелъ свой рефератъ «О значеніи идеи параллелизма въ психологіи».

Въ возникшихъ по поводу прочитаннаго реферата преніяхъ приняли участіе дѣйств. члены: В. Р. Буцке, А. А. Токарскій, Н. А. Иванцовъ, С. С. Корсаковъ и Л. М. Лопатинъ.

Изложеніе преній по реферату Н. Я. Грота:

„О значеніи идеи параллелизма въ психологіи“ *)

В. Р. Буцке. Въ моемъ рефератѣ объ условіяхъ времени и пространства при ассоціаціяхъ идей я коснулся теоріи параллелизма между духовною и физическою сторонами психическихъ фактовъ. Это подало Вамъ, Николай Яковлевичъ, поводъ къ представленію своего сегодняшняго реферата «къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи». Но прямыхъ возраженій мнѣ я ни въ Вашихъ тезисахъ, ни въ Вашемъ рефератѣ не могу найти. Я положилъ въ основу своихъ выводовъ параллелизмъ, какъ минимумъ того, что должно допустить въ отношеніяхъ духовной и физической стороны, именно изъ желанія избѣгнуть всякаго осложненія сравнительно простыхъ психологическихъ вопросовъ болѣе сложными, метафизическими.

Н. Я. Гротъ. Въ психологіи, В. Р., ничего нельзя рѣшить, не по-

*) См. 21-ю (январскую) книгу журнала, гдѣ помѣщены рефератъ и тезисы.

ставивъ предварительно вопроса о характерѣ взаимной связи и зависимости психическихъ и физическихъ явленій. Этотъ вопросъ— не осложненіе, а лишь правильная постановка задачи.

В. Р. Буцке. Я въ своихъ разсужденіяхъ старался поставить себя внѣ зависимости отъ того или другого рѣшенія метафизическихъ вопросовъ. Я требовалъ только признанія существованія какой бы то ни было связи между духовной и физической сторонами психическихъ явленій. Терминомъ «параллелизмъ» я, конечно, не хотѣлъ выразить, что явленія идутъ параллельно въ геометрическомъ смыслѣ. Что такого параллелизма въ дѣйствительности нѣтъ, на это указываетъ уже законъ Вебера, гласящій, что сила ощущенія растетъ не параллельно со степенью раздраженія, а пропорціонально логариѳму числа. Ученіе о параллелизмѣ ничего не предрѣшаетъ и выражаетъ собою только признаніе, что о сущности связи мы ничего не знаемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это ученіе содержитъ въ себѣ также утвержденіе, что какая-нибудь связь между явленіями существуетъ, и вмѣстѣ съ этимъ оно указываетъ на необходимость изслѣдованія психическихъ фактовъ всегда параллельно—съ двухъ сторонъ, съ внутренней и съ внѣшней. Такимъ образомъ, идея параллелизма выражаетъ собою также методъ, которому должно слѣдовать. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается существенное значеніе этого ученія. Методъ параллельнаго изслѣдованія явленій, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго между собою, уже давалъ въ наукѣ очень надежные результаты. Такъ, наприм., изучались параллельно явленія движеній небесныхъ тѣлъ съ явленіями морскихъ приливовъ и отливовъ. Въ результатѣ установлена была опредѣленная взаимная причинная связь. Содержало ли параллельное изученіе двухъ рядовъ явленій какую-либо предвзятую идею? Едва ли. Оказалось, что приливъ и отливъ зависятъ отъ движеній небесныхъ тѣлъ, но могло одинаково оказаться также обратное. Дѣйствительно, обратный вопросъ можно даже теперь еще поставить, послѣ того, какъ изслѣдованія, повидимому, уже окончены. Можетъ-быть, кто нибудь найдетъ возможнымъ доказать, что извѣстныя движенія небесныхъ тѣлъ зависятъ отъ морскихъ приливовъ и отливовъ. Дѣйствительно, волны океановъ ударяютъ о восточныя свай берега; можетъ-быть, отъ того-то земля и вертится около своей оси съ запада на востокъ? Я этимъ хочу сказать, что идея параллелизма свободна отъ предвзятыхъ рѣшеній. Мы мо-

жемъ что угодно изучать параллельно съ чѣмъ угодно. Но бываютъ случаи, гдѣ параллельное изученіе двухъ рядовъ явленій становится обязательнымъ. Это тѣ случаи, гдѣ два ряда явленій только повидимому не имѣютъ ничего общаго—потому, что они получаются двумя или нѣсколькими различными органами воспріятія отдѣльно, но въ то же время, несомнѣнно, изъ одного и того же источника. Наприм., до Вашего уха долетаютъ звуки музыки. Откуда, гдѣ, какъ,—никто не знаетъ. Музыка сама по себѣ не имѣетъ пространственнаго опредѣленія: она ни толста, ни широка, ни высока, не имѣетъ ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ матеріи. Правильно или неправильно я сдѣлаю, если я, услышавъ музыку, встану и посмотрю, гдѣ, какъ и какимъ образомъ она возникаетъ? Относительно всего этого я могу убѣдиться только другими органами воспріятія: зрѣніемъ и осязаніемъ. Положимъ, въ данномъ случаѣ, я найду, что производила музыку механическая табакерка, вещь протяженная, съ физическими и химическими свойствами, вовсе не похожими на свойства музыки. Я изслѣдовалъ явленія параллельно, рядомъ, это было обязательно, но содержалъ ли мой методъ предвзятую идею? Совсе нѣтъ. Я изслѣдую дальше, и, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ окажется, что не табакерка производила музыку, а, наоборотъ, музыка произвела на свѣтъ табакерку. Дѣйствительно, положимъ, что музыкальная табакерка не была обыкновенной табакеркой, а табакеркой-фонографомъ; тогда станетъ понятно, какъ первоначально музыка могла произвести существенное механическое приспособленіе въ музыкальномъ инструментѣ.—И *этимъ* примѣромъ я хотѣлъ только показать, что ученіе о параллелизмѣ не содержитъ въ себѣ никакой предвзятой мысли. Параллелизмъ въ томъ смыслѣ, какъ я употребляю это слово, значитъ только, что явленія происходятъ рядомъ и должны быть изучаемы рядомъ—и больше рѣшительно ничего. Итакъ, противъ принципа параллелизма, какъ метода, повидимому, ничего возразить нельзя.

Н. Я. Гротъ. Противъ Вашего метода изученія я и не возражаю. Но и у Васъ въ рефератѣ, какъ и у всѣхъ психофизиологовъ, есть склонность пользоваться идеею параллелизма не только какъ *методомъ*, но, въ связи съ этимъ понятіемъ, пытаться объяснить душевныя явленія исключительно при помощи физическихъ и физиологическихъ фактовъ и законовъ. И я думаю, что главная причина этому лежитъ въ неясности идеи паралле-

лизма, которая, во всякомъ случаѣ, взята изъ сферы внѣшняго опыта, пространственныхъ отношеній. Слово это слишкомъ мало отвѣчаетъ на вопросъ о реальномъ отношеніи духовнаго къ физическому.

В. Р. Буцке. Да, самое слово параллелизмъ, я съ Вами, пожалуй, согласенъ, не совсѣмъ удачно выбрано. Оно ведетъ, какъ оказывается, къ нѣкоторымъ весьма не желательнымъ недоразумѣніямъ, и я его теперь охотно замѣнилъ бы другимъ словомъ *координація* (которое и Вы употребляете) и сказалъ бы: духовная и физическая стороны психическихъ фактовъ координированы между собою (или должны быть координированы наукой), какъ вообще координируются на абсциссахъ и ординатахъ факты распространенія явленій во времени и факты распространенія тѣхъ же явленій въ пространствѣ. Съ внутренней точки зрѣнія, я констатирую, что душевные факты имѣютъ, повидимому, только одно распространеніе— во времени: это я отмѣчаю на абсциссѣ. Затѣмъ, я рассматриваю тотъ же фактъ съ внѣшней стороны (другимъ познавательнымъ органомъ), замѣчаю распределеніе въ пространствѣ и отмѣчаю это на ординатѣ. Этотъ методъ, методъ координированнаго изслѣдованія, не вноситъ съ собою никакихъ предвзятыхъ идей. Анатомическіе субстраты и физиологическіе эквиваленты суть необходимыя условія для правильнаго хода представленій,—такъ доказываю я. Далѣе, можно бы доказать, что мышленіе, въ свою очередь, есть условіе для возникновенія правильно организованныхъ анатомическихъ субстратовъ и дѣятельности физиологическихъ эквивалентовъ. Параллелизмъ или координація—это все равно—допускаются мною, только какъ минимумъ того, что должно допустить въ отношеніяхъ духовнаго и тѣлеснаго. На этомъ минимумѣ я строю свои выводы. Вы, Николай Яковлевичъ, принимаете гораздо больше. Въ шестомъ Вашемъ тезисѣ Вы допускаете «взаимную зависимость духовнаго и физическаго существованія человѣка». Слѣдовательно, Ваши возраженія, направленные специально противъ параллелизма, вовсе не затрагиваютъ моихъ выводовъ.

Н. Я. Гротъ. Я и не имѣлъ въ виду специально *Вашихъ* выводовъ, В. Р., а то общее направленіе современной психофизиологіи, которое изслѣдуетъ зависимость мысли отъ мозговой дѣятельности и упускаетъ изъ виду обратную зависимость работы и состояній мозга отъ актовъ мышленія и воли, вытекающихъ изъ

духовныхъ и нравственныхъ причинъ. О времени же, какъ ритмъ «распространенія душевныхъ явленій», я теперь говорить не буду, такъ какъ обѣщаль посвятить этому особый рефератъ. Координацію же душевныхъ и физическихъ явленій мы, очевидно, понимаемъ съ Вами различно.

Н. А. Иванцовъ. Только-что прослушанный нами рефератъ представляетъ собою лишь введеніе во вторую половину его, имѣющую быть прочтенной въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій. Темой ея послужить раскрытіе новаго взгляда на характеръ времени и рѣшеніе вопроса о параллелизмѣ явленій психическихъ и физическихъ, съ этой новой точки зрѣнія. Такъ какъ основное положеніе до сихъ поръ только намѣчено, а не раскрыто и обосновано, какъ слѣдуетъ, то и сужденія о рефератѣ крайне затруднительны. Тѣмъ не менѣе, многія положенія возбуждаютъ большія недоумѣнія своимъ противоположеніемъ вещей, которыя противопологать невозможно. Остановлюсь пока на слѣдующемъ.

Авторъ указываетъ два источника знанія—сознаніе и самосознаніе, противопологая ихъ другъ другу. Но если (тез. 3) «вообще легче доказать, что весь міръ, включая матерію, мозгъ и нервную систему, есть совокупность ощущеній и представленій души», то какимъ же образомъ сознаніе можетъ быть противоположно самосознанію? Если это такъ, то, слѣдовательно, все есть мое представленіе, мое самосознаніе, мое Я въ широкомъ смыслѣ этого слова, и то, что мы называемъ сознаніемъ, есть лишь особая форма самосознанія, и противопологать ихъ другъ другу невозможно.

Исходя изъ того же положенія, нельзя опытъ внѣшній противопологать опыту внутреннему. Все есть опытъ внутренній. Опытъ внѣшній будетъ въ такомъ случаѣ лишь особою формой внутренняго опыта, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Если это такъ, то какимъ же образомъ (тез. 4) категоріи внутренняго опыта могутъ быть «безусловно противоположны» категоріямъ внѣшняго опыта, когда внѣшній опытъ есть всего-на-всего лишь особая форма опыта внутренняго? Опытъ внѣшній и есть та особая форма самосознанія, которую мы называемъ сознаніемъ (въ тѣсномъ смыслѣ) и которая никоимъ образомъ не можетъ быть «безусловно» противоположна первому.

У Канта это раскрыто вполне ясно, понятно и опредѣленно. Весь представляемый нами міръ, какъ нашъ внутренній опытъ въ

широкомъ смыслѣ слова, имѣеть своею формой время. *Всѣ* явленія совершаются во времени. Время есть форма *всей* области нашего сознанія и самосознанія. Но, кромѣ того, *нѣкоторыя* явленія или представленія имѣють своей болѣе частною формой еще пространство, совершаются въ пространствѣ. Эти явленія мы называемъ опытомъ внѣшнимъ, противопоставляя ихъ опыту внутреннему въ *узкомъ* смыслѣ слова—явленіямъ, совершающимся во времени, но не въ пространствѣ. Такимъ образомъ, и внутренній опытъ, въ узкомъ смыслѣ, и внѣшній имѣють общую свою форму время, и по категоріи не могутъ быть «*безусловно противоположны*» другъ другу. Референтъ разсуждаетъ такъ: какимъ образомъ явленія душевной жизни и опыта внутренняго могутъ совершаться во времени, когда они не совершаются въ пространствѣ? Но такое разсужденіе совершенно невѣрно и ровно ни къ чему не ведетъ.

Н. Я. Гротъ. Съ положеніями оппонента о томъ, что сознаніе есть форма самосознанія, а внѣшній опытъ—форма внутренняго, я заранѣе согласился въ своихъ тезисахъ, только что упомянутыхъ *). Но это не мѣшаетъ при болѣе тонкомъ анализѣ, вѣрности и обратныхъ положеній, что самосознаніе есть форма сознанія, а внутренній опытъ (гдѣ я становится *объектомъ* наблюденія) есть форма внѣшняго опыта. Вѣрность же обоого рода положеній доказываетъ, что въ нашемъ сознаніи и опытѣ есть два противоположные полюса, легко отличимые другъ отъ друга. И если одному роду сознанія и опыта свойственно воспринимать объекты свои какъ пространственно-протяженные, и если время—существенная форма воспріятія «движенія въ пространствѣ», то неволью можетъ возникнуть вопросъ, есть ли время—форма воспріятія и познанія объектовъ *второго* рода, т. е. душевныхъ «явленій», какъ ихъ называютъ. Этотъ вопросъ я и пытаюсь разрѣшить. Авторитетъ Канта для меня не обязателенъ, такъ какъ именно противъ него я и возстаю.

Н. А. Иванцовъ. Далѣе, авторъ, повидимому, неправильно понимаетъ, что разумѣеть психофизиологія, говоря о параллелизмѣ или зависимости явленій психическихъ и физическихъ. Ея точка зрѣнія вкратцѣ такова: суть ли явленія физическія—явленія движенія—только наши представленія или нѣтъ, это для нея безразлично;

*) Ср. мою статью „О свободѣ воли и причинности“ (1891).

явленія матеріальныя и явленія психическія суть для нея *данныя*, въ разборъ метафизической природы которыхъ она не входитъ.

Міръ матеріальной жизни данъ намъ только обрывками. Но замѣчая, что явленія, составляющія эти обрывки, тѣсно и закономѣрно связаны другъ съ другомъ, мы заполняемъ раздѣляющіе ихъ промежутки и создаемъ цѣльный закономѣрный образъ явленій физической жизни. Послѣдній есть, такимъ образомъ лишь гипотетическій выводъ, но выводъ вполне законный, сдѣланный на основаніи аналогіи, и дѣлающійся тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что онъ на каждомъ шагу подтверждается опытомъ и наблюденіемъ, а исключеній изъ него намъ никогда не представляется.

Точно такимъ же образомъ, міръ психическихъ явленій мы знаемъ по еще болѣе разрозненнымъ обрывкамъ, и точно также, на тѣхъ же основаніяхъ, возстановляемъ гипотетическій, цѣльный и закономѣрный рядъ явленій психической жизни.

Мы замѣчаемъ также, и это есть данное прямого наблюденія и опыта, что міръ физической жизни и міръ психической жизни своими извѣстными намъ частями совпадаютъ другъ съ другомъ, или, точнѣе, идутъ параллельно другъ другу, иными словами, закономѣрность здѣсь одинакова, и оба рода явленій совершаются въ зависимости другъ съ другомъ. Прямомъ выводомъ отсюда будетъ совпаденіе или параллелизмъ обоихъ рядовъ явленій—тамъ, гдѣ оно намъ непосредственно не извѣстно. Такимъ образомъ, параллелизмъ явленій психическихъ и физическихъ въ психофизиологіи есть, правда, гипотетическій, но вполне законный и логичный выводъ изъ данныхъ наблюденія и опыта. Въ вопросѣ о зависимости явленій физическихъ и психическихъ психофизиологія не выходитъ изъ области явленій; она говоритъ о параллелизмѣ *явленій* сознанія и физическихъ измѣненій, а не о взаимной зависимости духа и матеріи. Дальше области явленій она не идетъ и идти не можетъ. Самый вопросъ о природѣ физическихъ явленій для нея остается чуждымъ. Но за то въ своей области—области явленій—она стоитъ на совершенно твердой почвѣ. Между тѣмъ, референтъ въ своихъ разсужденіяхъ переноситъ ея выводы на почву, совершенно ей чуждую, дѣлая изъ психофизиологіи метафизику, съ которой она ничего общаго не имѣетъ. Такой путь разсужденій нельзя признать правильнымъ.

Н. Я. Гротъ. Не спорю, что психофизиологія въ принципѣ желала бы быть только наукою о *явленіяхъ*. Но, къ сожалѣнію, существуетъ и господствуетъ въ наше время особое психофизиологическая (матеріалистическая) метафизика. Какъ я старался показать въ рефератѣ, иначе и быть не можетъ, ибо на явленіяхъ нельзя останавливаться. Теорія познаваемости *однихъ* явленій есть тоже «метафизика», нынѣ отживающая свой вѣкъ. Когда дѣло идетъ только о явленіяхъ, нельзя говорить о ихъ *зависимости*, т.-е. причинной связи, а лишь о ихъ *преемствѣ* или *послѣдовательности* (какъ справедливо учили Юмъ и всѣ настоящіе эмпирики), но «*послѣдовательность*» не есть «*причинная зависимость*». Разсужденіе «*post hoc ergo propter hoc*» давно признано логической ошибкой, а между тѣмъ наука опредѣляетъ не *post*, а *propter* изучаемыхъ явленій и тѣмъ уже переходитъ за предѣлы явленій въ область реального и субстанціального бытія, къ познанію котораго человѣкъ имѣетъ ключъ въ своемъ самосознаніи. Несправедливо, что наука отрицаетъ «существованіе» матеріи. Отчего же ей такъ бояться понятія духа, котораго существованіе мы познаемъ, «существуя», т.-е. сознавая свое сознаніе и мысль, какъ существующія реально? А если признать, что духовное столь же реально существуетъ, какъ и матеріальное, то отчего нельзя изучать реальной зависимости того и другого и къ чему прибѣгать къ неимѣющему смысла термину «параллелизмъ»? Вы сами говорите, что «параллелизмъ *обоихъ* родовъ явленій означаетъ, что они совершаются *въ зависимости другъ отъ друга*. То же самое доказываю и я. Вся разница въ томъ, что я считаю феноменизмъ внутренне противорѣчивымъ.

С. С. Корсаковъ. Вопросъ о самостоятельности и самобытности душевной жизни, Вами затронутый, безспорно, очень интересный вопросъ; но, къ сожалѣнію, при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній онъ не разрѣшимъ. Усилія самыхъ выдающихся умовъ не въ состояніи были дать неоспоримое доказательство вѣрности той или другой принципальной точки зрѣнія, и до сихъ поръ въ этой области можно только «доказывать» основныя положенія, а не «доказать».

Поэтому психологія, по моему мнѣнію, по необходимости должна остерегаться связывать свою судьбу и свою жизнь съ рѣшеніемъ этого вопроса. Вѣдь, психологія занимается изученіемъ явленій, кругъ которыхъ рѣзко очерченъ, а изученіе этихъ явле-

ній можетъ происходить и безъ предварительнаго рѣшенія вопроса о самостоятельности душевной жизни. Подобно тому, какъ въ физикѣ не слѣдуетъ связывать развитія науки съ рѣшеніемъ вопроса о первоначальномъ источникѣ матеріи или энергіи, а слѣдуетъ до поры до времени изучать лишь свойства матеріи и проявленія энергіи, такъ и въ психологіи можно пока ограничиться изученіемъ взаимнаго соотношенія явленій, входящихъ въ область этой науки. Можетъ быть, накопивъ достаточно знанія, мы и будемъ въ состояніи найти научныя основанія для безспорнаго рѣшенія вопроса о самостоятельности душевныхъ явленій, но пока этотъ вопросъ не долженъ считаться *основнымъ* вопросомъ психологіи, какъ утверждаетъ Вы въ Вашемъ девятомъ тезисѣ.

Вы говорите: «изгонять его въ область метафизики—значить извращать задачи психологіи и лишать ее главнаго орудія для рѣшенія самыхъ основныхъ проблемъ». Я рѣшительно не понимаю, почему устранять этотъ вопросъ—значить извращать *задачи* психологіи. Вѣдь, міръ душевныхъ явленій остается все тотъ же, какого бы мы взгляда ни держались, и изучать, *какъ, какимъ образомъ* одно изъ этихъ явленій связано съ другимъ—можно безъ рѣшенія Вашего «основнаго» вопроса, а въ изученіи этихъ явленій и лежитъ задача психологіи. Орудіями для правильнаго изученія всегда будутъ наблюденіе, экспериментъ и критическая мысль, и я рѣшительно не понимаю, какого же *главнаго* орудія лишилась психологія, отложивъ рѣшеніе вопроса о самостоятельности душевной жизни. Я старался въ Вашемъ рефератѣ найти указаніе на это «главное орудіе», но не нашелъ и намека на него.

Я не думаю, чтобы Вы это главное орудіе видѣли въ томъ, что для изученія психическихъ явленій, въ отличіе отъ физическихъ, необходимъ исключительно внутренній опытъ, хотя Вы и говорите во второмъ тезисѣ, что «категоріи душевной жизни и внутренняго опыта безусловно противоположны категоріямъ физическаго существованія и внѣшняго опыта». Я не думаю этого, потому что увѣренъ, что и Вы, такъ же, какъ и я, не видите принципиальной разницы между внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ въ дѣлѣ изученія психическихъ или физическихъ явленій. Вѣдь, нельзя сказать, чтобы физическія явленія изучались только путемъ внѣшняго опыта. Я думаю, что всякое изученіе есть комбинація внутренняго и внѣшняго опыта; также не станете Вы осла-

ривать, что и при изученіи физики, напримѣръ, отдѣловъ акустики и т. п., необходимъ внутренній опытъ. Точно также и при изученіи психическихъ явленій нельзя ограничиваться однимъ внутреннимъ опытомъ: кромѣ самонаблюденія, необходимо изучать и явленія психическія внѣ насъ, изучать психическую жизнь другихъ людей и проч.

Да и не можетъ быть иначе, такъ какъ психическія явленія извѣстны намъ только въ непрерывной связи съ физическими. Вѣдь, мы знаемъ психическую дѣятельность—только какъ проявленіе органической жизни. Безъ организма мы психической жизни не знаемъ: многимъ изъ насъ случалось на физиологическихъ опытахъ видѣть, какъ сердце лягушки, вынутое изъ тѣла, продолжаетъ нѣкоторое время самостоятельно биться, но никто не наблюдалъ психической жизни, отдѣленной отъ организма. Поэтому мы не имѣемъ до сихъ поръ никакого права совершенно отдѣлять психологическія явленія отъ органическихъ, а должны, наоборотъ, смотрѣть на нихъ, какъ на своеобразныя проявленія органической жизни.

Держась такого мнѣнія относительно «душевныхъ» явленій, я, однако, вовсе не согласенъ съ Вашимъ утвержденіемъ, высказаннымъ въ пятомъ тезисѣ, что «убѣжденіе въ полной зависимости душевныхъ явленій отъ анатомическихъ и физиологическихъ, т. е. матеріальныхъ условій, предрѣшаетъ вопросъ о самобытности и независимости духовнаго начала». Вопросъ о самобытности духовнаго начала вовсе этимъ не предрѣшается; только, по моему мнѣнію, нужно быть болѣе осторожнымъ въ терминологіи и не смѣшивать понятія о *душевныхъ* явленіяхъ съ понятіемъ о *міровомъ духовномъ началѣ*. Эти два понятія часто смѣшиваются, но я вижу въ этомъ большую ошибку, которая вытекаетъ изъ нашей склонности видѣть во всемъ человѣческое подобіе, вслѣдствіе чего міровому началу часто приписываются свойства человѣческой психики. Если принять, что между терминами: «душевные явленія» и «міровое духовное начало»—существуетъ глубокая разница, то станетъ понятно, что рѣшеніемъ вопроса о душевныхъ явленіяхъ, какъ проявленіяхъ органической жизни, вовсе не предрѣшается вопросъ о самобытности мірового духовнаго начала. Вопросъ о духовномъ началѣ вовсе и не ставится до поры до времени въ узкомъ кругѣ научнаго изученія конкретныхъ явленій психической жизни. А еслибъ онъ былъ поставленъ

какимъ-нибудь пытливымъ умомъ, то легко представить нѣсколь-ко гипотезъ, объясняющихъ зависимость отъ мірового духовнаго начала не только психическихъ явленій, но и всѣхъ жизненныхъ, т.-е. органическихъ вообще, а потому и неправильно говорить, что убѣжденіе въ полной зависимости психическихъ явленій отъ органической жизни предрѣшаетъ вопросъ о духовномъ началѣ, т. е. отвергаетъ его. Логически развиваемое убѣжденіе это не отвергаетъ его.

Н. Я. Гротъ. Въ моемъ рефератѣ не было пока рѣчи о міровомъ духовномъ началѣ. Я разумѣлъ только возможность предположенія индивидуальнаго духовнаго начала, или души. Вы говорите, что мы въ физикѣ изучаемъ «свойства матеріи и проявленія энергіи». Отчего же Вы не говорите, что въ психологіи мы изучаемъ «свойства души и проявленія воли»? Отчего, когда Вы говорите о психологіи, вы прибѣгаете тотчасъ къ терминамъ «психическое явленіе», «психика» и т. под.? Какъ психологъ, я достаточно знакомъ съ бесплодностью, тщетою и двусмысленностью той психологіи, которая изучаетъ «только явленія» (т.-е. «проявленія» — чего? — неизвѣстно). Далѣе сомнительныхъ «законовъ» ассоціаціи и неясныхъ терминовъ: эмоція, апперцепція и т. п. — она не пошла. Вся эта символика давно убиваетъ психологію, и она ищетъ выхода изъ нея на путь реальнаго изслѣдованія. Попыткою реальной психологіи является психофизиологія, изучающая зависимость душевной жизни отъ органическихъ условій. Но это еще не «психологія». Я же ишу путей къ настоящей психологіи, которая бы не боялась изучать «свойства души», какъ физика изучаетъ «свойства матеріи». Вы говорите, что психическая и физическая жизнь даны нераздѣльно и что даже изученіе физическихъ явленій не обходится безъ психическаго момента. Но это не мѣшаетъ научному анализу выдѣлять *физическое* и опредѣлять его законы, какъ такового, отбрасывая все психическое. Отчего же нельзя путемъ того же анализа отбрасывать физическій моментъ въ психической жизни и изучать законы *душевной* жизни, какъ таковой? Это и будетъ настоящая психологія. Что она возможна, доказали уже Платонъ и Аристотель — въ области психологіи, логики, этики. Вѣдь, они не знали никакой физиологіи, а дали безсмертныя по глубинѣ и правдѣ изслѣдованія душевной жизни. То же доказываютъ своимъ анализомъ душевной жизни гениальные художники-психологи

(Достоевскій, Л. Н. Толстой и др.). Вы говорите, что надо изучать душевную жизнь не только въ себѣ, но и въ другихъ людяхъ, но забываете, что чужая душевная жизнь доступна изученію и понятна намъ только чрезъ нашу собственную, и что все, что мы о ней предполагаемъ,—только аналогіи и догадки. Непосредственно чужая душевная жизнь нами не воспринимается: воспринимаются зрѣніемъ и слухомъ только ея физическія выраженія, которыя часто невѣрно истолковываются (какъ, напр., даже «мысли», тонко выраженныя «словами»). Душевная жизнь познается нами только внутренно, въ *самихъ себѣ*. Я не говорю, что надо для такого психологическаго изученія предрѣшать вопросъ о субстанціяхъ и ихъ отношеніяхъ. Но не надо бояться его ставить. Напротивъ, *ипотеза* самобытности духовнаго такъ же полезна въ психологіи, какъ гипотеза самостоятельности физическихъ явленій отъ психическихъ въ физикѣ. Психологія только тогда вступитъ на правильный путь, когда допустить, что духовное не только можетъ возникать въ насъ самобытно, *безъ физиологическихъ причинъ*, но можетъ управлять физиологическою жизнью организма. Такая точка зрѣнія и для психіатріи можетъ быть полезна. Притомъ, она подтверждается современнымъ ученіемъ о гипнотизмѣ и внушеніи (со стороны чужой мысли и воли, т. е. духа). Это не уничтожаетъ пользы и важности психофизиологіи. Но послѣдняя должна знать свое мѣсто и не оспаривать важности «чистой психологіи». Вотъ почему я и думаю, что изгонять изъ психологіи вопросъ о реальной связи духовнаго и матеріальнаго бытія—значитъ извращать задачи психологіи, что это—*основной* вопросъ психологіи, къ рѣшенію котораго она должна направляться, какъ къ конечной цѣли своей. Я не отвергаю наблюденія и даже эксперимента (психологическаго) въ психологіи, но критическая мысль, о которой Вы говорите, должна работать дѣйствительно *критически*, въ видахъ исправленія, дополненія и разъясненія того, что даютъ намъ наблюденіе и экспериментъ. Впрочемъ, я еще вернусь къ этимъ вопросамъ во второй части своего реферата, гдѣ буду говорить о *времени*, какъ формѣ познанія.

СХІІІ. (Годи́чное) за́сѣданіе 24 января 1894 г. *)

Въ годи́чномъ за́сѣданіи Психологическаго Общества 24-го января избраны въ составъ Совѣта Общества на четвертое трехлѣтіе слѣдующія лица:

Предсѣдателемъ—проф. **Николай Яковлевичъ Гротъ** (третье 3-хъ-лѣтіе).

Товарищемъ предсѣдателя—проф. **Левъ Михайловичъ Лопатинъ** (второе 3-хъ-лѣтіе).

И. д. товарища предсѣдателя—проф. **Сергѣй Сергѣевичъ Корсаковъ**.

Секретаремъ—прив.-доц. **Алексѣй Сергѣевичъ Бѣлкинъ**.

Тов. секретаря—**Владиміръ Николаевичъ Ивановскій**.

И. д. тов. секретаря—**Ардаліонъ Ардаліоновичъ Тонарскій**.

Казначеемъ—**Николай Алексѣевичъ Абрикосовъ** (четвертое 3-хъ-лѣтіе).

Тов. казначея—**Алексѣй Алексѣевичъ Абрикосовъ**.

И. д. тов. казначея—**Григорій Алексѣевичъ Рачинскій**.

Библіотекаремъ—**Александръ Григорьевичъ Петровскій**.

Редакторомъ Трудовъ Общества—**Василій Петровичъ Преображенскій** (второе 3-хъ-лѣтіе).

Примѣчаніе. Всѣ письма и рукописи, имѣющія отношеніе къ Психологическому Обществу, должны быть отправляемы по адресу конторы журнала (см. на оберткѣ) на имя *секретаря* Общества, деньги и цѣнные пакеты по тому же адресу на имя *казначея*.

---

*) Печатаніе подробнаго извлеченія изъ протокола годи́чнаго за́сѣданія и новаго списка членовъ Общества, за недостаткомъ мѣста, откладывается до майской книги журнала.

Письма къ редактору.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевичъ!

Въ только-что полученной мною январской книжкѣ (1894 г.) издаваемаго подъ вашею редакціей почтеннаго журнала: «Вопросы Философіи и Психологіи» помѣщена рѣчь доктора медицины *Н. Я. Пясковскаго*, прочитанная имъ на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей *), подъ заглавіемъ: *Философскіе принципы современной физиологіи* и пр. (стр. 59—66). Эта рѣчь въ существенной своей части по содержанию (а не по формѣ) *заимствована* изъ моей книги: «О физиологическомъ методѣ въ психологіи», напечатанной мною въ Харьковѣ въ 1888 году и по частямъ помѣщавшейся въ харьковскомъ журналѣ «Вѣра и Разумъ».

Что рѣчь д-ра Пясковскаго представляетъ въ существенной своей части (за исключеніемъ вступленія и заключительнаго вывода) заимствованіе изъ моей книги, это явствуетъ: во-первыхъ, изъ *совпаденія* этой рѣчи съ различными страницами моей книги (какъ *по мыслямъ*, такъ и *по цитатамъ*) и, во-вторыхъ, изъ такихъ *деталей* этой рѣчи (какъ въ мысляхъ, такъ и въ цитатахъ), которыя ни откуда не могли быть взяты, кромѣ моей книги, и которыя, слѣдовательно, показываютъ, что д-ру Пясковскому моя книга была знакома.

Для доказательства совпаденія въ мысляхъ и цитатахъ я рѣшю существенную часть рѣчи д-ра Пясковскаго въ порядкѣ ея изложенія съ указаніемъ соотвѣтствующихъ мѣстъ въ моей книгѣ:

а) Существенная часть рѣчи начинается заявленіемъ д-ра Пясковскаго, въ которомъ онъ «съ своей стороны» обѣщаетъ показать, что два большіе отдѣла физиологіи—общая физиологія

---

*) Прочитана 3-го января 1890 г. См. Дневникъ и протоколы съѣзда. .

мозга и физиологія органовъ чувствъ—«въ высшей степени противорѣчатъ другъ другу». «То, что утверждаетъ общая физиологія мозга, — то отрицаетъ физиологія органовъ чувствъ» (стр. 80). Но именно раскрытію этого тезиса и посвящена вся моя книга «О физиологическомъ методѣ въ психологіи». Мнѣ нужно было подробно развить мысль, высказанную мною еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ «Обзорѣ философскихъ ученій» (Москва, 1880 г. II, стр. 166), что физиологическій методъ въ психологіи не можетъ привести къ рѣшенію задачи, которую ставитъ себѣ эта наука, ибо объяснительная причина психическихъ явленій, какою пользуется этотъ методъ, является здѣсь *слѣдствіемъ своего собственнаго слѣдствія*, что, конечно, нелѣпо и потому не можетъ привести къ объясненію какихъ бы то ни было явленій. Для обоснованія именно этой мысли мнѣ и нужно было доказать, что между общею физиологіей мозга и физиологіей органовъ чувствъ существуетъ непримиренное до сихъ поръ *противорѣчіе*, обнаруженіе котораго должно вести, по моему мнѣнію, къ перестройкѣ физиологіи, какъ научной системы. На существованіе этого противорѣчія я не находилъ указанія ни въ одномъ извѣстномъ мнѣ руководствѣ къ изученію физиологіи, а а потому я постарался раскрыть это противорѣчіе систематически. Сущность этого противорѣчія формулирована мною въ послѣдней главѣ (XVI-й) моего изслѣдованія, озаглавленной: *Двойная бухгалтерія*. Много матеріала далъ мнѣ второй томъ «Исторіи матеріализма» Ланге, но, если я не ошибаюсь, моя книга все-таки представляетъ первый опытъ въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ. Кажется, это-то именно обстоятельство и заставило покойнаго П. Е. Астафьева сказать въ своей рецензій на мою книгу, что эта книга не можетъ пройти незамѣченною не только въ нашей скудной русской, но и въ «общей философской и психологической литературѣ нашего времени» (Итогъ новой психологіи. *Моск. Вѣд.* 1889. № 204). Пользуясь случаемъ, замѣчу также, что въ признаніи символически-методологическаго характера общей физиологіи мозга мною указанъ и выходъ изъ противорѣчія между этимъ отдѣломъ физиологіи и физиологіей органовъ чувствъ.

б) Вторая мысль рѣчи д-ра Пясковскаго, что физиологія органовъ чувствъ подаетъ руку взглядамъ такихъ метафизиковъ, какъ Кантъ или даже Берклей (стр. 60—61) развита у меня въ

59 § моей книги, озаглавленномъ *Между Кантомъ и Берклеемъ*. Въ доказательство указанной мысли д-ръ Пясковскій приводитъ цитаты изъ Прейера, Мейнерта и ссылается на слова Ланге о Гельмгольцѣ. Всѣ эти цитаты можно найти у меня на страницахъ 116 и 120-й. Разница есть только въ первой цитатѣ, гдѣ въ словахъ Мейнерта: «возбужденіе наконецниковъ своихъ чувствительныхъ нервовъ», д-ръ Пясковскій вмѣсто наконецниковъ неудачно поставилъ «окончаній», что далеко не равнозначительно.

в) Затѣмъ, послѣ словъ: «но я пойду дальше» (стр. 61) цитаты изъ Вундта можно найти у меня на страницахъ 120, 121 и 137, а сдѣланный изъ нихъ выводъ, что у Вундта міросознаніе есть не что иное, «какъ самосознаніе» (62), есть только перифрастическое выраженіе вывода, сдѣланнаго мною (на стр. 138) не изъ словъ только одного Вундта, но и изъ другихъ данныхъ въ XI-й главѣ моего изслѣдованія, носящей заглавіе: *Малый и большой человекъ нашего самосознанія*. Что къ тѣмъ же выводамъ приходитъ въ своей рѣчи: «Витализмъ и механизмъ» — базельскій физиологъ Бунге, этого я не зналъ и потому указать не могъ. Если не ошибаюсь, эта рѣчь явилась позднѣе моей книги, а его «Патологія и терапія» печаталась въ Лейпцигѣ въ 1887 г., когда я писалъ свою книгу *).

г) Далѣе возраженіе, которое физикъ могъ бы сдѣлать Вундту и Бунге, что цвѣта, слуховыя ощущенія, хотя сами по себѣ и субъективны, но за то основная причина этихъ явленій — объективное молекулярное движеніе (62—63), и рѣшеніе этого возраженія, т. е. что молекулы, атомы и движеніе суть тоже субъективныя построенія, читатель найдетъ у меня въ подробномъ развитіи въ § 71 (*Раздражители тоже суть представленія*) и въ главахъ: *Субъективный образъ матеріи, какъ методологическое построеніе*, и *Идеальное построеніе силы*, а въ краткомъ видѣ въ вышеупомянутомъ «Обзорѣ философскихъ ученій», въ указанномъ мѣстѣ. Что атомъ «по тѣмъ свойствамъ, какія ему приписываютъ физикъ и химикъ, есть отрицаніе той матеріи, которую мы познаемъ чрезъ внѣшній опытъ», такъ какъ матерія дѣлима, а атомъ недѣлимъ, матерія сжимаема, а атомъ несжимаемъ и т. д.,—это выводъ изъ словъ Маха, приводимыхъ у меня на

*) Статья Бунге „Витализмъ и механизмъ“ появилась въ 1886 г., т. е. за два года до выхода книги проф. М. Остроумова, и упоминается проф. Н. Гротомъ въ его книжкѣ „О душѣ“. (Одесса, 1886). Ред.

стр. 156. Цитата изъ Льюиса, что движеніе есть символъ особаго класса ощущеній, помѣщена у меня на стр. 142.

д) Слѣдующія затѣмъ мысли, что, объясняя цвѣтъ и тоны молекулярнымъ движеніемъ, мы, въ сущности, объясняемъ ихъ мускульнымъ чувствомъ, что для одного чувства другое является какъ бы объектомъ и что если помимо ощущеній человѣкъ не имѣетъ никакого органа знанія, то внѣ-чувственное воспріятіе для человѣка невозможно (стр. 68), есть изложеніе въ девяти строкахъ начала и конца 72 § моей книги, озаглавленнаго: *Ощущеніе ощущеній: видѣніе звуковъ и слышаніе свѣта*.

е) Другой любопытный выводъ, къ которому мы придемъ, по словамъ д-ра Пясковскаго, есть тотъ, что мозгъ и органы чувствъ, а стало быть, и все наше тѣло — тоже продуктъ нашихъ ощущеній (стр. 63—64). Это читатель можетъ найти у меня въ главахъ: XII — *Мозгъ и органы чувствъ, какъ представленіе*, и XI — *Малый и большой человѣкъ нашего самосознанія* (§ 62 — наше тѣло есть субъективное представленіе; § 63 — доказательства; § 64 — отношеніе тѣла нашего къ совокупности тѣлъ вселенной и т. д.). Но указанія на Бунге опять у меня нѣтъ.

ж) Вслѣдъ затѣмъ у д-ра Пясковскаго идетъ цитата изъ Вундта, помѣщенная у меня на стр. 192-й и слѣдуетъ выводъ что «съ этой точки зрѣнія, не тѣло, не мозгъ есть причина души, а душа — причина тѣла», что «мозгъ, тѣло и вообще вся тѣлесная организація есть функція души» (стр. 64). Этотъ выводъ почти буквально можно прочесть у меня на стр. 193, въ концѣ 93 §, озаглавленнаго: *Тѣлесное развитіе есть функція душевнаго*.

з) Дальнѣйшее затѣмъ заявленіе д-ра Пясковскаго, что физиологія должна подать дружественную руку психологіи и философіи, приводимья по этому поводу слова Рия, и основанное на словахъ Рия же сообщеніе о Мейнертѣ (стр. 64) — все это читатель можетъ найти у меня въ § 95: *Необходимость психологическаго метода самонаблюденія для физиологій*, на страницахъ 196—197.

и) Наконецъ, «итогъ философскимъ принципіальнымъ выводамъ общей физиологій мозга и физиологій органовъ чувствъ», въ которомъ оказывается, что общая физиологія мозга говоритъ, что психологія должна быть частью физиологій и что имѣетъ право на существованіе только «физиологическая психологія», а физиологія органовъ чувствъ возражаетъ, что физиологія есть

часть психологіи и что имѣеть право на существованіе «психологическая фізіологія», и дальнѣйшія слова — соотвѣтствуютъ 6-му пункту на страницѣ 200 моей книги. Слѣдующее за тѣмъ указаніе философскихъ принциповъ въ этихъ двухъ частяхъ фізіологіи принадлежитъ уже, вѣроятно, самому д-ру Пясковскому; во всякомъ случаѣ—не мнѣ.

Я прослѣдилъ *все* существенное содержаніе рѣчи д-ра Пяковского. Уже одного этого разительнаго совпаденія между рѣчью и моею книгой достаточно, чтобы придти къ выводу о зависимости первой отъ второй. А нѣкоторыя детали не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія, потому что онѣ показываютъ, что книга моя д-ру Пясковскому была извѣстна. Детали эти слѣдующія:

а) Мысль, что для одного чувства другое «является какъ бы объектомъ», могла быть взята только изъ моей книги; ибо, сколько мнѣ извѣстно, едва ли въ какой-нибудь другой книгѣ можно найти доказательства того положенія, что «одно ощущеніе ощущаетъ другое, какъ своей объектъ». Это парадоксальное положеніе принадлежитъ мнѣ.

б) Смѣлый проэктъ новой науки, которой я даю названіе «Психологической фізіологіи», тоже принадлежитъ мнѣ. Упоминаніе о возможности такой науки могло быть сдѣлано только на основаніи XV главы моей книги, озаглавленной: *Психологическая фізіологія*.

в) На страницахъ 60—61 д-ръ Пяковскій говоритъ: «фізіологія органовъ чувствъ въ своихъ философскихъ выводахъ прямо подаетъ руку взглядамъ такихъ метафизиковъ, какъ Кантъ или даже Берклей, *жившій 200 лѣтъ назадъ*». Эти 200 лѣтъ могли быть внушены только слѣдующею фразою моей книги: «Итакъ, современная фізіологія органовъ чувствъ неминуемо ведетъ къ тому результату, къ которому *200 лѣтъ тому назадъ пришелъ* Берклей (стр. 119). Я имѣлъ право сказать эти слова, потому что сочиненіе Берклея, въ которомъ онъ приходитъ къ выводу, что *esse* вещей есть ихъ регсірі, издано имъ въ 1710 г.; если здѣсь не оказывается полныхъ 200 лѣтъ, то мною это отмѣчено въ примѣчаніи на стр. 117-й. Но д-ръ Пяковскій нигдѣ не могъ найти основанія сказать: «*жившій 200 лѣтъ назадъ*», потому что Берклей умеръ только около 140 лѣтъ назадъ. Если же д-ръ упомянулъ о 200-хъ лѣтъ, то, очевидно, подъ вліяніемъ моихъ словъ».

г) Наконецъ, у д-ра Пясковскаго (на стр. 62) приведены слова Вундта, которыя оканчиваются слѣдующимъ образомъ: «Что касается до измѣнчивости внутреннихъ явленій, то она указываетъ только на сложность условій, но вовсе не служитъ аргументомъ противъ реальности (*этихъ*) явленій». Приведя эти слова, д-ръ Пясковскій дѣлаетъ указаніе на русскій переводъ (Кандинскаго—единственный) «Основаній физиологической психологіи» (стр. 999). Однако, въ указанномъ мѣстѣ русскаго перевода слова Вундта читаются безъ «*этихъ*», — сказано просто: «противъ реальности явленій». Слово «*этихъ*» прибавлено мною и потому поставлено въ скобкахъ, какъ это видно на страницѣ 137-й моей книги. Очевидно, отсюда взята цитата изъ Вундта—съ этою моею прибавкой—и д-ромъ Пясковскимъ.

Такимъ образомъ, еслибы читатель далъ себѣ трудъ по слѣданнымъ указаніямъ сравнить рѣчь д-ра Пясковскаго съ моею книгой, онъ убѣдился бы, что рѣчь почтеннаго доктора есть перифразъ или, вѣрнѣе, краткій и отрывочный пересказъ «своими словами» послѣднихъ главъ моей книги «О физиологическомъ методѣ въ психологіи», появившейся, во всякомъ случаѣ, раньше VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей, на которомъ прочитана рѣчь.

Я ничего не имѣю противъ этого. Напротивъ, я искренно благодаренъ почтенному доктору за то, что онъ огласилъ результатъ моего труда на VIII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей и тѣмъ какъ бы принялъ мои выводы подъ свое покровительство. Я сочувствую и тѣмъ пожеланіямъ, какія д-ръ Пясковскія высказываетъ въ своей рѣчи. Я также ничего столь не желаю нашимъ русскимъ врачамъ, какъ возможно большаго и основательнаго знакомства съ философіей въ ея различныхъ отдѣлахъ, чего именно и недостаетъ нашимъ медикамъ.

Но меня огорчаетъ та не философская манера, тотъ не философскій способъ, къ которому прибѣгнулъ д-ръ Пясковскій при пользованіи моею книгой. Рѣчь неволью внушаетъ мысль, что д-ръ Пясковскій излагаетъ не мои, а свои собственныя мысли. Д-ръ Пясковскій говоритъ: «я не могу съ своей стороны не дополнить идеи проф. Пашутина... я постараюсь показать... я пойду далѣе»... Вѣдь доктору болѣе, чѣмъ кому-либо другому должно быть извѣстно, что даже докторскій трудъ, направленный на исцѣленіе болѣзней человѣчества, оплачивается гонораромъ. От-

чего же докторъ не вознаградил моего труда, которымъ онъ пользовался, хотя бы подстрочнымъ примѣчаніемъ къ своей рѣчи, просто только упоминающимъ объ этомъ трудѣ?

Позвольте, глубокоуважаемый господинъ редакторъ, чрезъ посредство Вашего журнала обратиться къ д-ру Пясковскому съ покорнѣйшею просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ сдѣлать упомянутое мною примѣчаніе къ своей рѣчи. Вѣдь это же мой авторскій гонораръ.

Примите увѣреніе въ моемъ истинномъ къ Вамъ уваженіи и глубочайшей преданности.

Профессоръ М. Остроумовъ.

Харьковъ, 25-го января 1894 г.

Глубокоуважаемый

Николай Яковлевичъ!

По поводу письма въ редакцію профессора Остроумова я считаю долгомъ объяснить слѣдующее.

На основную идею моей рѣчи меня натолкнуло сочиненіе базельскаго профессора Бунге, а никакъ не сочиненіе профессора Остроумова. Правда, что основная идея доброй *половины* моей рѣчи имѣетъ поразительное сходство съ основной идеей всего сочиненія профессора Остроумова, но это произошло вовсе не потому, что я, яко бы, похитилъ его мысли и ихъ «выдаю» за свои. Не скрою, что я при составленіи моей рѣчи пользовался и трудомъ профессора Остроумова, но вѣдь я точно такъ же пользовался и вашимъ сочиненіемъ: «Душа въ связи съ совр. учен. о силѣ» и соч. Ланге, Страхова, Бунге, Льюиса, Вундта и др.

Я очень радъ, что могу воспользоваться копіей письма проф. Остроумова, такъ какъ, согласно его рубрикамъ, постараюсь показать, что именно я взялъ изъ почтеннаго сочиненія профессора Остроумова и что у другихъ авторовъ:

а) Самъ проф. Остроумовъ въ этой рубрикѣ говоритъ, что для констатированія противорѣчія между философскими принципами общей физиологіи мозга и частной физиологіи органовъ чувствъ ему «много матеріала далъ второй томъ исторіи материализма» Ланге. Я тоже имъ пользовался для этой цѣли, но кромѣ того — рѣчью Дю-буа-Реймона, брошюрой Бунге «Механизмъ и витализмъ», Вашею брошюрой о душѣ и сочин. Вундта.

б) Цитаты изъ Преьера, Мейнерта, ссылку на Ланге о Гельмгольцѣ я дѣйствительно заимствовалъ у проф. Остроумова, въ виду удобнаго и мѣткаго подбора ихъ въ его сочиненіи. Глубоко сожалѣю, что не упомянулъ объ этомъ въ своей рѣчи.

в) Въ этой рубрикѣ цитаты я самъ выбралъ изъ соч. Вундта и, сопоставивъ ихъ съ мнѣніемъ Бунге, о которомъ ничего не зналъ профессоръ Остроумовъ, какъ онъ и самъ сознается, сдѣлалъ выводъ, дѣйствительно сходный съ однимъ мѣстомъ въ соч. профессора Остроумова, а именно, что міросознаніе есть не что иное, какъ часть самосознанія.

г) Мысль, что атомъ по тѣмъ свойствамъ, какія ему приписываютъ физикъ и химикъ, есть отрицаніе той матеріи, которую мы познаемъ черезъ внѣшній опытъ, я позаимствовалъ у *Страхова*, а не у проф. Остроумова, какъ ему угодно утверждать.

д) По этой рубрикѣ я пользовался самимъ Льюисомъ, хотя дѣйствительно объ этомъ же говоритъ и проф. Остроумовъ.

е) Претензія на эту рубрику почтеннаго профессора мнѣ кажется суетной, ибо мысль, что тѣло есть продуктъ нашихъ ощущеній, не принадлежитъ только профессору Остроумову, но и Бунге и Вундту, а основаніе этой идеи имѣемъ у Канта и Берклея. И это тѣмъ болѣе такъ, что самъ же профессоръ Остроумовъ въ этой рубрикѣ говоритъ: «но указанія на Бунге опять у меня нѣтъ»!

ж) Мысль, что тѣло есть функція души, принадлежитъ не профессору Остроумову, а Аристотелю («душа есть первая энтелехія» и т. д.) и Вундту, который подтверждаетъ Аристотеля, говоря, что послѣднее воззрѣніе лучше всего объщаетъ освѣтить проблему духовнаго и тѣлеснаго развитія.

з) Ссылку на слова Рия, совершенно вѣрно, я позаимствовалъ у проф. Остроумова.

и) Въ этой рубрикѣ я пользовался тоже мыслями профессора Остроумова, но не всецѣло, какъ онъ и самъ въ этомъ сознается.

Перехожу теперъ къ деталямъ:

а) Мысль, что для одного чувства другое является какъ бы объектомъ, принадлежитъ Льюису, что явствуетъ изъ слѣдующей цитаты: «движеніе, подобно цвѣту, звуку, теплотѣ, есть символъ совершенно особаго класса ощущеній». Я полагаю, что не только профессоръ Остроумовъ, но и всякій солидный физиологъ пойметъ, что здѣсь дѣло идетъ о мускульномъ чувствѣ, а

слѣдовательно, одно ощущение является для другого какъ бы объектомъ.

б) «Смѣлый проектъ новой науки», которой проф. Остроумовъ даетъ названіе «психологическая фізіологія», я не имѣю права приписать себѣ и отъ души радуюсь, что проф. Остроумовъ такъ горячо вѣрить въ проектируемую имъ науку.

в) Берклея родился въ 1685 г. Поэтому онъ, несомнѣнно, уже *жилъ двѣсти лѣтъ* тому назадъ, хотя было бы точнѣе сказать, что онъ *родился* болѣе 200 л. тому назадъ.

г) Въ этой рубрикѣ я, совершенно вѣрно, пользовался ссылкой на Берклея и Вундта въ томъ же смыслѣ, какъ и проф. Остроумовъ, нарочно въ цитатѣ Вундта оставивъ слово «этихъ», какъ это сдѣлано въ сочиненіи проф. Остроумова.

Итакъ, чистосердечно признаюсь передъ почтеннымъ профессоромъ Остроумовымъ, что его сочиненіемъ я пользовался, но только лишь по прочтеніи Бунге, сочиненіе котораго и подало идею для рѣчи. Пользовался я его сочиненіемъ *въ меньшей даже мѣрѣ*, чѣмъ другими авторами, на которыхъ я выше ссылался и о которыхъ я точно также *упустилъ упомянуть, какъ и о проф. Остроумовѣ*. Таковы: Дю-буа-Реймонъ, Вы, глубокоуважаемый Николай Яковлевичъ, Н. Н. Страховъ и Козловъ. Да будетъ извѣстно почтенному профессору, что это пользованіе сочиненіями различныхъ авторовъ, и упомянутыхъ мною, и не упомянутыхъ, не было цѣлью моей рѣчи (а лишь *средствомъ*), такъ какъ рѣчь моя выражала, главнымъ образомъ, *идею и горячее мое желаніе пропагандированія необходимости кафедръ психологіи и философіи для медицинскаго и математическаго факультетовъ*. Моя оплошность въ этомъ отношеніи и вина передъ проф. Остроумовымъ отчасти можетъ быть оправдана малымъ размѣромъ времени (20 минутъ), которое было удѣлено для моей рѣчи въ засѣданіи секціи по фізіологіи. Что же касается моей «нефилософской манеры», «того нефилософскаго способа», о которомъ упоминаетъ профес. Остроумовъ, то вѣдь каждый авторъ любого учебника по любой наукѣ, гдѣ неминуемо приводятся *открытія и идеи, не принадлежащія автору учебника*, сплошь и рядомъ выражается точно такъ же, какъ и я: «я не могу не дополнить» идеи такого-то, «я постараюсь показать», «я пойду далѣе» и т. д. и т. д. Въ любомъ компилятивномъ произведеніи можно встрѣтить подобныя выраженія.

Во всей моей рѣчи я признаю безспорно принадлежащимъ мнѣ поднятіе вопроса о необходимости учрежденія кафедръ при вышеупомянутыхъ факультетахъ. Все же остальное, *за исключеніемъ изложенія самой рѣчи, мнѣ не принадлежитъ.*

Итакъ, если почтенный профессоръ Остроумовъ огорченъ тѣмъ, что я не упомянулъ въ своей рѣчи о его сочиненіи, то я прошу у него великодушнаго снисхожденія къ этой моей неумышленной ошибкѣ, тѣмъ болѣе, что я, на основаніи всего вышеизложеннаго, никакъ не могу признать моей рѣчи «перифразомъ», или краткимъ отрывочнымъ пересказомъ «своими словами» только единственно его мыслей изъ послѣднихъ главъ его книги «О физиологическомъ методѣ въ психологіи», а скорѣе самостоятельнымъ изложеніемъ мыслей *многихъ* авторовъ (а въ томъ числѣ и проф. Остроумова) для доказательства необходимости распространенія философскаго образованія среди медиковъ и естествоиспытателей.

Всегда готовый къ услугамъ

Д-ръ Н. Пясковскій.

Курскъ, 7 февраля 1894 г.

Замѣтка редактора.

Редакція во всякомъ случаѣ не можетъ не пожалѣть, что д-ръ Пясковскій не успѣлъ *за три года*, въ теченіе которыхъ рѣчь его лежала у него безъ всякаго движенія, сдѣлать въ своей статьѣ, передъ отправленіемъ ея въ редакцію журнала, ссылокъ на сочиненія, изъ которыхъ онъ заимствовалъ не только всѣ свои мысли (какъ самъ говоритъ), но и *цитаты*. Сама редакція, конечно, не имѣетъ возможности провѣрять съ этой стороны всѣ доставляемая ей статьи и должна полагаться на знакомство своихъ сотрудниковъ съ литературными обычаями. Тѣмъ не менѣе, она всегда охотно будетъ давать мѣсто всѣмъ заявленіямъ, касающимся возстановленія авторскхъ правъ, а равно и отвѣтамъ на нихъ,—предоставляя самимъ читателямъ судить о ихъ значеніи. Въ настоящемъ случаѣ необходимо однако замѣтить, что дѣло едва ли идетъ о какихъ-нибудь важныхъ открытіяхъ и совершенно новыхъ мысляхъ. Всѣ главные мысли, защищаемыя проф. Остроумовымъ и д-ромъ Пясковскимъ (о томъ, что между физиологіей мозга и органовъ чувствъ есть противорѣчіе, что со-

временная фізіологія только подтверждаетъ выводы идеалистической философіи, что внѣшній опытъ—часть внутренняго, сознание—часть самосознанія, и наоборотъ,—что всѣ представленія наши о матеріи суть субъективныя построенія—на почвѣ нашихъ ощущеній, что самъ мозгъ и тѣло суть прежде всего наши представленія, что тѣлесное развитіе есть, до извѣстной степени, функція духовнаго, что фізіологическая психологія можетъ быть дополнена психологическою фізіологіей и т. п.), суть частные выводы изъ ученія *Канта* о природѣ опыта и *Шопенгауэра*—о мірѣ, какъ представленіи (не говоря уже о предшественникахъ ихъ—*Платонѣ*, *Аристотелѣ*, *Декартѣ*, *Локкѣ*, *Беркли*, *Юмѣ*, подготовившихъ ученіе о субъективности нашихъ ощущеній и представленій о вещахъ). Въ настоящее время фізіологія только подтверждаетъ построенія великихъ мыслителей прошлаго. Это значеніе ея доктринъ такъ очевидно, не только для философовъ, но и для многихъ фізіологовъ, что въ отдѣльности всѣ мысли, выше приведенныя, носятя въ воздухѣ и неоднократно высказывались въ послѣднее десятилѣтіе какъ западными, такъ и русскими философами и учеными, какъ это справедливо отмѣчаетъ и г. Пясковскій въ своемъ отвѣтѣ, и какъ это видно изъ ссылокъ самого проф. *Остроумова* на *Льюиса*, *Ланге*, *Вундта*, *Гельмгольца*, *Мейнерта*, *Прейера* и др. Между прочимъ, нельзя не упомянуть, что и въ нашемъ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ, при спорахъ съ психофізіологами, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать всѣ члены Общества, посѣщающіе засѣданія и какъ показываютъ отчасти печатающіеся въ журналѣ протоколы Общества, упомянутыя положенія съ 1886 г. выставляются психологами-метафизиками, какъ аргументы въ пользу спиритуализма. Поэтому, найдя въ рѣчи д-ра Пясковскаго давно знакомыя намъ истины, мы далеки были отъ предположенія, что они взяты изъ соч. проф. *Остроумова*, хотя послѣднее и представляетъ полезную *систематизацію* итоговъ современной психофізіологіи, съ точки зрѣнія философскаго идеализма.

Редакторъ Н. Я. Гротъ.

Некрологъ А. К. Бао.

Въ концѣ октября прошлаго года въ припадкѣ душевной болѣзни покончилъ счеты съ жизнью *Александръ Константиновичъ Бао*, отъ времени до времени помѣшавшій въ нашемъ журналѣ статьи и замѣтки.

Покойный родился въ Воронежѣ 29-го іюля 1863 г. въ довольно многочисленной греческой семьѣ полковника Бао. Эта семья обладала порядочнымъ состояніемъ и при жизни главы дома привыкла къ нѣкоторому комфорту. Однако, по смерти старика Бао, подъ конецъ жизни страдавшаго меланхоліей и даже покушавшагося на самоубійство, семья распалась, состояніе пришло въ полный упадокъ, и вдова Бао, бывшая много моложе своего мужа, всю остальную жизнь провела въ большой бѣдности и нуждѣ. Александра Бао отдали на казенный счетъ въ воронежскую военную гимназію, по окончаніи которой онъ поступилъ во второе военное Константиновское училище въ Петербургѣ. Не довольствуясь обычнымъ курсомъ, молодой человѣкъ основательно ознакомился въ это время со всѣмъ, что было лучшаго на русскомъ языкѣ по всѣмъ отраслямъ знанія. Поступивъ въ полкъ, Бао вернулся на родину, гдѣ и зажилъ тихой семейной жизнью, посвящая свои досуги чтенію и литературнымъ работамъ. Военное поприще было далеко не по душѣ Бао, и при первой же возможности онъ оставилъ военную службу, служилъ нѣкоторое время секретаремъ одной изъ уѣздныхъ земскихъ управъ и наконецъ очутился въ Петербургѣ, гдѣ поступилъ на службу въ главный штабъ. Много, очень много лишений, заботъ и тревогъ пришлось здѣсь перенести Бао со своей семьей, и не мудрено, что на подготовленной такимъ образомъ почвѣ могла развиться и окрѣпнуть страшная болѣзнь, полученная имъ въ на-

слѣдство отъ отца. Не смотря однако на крайне неблагопріятныя обстоятельства, онъ все болѣе и болѣе втягивался въ занятія философіей, относясь съ необыкновенной страстностью къ такъ называемымъ, проклятымъ вопросамъ. Человѣкъ искренній и правдивый прежде всего передъ самимъ собой, Бао не могъ довольствоваться двойной бухгалтеріей, на которой обыкновенно застываетъ заурядный интеллигентный человѣкъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что интересы Бао были направлены почти исключительно на этику. Еще въ Воронежѣ въ 1889 году онъ издалъ книгу: «Нравственныя воззрѣнія Вундта»; затѣмъ, съ 1891 г. онъ начинаетъ сотрудничать въ «Вопросахъ философіи» и еще незадолго до трагической развязки трудится надъ большою работою о генезисѣ симпатіи (къ сожалѣнію, она осталась не оконченной). По своимъ взглядамъ, насколько они выяснились въ полемическихъ статьяхъ и замѣткахъ, Бао является эвдемонистомъ въ широкомъ значеніи этого слова, горячо ратующимъ за счастье человѣка, не пріурочивая его къ какимъ бы то ни было національнымъ или инымъ группамъ. Этимъ воззрѣніемъ Бао пытался дать психологическую основу.

Среди представителей нарождающейся русской философіи Бао не успѣлъ еще занять виднаго мѣста, но было бы однако несправедливымъ не помянуть добрымъ словомъ этого скромнаго работника на многообѣщающей философской нивѣ. Философскіе вопросы не были для него предметами одного только теоретическаго интереса, — они всегда задѣвали его за живое, и можно думать, что такое страстное отношеніе къ вопросамъ науки было одной изъ причинъ его болѣзни, по временамъ затихавшей и опять возвращавшейся съ неослабѣвающей силой. Миръ же праху твоему, скромный и честный труженикъ!

Н.

Извѣстія и замѣтки.

—❖— Въ Петербургѣ, подъ руководствомъ проф. А. И. Введенскаго, предпринятъ переводъ англійскаго учебника психологіи В. Джемса (Text-book of Psychology by William James), вышедшаго два года тому назадъ.

—❖— Въ Москвѣ, подъ ред. приватъ-доцента А. С. Бѣлкина, переводится «Учебникъ логики» недавно умершаго англійскаго проф. Minto, вошедшій въ издаваемую въ Англии серію «University Extension Manuals» (учебниковъ, рекомендуемыхъ Обществомъ для распространенія университетскаго образованія). Переводится и набирается также переводъ сочиненія извѣстнаго французскаго писателя по философіи А. Fouillée—о Декартѣ и готовится къ печати «History of Ethics» (Исторія этики) проф. Сиджвика, обѣ книги подъ редакціей проф. Н. Я. Грота.

—❖— Въ Московскомъ университетѣ на текущее весеннее полугодіе 189³/₄ академическаго года, сверхъ курсовъ, перечисленныхъ въ ноябрьской книжкѣ журнала (1893 г.), заявлены еще слѣдующіе—по философскимъ наукамъ:

Прив.-доц. кн. С. Н. Трубецкимъ—«О послѣднемъ періодѣ древней философіи» (2 часа—для желающихъ).

Прив.-доц. медицинскаго факультета д-ромъ А. А. Токарскимъ—2 курса: 1) «Физиологическая психологія» (2 часа), 2) «О гипнотизмѣ и его медицинскомъ значеніи» (2 часа).

Объявленіе отъ конторы журнала.

Черезъ посредство конторы журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣва) можно получать слѣдующія книги:

Абровъ, Ник.—Отъ Марсея до Одессы чрезъ Аены и Константинополь. Впечатлѣнія и замѣтки. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Андреевскій, И. С.—Генезисъ науки, ея принципы и методы. Ч. I. М. 1890. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Астафьевъ, П. Е.—Изъ итоговъ вѣка. М. 1891. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 коп.—Национальность и общечеловѣческія задачи М. 1890. Цѣна 50 к., съ пер. 60 коп.—Страданіе и наслажденіе жизни. М. 1885. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп.—Общественное благо въ роли верховнаго начала нравственной жизни. М. 1892 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.—Къ вопросу о свободѣ воли. М. 1889. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.—Чувство, какъ нравственное начало. М. 1886. Ц. 75 к., съ пер. 90 к.—Ученіе графа Л. Н. Толстого въ его дѣломъ. 2-е изд. М. 1894. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія. М. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Безобразова, М.—Философскіе этюды. М. 1892. Цѣна 80 к., за пер. 15 к.

Бони, проф.—Гипнотизмъ. Исслѣдованія физиологическія и психологическія. Переводъ съ добавленіями П. Мокіевскаго. Изд. 2-е. Сиб. 1889. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Вальтеръ, И. А.—Основной двигатель наследственности. М. 1891. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 коп.

◆ **Введенскій, Алексѣй Ив.**—Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 10 к.—Рѣчь передъ защитой диссертации: „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“. М. 1891. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.—

П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.—Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.—Западная дѣйствительность и русскіе идеалы (письма изъ-за-границы) съ приложеніемъ характеристики: „Пана Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

◆ **Виндельбандъ.**—Исторія древней философіи; съ прилож. Виндельбанда—Августинъ и средніе вѣка и Фульберъ—Исторія схоластики. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Вундтъ, В.—Гипнотизмъ и внушеніе. Переводъ съ нѣм. Н. Колубовской. Изд. журнала «Вопросы Философіи». М. 1893. Цѣна 75 коп., за пересылку 15 коп.

Геддингъ, Г.—Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Пер. подъ ред. А. А. Козлова и Я. Колубовскаго. Изданіе журнала „Вопросы Философіи“. М. 1892. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 30 к.

Гиляровъ, А. Н.—Источники о софистахъ. Платонъ, какъ историческій свидѣтель. I. Методологія и свидѣтельства о софистахъ. Кіевъ 1891. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.—Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и психологической школы (1881—1893). Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

◆ **Говсѣвъ, А. А., д-ръ.**—Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Годлевскій, С.—Основы современнаго развитія. Спб. 1893. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Гольцевъ, В. А.—Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 15 к.

Грэхэмъ, Г.—Ж. Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда. М. 1890. Цѣна 1 р., за пер. 20 к.

Гротъ, Н. Я.—Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М. 1889. Цѣна 50 к., съ пер. 65 коп.—0 душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Одесса, 1886. Цѣна 70 к., съ пер. 90 к.—0 научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ мировоззрѣній. Публичная лекція. Одесса, 1884. Ц. 30 к., съ перес. 40 коп.—Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. Рѣчь. М. 1889. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.—Основные вопросы философіи XVII и XVIII вв. Десять публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Политехническомъ Музеѣ (литографія). М. 1891. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

— Основаніе нравственнаго долга. IV. Типическія формы эвдемонизма. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.—Психологическій съѣздъ въ Парижѣ. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.—Что такое метафизика? Ц. 15 к., съ пер. 25 к.—0 задачахъ журнала. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.—Жизненные задачи психологіи. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Гусевъ, А.—Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей. Казань, 1892. Цѣна 60 коп., съ пер. 75 коп.—Необходимость высшаго богопочтенія. Противъ гр. Л. Толстого. 2-е доп. изд. Казань, 1891. Цѣна 30 коп., съ пер. 40 коп.

Гюйо, М.—Происхожденіе идеи времени. Психологическій этюдъ. Перев. съ франц. А. И. Е—ва. Смоленскъ, 1891. Цѣна 75 коп., за перес. 15 коп.

Данилевскій, Н. Я.—Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. I, часть 1 и 2. Спб. 1885. Цѣна 7 р. 50 к. За пересылку 1 р.—Т. II (одна посмертная глава). Спб. 1889. Цѣна 2 р., за пер. 25 к.—Сборникъ политическихъ и экономическихъ статей. Спб. 1890. Цѣна 2 р., съ пер. 2 руб. 40 коп.

Дебольскій, Н. Г.—Вопросъ о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія біологіи и этики. Спб. 1883. Цѣна 40 коп., съ пер. 55 к.—0 вышемъ благѣ или о верховной цѣли нравственной дѣятельности. Критическое изслѣдованіе. Спб. 1886. Цѣна 2 р. 50 коп., съ перес. 2 р. 75 к.—0 подго-

товкѣ родителей и воспитателей къ дѣлу воспитанія дѣтей. Спб. 1883. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.—Философія будущаго. Соображенія о ея началѣ, предметѣ, методѣ и системѣ. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 65 к.—Философія феноменальнаго формализма. I. Метафизика. Вып. 1-й. Спб. 1892. Цѣна 1 руб. 25 коп., за пер. 20 к.—Философія основы нравственнаго воспитанія. Спб. 1880. Цѣна 75 коп., съ пер. 90 к.

◆ **Еллидинскій, Я.**—Религиозно-нравственное мировоззрѣніе Плутарха Херонейскаго. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.

Ибервергъ-Гейнце.—Исторія новой философіи въ сжатомъ очеркѣ. Перевель съ 7-го нѣм. изд. Я. Колубовскій. Въ приложеніи очерки философіи у чеховъ, поляковъ и русскихъ, и два указателя. Спб. 1890. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 40 к.

Игаръ, д-ръ.—Женщина въ періодѣ менструаціи. Этюдъ по психопатологіи и судебной медицинѣ. Пер. съ фр. подъ ред. А. Дохмана. Казань, 1891. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.

Казанскій, А. П.—Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса 1891. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 руб. 80 коп.

Каринскій, М.—Классификація выводовъ. Спб. 1880. Цѣна 2 р., за пер. 20 коп.—Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 30 коп.

Каро, Ч.—Современная критика и причины ея упадка. Перев. И. В. Майнова. М. 1883. Цѣна 30 к., съ пер. 40 к.

◆ **Карышевъ, И. А.**—Духовно-нравственный міръ въ чловѣкѣ по уч. св. православной церкви. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.—Православно-христіанскій взглядъ на основанія принятія гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложенъ въ его сочиненіи: „Въ чемъ моя вѣра“. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Карѣевъ, Н. И.—Основные вопросы философіи исторіи. Т. I и II. 2-е изд. Спб. 1887. Ц. 4 р. 25 к., съ пер. 4 р. 60 к.

Козловъ, А. А.—Генезисъ теоріи пространства и времени Ката. Кіевъ, 1884. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 р. 25 к.—Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.—Очерки исторіи философіи. Понятіе философіи и исторія философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 20 к.—Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого „0 жизни“. М. 1891. Цѣна 1 руб. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.—Свое слово. Философскій сборникъ. Четыре книги. Кіевъ, 1888—1890. Цѣна 5 руб. съ

Оттиски изъ журнала
„Вопросы философіи и
Психологіи“

пересылкой. Отдѣльно каждая книга 2 руб. съ перес., каждыя двѣ книги—3 руб. съ перес.—Тардъ и его теорія общества. Кіевъ, 1887. Цѣна 60 коп., съ перес. 70 к.

◆ **Борсаковъ, С. С.**—Курсъ психіатріи. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 40 к.

Бохъ, М.—Шекспиръ. Переводъ А. М. Гульева съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями Н. И. Староженко. М. 1888. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Будрявцевъ, В. Д.—Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М. 1890. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.—Начальныя основанія философіи. Изд. 2-е. М. 1891. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Будрявцевъ-Платоновъ, В. Д.—Сочиненія. Т. П-й. Исслѣдованія и статьи по естественному богословію (Вып. I, II и III). Серг. Пос. 1892. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 10 к.

Буно-Фишеръ.—Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 р. 15 к.—„Фаустъ“ Гёте, возникновеніе и составъ поэмы. Пер. И. Д. Городецкого. 2-изд. М. 1887. Ц. 75 к., съ перес. 95 к.—Артуръ Шопенгауеръ. Книга первая: Жизнь и характеръ Шопенгауера. Книга вторая: Изложеніе и критика его ученія. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества (вышелъ только первый выпускъ). Цѣна за все сочиненіе 2 р. 50 к.; по выходѣ 2-го вып.—3 р. При покупкѣ перваго выпуска выдается билетъ на полученіе 2-го. Отдѣльно первый выпускъ продается за 1 руб.; за пересылку перваго вып.—20 к., второго—40 к.

◆ **Ланге.**—Аффекты (душевныя движенія), пер. подъ ред. Виреніуса. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.

◆ **Н. Н. Ланге.**—Психологическія исслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Леббокъ, Дж.—Радости жизни. Пер. съ 13-го англ. изд. А. Н. М. 1890. Цѣна 45 к., съ перес. 60 к.

Лопатинъ, Л. М.—Положительныя задачи философіи. Ч. I. М. 1886. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.—Ч. II. М. 1891. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 руб. 25 к.

Льюисъ, Д. Г.—Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящаго времени. Въ 2-хъ частяхъ. Пер. В. В. Чуйко. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 95 к.

Мантегацца, П.—Физиономія и выраженіе чувствъ. Съ введеніемъ, составленнымъ для русскаго изданія и съ 8 таблицами рисунковъ. Пер. съ франц. подъ ред. и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес.

Маракуевъ, В. Н.—Галилей, его

жизнь и ученые труды. М. 1888. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.—Ньютонъ, его жизнь и труды. Изд. 2-е. М. 1890. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Мюллеръ, М.—Наука о мысли. Перев. В. В. Чуйко. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

◆ **Нечаевъ.**—Пиръ. Философская поэма любви. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Навилъ, Э.—Логика гипотезы. Пер. И. Панаева. Спб. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., за пер. 30 к.

Панаевъ, И.—Голосъ долга. Спб. 1885. Цѣна 1 руб., за пер. 20 к.—Голосъ неравнодушнаго. Спб. 1888. Цѣна 30 к., за пер. 15 коп.—Еще о сознаніи, какъ условіи бытія. Спб. 1888. Цѣна 30 коп., за пер. 15 коп.—Nosce te ipsum. Спб. 1881. Цѣна 30 к., за пер. 10 к.—О вліяніи направленія знанія на состояніе умовъ. Спб. 1882. Ц. 75 к., за пер. 20 коп.—Пути къ рациональному міровоззрѣнію. Спб. 1880. Цѣна 2 р., за пер. 40 к.—Разыскатели истины. Кантъ, Фихте, Якоби. 2 т. Спб. 1878. Ц. 3 р., за пер. 60 к.—Свѣтъ жизни. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

Пачоскій, Г.—Методъ классификаціи и единство науки. Кіевъ, 1891. Цѣна 90 к., съ пер. 1 руб.

Радловъ, Э. Л.—„Объ истолкованіи“ Аристотеля. Спб. 1891. Цѣна 50 к., съ пер. 60 к.

Розановъ, В. В.—Мѣсто христіанства въ исторіи. М. 1890. Цѣна 20 коп., съ перес. 30 к.—О пониманіи. М. 1886. Цѣна 5 руб., съ пересылкой 5 р. 40 к.

Свѣтловъ, П.—Человѣкъ и животное въ психическомъ отношеніи. Харьковъ. 1892 г. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.—Пророческіе или вѣщіе сны. Кіевъ, 1892. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Серебренниковъ, В.—Ученіе Локка о природенныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб. 1892. Цѣна 2 р. 25 к., за пересылку 35 к.

◆ **Снегиревъ, В. А.**—Психологія. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 10 к.

Соловьевъ, Вл.—Національный вопросъ. Спб. 1891. Вып. I, цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.; вып. II, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Соловьевъ, Т.—Теорія волевыхъ представленій. Спб. 1892. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Страховъ, Н. Н.—Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Историческіе и критическіе очерки. Книжки 1 и 2. Изд. 2-е. Спб. 1887 и 1890. Цѣна по 1 р. 50 к., за перес. по 30 коп. на каждую книжку.—Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ въ

Л. Н. Толстомъ (1862—1885). Изд. 2-е. Спб. 1887. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пер. 1 р. 80 к.—
Миръ какъ цѣлое. Черты изъ науки о природѣ. Изд. 2-е. Спб. 1892. Цѣна 2 руб., за перес. 35 к.—О вѣчныхъ истинахъ (мой споръ о спиритизмѣ). Спб. 1887. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 15 к.—О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Спб. 1865 г. Цѣна 1 руб., съ пер. 1 руб. 15 к.

Струве, Г. Е.—Введеніе въ философію. Варшава, 1890. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

◆ **Токарекій, А. А.**—Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.—Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.—Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированія. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.—Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Троицкій, М. М.—Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Историко-критическое изслѣдованіе съ предварительнымъ очеркомъ успѣховъ психологіи въ Англіи со временъ Вэкона и Локка. Изд. 2-е. 2 тома. М. 1883. Цѣна 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.—Наука о духѣ.—Общія свойства и законы человеческого духа. Въ 2 томахъ. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., съ пер. 6 р.

Трубецкой, Е. Н., кн.—Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаженнаго Августина. М. 1892. Цѣна 1 р. 50 к., за перес. 30 коп.

Трубецкой, С. Н., кн.—Метафизика въ древней Греціи. М. 1890. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 40 к.—Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М. 1891. Цѣна 20 коп. съ пересылкой.

Труды Московскаго Психологическаго Общества:

Вып. I. Артуръ Шопенгауеръ. Статьи В. И. Штейна, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и В. П. Преображенскаго (по поводу 100-лѣтняго юбилея дня рожденія Шопенгауера). Съ портрет. Шопенгауера. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 р. 80 к.

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Вл. Соловьева. Изд. 2-е. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранія философіи сочиненія. Съ портрет.

Лейбница. Перев. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб. (на лучшей бумагѣ) и 1 руб. 50 коп. (на простой), за перес. 25 к.

Выпускъ V. Бенедиктъ Спиноза. Этика. Съ портрет. Спинозы. Перев. Н. А. Иванцова. Издано подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Тэтъ, П. Г.—О новѣйшихъ успѣхахъ физическихъ знаній. Перев. подъ ред. И. М. Съенцова. Съ 24 рис. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.—Теплота. Перев. съ англ. Н. С. Дрентельна подъ ред. С. А. Усова. Съ 53 рис. Спб. 1888. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

Цедлеръ, Э.—Очеркъ исторіи греческой философіи. Перев. съ нѣм. М. Некрасова, подъ ред. М. Каринскаго. Спб. 1886. Цѣна 2 руб., за перес. 20 к.

Чичеринъ, Б. Н.—Мистицизмъ въ наукѣ. М. 1880. Цѣна 1 руб. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.—Положительная философія и единство науки. М. 1892. Цѣна 3 р., за перес. 30 к.—Собственность и государство. 2 тома. М. 1882—1883. Цѣна 8 руб., съ пер. 8 р. 60 к.—Основанія логики и метафизики. М. 1894. 367 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.—Исторія политическихъ ученій. Томы 2-й, 3-й и 4-й. М. 1862—74 г. Цѣна 9 руб., съ пересылк. 9 р. 75 к.—Наука и религія. М. 1879. Цѣна 4 руб., съ перес. 4 р. 35 к.—Областные учрежденія въ россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856. Цѣна 3 р., съ перес. 3 45 к.—Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1862. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.—Очерки Англіи и Франціи. 1858. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 25 к.—Опытъ по исторіи русскаго права. М. 1858. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Schmidt, Dr. E. v.—Euklids 11. Axiom durch eine neue Definition der graden Linie bewiesen. Moskau, 1891. Цѣна 35 коп., съ пер. 45 к.—Философія основанія математики и 11-я аксіома Эвклида. М. 1891. Цѣна 25 к., съ пер. 35 к.—Центръ жизни въ организмѣ. Цѣна 35 коп., за пер. 10 к.

Шопенгауеръ, А.—Лучъ свѣта его философіи. Пер. Н. Н. Маракуева. М. 1887. Цѣна 1 р. 50 коп., за пер. 20 к.

Шопенгауеръ, А.—1) О четвероякомъ корнѣ закона достоячнаго основанія. 2) О волѣ въ природѣ. Перев. А. Фета. Изд. 2-е. М. 1892. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Шопенгауеръ, А.—Миръ какъ воля и представленіе. Перев. А. Фета. Изд. 3-е. М. 1892. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 35 коп.

Штейнъ, Вл.—Графъ Джіакомо Леонарди и его теорія infelicità. Литерат. очеркъ. Спб. 1891. Ц. 1 р. 50 к., за пер.

- 4) Злая забава. Мысли объ охотѣ. В. Ч-ва. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.
- 5) Жена. Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.
- 6) Именины. Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 20 к., съ 20 к.—А. Шопенгауеръ какъ человѣкъ и мыслитель. Опытъ біографіи. Т. I. Спб. 1887. Цѣна 2 р. 50 к., за пер. 40 к.
- Изданія „Посредника“** (для интеллигентныхъ читателей): 1) Противъ пьянства. Рѣчь проф. Фореля. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к. 2) Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. Проф. А. Н. Бекетова. М. 1893. Ц. 10 к., съ пер. 20. 3) Научныя основанія вегетаріанства. Д-ра медицины Анны Кингсфордъ. Перев. съ англійск. М. 1893. Ц. 30 к., съ пер. 45 к.
- 7) Трупъ. Разсказъ Н. Д. Воборыкина. М. 1893. Ц. 20 к., съ пер. 35 к.
- 8) Гость. Драма Эд. Брандеса. Пер. съ датскаго. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.
- 9) Проклятая слава. Разсказъ И. Н. Потапенка. М. 1893. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.
- 10) Деньги. Романъ Альглена. Перев. со шведскаго. М. 1893. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.
- 11) Этика пищи или нравственныя основанія безубойнаго питанія для человѣка. Х. Уильямса. Со вступительной статьей: „Первая ступень“ Л. Н. Толстого. М. 1893. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.
- 12) Очнулась. Повесть А. В. Стерль. М. 1893. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.
- 13) Палата № 6. Разсказъ Антона Чехова. М. 1893. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

**Книги, вновь вошедшія въ каталогъ, отмѣчены
знакомъ ◆**

Черезъ посредство конторы можно выписывать и всѣ другія фило-софскія сочиненія на русскомъ языкѣ.

При выпискѣ книгъ наложеннымъ платежомъ, кромѣ платы за пересылку, взимается отдѣльно за наложенный платежъ по 2 коп. съ рубля, но не менѣе 10 коп. за каждое порученіе.

Б. ЧИЧЕРИНЪ.

ОСНОВАНИЯ ЛОГИКИ

И

МЕТАФИЗИКИ.

Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Можно получать въ конторѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣева).

Книгопродавцамъ обычная уступка.

КУНО-ФИШЕРЪ.

АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ.

Первая книга: «Жизнь и характеръ Шопенгауэра». Вторая книга: «Изложеніе и критика ученія»; переводъ съ нѣмецкаго С. Н. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей В. П. Преображенскаго.

Вышелъ первый выпускъ.!

Цѣна за все сочиненіе 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска—3 р., за перес. 50 к. Отдѣльно 1-й выпускъ 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Можно получать въ конторѣ журнала «Вопросы Философіи и Психологіи» (Москва, Пречистенка, Левшинскій пер., д. Авдѣева).

Книгопродавцамъ обычная уступка.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Подъ редакціей *К. К. Арсеньева и орд. проф. Э. Э. Петрушевскаго.*

РЕДАКТОРЫ ОТДѢЛОВЪ:

Проф. <i>А. Н. Бекетовъ.</i> (біологич. науки).	} Проф. <i>В. Т. Собичевскій</i> (сельско-хозяйственный и лѣсоводство).
<i>С. А. Венгеровъ</i> (исторія литер туры).	
Проф. <i>А. И. Воейковъ</i> (географія).	
Проф. <i>Н. И. Карѣевъ</i> (исторія).	
Проф. <i>Д. И. Менделѣевъ</i> (химико-технич. и фабрично-завод.).	<i>Владиміръ Соловьевъ</i> (философ.).
	<i>Н. Э. Соловьевъ</i> (музыка).

„СЛОВАРЬ“ выходитъ полутомами (въ 30 печат. листовъ каждый), по одному полутому въ каждые 2 мѣсяца.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ:

Цѣна за каждый полутомъ въ переплетѣ . . . . . 3 руб.—коп. } безъ пересылки.
безъ переплета . . . . . 2 „ 70 „ }

Желающіе приобрести вышедшіе полутомы, равно какъ и послѣдующіе, благоволятъ обращаться въ контору редакціи (С.-Петербургъ, Прачешный пер., № 6). Въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Казани каждый полутомъ доставляется на квартиру по указанной цѣнѣ (3 р. или 2 р. 70 к.); во всѣ же остальные мѣста Россіи книги высылаются по почтѣ съ наложеннымъ платежомъ за стоимость книги и 40 к. за пересылку.

Для облегченія подписки установлены нижеслѣдующія условія разсрочки платежей:

- 1) Правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, выписывающимъ „Словарь“, вышедшіе уже полутомы, а равно и имѣющіе выходить высылаются безъ наложеннаго платежа, съ тѣмъ, что разсчетъ производится въ декабрѣ мѣсяцѣ наждаго года за всѣ выпуски, высланные въ теченіе года. Подписное требованіе должно быть официальное, за надлежащею подписью.
- 2) Лица, состоящія на службѣ, если желаютъ при подпискѣ на „Словарь“ пользоваться разсрочкой платежа, благоволятъ обращаться въ контору черезъ гг. казначеевъ или начальниковъ своихъ учрежденій, и имъ могутъ быть высланы какъ всѣ вышедшіе, такъ и имѣющіе выходить полутомы, съ разсрочкой платежа помѣсячно или въ иные промежутки времени, по желанію подписчика, за отвѣтственностью гг. начальниковъ или казначеевъ тѣхъ учрежденій, гдѣ они состоятъ на службѣ.
- 3) частнымъ лицамъ, желающимъ приобрести изданіе „Словаря“, вышедшіе уже полутомы, для облегченія подписки, могутъ быть высылаемы ежемѣсячно или въ иные промежутки времени, по желанію подписчиковъ.

 Подписчики журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“, подписывающіеся на все изданіе Словаря (начиная съ 1-го выпуска) черезъ контору журнала пользуются УСТУПКОЙ ВЪ 10% съ объявленной цѣны выпусковъ Словаря.

1888.

ГИМНАЗИЯ,

1894.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1894 Г.

VII ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна въ годъ 8 руб. съ перес. (За границу 10 р.)

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Гимназія Императора Николая I.

Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Съ разрѣшенія г. министра Вн. Д. съ 1 ноября 1893 г.

при журналѣ „ГИМНАЗИЯ“ выходить, по одной программѣ съ журналомъ, еженедѣльное **бесплатное** приложение

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ“.

Для выписывающихъ „Педагогическій Еженедѣльникъ“ отдѣльно

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1 годъ 3 руб., на 6 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

Съ 1-го ноября по 1-е января 1894 г. 1 руб.

Подписавшіеся на 1894 годъ получаютъ „ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ“ въ текущемъ году

Б Е З П Л А Т Н О .

Полные экземпляры ж. „Гимназія“ за 1888, 1889, 1890 и 1891 годы продаются по 5 р. съ перес.; за 1892 годъ 8 р. съ перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на „ВОЛЫНЬ“,

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Годъ изданія шестнадцатый. Въ 1894 году „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить, по прежнему, *ежедневно* за исключеніемъ воскресныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Задача газеты „Волынь“—служить интересамъ родного края.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или имѣющихъ свои главные конторы или управления за границей, внѣ Волынской губ. и внѣ городовъ Кіева и Варшавы, принимаются исключительно только въ центральной конторѣ объявленій Торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, на Большой Морской, № 11.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ редакціи, Б. Бердичевская ул., домъ Лихардовой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 м. 5 р., 11 м. 4 р. 75 к., 10 м. 4 р. 40 к., 9 м. 4 р., 8 м. 3 р. 50 к., 7 м. 3 р., 6 м. 2 р. 60 к., 5 м. 2 р. 10 к., 4 м. 1 р. 80 к., 3 м. 1 р. 50 к., 2 м. 1 р., 1 м. 75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногородн. подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ къ подпис. цѣнѣ 20 коп.

За издателя Е. В. Коровицкая.

Редакторъ К. И. Коровицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

на „СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

ГАЗЕТУ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ.

(Изданія годъ семнадцатый)

Собственники газеты, не преслѣдуя никакихъ матеріальныхъ выгодъ отъ изданія, употребляютъ всѣ средства, остающіяся отъ покрытій расходовъ по изданію, на улучшеніе и расширеніе газеты.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

съ пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р., на четверть года 1 р. 50 к., на одинъ мѣсяць 60 к.

По соглашенію съ редакціей допускается разсрочка годовой платы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г. НА
„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

первый въ Россіи еженедѣльный иллюстрированный журналъ
ДЛЯ РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОГО ЧТЕНІЯ,
ОДОВРЕННЫЙ ВСѢМИ ВѢДОМСТВАМИ.
Десятый годъ изданія.

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ въ 1894 году дастъ своимъ читателямъ: 52 еженедѣльных №№, по два листа каждый, съ рисунками (около 300 рисунковъ въ годъ) и 4 книги приложеній (по 18-ти листовъ каждая).

Помимо разнообразнаго матеріала, имѣющагося въ редакціи по всѣмъ отдѣламъ программы, въ „Русскомъ Паломникѣ“ за 1894 г. будутъ продолжаться: *Библія въ картинахъ*, рисунки къ книгамъ Ветхаго Заветъа. *Дневникъ отца Іоанна Кронштадтскаго*. Въ *приложеніяхъ* къ журналу будутъ помѣщены: *Св. Василии Великій, его жизнь и избранныя творенія*. *Размышленія о жизни и вѣчности*, соч. Ея Величества королевы англійской **Викторіи**. *Духовныя стихотворенія О. Н. Чюминой*. *Церковно-историческія повѣствованія*, оригинальныя и переводныя извѣстныхъ авторовъ и мн. др.

Въ музыкальномъ отдѣлѣ будутъ помѣщены *Ноты церковныхъ пѣнопѣній*, исполняемыхъ на литургіи, всеношномъ бдѣніи, молебствіяхъ и проч.

Всѣмъ подписчикамъ будетъ разосланъ снимокъ съ

Чудотворной иконы Скорбящей Божіей Матери,
что на Стеклянномъ заводѣ, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна **6 руб.** въ годъ съ правомъ разсрочки платежа подписной суммы.

Адресъ редакціи „Русскаго Паломника“: Свб., Владимірскій пр., 13.

Редакторъ-Издатель *А. И. Поповицкій*.

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
52 №№ и 24 приложенія.

Потребность въ популярномъ, но въ то же время поставленномъ вполне научно журналѣ, давно сознается русскимъ обществомъ. Удовлетворить этой потребности—такова задача нашего изданія, посвященнаго разработкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ науки.

Въ журналѣ примутъ участіе: проф. А. Н. Бекетовъ, проф. Д. К. Бобылевъ, проф. П. П. Вагнеръ, проф. С. П. Глазенапъ, проф. Кенигсбергеръ, проф. П. Н. Ланге, В. В. Лесевичъ, проф. Н. А. Любимовъ, проф. Д. И. Менделѣевъ, проф. В. Майеръ, Н. К. Михайловскій, В. О. Португаловъ, проф. И. Скворцовъ, проф. А. С. Трачевскій, проф. Шапиро, проф. В. Шимкевичъ, проф. П. А. Шиффъ, В. Шиффъ, М. А. Энгельгардъ, С. Южаковъ и мн. другіе. Въ вышедшихъ №№ были, между прочимъ, помѣщены статьи: *Причины смерти высшихъ организмовъ*, проф. Шимкевича.—*Экспериментальная наука въ настоящемъ и будущемъ*, проф. Любимова.—*Созерцательно-аскетическіе и дѣйственные элементы буддизма*, В. В. Лесевича.—*Гальванизмъ и гегелизмъ*, М. М. Филиппова.—*Биологическія основанія нравственности*, Герберта Спенсера.—*Общественная логика чувствъ*, Гарда.—*Лекціи о структурной химической теоріи*, проф. В. Майера.—*Новѣйшія воззрѣнія въ наукѣ о жизни*, проф. Ир. Скворцова.

Въ приложеніяхъ: Недостаточность естественнаго подбора, Герберта Спенсера.—*Границы познанія въ области точныхъ наукъ*, П. Дю-Буа-Реймона.—*Математическій листокъ*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ семь рублей съ пересылкой и доставкой, на полгода четыре рубля. При обращеніи въ Главную Контору, Кирочная, д. 48, можно уплачивать также взносами не менѣе рубля. Подписка принимается также въ кн. маг. Цинзерлинга, „Новаго Времени“, Фену и Карбасникова (безъ разсрочки).

Редакторъ-Издатель д-ръ философіи **М. М. Филипповъ**.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

большая литературная, политическая и коммерческ. газета

„ОДЕССКИЙ ЛИСТОКЪ“

вступаетъ въ 1894 году въ 21-й годъ существованія и, смѣемъ думать, не нуждается въ особой рекомендаціи, о чемъ свидѣтельствуетъ сочувствіе къ намъ публики, выражающееся въ десяткахъ тысячъ читателей.

Литературное достоинство и направленіе газеты, чуждое національной розни и узкой партійности, полнота и разнообразіе даваемыхъ нами свѣдѣній, — все это, полагаемъ, хорошо знакомо южно-русской читающей публикѣ.

Благодаря нынѣшнему богатому литературными силами составу редакціи, корреспондентамъ въ столицахъ, присылающимъ ежедневно обстоятельныя спеціальныя телеграммы, и массѣ корреспондентовъ на всемъ Югѣ, мы имѣемъ возможность давать ежедневно въ надлежащемъ освѣщеніи воѣ текущія новости дня въ Россіи и заграничей.

Въ фельетонномъ отдѣлѣ газеты, въ которомъ помѣщаются рассказы, повѣсти, обзорѣніе одесской общественной и иностранной жизни, литературы, науки и искусствъ, принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица: *В. М. Дорошевичъ, Дядя Власть (псевдонимъ), К. А. Дешкинъ, Л. А. Куперникъ, А. В. Кругловъ, Л. Е. Оболенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), Финнь-Фигаро (псевдонимъ), К. Фланеръ, В. В. Чуйко, К. Черноморець и др.*

Въ газетѣ ежедневно помѣщаются руководящія статьи по внутреннимъ и иностраннымъ вопросамъ, текущія новости, судебная хроника, коммерческая хроника, новости морскія и желѣзнодорожныя, театральныя и музыкальныя извѣстія и, вообще, все то, что только можетъ интересовать читателя.

О назначенныхъ въ Правительствующемъ сенатѣ дѣлахъ и резолюціяхъ по нимъ сообщается по телеграфу. По болѣе выдающимся дѣламъ, рассматривающимся въ сенатѣ, печатаются обстоятельныя рефераты.

Держась въ теченіе 20 лѣтъ принципа, что газетное дѣло не любитъ застоя, мы и впредь будемъ неуклонно идти по пути улучшеній, чтобы сохранить за „Одесскимъ Листкомъ“ репутацію живой, отзывчивой и разнообразной по содержанію газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

НА ГОРОДА съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 руб. въ годъ, 7 руб. полгода, 3 руб. 80 к. три мѣсяца, 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ.

ВЪ ГОРОДѢ съ доставкою на домъ: 10 руб. въ годъ, 6 руб. полгода, 3 руб. 50 коп. три мѣсяца, 1 руб. 25 коп. въ мѣсяцъ.

• Контора редакціи: въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя В. В. Навроцкаго, рядомъ съ городскимъ театромъ. *Ред.-изд. НАВРОЦКІЙ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

общественной жизни, политики, литературы, промышленности и торговли

„КУРСКИЙ ЛИСТОКЪ“

на 1894 годъ.

16 годъ изданія.

Выходятъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

съ пересылкою и доставкою за 12 мѣс.—5 р., 6 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 25 к., 2 мѣс.—1 р., 1 мѣс.—60 к.; безъ доставки: на 12 мѣс.—4 р., 6 мѣс.—2 р., 3 мѣс.—1 р. Отдѣльныя №№ „Курскаго Листка“—5 коп. Подписка принимается съ 1 числа каждаго мѣсяца.

Курскъ, Можавская ул., домъ Фесенко, а также въ отдѣленіяхъ конторы въ уѣздныхъ городахъ Курской губерніи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1894 году (годъ тринадцатый).

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ журнала будутъ, между прочимъ, напечатаны: 1) „Горный ручей“, романъ изъ современной жизни, І. І. Ясинскаго; 2) „Съ добрымъ сердцемъ“, повѣсть А. А. Виницкой; 3) „Любаша“, повѣсть Ф. Д. Нефедова; 4) „Вѣлыя лилія“, оригинальный историческій романъ (изъ временъ первой французской революціи, В. Свѣтлова; 5) „Рабыня“, романъ К. В. Назаревой; 6) „Неудача генерала Постромкова“, посмертная повѣсть Н. Д. Маслова (автора романа: „Изъяны воли“); 7) новый романъ Н. О. Бажина, и пр. Фельетоны Ефима Простосердова („И смѣхъ, и горе“) будутъ по прежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ другихъ отдѣлахъ журнала будутъ помѣщены: 1) Изъ моего прошлаго (литературныя и житейскія воспоминанія) А. П. Пятковского. (Содержаніе: На ловѣ природы и крѣпостного права. Тамбовская гимназія въ 50-хъ годахъ. Петербургскій университетъ. Начало литературной дѣятельности. Профессора: А. Н. Никитенко, К. Д. Кавелинъ, И. Н. Андреевскій. М. И. Сухомлиновъ и др. Студенчество 60-хъ годовъ. Кн. В. О. Одоевскій и баронесса Э. О. Раденъ. Моя записка о преподаваніи русской словесности. Литературныя кружки: Некрасова, Курочкиныхъ, Влагосвѣтлова, Корша и др. „Исторія“ съ исторіей СПб. Воспитательнаго Дома. Выигранный процессъ. Тюремная филантропія. Пріютъ для арестантскихъ дѣтей. Влѣстній составъ петербургскаго тюремнаго комитета 70-хъ годовъ. О. И. Квистъ, Ф. Н. Смирной, А. Ф. Копп, кн. К. А. Суворовъ, Е. П. Карновичъ и др. Заграничныя путешествія. Двѣ встрѣчи съ А. И. Герценомъ. Попечительство надъ исправительною тюрьмою. Въ сферѣ вліятельныхъ людей (и пр.) 2) Еврейство въ исторіи и въ современной жизни, Его же; 3) Путь къ Берлинскому трактату (историко-дипломатическое изслѣдованіе) Б. К. П. 4) Военное воздухоплаваніе въ современномъ его состояніи, М. И. Венюкова; 5) Научныя новости, Его же; 6) Наполеонъ I и Жозефина (по новымъ источникамъ), П. В. Безобразова; 7) Законность управленія и кодификація права, Н. П. Дружинина; 8) Пещерные люди (изъ воспоминаній), В. Р. Зотова; 9) Очерки иностранной литературы, Его же и пр.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: за годъ безъ доставки 12 р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ 13 р.; съ пересылкою внутри Россіи 14 р.; за границу—17 р. За полгода: безъ доставки 6 р.; съ доставкой 6 р. 50 к.; съ пересылкою въ Россію 7 р.; съ пересылкою за границу—9 р. Условія разсрочки иногороднымъ подписчикамъ: 5 р. при подпискѣ (непремѣнно черезъ Главную Контору), къ 15-му апрѣля—5 р. Книгопродавцамъ 50 к. уступки съ годового экземпляра (безъ разсрочки). Служащимъ—разсрочка за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ, (С.-Петербургѣ, Пушкинская ул. близъ Невского пр., д. № 11, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Главная контора открыта: съ 1-го октября по 1-ое мал—отъ 12 до 4 часовъ по полудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней.

Редакторъ-Издатель *А. П. Пятковский*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 г. НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОВЪ“.

Выходитъ въ г. КРАСНОЯРСКѢ, Енисейской губ., еженедѣльно.

I. Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому и земскому хозяйству, по сельскому, экономическія, торговля, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. II. Дѣйствія и распоряженія правительства. III. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. IV. Недѣльная хроника. V. Судебная хроника. VI. Торговый отдѣлъ. VII. Справочныя свѣдѣнія. VIII. Смѣсь. Отвѣты редакціи. IX. Фельетоны. Романы, повѣсти, рассказы, очерки, сцены и стихотворенія. X. Объявленія частныя и казенныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 р., на полгода 4 р., на четверть года 2 р., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „ЕНИСЕЙСКАГО ЛИСТКА“, собствен. д., Воскресенская улица.

Редакторъ-издатель *Е. Кудрявцевъ*.

Виндельбандъ.

Исторія древней философіи.

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ новая книга: Виндельбанда „Исторія древней философіи“ съ приложеніемъ статьи Виндельбанда — Августинъ и и средніе вѣка и Фуллье—Исторія схоластики: переводъ подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго. XX+380 стр. Цѣна 2 руб.

Прибыль отъ распродани этой книги назначена въ пользу бібліотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

ФАЛЬКЕНБЕРГЪ.

Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени.

съ приложеніемъ краткаго философскаго словаря. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго съ подробнымъ перечнемъ русскихъ оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій по исторіи новой философіи. VIII+588 стр. Спб. 1894 г. Цѣна 3 рубля.

Прибыль съ изданія назначена въ пользу недостаточныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета.

Эта книга вмѣстѣ съ сочиненіемъ Виндельбанда составляетъ подробный и послѣдовательный обзоръ всей европейской философіи отъ ея возникновенія до настоящаго времени.

„С Л Ъ П Е Ц Ъ“

Органъ Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ОБСУЖДЕНІЯ ВОПРОСОВЪ, КАСАЮЩИХСЯ УЛУЧШЕНІЯ БЫТА СЛѢПЫХЪ, БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ въ 1894 г. НА ПРЕЖНЕМЪ ОСНОВАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Доходъ отъ изданія поступаетъ *въ пользу слѣпыхъ.*

Подписная цѣна за годовое изданіе съ доставкою и пересылкою 1 р.

Подписка принимается въ Редакціи: С.-Петербургъ, Канцелярія Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Вол. Кон. д. № 1, кв. 24).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до улучшенія положенія слѣпыхъ: цѣли раціональнаго образованія и призрѣнія слѣпыхъ, принципы воспитанія и образованія, психологія, методы обученія, учебныя программы, учебныя пособия, организація заведеній, техническое образованіе, занятія и ремесла для слѣпыхъ, попеченіе объ окончившихъ ученіе слѣпцахъ (патронатство), призрѣніе неспособныхъ къ труду слѣпыхъ, статистика и т. д.; окулистическіе-медицинскіе вопросы; мѣры къ предупрежденію слѣпоты; иностранная литература и заграничныя періодическія изданія о слѣпыхъ.—Объявленія.

Лица, желающія получить журналъ „Слѣпецъ“ за 1888 и 1891 гг., присылаютъ въ редакцію свои требованія съ приложеніемъ одного рубля за годовое изданіе.

Въ 1894 году при Кіевской Духовной Академіи будутъ издаваться по прежде утвержденной программѣ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“, ЖУРНАЛЬ НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ И ХАРАКТЕРА.

Въ немъ будутъ помѣщаться научныя статьи по всемъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ—общезанимательныя, по изложенію—доступныя большинству читателей.

При журналѣ будутъ помѣщаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и блаженнаго Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія, подъ общимъ названіемъ: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ ³/₁₉ февраля 1894 г. подписка какъ на журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ будутъ выходить еженѣсячно книжками отъ 10 до 12 листовъ.

Цѣна за годъ съ пересылкою „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“—7 р. Адресъ: въ редакцію Трудовъ, при Кіевской Духовной Академіи, въ Кіевѣ. Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ; 2) Игн. Л. Тузова, въ С.-Петербургѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), V (1841—42), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 3 руб. за годъ съ пересылкою. В. чтеніе за 1879—1883 гг. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1882 гг. (въ брошюрованномъ видѣ) по 3 р. 50 к., а за 1883, 1884, 1885 и 1886 г. по 4 р. за экземпляръ съ пересылкою.

„Труды Кіевской Духовной Академіи“ продаются по уменьшенной цѣнѣ: 1860—1866 гг. по 3 р.; за 1869—1873 гг. по 4 р.; за 1874—1878 гг. по 5 р. съ пересылкою, за 1879—1882 гг. по 6 р., за 1883—1893 гг. 7 р. съ пересылкою. Экземпляры „Трудовъ“ за 1894 г. всѣ распроданы.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 к., съ пересылкою 80 к., 1874—1894 гг. по 1 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 Г.

„Ю Г Ъ“

ежедневная политическая, экономическая и литературная газета.

Съ 1 декабря 1893 г. „Югъ“ выходитъ при ближайшемъ участіи

Г. И. ШРЕЙДЕРА.

Редакція заручилась сотрудничествомъ: Я. В. Абрамова, С. А. Ан—скаго, Юліи Безродной, Е. А. Ганейзера, С. С. Гусева (Слово Глаголь), С. Г.

Двинина, В. И. Немировича-Данченко, М. Л. Песковскаго и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—9 руб., на полгода—5 руб., на 1 мѣсяць—1 руб.

Подписка принимается: въ главной конторѣ „Юга“, въ Ростовѣ на-Дону, по Николаевскому пер., д. Тимофѣевой, и въ отдѣльныхъ конторахъ: въ Таганрогѣ, Новочеркасскѣ, Екатеринодарѣ, Новороссійскѣ, Владикавказѣ, Екатеринославіи и Ставрополѣ-Кавказскомъ.

Издатель *Мин. Балабановъ.*

Редакторъ *И. Камлохинъ.*

Я. КОЛУБОВСКІЙ.

ФИЛОСОФСКІЙ
ЕЖЕГОДНИКЪ.

ОБЗОРЪ КНИГЪ, СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ,
преимущественно на русскомъ языкѣ, имѣющихъ отношеніе къ
философскимъ знаніямъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.
1893.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ“.

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1894.

О ЗАДАЧАХЪ «ЕЖЕГОДНИКА».

Съ усиленіемъ интереса къ философскимъ вопросамъ, которое несомнѣнно замѣчается у насъ въ послѣднее время, начинается сказываться необходимость въ такого рода изданіи, которое облегчало бы всякому желающему знакомство съ литературой предмета. Предлагаемый «Ежегодникъ» идетъ навстрѣчу этой потребности, ставя себѣ задачей возможно полный обзоръ всего того, что появилось въ теченіе года и имѣетъ то или другое отношеніе къ философіи. Здѣсь нашли себѣ мѣсто и серьезныя изслѣдованія, имѣющія не одинъ только мимолетный интересъ, и статьи, въ которыхъ отражаются взгляды образованнаго общества на задачи и значеніе философіи, и наконецъ, замѣтки разнаго характера, которыя подчасъ являются знаменіемъ времени и послужатъ для будущаго историка русской мысли благодарнымъ матеріаломъ.

При первомъ взглядѣ на обиліе приводимыхъ въ «Ежегодникѣ» статей простодушный читатель, пожалуй, возгордится богатствомъ русской философской литературы. Но да будетъ позволено напомнить такому читателю ту избитую истину, что богатство литературы опредѣляется не количествомъ, а качествомъ работъ, и если бы «Ежегодникъ», чтобы никого не вводить въ соблазнъ, останавливался лишь на статьяхъ, за которыми можно признать не одинъ только интересъ минуты, то ему пришлось бы выбросить за бортъ, по крайней мѣрѣ, три четверти своего содержанія.

Русская литература отличается одной особенностью: рѣдкій трудъ дерзаетъ выступить на свѣтъ Божій подъ своимъ собственнымъ флагомъ въ отдѣльномъ изданіи, но стремится найти себѣ пріютъ гдѣ-нибудь въ толстомъ журналѣ. Къ журнальной литературѣ русскій читатель всегда питалъ нѣкоторую слабость. Слышанное ли дѣло, чтобы философскія книги когда-нибудь расходились у насъ въ тысячахъ экземпляровъ? А между тѣмъ, едва

лишь созданъ специально философскій журналъ, онъ приобрѣлъ себѣ тысячи читателей и, можетъ-быть, даже почитателей.

Такая особенность литературы наложила свою печать и на «Ежегодникъ»: тогда какъ другія подобнаго рода изданія даютъ обзоръ только того, что появляется въ специальной литературѣ, «Ежегодникъ» долженъ слѣдить за журналами общаго содержанія. Отсюда возникаетъ нелегкая задача услѣдить за всѣмъ, что даютъ повременныя изданія.

Другая трудность при составленіи «Ежегодника» зависитъ отъ крайне неудовлетворительнаго состоянія нашего книжнаго рынка. Нерѣдко нѣтъ никакой возможности во-время получить книгу, вышедшую гдѣ-нибудь въ провинціи. Въ этомъ случаѣ не можетъ помочь даже наше центральное книгохранилище, такъ какъ оно само страдаетъ отъ небрежности губернскихъ органовъ цензуры. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось отложить отчетъ о той или другой книгѣ до будущаго года, когда она, наконецъ, должна же попасть въ руки составителя.

Изъ цѣлой груды газетныхъ листовъ для цѣлей «Ежегодника» достаточно выбрать только нѣсколько газетъ, не бѣгающихъ отъ серьезнаго матеріала, какъ отъ чумы. Въ числѣ ихъ есть провинціальныя большія газеты *).

При пользованіи «Ежегодникомъ» надо имѣть въ виду: 1) книги, статьи и замѣтки расположены въ строго алфавитномъ порядкѣ ихъ авторовъ, а при отсутствіи послѣднихъ—въ строго алфавитномъ порядкѣ тѣхъ предметовъ, которыхъ статьи и замѣтки касаются; 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, въ алфавитъ личныхъ именъ введены и тѣ авторы, о которыхъ говорится въ статьяхъ, чтобы всегда можно было навести справку не только о томъ, что на-

---

*) Просмотрѣны слѣдующія повременныя изданія: „Архивъ психіатріи и нейрологіи“ (Харьковъ), „Библиографъ“, „Богословскій Вѣстникъ“, „Варшавскія университетскія извѣстія“, „Волгарь“ (Нижній Новгородъ), „Волжскій Вѣстникъ“ (Казань), „Вопросы философіи и психологіи“, „Воспитаніе и Обученіе“ (при дѣтскомъ журналѣ „Родникъ“), „Вѣра и Разумъ“ (Харьковъ), „Вѣстникъ Воспитанія“, „Вѣстникъ Европы“, „Вѣстникъ иностранной литературы“, „Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи“, „Гимназія“ (Рига), „Гражданинъ“, „Душеполезное Чтеніе“, „Журналъ гражданскаго и уголовнаго права“, „Журналъ Министерства народнаго просвѣщенія“, „Записки Харьковскаго университета“, „Историческій Вѣстникъ“, „Казанскій Телеграфъ“, „Кіевлянинъ“, „Кіевское Слово“, „Книжки Недѣли“, „Книжный Вѣстникъ“, „Колосъ“, „Медицинское Обзорѣніе“, „Міръ Божій“,

писалъ извѣстный авторъ, но и о томъ, что написано о немъ; 3) для удобства ссылокъ всѣ разсматриваемыя статьи и замѣтки перенумерованы; 4) чтобы соблюсти интересы системы, вслѣдъ за алфавитнымъ обзоромъ идетъ краткій систематическій указатель.

Невольные и неизбѣжные въ подобнаго рода работъ пропуски будутъ пополнены въ ближайшемъ выпускѣ.

Въ заключеніе составитель «Ежегодника» считаетъ особенно приятнымъ долгомъ съ благодарностью засвидѣтельствовать, что относительною полнотою своего изданія онъ въ значительной степени обязанъ бібліотекарю русскаго отдѣленія Императорской Публичной бібліотеки В. П. Ламбину.

„Московскія Вѣдомости“, „Московскія Церковныя Вѣдомости“, „Наблюдатель“, „Неврологическій Вѣстникъ“ (Казань), „Недѣля“, „Новое Время“, „Новороссійскій Телеграфъ“ (Одесса), „Новости“, „Новь“, „Образованіе“, „Одесскій Листокъ“, „Пантеонъ Литературы“, „Педагогическій Листокъ“ (приложеніе къ „Дѣтскому Чтенію“), „Педагогическій Сборникъ“, „Петербургская Жизнь“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Правительственный Вѣстникъ“, „Православный Собесѣдникъ“ (Казань), „Ребусъ“, „Руководство для сельскихъ пастьрей“ (Кіевъ), „Русская Жизнь“, „Русская Мысль“, „Русская Школа“, „Русскій Вѣстникъ“, „Русскій Начальный Учитель“, „Русскія Вѣдомости“, „Русское Богатство“, „Русское Обзорѣніе“, „Саратовскій Дневникъ“, „Сборникъ Нивы“, „Странникъ“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Сынъ Отечества“, „Трудъ“, „Труды Кіевской духовной академіи“, „Университетскія Извѣстія“ (Кіевъ), „Ученыя Записки Юрьевского университета“, „Филологическія Записки“ (Воронежъ), „Филологическое Обзорѣніе“, „Христіанское Чтеніе“, „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“, „Школьное Обзорѣніе“, „Южный Край“ (Харьковъ).

І. АЛФАВИТНЫЙ ОБЗОРЪ.

При ссылкахъ на журналы за 1893 г., идѣть нѣтъ особыхъ указаній, первая цифра означаетъ мѣсяць, слѣдующая—страницу.

1. **А**брамовъ, Я. В. Песталоцци, его жизнь и педагогическая дѣятельность. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Песталоцци, гравированнымъ Геданомъ. Спб. Тип. Штейна. 86 стр. 8,100 экз. 25 коп. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова).

Очеркъ составленъ только на основаніи тѣхъ скудныхъ данныхъ, которыя имѣются на русскомъ яз. Несмотря однако на это, авторъ произноситъ весьма рѣшительный приговоръ надъ великимъ педагогомъ-народникомъ: заслуги Песталоцци, какъ учителя-практика и какъ теоретика педагогики, весьма не велики. Авторъ высоко ставитъ Песталоцци, только какъ поборника идеи народнаго образованія и какъ борца противъ господствовавшей до него школьной рутины. Изложенію педагогическихъ воззрѣній швейцарскаго педагога отведено очень мало мѣста.

На противорѣчія указываетъ отзывъ „Рус. Мысли“ 3, 122с. Не сочувствуетъ полемическимъ приемамъ автора Б. П., «Пед. Сбор.» 7, 79с. Много промаховъ указываетъ учитель рижскаго городского училища К. Воскресенскій, „Рус. нач. учит.“ 11, 167—172.

Абрикосовъ, Н. А. См. Рибо.

2. (Августинъ). Ученіе блаженнаго Августина о богодухновенности. Священнаго Писанія. Статья Z. „Чтенія въ общ. люб. дух. просв.“ 7—8, отд. I, стр. 68—91.

На основаніи подлинныхъ сочиненій Августина.

Августинъ. См. Волковъ, Звѣревъ, Е. Трубецкой.

3. Аверкіевъ, Д. В. О драмѣ. Критическое разсужденіе. Съ приложеніемъ статьи „Три письма о Пушкинѣ“. Изданіе тщательно пересмотрѣнное и значительно дополненное. Спб. Тип. Пантелеевыхъ. XIII+336+46+IV+6 стр. 1.000 экз. 1 руб. 50 коп.

Книга составилаь изъ статей, помѣщавшихся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Рус. Вѣст.“ Каткова, но въ этомъ изданіи онѣ подверглись основательной переработкѣ. Въ основу положена старая теорія драмы Аристотеля и Лессинга, но по этой канвѣ нарисованы чрезвычайно оригинальные узоры. Въ книгѣ много отдѣльныхъ остроумныхъ замѣчаній и наблюденій.

Небольшія сочувственныя замѣтки въ „Нов. Вр.“ № 6,039 (19-го декабря 1892 г.), „Прав. Вѣс.“ № 171 и въ „Рус. Вѣс.“ 1, 331сс. Довольно сочувственный отзывъ „Сѣв. Вѣс.“ 4, 44—48. Какъ выдающееся литературное явленіе подробно разбираетъ книгу Д. К(о р о в я к о) в ъ: Письма объ искусствѣ. Книга Д. В. Аверкіева „О драмѣ“. „Рус. Вѣс.“ 3, 319—337; 5, 353—376 (по поводу этой статьи В. Ч у й к о: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лис.“ № 132). Сочувственно отзывається также С. У(м а н е) ц ъ въ „Истор. Вѣс.“ 3, 904с; Д. К. въ „Нов.“ № 295, и „Сбор. Нивы“ 1, 238.

А. Флеровъ („Рус. Школа“ 4, 176—182) видитъ въ книгѣ г. Аверкіева отрадное явленіе и особенно останавливается на вопросѣ, въ какой степени она можетъ оказаться полезной при преподаваніи словесности.

Трудъ г. Аверкіева, на основаніи рецензіи Арсенія И. Введенскаго, удостоенъ академіей наукъ половинной пушкинской преміи. Отчетъ о присужденіи см. „Нов. Вр.“ № 6,338 (20 октября), „Сынъ От.“ № 287, „Рус. Жизнь“ № 280, „Новости“ № 289 и другія газеты, а также „Девятое приращеніе пушкинскихъ премій“ (Спб.), стр. 6—9.

4. А. В. П. Вопросъ о воспитаніи во Франціи. „Рус. Мысль“ 1, 64—85.

Разсматриваются задачи и средства воспитанія, при чемъ дѣлаются ссылки на разные авторитеты, между прочимъ, и философскіе. Почему рѣчь идетъ о Франціи, а не о Россіи или какой-нибудь другой странѣ,—для читателя остается не вполне яснымъ. Не потому ли, что больше всего цитируются французскіе авторы?

5. Аврелинъ, М. Секретъ творчества. Замѣтка. „Вопросы филос.“ кн. 17, отд. I, стр. 113—129.

Паденіе талантовъ и творчества въ наше время объясняется всецѣло царящимъ въ наши дни матеріалистическимъ міросозерцаніемъ. Сильный духъ воспитывается только въ суровой школѣ жизни, въ непрерывной борьбѣ съ немощью тѣлесною и похотями плотскими. Въ этомъ заключается весь секретъ творчества.

Статья автора, скрывшагося подъ псевдонимомъ Аврелина, вызвала почти всеобщее недоумѣніе. Противъ ожиданія, она не понравилась даже Ю. Николаеву: Литературныя замѣтки. Наивная статья. „Моск. Вѣд.“ № 95. Такъ же не сочувственно относится къ этой статьѣ Петербуржецъ: Маленькая хроника. „Нов. Вр.“ № 6,157 (21-го апрѣля). См. также П. Скриба: Современные литературные мотивы. (Гигіена творчества). „Рус. Жизнь“ № 86. По мнѣнію автора, г. Аврелинъ съ чужихъ словъ повторяетъ о вредѣ буржуйныхъ идеаловъ и трактирной цивилизаціи. Но какъ только онъ начинаетъ говорить отъ себя, онъ впадаетъ въ заблужденіе.

Крайне поверхностной и бездоказательной считаетъ статью г. Аврелина обозрѣватель „Наблюдателя“: Наша журналистика, 6, 310—314. Несочувственно относится къ г. Аврелину и Л. Тихомировъ: Лѣтопись печати. Упадокъ творчества. „Рус. Об.“ 5, 364—375. Отсутствие логики, нелѣпость выводовъ находитъ у г. Аврелина В. Чуйко: Журнальное обозрѣніе. „Од. Лист.“ № 82.

Сочувствуетъ г. Аврелину одинъ только А. Эртель: Секретъ творчества. „Кіев. Слово“ № 1886 (16-го апрѣля).

6. Агафоновъ, В. Наблюденіе природы. „Мірѣ Бож.“ 5, 110—139.

Совѣтамъ чисто практическаго свойства о томъ, какъ наблюдать природу, предшествуетъ разборъ наблюденія, какъ метода для изученія природы.

А дозіо. См. Э.

7. Аксаковъ, А. Н. Анимизмъ и спиритизмъ. Критическое изслѣдованіе медиумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами „нервной силы“, „галлюцинаціи“ и „бессознательнаго“. Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману. Съ 8 фототипіями. Спб. Тип. Демакова. Ч. I. (VIII+XXVIII+съ 1 до 326 стр.) Ч. II. (Съ 327 до 784 стр.). 3 руб.

Этотъ обширный трудъ еще въ 1890 г. вышелъ понѣмецки и затѣмъ по кусочкамъ печатался въ „Ребусѣ“ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (до № 11 за 1893 г.). Задача автора—показать, что есть такія явленія, которыя ни въ какомъ случаѣ не поддаются объясненію посредствомъ гипотезъ Гартмана, даже если допустить, что эти гипотезы вѣрны. Отсюда томительно-длинный обзоръ медиумическихъ явленій, распределенныхъ въ нѣсколько группъ. Но если Гартманъ относится къ этимъ явленіямъ отрицательно,—что весьма вѣроятно,—то не стрѣляетъ ли авторъ по воробьямъ? Гипотеза духовъ (спиритизмъ) несостоятельна при объясненіи медиумическихъ явленій, но всѣ эти явленія, по мнѣнію г. Аксакова, могутъ быть произведеніемъ бессознательной дѣятельности живого человѣка, которая не ограничивается периферіей нашего тѣла, но выражается и внѣ предѣловъ его (телепатія, телефанія, телекинетія, телесоматія). Это—гипотеза анимизма.

8. Аксаковъ, А. Н. Сеансы италянскихъ ученыхъ. „Реб.“ № 1, стр. 1 с. Спиритическіе сеансы съ Евзапией Паладино.

Аксаковъ, А. Н. См. Спиритизмъ, Эльпе.

9. Алелековъ. Изъ области психіатріи. „Рус. Мысль“ 8, 102—128.

Психіатрія идегъ навстрѣчу требованіямъ общества, и въ то же время замѣтно стремленіе создать свою, русскую психіатрію. Довольно подробно разсматривается книга проф. Корсакова, а также брошюры д-ровъ Боткина и Сикорскаго.

Алелековъ. См. Анфимовъ, Бехтеревъ, Корсаковъ, Сикорскій, Токарскій.

Альбертъ Великій. См. Любимовъ.

10. Амвросій, архіепископъ харьковскій. Слово въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича. О правѣ собственности по ученію христіанскому. Издано иждивеніемъ П. С. Федотова. Москва. Тип. Вильде. 32 стр. 7,600 экз. Также „Вѣр. и Раз.“ № 16, отд. церк., стр. 189—207; „Моск. Вѣд.“ № 238 и „Юж. Край“ № 4,348 (30-го августа).

11. Амвросій, архіепископъ харьковскій. Слово по освященіи храма въ харьковской третьей мужской гимназіи. Объ участіи мірянъ въ дѣлѣ церковнаго учительства. „Вѣр. и Раз.“, отд. церк. № 7, 333—352. „Юж. Край“ № 4,211 (8-го апрѣля).

Противъ „либеральныхъ“ учителей вѣры изъ свѣтской среды. Проповѣдь

ихъ вредна для чистоты вѣры и для нравственной жизни православныхъ христіанъ. Очевидно, слову „либеральный“ придается здѣсь не совсѣмъ обычный смыслъ. Читателю не трудно догадаться, кого изъ нашихъ писателей имѣеть въ виду ораторъ.

12. (Анго де Ротуръ). Angot des Rotours, J. La Morale du coeur, étude d'âmes modernes. Paris.

Два отзыва въ „Мір. Бож.“ 2, 215 изъ Rev. Bleue и 9, 203 изъ Polybibl.

А н р и. См. Орловъ.

13. А н ф и м о в ъ. Сознаніе и личность при душевныхъ болѣзняхъ. Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи въ пятую годовщину императорскаго томскаго университета, 22 октября 1893 г. Томскъ. 74 стр.

Отчетъ объ этой книгѣ см. въ „Ежегодникъ“ за 1894 г.

Очень сочувственный отзывъ даетъ Алелековъ въ «Мед. Об.» № 23, 1084—1087.

14. А п п е л ь р о т ъ, В. Къ Аристотелю. (Роёт. IX, р. 1451, 1452 и XIII, 1453). „Фил. Обзор.“ т. III, кн. 2, стр. 162сс.; т. IV, кн. 1, стр. 42, 62сс.

Филологическія замѣтки.

15. А р и с т о т е л ь. Метафизика. Переводъ съ примѣчаніями П. Д. Перова и В. В. Розанова. „Жур. мин. нар. проsv.“, отд. классич. филол., 1890, 2, 82—112; 3, 113—152; 1891, 1, 16—44; 1893, 7, 47—48; 8, 49—80; 9, 81.

Переводъ не всегда свидѣтельствуетъ о вѣрномъ пониманіи текста Аристотеля. Въ обширныхъ примѣчаніяхъ, принадлежащихъ г. Розанову, взгляды Аристотеля сближаются съ воззрѣніями другихъ философовъ. Переведены пока только четыре первыя книги.

16. А р и с т о т е л ь. Объ искусствѣ поэзіи. Греческій текстъ съ переводомъ и объясненіями Вл. Аппельрота. М. Тип. Лиснеръ и Романъ: IV+97 стр. 1,200 экз. 50 коп.

Тщательно сдѣланное изданіе съ хорошимъ переводомъ и довольно обстоятельными примѣчаніями.

Недочеты новаго перевода указываетъ А. Д е р е в и ц к і й въ „Филол. Об.“ т. V, стр. 26—31.

17. А р и с т о т е л ь. Политика. Переводъ съ греческаго языка съ примѣчаніями Н. Скворцова. Изд. 2-е. Москва. Тип. университетская. XVI+333 стр. 600 экз. 2 руб.

Въ новомъ изданіи опущена вступительная статья г. Скворцова, составляющая его студенческую работу и касающаяся ученія Аристотеля о государствѣ, нѣсколько сокращены примѣчанія и ссылки на изслѣдованія о „Политикѣ“, и въ разныхъ мѣстахъ исправленъ самый переводъ. Въ предисловіи къ новому изданію г. Скворцовъ говоритъ, что переводъ „Политики“ былъ принятъ имъ по мысли покойнаго Каткова.

18. А р и с т о т е л ь. Риторика. Переводъ Н. Н. Платоновой. „Журн. мин. нар. проsv.“, отд. классич. филол., 1892, 5, 61—96; 6, 97—136; 1893, 1, 10—48; 2, 49—82.

Примѣчаній очень немного. Переводъ еще не оконченъ.

Аристотель. См. Аверкіевъ, Аппельротъ, Бузескуль, Виноградовъ, Ивановскій, Покровскій, Чернышевскій.

19. Арнольдъ, Эдвинъ. Свѣтъ Азіи. Поэма. Переводъ А. Анненской подъ редакціей В. Лесевича, съ его предисловіемъ и введеніемъ, редактированнымъ имъ же. Изданіе 2-е, иллюстрированное. Спб. Тип. Тиханова. VIII + 344 стр. 1500 экз. 2 р.

Быстрый сбытъ перваго изданія этой интересной книги свидѣтельствуесть о существованіи несомнѣннаго интереса къ буддизму среди русскихъ читателей. Въ новомъ изданіи дано нѣсколько иллюстрацій, и пополнены примѣчанія редактора. Поэмѣ предшествуютъ двѣ главы изъ сочиненія *Les civilisations de l'Inde, par Gustave Le Bon. Par. 1887.* Въ приложеніи перепечатаны статьи Арнольда: Буддизмъ на Цейлонѣ („Рус. Мысль“ 1887, 8) и В. В. Лесевича: Буддизмъ по эдиктамъ царя Асоки Великаго („Вопр. филос. и псих.“ кн. 1).

Сочувственный отзывъ „Рус. Бог.“ 5, 48с. и „Сбор. Нивы“ 11, 716.

20. (A p p e a). Arréat, L. *Psychologie du peintre.* Paris 1892.

Сочувственно отзывается А. Деревницкій, „Рус. Об.“ 5, 390—398.—Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 2, 215с. изъ *Rev. philos.*

Арсеньевъ, I. См. Келлогъ.

21. Арсенъевъ, К. К. Ипполитъ Тэнъ. „Вѣс. Евр.“ 4, 788—804.

Истинно великимъ Тэнъ является въ области литературной и художественной критики. Въ философскихъ взглядахъ онъ—продолжатель традицій XVIII вѣка.

Слишкомъ поверхностной эту статью находитъ А. Огневъ: Столичная печать. „Колосъ“ 4, 193с.

22. Архивъ психіатріи, нейрологии и судебной психопатологіи, издаваемый подъ редакціей П. И. Ковалевскаго. Харьковъ.

О томахъ XIX и XX сочувственный отчетъ въ „Рус. Мысли“ 1, 25сс.

23. Арцыбашевъ, В. Гипнозъ подъ влияніемъ гашиша. „Ребусъ“ № 5, 59с.

Описаніе собственныхъ наблюденій автора.

24. Астафьевъ, П. Е. Вѣра и знаніе въ единствѣ міровоззрѣнія. (Опытъ началъ критической монадологіи). М. Тип. университет. VI + 206 стр. 600 экз. 1 руб. 50 коп.

Книга составилась изъ статей, помѣщенныхъ въ „Моск. Листкѣ“ (1891 г., №№ 311, 313, 315, 318), „Вопр. фил.“ (кн. 13 и 14) и „Рус. Об.“ (1892, 11 и 12). Если въ предшествующихъ работахъ автора, по собственному его сознанию, содержатся только намеки на цѣльное міровоззрѣніе, то здѣсь уже болѣе опредѣленно и отчетливо высказана мысль, объединяющая и уясняющая эти намеки. По убѣжденію автора, сознаніе, какъ вѣдомая себѣ дѣятельность, есть и первое самоочевидное начало всего знанія, и единственное истинно-сущее начало реального бытія. Такимъ образомъ авторъ пытается создать „монадологію на почвѣ критическаго изученія внутренняго опыта“. Много попутныхъ замѣчаній о представителяхъ русской философіи (Н. Н. Страховъ, Вл. Соловьевъ, особенно по поводу его ненапечатаннаго реферата

„О причинахъ упадка средневѣкового міровоззрѣнія“, Л. М. Лопатинъ, Александръ Ив. Введенскій, А. А. Козловъ, кн. С. Н. Трубецкой, Н. Я. Гротъ и др.).

25. Астафьевъ, П. Е. Генезисъ нравственнаго идеала декадента. „Вопросы филос.“ отд. II, кн. 16, стр. 56—75.

Только поучительность нравственныхъ взглядовъ Ницше отчасти искупаетъ тяжесть и неблагодарность труда—разбирать такое колоссальное и часто возмутительное заблужденіе, такую болѣзнь духа, какими представляются этическія воззрѣнія Ницше.

См. Скриба, Тихомировъ.

26. Астафьевъ, П. Е. (1846—1893). Некрологъ Д. Я. „Моск. Вѣд.“ № 97 (это самый обстоятельный изъ всѣхъ появившихся некрологовъ; онъ перепечатанъ у Алексѣя И. Введенскаго и Н. Я. Грота); краткіе некрологи—„Рус. Жизнь“ № 92, „Рус. Вѣд.“ № 97, „Сынъ От.“ № 95, „Нов. Вр.“ № 6, 145 (9-го апрѣля), „Ист. Вѣс.“ 6, 879с. О панихидахъ—„Моск. Вѣд.“ № 99. Памяти П. Е. Астафьева, тамъ же, № 100 (тѣло покойнаго въ Москвѣ). Очень тепло написанный некрологъ принадлежитъ Д. А. Линеву. „Свѣтъ“ № 78. Выдержки изъ него помѣщены въ „Моск. Вѣд.“ № 98 (дневникъ печати). Небольшая замѣтка о пребываніи тѣла въ Москвѣ—„Рус. Вѣд.“ № 99. Подробности о смерти—„Моск. Вѣд.“ № 101.

См. также Алексѣй Введенскій, Н. Гротъ, А. Козловъ, Л. Тихомировъ.

27. Астафьевъ, П. Е. Урокъ эстетики. (Памяти А. А. Фета). „Рус. Об.“ 2, 593—619. Отдѣльно М. Тип. универ. 31 стр. 105 экз. 30 к.

Статья содержитъ изложеніе основныхъ эстетическихъ взглядовъ автора и примѣненіе ихъ къ поэзии Фета. Созерцать красоту и безкорыстно радоваться ей—вотъ въ чемъ высшее счастье, примиряющее со всякимъ страданіемъ, со всякой утратой, и пѣтъ объ этой красотѣ—единственное священное призваніе поэта.

По мнѣнію В. Г. (Фантазія и жизнь. „Книж. Нед.“ 3, 219сс.), это совершенное упраздненіе художественной критики.

Астафьевъ, П. Е. См. Александръ Введенскій, С. Г. Розановъ, Струнниковъ; Якубовскій.

28. Астрономовъ, Е. Дюрингъ о воспитаніи. „Вѣс. Восп.“ № 7, стр. 1—17.

На основаніи только что вышедшаго порусски сочиненія „Цѣнность жизни“. Современный упадокъ школьной и университетской жизни Дюрингъ объясняетъ вліяніемъ средневѣкового романтизма.

29. Астрономовъ, Е. Дюрингъ о самообразованіи. „Вѣс. Восп.“ № 8, стр. 1—6.

Самообразованіе, по мнѣнію Дюринга, даетъ единственный исходъ изъ ненормальнаго положенія современной школы.

30. Атласовъ, И., д-ръ. Физиологія, какъ предметъ нравственно образовательный въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. „Пед. Сбор.“ 4, 388—410.

Однимъ изъ лучшихъ проводниковъ нравственныхъ началъ въ школѣ являются научныя познанія, а такъ какъ физиологія имѣетъ непосредственное отношеніе ко многимъ вопросамъ жизни, то она удобнѣ всего можетъ слу-

жить для проведенія въ сознание учащихся многихъ нравственно-практическихъ понятій. Аргументація автора далеко не всегда убѣдительна.

Статью реферируетъ Ф. В., „Образ.“ 7—8, 25—28.

31. А—тъ. Въ поискахъ за истиной. Почему-жъ бы не такъ? „Нов. Вр.“ № 6316 (28-го сентября).

Статья замѣчательна тѣмъ, что авторъ ея съ необычайною развязностью увѣряетъ, будто Кантъ († 1804) въ 1814 г. рапортомъ униженно просилъ императора Александра I о мѣстѣ профессора въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Самые же поиски за истиной къ философіи не имѣютъ никакого отношенія.

А вѣинагоръ. См. Мироносицкій.

Бабинскій. См. Данилло.

32. Базинеръ, О. Отрывокъ изъ пятой книги Лукреція. De rerum natura, V, 780—1455. „Вѣс. Евр.“ 2, 511—530.

Стихотворный переводъ, имѣющий тѣмъ болѣе цѣнности, что старый переводъ г. Клеванова никуда не годенъ.

Балинскій, И. М. См. Душевно-больные.

33. Бао, А. К. († 27 окт. 1893 г.). Некрологъ Т—съ. „Нов.“ № 297; „Сынъ От.“ № 296.

Барадюкъ. См. Жизненный токъ.

34. Басистовъ, А. Philosophische Monatshefte. В. XXIX, Heft 1—6. „Вопр. фил. и псих.“, кн. 20, отд. II, стр. 129—134.

Обзоръ статей Лассвица, Штаудингера, Гартмана, Каруса.

Башкирцева. См. Оболенскій.

35. Безобразова, М. Замѣтка о Діоптрѣ. „Журн. мин. нар. пр.“ 11, 27—47.

Кропотливый обзоръ рукописей Діоптры, ея состава и текста. Замѣтка оканчивается изложеніемъ содержанія памятника.

36. Безобразова, М. Философскіе этюды. М. 1892. Тип. Иноземцева. 119 стр. 80 коп.

Запоздалый отзывъ довольно двусмысленнаго характера въ „Сар. Дневн.“ № 24.

Беккарія. См. Левенсонъ.

Беконъ, Рож. См. Любимовъ.

Беконъ. См. Гротъ, Ивановскій.

37. Беллами, Эдуардъ. Черезъ сто лѣтъ (Looking backward). Соціологическій романъ. Перевелъ съ англійскаго Э. Зининъ. Изд. 3-е Ф. Павленкова. Съ прибавленіемъ научно-предсказательнаго очерка Ш. Рише: «Куда мы идемъ!» (Dans cent ans). Въ переводѣ М. А. Энгельгардта. Спб. Тип. Э. Эрлиха. II—320 стр. 5,100 экз. 1 р.

Очеркъ Рише (стр. 233—320) отличается не столько основательностью, сколько остроуміемъ. Кто знаетъ, говоритъ авторъ, не удастся ли, при болѣе

глубокомъ ознакомленіи съ планетами и свѣтлами, вступить въ сношенія съ существами иныхъ міровъ. Кто знаетъ, не удастся ли, измѣняя тѣло и душу человѣка путемъ благоразумнаго и въ то же время смѣлаго подбора, создать существо высшее, чѣмъ мы, современные люди. Кто знаетъ, не откроемъ ли мы въ себѣ новыхъ способностей и не вступимъ ли мы въ сношенія съ новыми мірами, смѣшанными съ тѣмъ міромъ, который мы знаемъ? *Laboremus*, — заканчиваетъ Рише, давая лозунгъ послѣдующей эпохѣ.

38. Беллами, Э. Чудный сонъ. Переводъ Р. О. и Б. Ф. Изд. книжн. магазина Н. Башмакова. Казань. Тип. университетская. 147 стр. 1,200 экз. 40 коп.

Беллетристическія варіаціи на тему о происхожденіи и составныхъ элементахъ сна. Молодой человѣкъ подъ вліяніемъ морфія, книги объ электричествѣ и разговора о мозгѣ видитъ во снѣ то, о чемъ онъ мечталъ наяву.

Бельтрами. См. Гауссъ.

39. (Бенаръ). Bénard, Ch. Platon, sa philosophie. Paris 1892.

Замѣтка въ „Мірѣ Божьемъ“ 3, 240 изъ *Rev. de l'enseign. sec.* Несочувственно отзывается А. Гиляровъ въ „Вопр. фил. и псих.“ кн. 20, отд. II, стр. 114.

Бенедиктъ, проф. См. Крафтъ-Эбингъ.

Бентамъ. См. Левенсонъ.

Бенъ. См. Мокиевскій.

Бергъ, Ф. См. Вс. Соловьевъ.

40. (Бердсли). Мучительна ли смерть. Краткое изложеніе. „День“ № 1,725 (6-го апрѣля).

Бердсли пришелъ къ выводу, что находящійся въ агоніи видитъ галлюцинаціи, но не испытываетъ боли.

Беркли. См. Гротъ.

41. (Бернаръ - Лавернь). Bernard-Lavergne. L'évolution sociale, Par. Отзывъ Л. Слонимскаго). „Вѣс. Евр.“ 4, 857сс.

42. (Бернетъ). Burnet, John. Early greek Philosophy. London and Edinburgh. 1892.

Сочувственно отзывается А. Гиляровъ, „Вопр. филос. и псих.“ кн. 20, отд. II, стр. 111—114.

43. (Бертранъ). Bertrand, A. Lexique de philosophie.

Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 2, 216 изъ *Rev. philos.*

44. Бершадскій, С. А. Очеркъ исторіи философіи права. Вып. 1. Спб. 1892. Тип. Стасюлевича. VII+266 стр. 800 экз. 2 р.

Ближайшимъ образчикомъ для автора послужилъ старый трудъ Штала *Geschichte der Rechts-Philosophie*. Въ этомъ выпускѣ авторъ начинаетъ съ философіи права у древнихъ грековъ и кончаетъ Монтескье.

Э. Радловъ въ «Жур. мин. нар. прос.» 1, 239—246 отмѣчаетъ слабыя стороны труда, отдавая справедливость его достоинствамъ.

45. Бехтеревъ, В. М. Къ вопросу о врачебномъ значеніи гипноза. Міэлитъ отъ сдвленія; приступы сомнамбулизма; благоприятное лѣченіе того и другого гипнотическими внушеніями (съ демонстраціей больной). Казань. Тип. университетская. 20 стр. 150 экз. 40 коп. — Первоначально въ „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. I, стр. 27—44.

Интересный случай изъ врачебной практики гипноза.

Сочувственно излагаетъ П. И. К о в а л е в с к і й въ „Арх. психіатр.“ т. XXI, № 3, 132с.

46. Бехтеревъ, В. М. О современномъ развитіи неврологическихъ знаній и о значеніи въ этомъ развитіи научныхъ обществъ. (Рѣчь, сказанная при открытіи Общества невропатологовъ и психіатровъ при казанскомъ университетѣ). „Неврол. Вѣст.“ т. I, вып. I, стр. 1—14.

Упоминается и про Московское Психологическое Общество.

47. Бехтеревъ, В., проф. Проводящіе пути мозга. Казань. Тип. универ. 192 стр. и таблица рисунковъ. 800 экз. 1 руб. 75 коп.

Одно изъ лучшихъ изслѣдованій въ области проводящихъ путей мозга. Въ первоначальномъ своемъ видѣ помѣщено въ „Основаніяхъ микроскопической анатоміи человѣка и животныхъ“, изд. подъ ред. М. Лавдовскаго и Ф. Овсянникова въ 1877—78 гг.

Сочувственные отзывы Э (л ь п е), „Нов. Вр.“ № 6, 165 (29-го апрѣля); Б. И. В о р о т ы н с к а г о , „Невр. Вѣст.“ т. I, вып. I, стр. 236; А л е л е к о в а , „Мед. Об.“ № 21, 85бс.; „Вѣст. клин. и суд. псих.“ годъ X, вып. I, стр. 335с. считаетъ книгу проф. Бехтерева крупнымъ событіемъ въ наукѣ.

Нѣмецкій переводъ Вейнберга вышелъ въ Лейпцигѣ въ 1893 г.

48. Б и н е, А. Измѣненія личности. Переводъ съ французскаго подъ редакціей д-ра Б. В. Томашевскаго. Въ приложеніи къ „Рус. Бог.“ 1—9, стр. 1—242. Также отдѣльно. Спб. Тип. Б. Вольфа.

Заключительныя слова въ высшей степени интереснаго труда Бине содержатъ и самый важный выводъ изъ его изслѣдованія: у одного и того же индивидуума можетъ существовать множественность памятей, множественность сознаний, множественность личностей, и всякая изъ нихъ знаетъ только то, что происходитъ въ ея предѣлахъ. Внѣ нашего сознанія могутъ появляться у насъ сознательныя мысли, которыхъ мы не знаемъ. Природу, значеніе и размѣры этихъ сознаний мы считаемъ невозможнымъ опредѣлить въ данный моментъ. Очень возможно, что сознаніе составляетъ привилегію нѣкоторыхъ изъ нашихъ психическихъ актовъ; возможно, что оно существуетъ повсюду въ нашемъ организмѣ и даже сопутствуетъ всѣмъ проявленіямъ жизни.—Переводъ сдѣланъ вполне удовлетворительно.

49. (Б и н е, А.). Изслѣдованіе характера дѣтей. „Міръ Бож.“ 7, 226с.

По поводу программы вопросовъ, составленной Бине по дѣтской психологіи.

50. (Б и н е, А.). Наблюденія Альфреда Бине надъ счетчикомъ Жакомъ Иноди. Рефератъ П. Б. „Пед. Сбор.“ 4, 472—474.

Самая статья находится въ Rev. philos., январь.

51. (Бине). Психологія престижиджитации. „Нов. Вр.“ прилож. къ № 6,355 (6-го ноября).

По статьѣ Бине.

52. (Бине, А.) Сообщение о наблюденіяхъ надъ шахматной игрой по памяти. „Нов. Вр.“ № 6,102 (23-го февраля).

Коротенькая замѣтка.

✓ 53. Бине, А. Экспериментальная психологія на лондонскомъ конгрессѣ. „Реб.“ № 41, стр. 389с.; № 42, стр. 397с.; № 43, стр. 409с.; № 44, стр. 417с.; № 45, стр. 425сс.; № 46, стр. 437с.

Изъ *Revue des deux Mondes* 1-го марта. Экспериментальная психологія выдѣлилась изъ спутанной и неопредѣленной массы научнаго матеріала, извѣстнаго подъ названіемъ философіи, и порвала также связь, до сихъ поръ соединявшую ее съ метафизикой. Психологовъ занимаетъ теперь психологія лабораторная, психологія патологическая и психологія описательная. Различіе между старой и новой психологіей заключается не въ какомъ-нибудь принципѣ, нравственномъ или метафизическомъ, — оно коренится въ наклонности новой психологіи расширять свой кругозоръ и анализировать духовныя явленія на фактахъ объективныхъ, предпочтительно передъ наблюденіями собственнаго духа.

Бине. См. Орловъ.

54. Бичалець, Иванъ. Человѣкъ-лопухъ и человѣкъ-звѣрь. „Кіев. Слово“ № 1873 (3-го апрѣля).

По поводу статьи В. П. Преображенскаго о Ницше. Ницше — это типъ Базарова, стройный, цѣльный, безъ всякихъ компромиссовъ.

Блаватская, Е. П. См. Желиховская, Вс. Соловьевъ.

55. Благовѣщенскій, Д. Основы характера. Рѣчица. Тип. А. Шимановича и Г. Бриля. 54 стр. 1,200 экз. 12 к.

Отчетъ объ этой книгѣ см. въ „Ежегодникѣ“ за 1894 г.

56. (Блекманъ). Музыка, какъ лѣчебное средство. «Міръ Бож.» 11, 200. Небольшая замѣтка по поводу опытовъ Блекмана.

57. Боборыкинъ, П. Д. Красота, жизнь и творчество. „Вопросы филос.“, кн. 16, отд. I, стр. 71—108; кн. 17, стр. 30—62.

Рефератъ въ психологическомъ обществѣ. Поводомъ для статьи является лекція кн. С. Волконскаго „Искусство и нравственность“. Прежде чѣмъ разбирать ее, авторъ отводитъ много мѣста движенію русской художественно-литературной критики за послѣднія 50 лѣтъ, особенно же „антинаучному лже-реалистическому“ направленію Чернышевскаго. Въ заключеніе авторъ даетъ два тезиса, какъ указаніе на то, что добыто наукой въ области эстетики.

Отреченію г. Боборыкина отъ публицистической критики очень не сочувствуетъ М. Протопоповъ: Письма о литературѣ. Письмо шестое. „Рус. Мысль“ 5, 212—231. Мимходомъ г. Протопоповъ касается и статьи кн. Волконскаго. Г. Боборыкинъ возражаетъ въ письмѣ къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей“ № 149.

Защитникомъ тенденціи въ искусствѣ выступилъ В. Гольцевъ: По поводу статьи П. Д. Боборыкина. „Вопр. филос.“ кн. 18, отд. II, стр. 116—

120. Статью г. Боборыкина въ связи со всею его литературною дѣятельностію разсматриваетъ Н. К. Михайловскій: Литература и жизнь. „Рус. Бог.“ 8, 74—103. Удивляется походу г. Боборыкина противъ тенденціи въ искусствѣ г. Буренинъ: Журнальные разговоры. „Нов. Вр.“ № 6, 291 (3-го сентября).

58. (Боборыкинъ, П. Д.). Отчетъ Н. Р.—на о его лекціи о Тэнѣ въ московскомъ обществѣ любителей художествъ. (Корреспонденція изъ Москвы). „Нов.“ № 317.

59. Боборыкинъ, П. Д. Страхъ смерти. (Лекція, прочитанная въ аудиторіи историческаго музея 20-го ноября 1892 года). „Рус. Вѣд.“ № 4 и 12.

Это какъ бы продолженіе лекціи „Цѣна жизни“ (см. Помощь голодающимъ. Научно-литер. сборникъ „Русскихъ Вѣдомостей“ М. 1891). Чтобы преодолѣть страхъ смерти, надо развить въ себѣ что-то такое, что выше нашихъ животныхъ и растительныхъ побужденій.

60. Бобровъ, Е. А. Искусство и нравственность. (Глава изъ эстетики). „Вопр. филос. и псих.“ кн. 20, отд. I, стр. 1—29.

Разсмотрѣвъ психическія условія искусства и нравственности, авторъ приходитъ къ заключенію, что какъ при выборѣ этическомъ челоѣкѣ не руководствуется исключительно законами разсудка, но и хотѣніями и желаніями, сообразно степени своего душевнаго развитія и нравственнаго совершенства, такъ и при выборѣ въ искусствѣ художникъ руководствуется не исключительно эстетическими соображеніями, облеченными въ форму разсудочныхъ законовъ, не принимаетъ въ разсчетъ только требованій внѣшней красоты, но въ своемъ творчествѣ удовлетворяетъ преимущественно тому, что всего болѣе ему по душѣ; а это опредѣляется его прирожденнымъ индивидуальнымъ характеромъ и степенью общаго душевнаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Различая въ искусствѣ замыселъ отъ выполненія, внутренней моментъ отъ внѣшняго, авторъ находитъ сходство искусства съ нравственностью во внутреннемъ моментѣ. По мѣрѣ проникновенія въ общественную среду идеаловъ нравственности, по мѣрѣ того, какъ и художественная фантазія подъ вліяніемъ болѣе нравственной среды становится нравственнѣе, нравственность сама собою проникаетъ и во второй моментъ художественной дѣятельности—въ моментъ выполненія. Основными послылками статьи служатъ взгляды покойнаго Гейхмюлера.

61. Бобылевъ, Д. Гюйгенсъ. „Энциклоп. Словаръ“ Брокгауза и Ефрона, т. IX, стр. 961с.

Богдашевскій, Д. И. См. Линицкій.

62. Боголюбова, А. Воображеніе (по Ф. Кейра). „Пед. Сб.“ 9, 209—228.

Рефератъ въ учебномъ отдѣлѣ общества распр. техн. знаній въ Москвѣ.

Бонгефферъ, Ад. (Bonhöffer). См. Рыжковъ.

63. Бондаренко, И. Н. И. Лобачевскій (1793—1893). (Отд. оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики“). Одесса. Тип. „Центральная“. 8 стр. 100 экз.

Брошюра, не представляющая чего-нибудь выдающагося и ограничивающаяся краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности Лобачевскаго.

64. Борисовскій, П. Безкорыстіе и чистота христіанской нравственно-сти. „Вѣр. и Раз.“, отд. церк., № 23, стр. 695—711; № 24, стр. 767—788.

Христіанское вѣроученіе, правильно понятое, проповѣдию о будущемъ блаженствѣ отнюдь не узаконяетъ корыстныхъ мотивовъ нравственности, и потому эта послѣдняя не теряетъ въ христіанствѣ своей чистоты и идеальнаго характера. Задача автора въ томъ, чтобы раскрыть подлинно-христіанскій взглядъ на соотношеніе между идеею будущаго блаженства и нравственно-стью, и этимъ показать, въ какой степени несправедливы упреки, дѣлаемые христіанству со стороны защитниковъ независимой морали.

65. Борисъ, архимандритъ. Въ чемъ искать счастья въ жизни? Изд. 2-е, книгопродавца Тузова. Спб. Тип. синодальная. 16 стр. 3,000 экз. 10 коп.

Истиннаго счастья нужно искать въ дѣятельности, направленной къ развитію высшихъ духовныхъ интересовъ жизни, и въ области этихъ интересовъ отъ самого человѣка наиболее зависитъ достиженіе цѣлей нравственныхъ, опредѣляемыхъ началами добра и правды.—Брошюра написана вполне доступнымъ языкомъ.

66. Борисъ, архимандритъ. Къ учащимся. О значеніи и пользѣ образованія. Бесѣда. Изд. 2-е, книгопродавца Тузова. Спб. Тип. синодальная. 16 стр. 3,000 экз. 10 коп.

Бесѣда со студентами духовной академіи на основаніи отцевъ церкви.

67. Борисъ, архимандритъ. О невозможности чисто физиологическаго объясненія душевной жизни человѣка. Апологетическое изслѣдованіе. Спб. 1894. Изданіе 2-е, книгопродавца Тузова. Тип. Св. Синода. 32 стр. 3,000 экз.

Краткій историческій очеркъ попытокъ исключительно физиологическаго объясненія психическихъ явленій показываетъ, что эти попытки всегда выходили изъ лагеря матеріалистовъ, всегда носили тенденціозный характеръ и, слѣдовательно, не могутъ имѣть притязанія на научное значеніе. Физиологія, какъ эмпирическая наука, и тенденціозное объясненіе душевныхъ явленій изъ однихъ только физиологическихъ основаній не имѣютъ между собой ничего общаго, потому что физиологія, какъ положительная наука, основываетъ свои выводы лишь на фактахъ, между тѣмъ какъ всѣ попытки физиологовъ свести психическіе феномены на физическія основы вытекаютъ только изъ предвзятаго мнѣнія о томъ, что кромѣ матеріи нѣтъ никакого другого бытія. Болѣе безпристрастные физиологи сознаются, что физиологическій анализъ вовсе недостаточенъ для объясненія психическихъ явленій. Даже низшіе психическіе факты вовсе необъяснимы изъ однихъ только физиологическихъ основаній. Анализъ ощущений необходимо приводитъ къ признанію отличнаго отъ матеріи бытія.—Новое изданіе ничѣмъ не отличается отъ стараго (Харьковъ 1890).

68. Борисъ, архимандритъ. О сравнительной мѣологіи Макса Мюллера. Изложеніе и критика новѣйшей лингвистической теоріи мивовъ. Изд. 2-е, книгопродавца Тузова. Спб. Тип. Св. Синода. 59 стр. 3,000.

За основныя начала, на которыхъ построена Максомъ Мюллеромъ вся его теорія, приняты слишкомъ поспѣшные и преждевременные выводы, получен-

ные посредствомъ немногихъ индукцій, вслѣдствіе чего авторъ не успѣлъ замѣтить отрицательныхъ инстанцій, разрушающихъ его теорію. — Новое изданіе ничѣмъ не отличается отъ стараго.

69. Борисъ, архим. Очерки по исторіи просвѣщенія въ періодъ византійской. Выпускъ первый. Кіевъ. Тип. Корчакъ-Новицкаго. 68 стр. Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ кіев. дух. акад.“ за 1890 и 1891 гг.

Въ настоящемъ выпускѣ содержится обзоръ школьнаго дѣла въ Византіи до IX в., а также разсматривается состояніе византійской литературы до IX в.

70. (Борисъ, архим.) Критическія замѣтки на книгу ректора кіевской духовной семинаріи архимандрита Бориса „Исторія христіанскаго просвѣщенія въ его отношеніяхъ къ древней греко-римской образованности. Періодъ 2-й“. Казань. Тип. университет. 78 стр. 100 экз. Первоначально въ „Учен. зап. каз. унив.“

Рецензентъ довольно сурово относится къ труду архим. Бориса. При компилятивномъ характерѣ его работа изобилуетъ разнаго рода ошибками. Ученость автора не внушаетъ къ себѣ довѣрія читателя.

71. Боткинъ, Я. А., д-ръ. Нравственное помѣшательство въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Изъ лекцій, читанныхъ студентамъ Демидовскаго юридическаго лица и студентамъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ московскаго университета. Казань. Тип. университет. 71 стр. 900 экз. 30 коп.

Терминъ «нравственное помѣшательство» сбиваетъ съ толку даже специалистовъ и заставляетъ приписывать нравственному помѣшательству какъ нѣчто самостоятельное то, что принадлежитъ вообще дегенерации, какъ его основанію. Вообще же съ точки зрѣнія клинической нравственное помѣшательство едва ли имѣетъ право на признаніе за нимъ самостоятельнаго существованія.

См. Алелековъ. Не совѣмъ сочувственный отзывъ Б. И. Воротынскаго въ «Невр. Вѣст.» т. I, вып. 2, стр. 237с., въ «Рус. Мыс.» 9, 428с. и въ «Жур. гражд. и угол. прав.» № 7, 40. Сочувственно отзывается „Сѣв. Вѣс.“ 9, 75.

72. Боткинъ, Я. А., д-ръ. Особенности гражданской психіатрической экспертизы и значеніе свѣтлыхъ промежутковъ. Изданіе Дубровина. Казань. Тип. универс. 49 стр. 30 коп.

Брошюра касается спеціального вопроса судебно-медицинской практики и стремится расширить границы правоспособности и вмѣняемости. Изложеніе отличается нѣкоторою неряшливостью.

Сочувственно отзывается „Сѣв. Вѣс.“ 9, 75с. Несочувственный отзывъ въ „Жур. гражд. и угол. права“ № 7, 40. См. также Алелековъ.

73. Боткинъ, Я. А., д-ръ. Преступный аффектъ, какъ условіе невмѣняемости. (Анализъ преступленій Отелло и Позднышева). Вступительная лекція въ курсъ судебной психопатологіи. Изд. А. Карцева. М. Тип. Бончъ-Бруевича. 21 стр. 2,400 экз. 30 коп.

Преступный аффектъ составляетъ такое сильное психическое чувство, которое, прерывая обычное теченіе представленій, превращаетъ его въ произвольное теченіе однородныхъ представленій съ характеромъ насильственности,

гармонирующимъ съ господствующимъ чувствомъ, вслѣдствіе чего уничтожается какъ свобода выбора, такъ и всякая произвольная умственная дѣятельность.

Сочувственный отзывъ въ „Рус. Мысли“ 9, 428.

Бразье. См. Ивановскій.

74. Брандесъ, Георгъ. Ипполитъ Тэнъ. „Рус. Мысль“ 5, 73—78.

Переводъ изъ датской газеты Politiken. О философскихъ взглядахъ Тэна нѣтъ почти ничего.

75. Брандтъ, А. Направленія въ измѣнчивости вида. „Вѣс. Евр.“ 9, 213—242.

Интересная популярная бесѣда, читанная въ Харьковѣ, въ частномъ университетскомъ кружкѣ.

На статьѣ останавливаютъ вниманіе „Книжки Нед.“ 10, 213—218 (Изъ русскихъ изданій: Будущее человѣчества и кончина міра). Надъ статьей г. Брандта иронизируетъ Л. Тихомировъ: Пѣтухонерость, мужеженство и будущность человѣчества. „Рус. Об.“ 10, 941—945 (Изъ газетъ и журналовъ). Не менѣе издѣвается надъ ней и Престарѣлый библиографъ: Горестныя размышленія по поводу зловѣщихъ предсказаній проф. Брандта. „Южн. Край“ № 4,374 (28-го сентября).

76. (Брентано). Споръ по поводу философіи. (Изъ иностранныхъ изданій). „Книжки Нед.“ 8, 264сс.

По поводу полемики между Экснеромъ и Брентано.

77. (Брентано). Das Genie. Leipzig 1892.

Замѣтка въ „Мірѣ Бож.“ 1, 244 изъ D. Rundschau. См. также довольно сочувственный отзывъ П. Соколова въ „Вопр. филос.“ отд. II, кн. 16, стр. 89.

Брентано. См. Святскій.

Броннеръ. См. А. Васильевъ.

Брунъ-Секаръ. См. Фогтъ.

Бруно, Дж. См. Любимовъ.

78. Брюнетьеръ, Фердинандъ. Источники пессимизма. Переводъ І. Юровскаго (Международная бібліотека, № 1). Изд. Г. Бейленсона и І. Юровскаго. Одесса. Тип. Исаковича. 32 стр. 2,000 экз. 15 коп.

Пессимизмъ зависитъ отъ столь глубокихъ и столь тѣсно связанныхъ съ самой организациею человѣка причинъ, что отъ него можно избавиться лишь вмѣстѣ съ существованіемъ. Вліяніе этихъ причинъ должно тяготѣть еще сильнѣе надъ грядущими поколѣніями. Если это болѣзнь, то она лежитъ въ крови человѣка. Оптимистомъ можно быть только при условіи отказа отъ той способности мыслить, которая составляетъ всю гордость и единственное достоинство смертной природы человѣка.

По мнѣнію Д. М., „Южн. Край“ № 4,368 (22 сентября), книга Брюнетьера не что иное, какъ красивый мыльный пузырь. Это неудачный плодъ издательской дѣятельности гг. Бейленсона и Юровскаго. Совершенно другого рода отзывъ въ „Сборникѣ Нивы“ 11, 718.

79. Бугаевъ, Н. В. Основы эволюціонной монадологіи. Изъ журнала „Вопросы философіи и психологіи“. М. Тип. Кушнерева. 19 стр. 300 экз. Первоначально въ „Вопр. филос.“, кн. 17, отд. II, стр. 26—44, подъ заглавіемъ: Основные начала эволюціонной монадологіи.

Рефератъ въ психологическомъ обществѣ. Пренія изложены въ той же книжкѣ „Вопросовъ“, отд. II, стр. 105—109. Вся статья состоитъ изъ 189 положеній, часто не подтверждаемыхъ никакими доводами. Странно также, что изъ этихъ тезисовъ совершенно не видно, какое отношеніе монадологія г. Бугаева имѣетъ къ эволюціи.—См. Соболевъ.

Булда. См. Келлогъ.

80. Бузескулъ, В. Вопросъ о новооткрытой *Ἀθηναίων πολιτεία*. „Жур. мин. нар. проsv.“ 1892, 7, 142—189; 1893, 5, 134—212; 10, 450—488. Отдѣльно. Спб. Тип. Балашева. 166 стр. 50 экз.

Обзоръ громадной литературы, вызванной къ жизни новооткрытымъ памятникомъ.

81. Бузескулъ, В. Новое изданіе трактата Аристотеля объ афинской политіи. (*Ἀριστοτέλους Ἀθηναίων πολιτεία*. Ву J. E. Sandys. London). „Зап.-харк. унив.“ кн. 2, стр. 13—19.

По мнѣнію рецензента, изданіе Сандиса—настоящая книга для всѣхъ занимающихся трактатомъ Аристотеля.

82. Булгаковъ, Ѡ. Изъ иностранной литературы. О гр. Л. Н. Толстомъ. „Нов. Вр.“ № 6,290 (2-го сентября).

По поводу сочиненій: Tolstoi et la philosophie de l'amour Ж. Дюма и Le Tolstoisme Феликса Шредера.

83. Булгаковъ, Ѡ. Изъ общественной и литературной хроники Запада. „Вѣст. иностр. лит.“ 5, 197—216.

По поводу Герике, Макса Штирнера, Ницше.

84. Булгаковъ, Ѡ. Изъ общественной и литературной хроники Запада. „Вѣст. иностр. лит.“ 4, 255—268.

О Тэнѣ и медіумическихъ опытахъ съ Евзапіей Паладино.

85. Булгаковъ, Ѡ. О прогрессѣ. „Нов. Вр.“ № 6,151 (15-го апрѣля).

По поводу сочиненій Гаусгофера („Идея прогресса въ государственной жизни“) и Портерса („Прогрессъ народа“).

86. Булгаковъ, Ѡ. Тщеславіе писателей и Вальтеръ-Скоттъ. „Нов. Вр.“ № 6,402 (23-го декабря).

Въ статьѣ приводятся факты, свидѣтельствующіе также о тщеславіи Шопенгауера.

87. Булгаковъ, Ѡ. Философскій романъ критика. „Нов. Вр.“ № 6,192 (27-го мая).

Рѣчь идетъ о романѣ Жюль Леметра „Les Rois“. Здѣсь, по мнѣнію автора, слышится душа писателя, проникающаго ученіями Ренана и Льва Толстого.

88. Бургеръ, А. И., д-ръ. Мясная пища съ точки зрѣнія вегетаріанца. Спб. 1892. Тип. Муллеръ и Богельманъ. VIII+240 стр. 1 р.

Авторъ съ медицинской и научной точки зрѣнія пытается доказать необходимость и возможность вегетарианства.

Н. Ч.: Вегетарианскія увлеченія. „Юж. Край“ № 4131 (12 января), называютъ взгляды автора нелѣпыми. Сочувственно отзывается „Сбор. Нивы“ 5, 224.

89. (Бурдонъ, Б.) Рефератъ объ его книгѣ: *L'expression des émotions et des tendances dans le langage*. Paris 1892. „Пед. Сбор.“ 3, 347—350.

По мнѣнію референта, трудъ Бурдона представляетъ много любопытнаго для того, кто интересуется обученіемъ дѣтей выразительному чтенію.

90. Буренинъ, В. Разговоры безъ костюмовъ. Выдержки изъ записокъ неизвѣстнаго. III. Разговоръ о смерти философа Гриба и банщика Ермолая. IV. Разговоръ по тому же поводу маистра столоверченія Медіума Спиритовича Транса. V. Продолженіе разговора Транса и Гриба о разныхъ чудесахъ спиритизма. „Нов. Вр.“ № 6,186 и 6,193 (21-го и 28-го мая).

Не лишенная остроумія сатира на спиритовъ и тѣхъ философовъ, которые проповѣдуютъ безсмертіе и въ то же время блѣднѣютъ при одной мысли о смерти.

Буренинъ, В. См. Боборыкинъ, Волинскій, Нордау, Уильямсъ.

Бурже. См. Оболенскій.

Буткевичъ, Т., свящ. См. Муретовъ.

Бутру. См. Алексѣй Введенскій.

Бутсъ. См. Исаевъ.

Бѣрнстерне-Бѣрнсонъ. См. Гнѣдичъ.

Бѣлинскій, В. См. Волинскій.

Бѣлкинъ, А. С. См. Лопатинъ.

91. Бѣляевъ, А. Д. Истинное христіанство и гуманизмъ. (По поводу воззрѣній на христіанство гр. Л. Н. Толстого и Вл. С. Соловьева). Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. Оттискъ. 113 стр. 60 коп. Первоначально въ „Богосл. Вѣст.“ 1892, 6, 439—459; 7, 39—57; 9, 361—380; 10, 1—22; 1893, 3, 397—430.

Ближайшимъ поводомъ къ статьямъ послужилъ рефератъ Вл. С. Соловьева: „О причинахъ упадка средневѣкового міросозерцанія“ (этотъ рефератъ до сихъ поръ остается не опубликованнымъ въ печати), читанный 19 октября 1891 г. въ М. Психологическомъ обществѣ. Отрицательный взглядъ на достоинство церкви, по мнѣнію автора, заимствованъ г. Соловьевымъ отъ Л. Н. Толстого. Сходясь съ гр. Толстымъ въ мнѣніи объ упадкѣ жизни и ученія церкви, о превращеніи христіанства въ лжехристіанство, въ полуязычество, г. Соловьевъ сходится съ нимъ и въ высокомъ мнѣніи о нравственныхъ принципахъ и жизни невѣрующихъ гуманистовъ, а съ другой стороны, въ мнѣніи о недостаткѣ вліянія церкви на общество. Поэтому г. Бѣляевъ, оставляя въ покоѣ Вл. Соловьева, обрушивается на яснополянскаго философа. Его надежды на то, что всѣ люди теперь же примутъ и станутъ исполнять евангельскія заповѣди,—наивность; его совѣты облегчить людямъ усвоеніе евангельскаго нравоученія чрезъ устраненіе евангельскаго вѣроученія или чрезъ признаніе его необязательности свидѣтельствуютъ объ односторонности его религіозно - нравственнаго міросо-

зерцанія, о непониманіи и коренномъ извращеніи ученія Христа; наконецъ, его мечты о скоромъ наступленіи золотого вѣка, помимо своей несбыточности, противорѣчатъ его пессимистическому взгляду на людей, на жизнь и на самохристіанство и церковь, не согласуются съ его міросозерцаніемъ, мрачнымъ и несвободнымъ отъ разочарованія въ жизни.

Ю. Николаевъ. „Богословскій Вѣстникъ“ о рефератѣ г. Вл. Соловьева. „Моск. Вѣд.“ 1892, № 180. Краткій отзывъ въ „Книж. Вѣс.“ 6, 219.

92. Бѣляевъ, А. Д. Отступленіе отъ вѣры въ Бога въ послѣднія времена. „Бог. Вѣст.“ 6, 396—428.

Статья чисто богословскаго содержанія.

93. Бѣляевъ, А. Д. Склоненіе современнаго безбожія къ упадку. „Бог. Вѣст.“ 2, 246—283.

Упадокъ современнаго безбожія коренится въ измѣнчивости и недолговѣчности формъ жизни и направленій мысли, а также въ борьбѣ противоположностей. Изъ частныхъ причинъ недолговѣчности безбожія приводятся: его уродливость и разрушительный характеръ, отсутствіе положительныхъ философскихъ и научныхъ основъ, неискоренимая потребность религіи. Безбожіе овладѣвало духомъ времени и становилось повальной болѣзнію очень рѣдко. Теперь реакція противъ безбожія растетъ все сильнѣе и сильнѣе. Признаками этой реакціи служатъ: усиленіе мрачнаго взгляда на жизнь, охлажденіе къ опытнымъ наукамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающее уваженіе къ умозрѣнію, къ философіи, обмелѣніе философскихъ и научныхъ теченій мысли, бывшихъ источниками безбожія, все возрастающій интересъ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Безбожіе, по мнѣнію автора, можно назвать религіознымъ упомощательствомъ.—Нельзя не сознаться, что это болѣзнь, о которой психіатрія еще ничего не знаетъ. Напрасно также авторъ въ своемъ благочестивомъ рвеніи поторопился похоронить безбожника Спенсера, здравствующаго и по сей день.

Въ восторгѣ отъ статьи Н е и з в ѣ с т н ы й: Изъ всендневной жизни. Религіозная реакція нашихъ дней. „Гражд.“ № 56.

94. Бѣляевъ, Вл. О первичномъ зарожденіи. Рѣчь. „Варш. унив. изв.“ VI, стр. 1—27.

Въ популярной формѣ излагаются гипотезы, существующія въ настоящее время по вопросу о первичномъ зарожденіи. Самъ авторъ, повидимому, не рѣшается склониться на сторону какаго бы то ни было взгляда.

95. Бюхнеръ, Л. Женскій мозгъ. „Нов. Вр.“ приложение къ № 6299 и 6306 (11 и 18-го сентября).

Отличія въ мозгѣ женщинъ зависятъ отчасти отъ тѣхъ условій, въ которыя онѣ поставлены природой, отчасти же отъ социальныхъ условій. Вообще же женщина можетъ достигнуть въ своемъ развитіи не меньшаго совершенства, какъ и мужчина. Статья помѣщена въ New Review. Съ этой же статьёй знакомитъ замѣтка: Бюхнеръ о женскомъ вопросѣ. „Книж. Нед.“ 9, 256—258. См. также В. Швецовъ.

96. (Бюэ). Новая физиогномика. „Нов. Вр.“ прилож. къ № 6355 (6-го ноября).

Курьезныя наблюденія Бюэ надъ манерой носить шляпу.

97. Вагнеръ, Вл. Вопросы зоопсихологіи. „Сѣв. Вѣст.“ 2, 40—61.

Никакъ нельзя судить о психической жизни животныхъ по аналогіи съ человѣкомъ. Чисто субъективный методъ ведетъ къ ошибкамъ, и имъ объясняются многіе промахи изслѣдователей, занимавшихся психической жизнью животныхъ. Статья отличается трезвостью и самостоятельностью взглядовъ.

По мнѣнію Н. Ч.: Объ интеллектъ животныхъ. „Южн. Край“ № 4168 (20-го февраля), это—умная и съ знаніемъ дѣла написанная статья.

98. Вагнеръ, В. Методы естествознанія въ наукѣ и школѣ. М. Тип. универс. 50 стр. 60 экз.

Исторія методовъ естествознанія показываетъ, что первымъ орудіемъ мысли является аналогія въ ея простѣйшемъ элементарномъ видѣ; затѣмъ выступаетъ индукція и почти одновременно съ нею дедукція. Эти три историческихъ момента мысли соотвѣтствуютъ тремъ періодамъ въ міросозерцаніи человѣчества—теологическому, метафизическому и положительному. Авторъ не касается вопроса, можно ли за педагогикой признавать право на рѣшающее мнѣніе въ пользу того или другого метода преподаванія,—онъ хочетъ только констатировать фактъ, что методика естественныхъ наукъ далеко еще не воспользовалась тѣмъ, что наукой уже добыто.

Сочувственная замѣтка П. въ «Рус. Вѣд.» № 162.

99. Вагнеръ, В. Психологическая природа инстинкта по новымъ даннымъ экспериментальной физиологіи. „Вопр. фил. и псих.“ кн. 20, отд. I, стр. 30—67 (еще не окончена).

Все, что есть положительнаго въ области зоопсихологіи, получено не субъективнымъ методомъ, а объективнымъ. Въ рѣшеніи вопроса о психологической природѣ инстинкта сторонники субъективнаго метода пытаются найти точку опоры для примиренія царящаго въ зоологіи разногласія. Въ то же время по отношенію именно къ этому вопросу имѣются данныя, полученныя иными методами изслѣдованія, которыя дѣлаютъ надежды на успѣхъ такой попытки очень сомнительными и устанавливаютъ совершенно иной взглядъ на психическую природу инстинктовъ, чѣмъ это было бы желательно сторонникамъ компромисса.

Разобравъ взгляды Роменса на инстинктъ, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что инстинктамъ нельзя приписывать сознательности. Статья содержитъ много матеріала, почерпнутаго изъ собственныхъ наблюденій автора.

Статья встрѣтила полное сочувствіе со стороны Н. Ч.: Объ одномъ изъ основныхъ вопросовъ біологіи и психологіи. „Южн. Край“ № 4451 (15-го декабря).

100. Вагнеръ, Н. О медиумизмѣ. (Письмо въ редакцію). „Нов. Вр.“ № 6145 (9-го апрѣля). Перепечатано въ «Реб.» № 17, стр. 174с.; № 18, стр. 185с.

По поводу полемики гг. Эльпе и Аксакова (см. Эльпе). Заявляя, что у него готово сочиненіе, въ которомъ изложены результаты его долготѣльныхъ занятій спиритизмомъ, г. Вагнеръ указываетъ, что главное въ медиумическихъ явленіяхъ—сообщенія изъ другого міра, которыя говорятъ о запо-

вѣди любить другъ друга. Впрочемъ, въ нихъ надо различать двѣ стороны: темную или нечистую и свѣтозарную или благую.

По мнѣнію Православнаго: Къ вопросу о спиритизмѣ. (Письмо въ редакцію). „Рус. Об.“ 5, 440—454, такъ дѣтски-наивны понятія о духовномъ мірѣ по ученію христіанства у этого „профессора“, что совѣстно признать его настоящимъ христіаниномъ. Вѣрующіе должны протестовать противъ оскорбительнаго, богохульнаго сѣприкосновенія христіанства съ спиритизмомъ.

101. Вагнеръ, Н. П. Сеансы съ медіумомъ Евзапіей Паладино. (Этюды скептицизма). «Реб.» № 47, стр. 449сс.; № 48, стр. 461сс.; № 49, стр. 473сс.; № 50, стр. 485сс.; № 51, стр. 497с.; № 52, стр. 509сс.

Вагнеръ, Р. См. Чечотгъ.

Вальтеръ-Скоттъ. См. Булгаковъ.

102. (Варшауеръ). Warschauer, O., Prof. Geschichte des Socialismus und Communismus im XIX Jahrhundert. Zweite Abtheilung: Fourier, seine Theorie und Schule. Leipzig.

Сочувственная замѣтка „Рус. Мысль“ 6, 281с.

103. Васильевъ, А. Броннеръ и Лобачевскій. Два эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ казанскаго университета. Казань. Тип. товар. Печенина. 15 стр. 200 экз.

Авторъ склоненъ думать, что между рѣчью Лобачевского «о важнѣйшихъ предметахъ воспитанія» и дѣятельностію его учителя Броннера въ орденѣ иллюминатовъ есть нѣкоторая связь.

Васильевъ, А. См. Ивановскій.

104. Васильевъ, В. Парацельсъ. Съ портретомъ. „Нов. Вр.“, приложение къ № 6397 (18-го декабря).

Краткій очеркъ по случаю 400-лѣтія со дня рожденія Парацельса, выясняющій значеніе его въ наукѣ.

Васильковъ, Н. См. Квиць.

105. Ватсонъ, Э. К. А. Шопенгауеръ, его жизнь и философская дѣятельность. Біографическій очеркъ. Изд. 2-е. Спб. Тип. товар. „Обществ. польза“ и В. Штейна. 72+VII стр. 8,100 экз. 25 к. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова).

Новое изданіе ничѣмъ не отличается отъ стараго.

Ватсонъ, Э. К. См. Трачевскій.

106. В. В. Наши направленія. Спб. Тип. М. Стасюлевича. VI+215 стр. 1,200 экз. 1 р. 50 коп.

Эта книга представляетъ переработку статей, печатавшихся въ 1892 г. въ „Рус. Бог.“, и, по словамъ автора, является какъ бы продолженіемъ книги „Судьбы капитализма въ Россіи“. Основная мысль какъ тутъ, такъ и тамъ заключается въ томъ, что, въ противоположность передовымъ странамъ западной Европы, въ Россіи буржуазія обречена на второстепенную роль, фабрично-заводскій пролетаріатъ не имѣетъ шансовъ на болѣе или менѣе значительное развитіе, и потому главнѣйшей возможной соціальной основой нашего буду-

шаго, какъ это было и въ прошедшемъ, является крестьянство. Авторъ не имѣеть въ виду дать полное обоснованіе народничества. Сближаясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ другими теченіями, народничество однако имѣеть свои особенности, заставляющія видѣть въ немъ новый шагъ въ нашемъ развитіи. Трудъ г. В. В. не лишенъ значенія въ исторіи русской общественной мысли.

Книгѣ и статьямъ о ней Михайловскаго, Гольцева, Протопопова, Слонимскаго посвящаетъ А. Ф. свои: Публицистическія замѣтки. (Ростъ общественнаго сознанія)., Рус. Жизн. № 311. Сочувственный отзывъ въ „Сбор. Нивы“ 10, 470с.

В. В. См. В—тъ, Михайловскій.

107. Введенскій, Александръ. О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. „Вопр. филос. и психол.“ кн. 20, отд. I, стр. 158—202 (окончаніе обѣщано).

Въ своей статьѣ „Вѣра и знаніе“ г. Каленовъ указываетъ подъ тремя названіями въ сущности двѣ формы вѣры—наивную и слѣбую. Каждая изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ нежелательна и даже опасна. Г. Каленовъ не могъ указать иной формы вѣры, такъ какъ онъ—раціоналистъ, т.-е. сводитъ всѣ формы бытія исключительно къ логическимъ законамъ мышленія. Но отождествленіе понятія *causa* и *ratio* есть не что иное, какъ произвольно принятый и завѣдомо ошибочный догматъ. Уже Юмъ доказалъ, что причина и дѣйствіе есть не логическая связь основанія съ слѣдствіемъ, а какаятодругая, раціонализированію не поддающаяся. Это положеніе г. Введенскій называетъ закономъ Юма и формулируетъ его такъ: Связь причины съ дѣйствіемъ имѣеть синтетическій характеръ и познается нами не иначе, какъ при помощи прежняго или новаго опыта. Благодаря этому закону, является возможность новаго вида вѣры, а именно вѣры, разсмотрѣнной и допущенной критическимъ разсудкомъ. Послѣ критическаго разсмотрѣнія этой вѣры разсудокъ уже не протестуетъ противъ нея, потому что, считая ее недоказуемой, онъ въ то же время признаетъ ее неопровержимой, т.-е. не противорѣчащей ни логикѣ, ни фактамъ. Подвергнувъ тщательному изученію условія возможности и предѣлы достовѣрнаго познанія, Кантъ открылъ для вѣры еще болѣе широкую область, нежели Юмъ. Кантъ открылъ, что послѣ того какъ пробудилась критическая дѣятельность разсудка, уже самая вѣра въ знаніе обязываетъ насъ признавать, что есть область, не доступная достовѣрному знанію и предоставляемая такой вѣрѣ, положенія которой не могутъ встрѣтить никакихъ протестовъ со стороны разсудка. Къ числу возможныхъ догматовъ подобной вѣры принадлежитъ любое положеніе относительно вещей въ себѣ, каково бы ни было его содержаніе, — утвердительное или отрицательное.

108. Введенскій, Александръ Ив.). О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Новый психофизиологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики. Спб. 1892. Тип. Балашева. 119 стр. Первоначально въ „Жур. мин. нар. просв.“ 1892, 5—7.

Оригинальная попытка критически расчистить путь для метафизики. Въ своемъ изслѣдованіи авторъ имѣеть въ виду задачи теоріи познанія и приходитъ къ тремъ главнымъ положеніямъ: 1) дѣятельность нашего познанія и нашъ опытъ устроены такъ, что позволяютъ всѣмъ и каждому безъ всякаго

нарушенія логики и безъ всякаго противорѣчія съ фактами отрицать существованіе душевной жизни всюду, кромѣ самого себя; другими словами, нѣтъ завѣдомо эмпирическихъ, объективныхъ признаковъ существованія одушевленія, такъ что признаніе чужого одушевленія есть трансцендентно-метафизическое положеніе. 2) Если нельзя доказать строго эмпирически это положеніе, то единственнымъ средствомъ для его оправданія служатъ постулаты нравственнаго чувства. 3) То обстоятельство, что существованіе чужого одушевленія можетъ быть доказано только такимъ путемъ, а въ то же время никто въ немъ никогда не сомнѣвался, доказываетъ, сколь прочны могутъ быть метафизическія положенія, обоснованныя посредствомъ кантовскаго метода нравственныхъ постулатовъ. Поэтому проф. Введенскій рекомендуетъ этотъ методъ для построенія трансцендентной метафизики, какъ единственно возможный.

Положенія, выставленныя г. Введенскимъ для защиты въ психологическомъ обществѣ, напечатаны въ „Вопр. фил.“, кн. 16, отд. II, стр. 115 с. Тамъ же помѣщены положенія Н. Я. Грота, направленныя противъ г. Введенскаго.

По мнѣнію рецензента „Рус. Мысли“ (2, 65с.), неутѣшительныя перспективы для будущаго метафизики раскрываетъ г. Введенскій въ своемъ изслѣдованіи, въ которомъ онъ обнаруживаетъ большую силу мышленія и тонкость анализа, но онѣ потрачены на бесплодное дѣло.

Не сочувствуетъ автору и Э. Р а д л о в ъ: Неудачный метафизикъ. „Вѣст. Евр.“ 2, 898--912 (это заглавіе, впрочемъ, дано статьѣ безъ вѣдома самого ея автора). Онъ ставитъ г. Введенскому на видъ своеобразное пониманіе имъ термина „законъ“, стремленіе его возобновить средневѣковое ученіе о двоякой истинѣ и пр.

Гораздо рѣшительнѣе тонъ М. Ф и л и п п о в а: Въ дебряхъ метафизики. „Рус. Бог.“ 5, 1—16. По его мнѣнію, г. Введенскій отрицаетъ самыя бесспорныя приобрѣтенія науки. Оставляя почву науки и разума, пускаясь въ безбрежное море метафизики, заливающее насъ волнами сверхопытныхъ чувствъ, можно безъ труда доказать любое самое нелѣпое положеніе. Для читателя остается не совсѣмъ яснымъ, что же г. Филипповъ понимаетъ подъ метафизикой. См. также другую его статью о г. Введенскомъ подъ словомъ Филипповъ.

Много возраженій, иногда, впрочемъ, основанныхъ на недоразумѣніи, дѣлаетъ кн. С. Н. Т р у б е ц к о й: Къ вопросу о признакахъ сознанія. „Вопр. фил.“ кн. 16, отд. II, стр. 97—109. „Если авторъ и не могъ вполне избѣжать нѣкоторыхъ непослѣдовательностей въ систематическомъ развитіи своей парадоксальной темы, то приходится лишь сожалѣть, что онъ взялъ на себя столь неблагоприятную задачу“.

По мнѣнію покойнаго П. Е. А с т а ф ѣ в а, посвятившаго книгѣ г. Введенскаго статью: Послѣднія тѣни прошлаго („Вопр. филос. и псих.“, кн. 19, отд. II, стр. 20—34), за одностороннимъ, но послѣдовательнымъ и законченнымъ, хотя бы и ошибочнымъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ міровоззрѣнія заслуга передъ человѣчествомъ должна быть гораздо больше, чѣмъ за всякими примирительными и эклектическими полурѣшеніями ихъ. Основная мысль критицизма, послѣдовательно доведенная проф. Введенскимъ до конца,

лишается послѣднихъ призрачныхъ основъ своихъ, долго казавшихся столь солидными. Основныя посылки г. Введенскаго совершенно неопровержимы, но выводъ свой изъ нихъ онъ дѣлаетъ лишь при помощи допущенія скрытыхъ предположеній, не только не доказанныхъ, но и прямо невѣрныхъ. Совершенно тщетна надежда сохранить за метафизикою жизненное значеніе, признавъ ее системою однихъ только нравственныхъ постулатовъ.

Своимъ противникамъ г. Введенскій отвѣчалъ статей: Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія и отвѣтъ противникамъ. „Вопр. фил. и псих.“, кн. 18, отд. II, стр. 120—149. Здѣсь онъ указываетъ, что никто изъ нихъ не замѣтилъ сдѣланнаго имъ вызова построить чуждое всякой трансцендентной метафизики доказательство существованія объективныхъ признаковъ одушевленія. Въ виду значенія, въ глазахъ автора, закона одушевленія, онъ обращаетъ особенное вниманіе на тѣ замѣчанія, которыя были высказаны по поводу этого закона. Особенно рѣшительны возраженія, сдѣланныя кн. С. Трубецкому.

„Вызовъ“ г. Введенскаго нашелъ откликъ у Л. М. Лопатина: Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго („Вопр. филос. и псих.“, кн. 19, отд. II, стр. 60—81), и Э. Л. Радлова: Отвѣтъ проф. А. И. Введенскому (тамъ же, стр. 105—110). Статья г. Лопатина представляетъ въ значительно расширенномъ видѣ рефератъ, читанный въ Психологическомъ обществѣ. По его мнѣнію, изъ подробныхъ и длинныхъ доказательствъ г. Введенскаго читатель выноситъ какое-то странное и неловкое впечатлѣніе. Авторъ при ихъ построеніи впалъ въ одну изъ двухъ логическихъ ошибокъ, а можетъ-быть и въ обѣ вмѣстѣ, такъ какъ онъ, повидимому, не всегда даетъ себѣ полный отчетъ въ приемахъ своей аргументаціи. Эти ошибки: a posse ad esse non valet consequentia и circulus in demonstrando. Признаки чужого одушевленія существуютъ объективно, но ихъ слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ ихъ не нашелъ г. Введенскій,—не въ отдѣльныхъ явленіяхъ нашей тѣлесной жизни, врозь взятыхъ, и не въ ихъ физическомъ составѣ, а въ ихъ порядкѣ, связи, послѣдовательности и смыслѣ. О телеологическомъ доказательствѣ чужого одушевленія г. Введенскій не упоминаетъ вовсе, хотя оно сильнѣе всѣхъ другихъ.

Г. Радловъ устраняетъ нѣкоторыя недоразумѣнія, вызванныя споромъ. По его мнѣнію, система трансцендентной метафизики, которую сулитъ намъ г. Введенскій, пожалуй будетъ въ духѣ Канта, но только въ духѣ Канта-догматика.

Введенскій, Александръ. См. Астафьевъ.

109. Введенскій, А(лексѣй Ив.). Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). „Бог. Вѣс.“ 1892, 2, 403—414; 3, 545—564; 4, 89—113; 7, 77—106; 9, 411—444; 1893, 5, 331—363; 12, 521—555: Отдѣльно съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“. Сергіевъ Посадъ 1894. Тип. Снегиревой. 208 стр. 1 р.

Авторъ разсматриваетъ жизнь современнаго Запада со стороны внѣшнихъ, социально-экономическихъ условий, со стороны умственной и со стороны идеальныхъ, главнымъ образомъ, этико-религиозныхъ началъ. На Западѣ всосался въ плоть и кровь взглядъ на человѣка, какъ на рабочую силу, какъ на эквивалентъ капитала. Ничего подобнаго нѣтъ въ русскомъ народѣ. Въ виду этого

пересадка „выводовъ реальной науки“ на русскую почву есть не только признак легкомыслія, равнодушія къ истинному народному благу, но и положительное преступленіе. Въ умственной жизни современнаго Запада можно различать два основныхъ теченія: съ одной стороны, мысль какъ бы забыла свои руководящія идеальныя, жизненно-практическія стремленія и, оторвавшись отъ жизни, застыла въ отвлеченныхъ схемахъ, съ другой—она замкнулась въ сферѣ своихъ идей, заповѣданныхъ традиціею, и стала просто игнорировать требованія фактовъ. Такой расколъ и разладъ мысли и жизни не можетъ быть признанъ нормальнымъ, и русское мышленіе, столь чуткое къ запросамъ реальной правды, столь глубоко проникнутое требованіями отъ истины прежде всего жизненности, никакъ не можетъ примириться съ этими односторонними теченіями западной мысли. Что касается религіозной жизни Запада, то непрестанно напоминая и твердя о своемъ соотвѣтствіи глубокимъ потребностямъ духовной человѣческой природы, задачамъ истинной культуры и идеаламъ свободы и просвѣщенія, западныя исповѣданія въ сущности въ корнѣ убиваютъ эту свободу. Въ охраненіи истинной вѣры и нравственности заключается высокая миссія Россіи.

Въ послѣднемъ письмѣ г. Введенскій полемизируетъ съ критиками славянофильства. Въ современной западнической интеллигенціи онъ находитъ три стадіи отпаденія отъ славянофильскаго идеала: 1) апофеозъ человѣчности (П. Г. Виноградовъ); 2) фетишизація реальной науки (П. Н. Милоковъ); 3) ультрамонтанскія утопіи (Вл. Соловьевъ).

О письмѣ, помѣщенномъ въ майской книгѣ, сочувственно отзывается М. Южнѣй: Литературно-критическій фельетонъ. Западная дѣйствительность. „Гражд.“ № 144.

Письма г. Введенскаго пришлись по вкусу Ю. Николаеву, посвятившему отдѣльному изданію ихъ свои „Литературныя замѣтки“ (Двѣ идеи. „Моск. Вѣд.“ № 353). Идея западная достигла уже кульминаціоннаго пункта своего развитія; наша же идея только еще освобождается изъ-подъ спуда. Свѣтильникъ православія еще не поставленъ даже на возвышенное мѣсто.

110. Введенскій, Алексѣй. О задачахъ современной философіи, въ связи съ вопросомъ о возможности и направленіи философіи самобытно-русской. (Pia desideria). „Вопр. филос. и псих.“ кн. 20, отд. I, стр. 125—157.

Подъ вліяніемъ условій жизни данной эпохи не рѣдко замѣчается скептическое отношеніе къ философіи. Періодъ такого скептическаго отношенія переживаетъ Западъ въ настоящее время. Доказательствомъ этому служитъ противоборство различныхъ философскихъ началъ, постепенное ограниченіе сферы философіи, постоянные пограничные споры ея съ сосѣдними областями мысли и крайняя шаткость опредѣленія самаго понятія философіи. Чтобы разсѣять царящую надъ современною мыслью мглу и выйти изъ хаоса противоборствующихъ теченій, современный мыслитель долженъ 1) строго допросить себя относительно своихъ подлинныхъ стремленій и желаній, 2) заручиться критическою осторожностью по отношенію къ моднымъ вѣяніямъ времени и 3) возможно больше пользоваться творческою силой разума, творчески строить универсальныя гипотезы, по указанію живущаго въ немъ идеала свободы. Русскій народный характеръ представляетъ благоприятную для развитія философіи

почву, на которой философскій геній можетъ создать національную, т.-е. соответствующую глубочайшимъ духовнымъ интересамъ, стремленіямъ и чаяніямъ русскаго народа, систему. Меліоризмъ (стремленіе къ улучшенію и преобразованію жизни), трансцендентальный монизмъ, которому подчиненъ дуализмъ матеріи и духа, и соборность сознанія — вотъ три основныя тенденціи, которыя заложены въ глубинѣ русской души, и къ которымъ поэтому долженъ прислушиваться всякій мыслитель-философъ, если онъ хочетъ выдержать свой самобытно-русскій характеръ и содѣйствовать тому, чтобы и русская мысль внесла свое слово въ общеисторическій процессъ развитія философіи.

Признаки возможности народненія самобытной русской философіи находятъ несостоятельными Р. Сементковскій: О самобытной русской философіи. „Рус. Жиз.“ № 325. Онъ высказываетъ пожеланія, чтобы такая философія, о которой мечтаетъ проф. Введенскій, никогда не народилась.

111. Введенскій, А(лексѣй Ив.). О религіозной философіи Виктора Димитріевича Кудрявцева. (По поводу изданія его сочиненій Братствомъ Преподобнаго Сергія). „Вѣра и Раз.“ № 2, отд. филос., стр. 51—71; № 3, стр. 103—123.

По мнѣнію автора, религіозная философія у Кудрявцева служитъ предположеніемъ и скрытымъ основаніемъ философіи общей и потому требовала отъ него самой напряженной работы мысли. Здѣсь рельефнѣе всего выступаютъ особенности глубокаго и тонкаго мышленія философа. Такъ какъ другія монографіи вошли въ составъ разныхъ частей философіи Кудрявцева, то г. Введенскій въ своемъ изложеніи, намѣренно чуждающемся всякой критики, имѣетъ въ виду только изслѣдованія о доказательствахъ бытія Божія и о формахъ религіознаго сознанія. Строго теистическая философія религіи Кудрявцева можетъ составить цѣлую эпоху въ этой области философскаго знанія.

О статьѣ сочувственно отзываются „Моск. Церк. Вѣд.“ № 50, стр. 699.

112. Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева - Платонова. Съ приложеніемъ рѣчи о жизненно-практическихъ принципахъ философа. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. 82 стр. 60 коп.

Книга составляетъ конгломератъ изъ статей, помѣщенныхъ въ «Вопросахъ филос. и псих.», кн. 14 и 15, «Вѣрѣ и Разумѣ» (см. предыдущую статью) и «Богословскомъ Вѣстникѣ» (см. № 114). Сдѣланы только незначительныя измѣненія и спайки между отдѣльными частями. Кудрявцевъ не образовалъ школы въ техническомъ смыслѣ этого слова, но онъ сдѣлалъ нѣчто большее; не гнался за современностью, но лишь потому, что стоялъ выше ея; не стремился къ проведенію какихъ-либо новыхъ и своеобразныхъ философскихъ началъ, но потому, что ставилъ себѣ болѣе существенныя задачи, болѣе возвышенныя идеалы. Кудрявцевъ нашелъ для своего положительнаго идеала опредѣленную форму мыслимости, заложилъ основаніе цѣльной системы въ духѣ христіанскаго идеализма. Это — система трансцендентальнаго монизма. Авторъ не рѣшается критиковать систему Кудрявцева, — по его мнѣнію, воззрѣнія этого философа надо прежде всего понять и выносить въ душѣ. Тогда самъ собою отпадетъ отъ нихъ и тотъ переходящій элементъ, который неизбѣженъ во всякихъ сужденіяхъ, по су-

шеству не исключających своего дальнѣйшаго развитія. Философія Кудрявцева можетъ имѣть несомнѣнное значеніе въ двухъ отношеніяхъ: 1) она можетъ содѣйствовать высвобожденію нашей самостоятельной русской философской мысли изъ рабства началамъ и стихіямъ мысли западной; 2) она можетъ содѣйствовать закрытію той пропасти, которая издавна разъединяетъ два нашихъ міра—духовный и свѣтскій. Воззрѣнія Кудрявцева отличаются чертами, которыми характеризуются произведенія чисто русскихъ умовъ, а именно трезвымъ реализмомъ во взглядѣ на міръ и жизнь, не имѣющимъ, впрочемъ, ничего общаго съ обыденною житейскою прозою и потому хорошо уживающимся съ глубокимъ благоговѣніемъ предъ христіанскою тайною; строгою логичностью, никогда не переходяшею однако въ резонерство и пустыя отвлеченныя тонкости; критическою осторожностью, по существу не сродною съ универсальнымъ скептицизмомъ.

113. Введенскій, А(лексѣй И.). Очеркъ современной французской философіи. Философія въ современной Франціи. (Лѣтній семестръ 189^{1/2} учебнаго года въ Сорбоннѣ и Collège de France). „Вѣр. и Раз.“, отд. филос. № 10, 429—470; № 12, 531—567; № 14, 45—78; № 15, 99—111; № 17, 191—217; № 18, 237—257; № 19, 307—328; № 20, 329—350; № 22, 451—474; № 23, 475—489; № 24, 521—557.

Только опираясь на идеи французской философіи, русская мысль можетъ выбиться изъ рабства чуждымъ ей стихіямъ нѣмецкой мысли и достигнуть самостоятельности. Тогда какъ нѣмецкая философія выставила рядъ величественныхъ, глубокихъ, но взаимно исключających другъ друга принциповъ, во французской—между ними болѣе или менѣе полная гармонія.

Послѣ очерка современной университетской философіи (Поль Жане, Оле-Ляпрюнъ, Бутру, Левекъ, Сеалль, Ренанъ, Лафитъ и министерскія программы) авторъ старается отыскать въ прошломъ инициаторовъ и возбудителей французской мысли (Мень де-Биранъ, Кузенъ), затѣмъ намѣчаетъ основные моменты въ развитіи французской философіи въ текущемъ столѣтіи и заканчиваетъ анализомъ современнаго философскаго сознанія. Въ современной французской философіи авторъ различаетъ четыре школы: позитивно-соціалистическую, критическую, мистико-теологическую и спиритуалистическую. Изъ числа представителей этихъ школъ авторъ довольно подробно останавливается на Тэнѣ, котораго относитъ къ критической школѣ, Ренувье и Ламенне. Статьи еще не окончены.

114. Введенскій, А(лексѣй И. в.). Памяти Виктора Дмитриевича Кудрявцева. „Бог. Вѣст.“ 2, 336—351. Вышло и отдѣльнымъ оттискомъ. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. 16 стр.

Рѣчь въ день годовичнаго поминовенія Кудрявцева (3-го декабря 1892 г.), украшенная приличными случаю цвѣтами краснорѣчія. По мнѣнію автора, Кудрявцевъ являлся, съ одной стороны, живымъ воплощеніемъ отжившаго уже типа древняго философа, съ другой—онъ былъ строгимъ мыслителемъ-теоретикомъ.

115. Введенскій, А(лексѣй И. в.). Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ. (По поводу пятидесятилѣтія его епископскаго служенія: 1843—1893 гг.). „Бог. Вѣст.“ 6, 515—534. Вышло и отдѣльнымъ оттискомъ. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. 20 стр. См. также № 112.

Къ философіи не имѣтъ отношенія и упоминается здѣсь только потому, что принадлежитъ перу философа по профессіи.

116. Введенскій А(лексѣй Ив.). Петръ Евгеніевичъ Астафьевъ. Характеристика его философскихъ и публицистическихъ взглядовъ. „Богосл. Вѣст.“ 6, 554—571. Отдѣльно подъ заглавіемъ: П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Сергіевъ Посадъ. Тип. Снегиревой. 20 стр. 25 коп.

Изъ числа статей, посвященныхъ памяти П. Е. Астафьева, это едва ли не самая обстоятельная. Связь возрѣній Астафьева съ идеями гениальныхъ предшественниковъ даетъ имъ, по мнѣнію автора, особенный вѣсъ, крѣпость и силу. Онъ выбралъ себѣ въ руководители философовъ, конгеніальныхъ русскому духу, и, переработавъ ихъ идеи съ точки зрѣнія своего православно-русскаго идеала, выработалъ изъ нихъ законченную систему.

117. Введенскій, А(лексѣй Ив.). Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. „Бог. Вѣст.“ 1892, 10, 23—45; 12, 332—369; 1893, 5, 283—318; 8, 230—261 (уже подъ заглавіемъ: Философія въ современной Германіи); 9, 351—389.

Дробленіе философскихъ школъ въ современной Германіи доходитъ до небывалыхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего каждая изъ нихъ живетъ замкнутою жизнью. Съ другой стороны, отношенія германской философіи къ точному знанію чрезвычайно патки. Услышать „последнее слово“ нѣмецкой философіи авторъ предпочелъ въ стѣнахъ нѣмецкихъ университетовъ и съ этою цѣлю провелъ зимній семестръ 1891—92 г. въ Берлинѣ. По его мнѣнію, изъ теперешняго дробленія со временемъ создается въ Германіи философія волюнтаризма. Дѣлаются подробные обзоры курсовъ Паульсена (введеніе въ философію), Деринга (основныя направленія современной нѣмецкой философіи), Дитльса, Гижицкаго, Лассона и Рунце.

Введенскій, А(лексѣй Ив.). См. П. А. Преображенскій.

118. Введенскій, А(рсеній). Вселенная въ представленіяхъ человѣка. (Популярный очеркъ). „Сбор. Нивы“ 9, 146—186.

Авторъ слѣдитъ за видоизмѣненіями въ представленіяхъ о вселенной, начиная съ Востока и Греціи и оканчивая новѣйшимъ временемъ. Заключительныя слова статьи о нашей ничтожности и въ то же время о нашемъ духовномъ могуществѣ носятъ на себѣ признаки явнаго противорѣчія.

Введенскій, Арсеній Ив. См. Аверкіевъ.

Вейсманъ. См. Мензбиръ, Филипповъ.

119. Венгерова, Зин. Новая книга Макса Нордау. (Entartung, Berlin 1892). „Нов.“ № 190.

Нордау превращаетъ современное человѣчество въ одинъ обширный сумасшедшій домъ. Вообще авторъ статьи очень не сочувствуетъ взглядамъ Нордау.

Венгерова, З. См. Найтъ, Пелиссье.

120. Вержболовичъ, М. Обзоръ главнѣйшихъ направленій психологіи

текущаго столѣтія. „Вѣр. и Раз.“, отд. филос., № 4, 183—206; № 5, 232—254; № 6, 255—279; № 8, 343—355.

Какъ ни скудна русская философская литература, но она уже имѣетъ нѣсколько обзоровъ психологическихъ направлений (Владиславлева, Троицкаго, Грота и др.). Поэтому отъ автора новаго обзора читатель въ правѣ ожидать чего-нибудь особеннаго. Эти ожиданія однако не оправдываются. Разсмотрѣвъ критически направленіе психологическаго реализма (Гербартъ и Бенекъ), физиологическое (Вундтъ), идеально-реальное (Фихте младшій) и эмпирическое (Бенъ) направленіе, авторъ приходитъ къ довольно избитому заключенію, что, по глубинѣ изслѣдованія и количеству доселѣ добытыхъ результатовъ, нѣмецкую психологію можно поставить выше англійской. О новѣйшихъ трудахъ Джемса, Селли и др. нѣтъ ни слова.

121. Вертеловскій, А. Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству. Историческое изслѣдованіе. „Вѣра и Раз.“ отд. церк., 1886, № 3, стр. 177—196; № 5, стр. 308—337; № 11, стр. 711—752; № 13, стр. 39—54; № 14, стр. 55—77; № 16, стр. 205—224; 1887, № 10, стр. 769—791; № 12, стр. 865—880; № 14, стр. 69—86; № 23, стр. 635—658; 1888, № 3, стр. 216—236; № 7, стр. 495—508; № 8, стр. 537—554 (всѣ эти статьи вышли отдѣльными изданіемъ, Харьковъ 1888, вып. I); 1889, № 12, стр. 841—861; № 17, стр. 294—314; № 21, стр. 537—554; № 23, стр. 649—675; 1890, № 6, стр. 315—339; № 8, стр. 437—468; 1891, № 1, стр. 23—49; 1893, № 1, стр. 29—46; № 2, стр. 47—68; № 4, стр. 199—220; № 8, стр. 409—439; № 10, стр. 627—645 (статьи еще не окончены).

Средневѣковая мистика имѣетъ важное значеніе по своему близкому отношенію къ реформации, а также по своему вліянію на послѣдующія мистическія теченія. Разсмотрѣвъ въ обширномъ введеніи разнаго рода мистическія направленія, предшествовавшія среднимъ вѣкамъ, авторъ предполагаетъ подробно остановиться на церковной, спекулятивно-реформатской, религіозно-практической и сектантской мистикѣ среднихъ вѣковъ. До сихъ поръ онъ успѣлъ обозрѣть церковную и спекулятивно-реформатскую мистику.

122. Веселовскій, Алексѣй. Дидро. „Энцикл. Слов.“ Брокгауза и Ефрона, т. X, стр. 581—588.

123. (Веттер]страндъ). Wetterstrand, O. G., Dr. Гипнотизмъ и его примѣненіе въ практической медицинѣ. Переводъ съ нѣмецкаго С. П. Даль Подъ ред. врача Н. В. Даля. Москва. Тип. товар. А. А. Левенсонъ. 2 нен. + 161 стр. 1,200 экз. 1 руб.

Веттерстрандъ, сторонникъ нансійской школы, даетъ описаніе многочисленныхъ болѣзненныхъ состояній, при которыхъ онъ съ наибольшимъ успѣхомъ примѣнялъ гипнотизмъ. По его мнѣнію, лучше всего поддаются лѣченію внушеніемъ функциональныя нервныя расстройства, хотя и въ теченіи другихъ болѣзней могутъ появляться симптомы, болѣе или менѣе поддающіеся внушенію. Не такъ легко рѣшить вопросъ, въ какой степени прочно бываетъ лѣченіе гипнотическимъ внушеніемъ. За то гипнотизмъ въ рукахъ свѣдущаго врача не можетъ представить никакой опасности. Гипнотическое лѣченіе во многихъ случаяхъ имѣетъ громадное и неоцѣненное значеніе, иногда же является единственнымъ средствомъ, могущимъ достигнуть цѣли. Методъ этого

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ

ВЪ 1892—93 Г.

ВТОРОИ ГОДЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

**Протоколъ четвертаго общаго собранія Русскаго Общества
Экспериментальной Психологіи, 1 февраля 1892 года.**

Присутствовали: Н. П. Вагнеръ, д-ра: Ф. Ф. Фишеръ, Е. О. Марцинкевичъ, Я. М. Миллеръ, В. Д. Лещинскій, В. В. Альбовъ, В. М. Буяльскій, В. В. Строгановъ, Н. І. Рачинскій, В. С. Груздевъ, А. Д. Степановъ и Н. Н. Полежаевъ.

Г. предсѣдатель заявилъ о командировкѣ секретаря Общества, А. В. Елисѣева, въ Оренбургскую губернію и предложилъ избрать въ члены Общества и въ секретари присутствовавшего на этомъ засѣданіи д-ра В. С. Груздева,—что собраніе и сдѣлало единогласно.

Затѣмъ, г. предсѣдатель предложилъ выбрать въ члены Общества извѣстнаго психолога, помощника редактора журнала «Вопросы философіи и психологіи» Л. М. Лопатина. Собраніе избрало его единогласно.

Предсѣдателемъ была сообщена затѣмъ статья Ломброзо, въ которой знаменитый итальянскій психіатръ высказываетъ свой взглядъ на гипнотическія и медіумическія явленія. Статья, въ переводѣ, была прочтена вслухъ В. Д. Лещинскимъ. Взглядъ Ломброзо напоминаетъ теорію «безсознательной церебраціи», высказанную въ извѣстномъ сочиненіи Карпэнтера, а съ другой стороны, предположеніе, высказанное Гартманомъ и вполне, документально опровергнутое почетнымъ членомъ Общества А. Н. Аксаковымъ въ его сочиненіи «Spiritismus et animismus».

По поводу прочтенной статьи Ломброзо, проф. Вагнеръ сдѣлалъ сообщеніе о психической индивидуальности и въ доказательство справедливости этого взгляда представилъ цѣлый рядъ фотографій, снятыхъ имъ, при его медіумическихъ опытахъ. Сообщеніе это не обсуждалось и не дебатировалось вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія профессора Вагнера, который обѣщалъ еще разъ въ послѣдствіи вернуться къ этому предмету.

Затѣмъ, Н. П. Вагнеръ предложилъ избрать въ почетные члены Общества извѣстнаго русскаго психолога А. Н. Аксакова, сдѣлавшаго такъ много въ малоизвѣстной области психизма. Собраніе избрало его единогласно.

Протоколъ годичнаго засѣданія Русскаго Общества экспериментальной психологии, 4 апрѣля 1892 года.

Присутствовали: проф. Н. П. Вагнеръ, д-ра: Ф. Ф. Фишеръ, Е. О. Марцинкевичъ, В. Д. Лещинскій, А. Д. Степановъ, И. Я. Бибиковъ, В. Ф. Краевскій, П. О. Семеновъ, М. И. Поварнинъ, В. С. Груздевъ, Л. Г. Карчагинъ (гость), М. Ф. Милостановъ (гость) и ж.-врачъ Строганова.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго, четвертаго общаго собранія (1 февраля 1892 года).

Предсѣдатель, проф. Н. П. Вагнеръ, прочиталъ отчетъ о дѣятельности Общества въ 1891 году:

Милостивые государи!

Прошло болѣе года нашей общей дѣятельности и въ настоящемъ годичномъ засѣданіи прежде всего слѣдуетъ выяснить, что мы сдѣлали въ теченіе этого года. Но прежде чѣмъ я это сдѣлаю, я позволю себѣ указать на одну черту нашего Общества, которой, можетъ быть, вы до сихъ поръ не замѣчали. По моему мнѣнію, эта черта должна служить основнымъ принципомъ каждаго ученаго общества. Дѣйствительно, оно должно отличаться отъ одиночныхъ работъ отдѣльныхъ лицъ, ученыхъ, такъ сказать, коллективностью этой работы. *Viribus unitis magis!* и этого принципа не проводится, насколько я знаю, ни въ одномъ ученомъ обществѣ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ обществахъ научныя работы подготовляются внѣ ихъ засѣданій, тогда какъ въ нашемъ Обществѣ каждое засѣданіе, такъ называемыхъ, специальныхъ комиссій было посвящено какимъ-нибудь опытамъ или наблюдениямъ, и всѣ члены, участвовавшіе въ засѣданіи, вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали и въ этихъ опытахъ. Въ другихъ ученыхъ обществахъ читаются и демонстрируются работы ихъ членовъ, и во время этого чтенія присутствующіе члены могутъ относиться къ чтенію совершенно индифферентно. Въ нашемъ Обществѣ этого быть не можетъ. Всѣ члены, присутствующіе въ засѣданіи,

заинтересованы тѣмъ, что происходитъ передъ ихъ глазами, т. е. въ демонстраціи, въ которой всѣ принимаютъ участіе. Вотъ причина, по которой въ немного времени мы могли сдѣлать сравнительно много, и результаты нашихъ трудовъ я теперь вкратцѣ изложу передъ вами.

Наши опыты были посвящены преимущественно мантевизму, или, такъ называемому, «чтенію мыслей». При этомъ ближайшая цѣль наша была констатировать явленіе, показать его реальность и выяснить его психическій характеръ. Въ данное время найдется не мало скептиковъ, которые продолжаютъ утверждать, что явленія мантевизма основаны, съ одной стороны, на чисто матеріальной передачѣ, а съ другой, на догадливости и ловкости отгадывающаго субъекта.

Желая провѣрить такой взглядъ, мы рѣшились приступить къ опытамъ мантевизма безъ всякой предвзятой идеи и воспользовались, въ этомъ случаѣ, богатымъ матеріаломъ, который однако не оправдалъ нашихъ надеждъ. На первый разъ мы желали провѣрить тѣ явленія, которыя уже существуютъ въ литературѣ.

На первомъ же засѣданіи «спеціальной комиссіи для изслѣдованія мантевизма» мы пришли къ заключенію, что эти явленія находятся въ близкомъ отношеніи къ гипнозу. Субъектъ, надъ которымъ мы производили опыты, выказалъ всѣ признаки гипнотическаго состоянія и наконецъ впалъ въ автогипнозъ. При этомъ опытѣ я сообщилъ случай, котораго былъ свидѣтелемъ и въ которомъ субъектъ во все время опыта былъ въ несомнѣнномъ гипнозѣ. Тотъ же субъектъ одинъ разъ послужилъ своему товарищу для отысканія шкворня, въ лужѣ, въ темную ночь и тѣмъ спасъ и себя, и товарища отъ перспективы оставаться въ темную осеннюю, ненастную ночь посреди дороги.

Въ слѣдующемъ засѣданіи спеціальной комиссіи, бывшемъ 12-го марта прошлаго года, В. И. К—ва, надъ которой происходилъ опытъ мантевизма, также самопроизвольно, впала въ легкій гипнозъ, о чемъ свидѣтельствовали сонные полураскрытые глаза, ея отрывочныя, какъ бы произвольныя, движенія, краска, выступившая на лицѣ и быстрое, учащенное дыханіе.

Въ томъ же засѣданіи почти всѣми присутствовавшими было замѣчено, что нѣкоторыя лица, надъ которыми произведены опыты, подвергались во время ихъ въ большей или меньшей степени гипнотическому состоянію.

Отсутствіе точныхъ признаковъ для гипнотическаго и постгипнотическаго состоянія было неоднократно обсуждаемо въ засѣданіи Общества, но прямыхъ, рѣшающихъ опытовъ здѣсь не было сдѣлано. Въ одномъ изъ этихъ засѣданій г. Фельдманъ доказывалъ обширность средствъ, которыми обладаетъ человѣческій организмъ для симуляціи и на себѣ самомъ показалъ явленіе этой симуляціи. Такъ, онъ показалъ расширеніе и сокращеніе зрачка, независимо отъ свѣчи, которую подносили или удаляли отъ его глазъ. Затѣмъ, вслѣдствіе очевиднаго внутренняго возбужденія, онъ довелъ частоту ударовъ пульса съ 80 до 155 въ минуту, причемъ усиленно поблѣднѣлъ и дышалъ тяжело. Вслѣдъ затѣмъ число ударовъ было имъ уменьшено до 50.

Опыты свои въ этомъ направленіи г. Фельдманъ закончилъ появленіемъ *cutis anserina* (гусиной кожи), вызванной имъ произвольно на предплечіи лѣвой руки.

Г. Фельдманъ являлся представителемъ чисто фізіологическаго или матеріалистическаго взгляда на мантевизмъ. По его убѣжденію, всѣ явленія мантевизма сводятся на болѣе или менѣе ловкіе приемы субъекта, который является буквально отгадчикомъ задуманной задачи. Чтобы убѣдить въ этомъ Общество, г. Фельдманъ продѣлалъ въ его засѣданіи, бывшемъ 26-го апрѣля, нѣсколько опытовъ болѣе или менѣе удачныхъ, которыми пытался убѣдить членовъ въ томъ, что индукторъ можетъ вызвать у перципента рядомъ быстрыхъ и неожиданныхъ движеній обнаруженіе задуманной задачи. Затѣмъ, онъ доказалъ опытами угадыванія картъ, что по тепловымъ ощущеніямъ, по близости индуктора, онъ можетъ догадаться, въ какой сторонѣ лежитъ задуманная карта. Самомалѣйшее движеніе его въ ту или другую сторону вполне достаточное для указанія, на которой картѣ онъ долженъ остановиться.

Въ слѣдующемъ засѣданіи, 10-го мая, была доказана справедливость другаго взгляда, причемъ присутствующіе вполне убѣдились, что мантевизмъ есть явленіе *психическое*. Опыты были продѣланы съ С. Е. К.—вымъ, и хотя опыта съ мысленными внушеніями на разстояніи не было сдѣлано, по недостатку времени, а также потому, что субъектъ не былъ приученъ къ нимъ, но опыты съ веревочкой были такъ убѣдительны и поразительны, что г. Фельдманъ и всѣ присутствовавшіе были удивлены, а

Фельдманъ заявилъ, что «ничего подобнаго онъ еще не видалъ въ своей жизни».

Послѣ этихъ опытовъ г. К—въ высказалъ г. Фельдману въ присутствіи почти всѣхъ наличныхъ членовъ, что между теоріей г. Фельдмана и исполненіемъ задачъ имъ, г. К—вымъ, существуетъ та разница, что, по теоріи г. Фельдмана, задачи разрѣшаются *сознательно*, тогда какъ онъ, г. К—въ, разрѣшаетъ ихъ *безсознательно*.

Дѣйствительно, г. К—въ на опытѣ убѣдился, что задачи разрѣшаются тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе субъектъ погруженъ въ свой внутренній психическій міръ и отрѣшенъ отъ дѣйствительности. Для этой цѣли онъ при всѣхъ опытахъ затыкалъ уши и завязывалъ глаза. Да и г. Фельдманъ для болѣе успѣшнаго разрѣшенія задачъ считаетъ необходимымъ легкое возбужденіе его психической дѣятельности. Въ прежнее время, когда онъ не развилъ въ себѣ гиперестезіи чувствъ, онъ во время опытовъ всегда завязывалъ себѣ глаза и просилъ, чтобы опыты начинались съ болѣе легкихъ, при которыхъ его психическія способности, возбуждаясь болѣе и болѣе, достигали той степени возбужденія или напряженія, при которой становится возможнымъ и угадываніе сложныхъ задачъ.

Конечно, чтобы рѣшить окончательно вопросъ, дѣйствуютъ ли въ мантевизмѣ психическія способности или только матеріальныя передачи, сдѣланныхъ опытовъ весьма мало. Но, во-первыхъ, г. К—въ отказался отъ дальнѣйшихъ опытовъ, которые, по его рассказамъ, сильно вліяютъ удручающимъ образомъ на отправленія его нервной системы; съ другой стороны, результаты опытовъ были настолько поразительны для всѣхъ присутствующихъ въ засѣданіи, что всѣ сразу пришли къ единогласному рѣшенію и заключили, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой-нибудь *матеріальной передачѣ*.

Притомъ, эти опыты подтверждаютъ какъ нельзя лучше высказанное выше, т.-е., что мантевизмъ не зависитъ отъ внѣшнихъ воспріятій и что путь передачи мысли зависитъ здѣсь отъ психическихъ способностей агента и перцепіента.

Такимъ образомъ, если вопросъ нельзя назвать окончательно рѣшеннымъ, за неимѣніемъ достаточнаго числа опытовъ, то во всякомъ случаѣ сильно намѣчена та сторона, въ которую онъ рано или поздно будетъ рѣшенъ.

Вотъ, мм. гг., первый вопросъ, рѣшеніе котораго, надѣюсь, мы подвинули впередъ нашими опытами.

Я позволю себѣ опустить перечисленіе тѣхъ опытовъ съ мантевизмомъ, которые можно назвать подготовительными и которые не дали никакихъ ясныхъ и рѣшающихъ результатовъ.

Перехожу теперь къ другому ряду опытовъ надъ явленіями ясновидѣнія. Я уже высказалъ въ своей вступительной рѣчи при открытіи Общества, что эти явленія, встрѣчающіяся очень рѣдко, требуютъ, во-первыхъ, субъектовъ съ особенной организаціей и, во-вторыхъ, болѣе или менѣе продолжительной культивировки.

Изъ лицъ, подвергнутыхъ гипнотизированію въ засѣданіяхъ нашихъ специальныхъ комиссій, несмотря на разные способы, употребленные нами при гипнотизаціи, оказался немного склоннымъ къ сомнамбулизму и ясновидѣнію только одинъ субъектъ, Н. И. Константиновъ.

Собственно говоря, несомнѣнныхъ явленій ясновидѣнія при опытахъ съ этимъ господиномъ не случилось. Но заявленія, которыя онъ дѣлалъ въ состояніи гипноза (транса), представляли нѣкоторый интересъ, если, разумѣется, они были совершенно объективны. Для объясненія ихъ необходимо сказать нѣсколько словъ о самой личности этого субъекта. Принадлежа къ интеллигентной средѣ, онъ никогда не подвергался искусственному гипнозу и ничего не читалъ о гипнотизмѣ. Въ то же время гипнозъ его представлялъ нѣкоторую особенность, рѣдко встрѣчающуюся въ гипнотическихъ явленіяхъ, а именно: г. Константиновъ представлялъ какую-то самостоятельную личность, упорно противился внушеніямъ гипнотизатора (г. Фельдмана) и не исполнялъ его приказаній. И этого мало, въ засѣданіи, бывшемъ 17-го мая, онъ просилъ Фельдмана и всѣхъ присутствующихъ отойти отъ него на разстояніе не менѣе 3-хъ саженой. Какъ будто на этомъ разстояніи онъ могъ быть свободенъ отъ вліянія гипнотизатора и всѣхъ лицъ, которыя мѣшали дѣйствовать его психическому организму. Какъ только всѣ присутствующіе отошли отъ него на требуемое разстояніе, онъ началъ говорить и напомнилъ Фельдману фактъ, о которомъ онъ совершенно забылъ—излѣченіе въ Вильно одной дѣвушки. Г. Фельдманъ вспомнилъ и подтвердилъ это. Дѣвушка была, очевидно, сомнамбула, при пользованіи которой г. Фельдманъ, вѣроятно, столкнулся со взглядомъ, діаметрально-противоположнымъ теоріи, которую онъ

теперь защищает такъ энергично. Выяснить окончательно это послѣднее обстоятельство, къ сожалѣнію, не удалось. Но фактъ сомнамбулистическаго ясновидѣнія въ данномъ случаѣ, кажется, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ одномъ изъ засѣданій (10-го мая) я обратилъ вниманіе Общества на мнѣніе, которое было высказано г. Константиновымъ въ сомнамбулистическомъ состояніи, а именно—мнѣніи, что г. Фельдманъ сильнѣе г. Вагнера. Какую силу въ этомъ случаѣ разумѣлъ г. Константиновъ, физическую или психическую? Когда г. Константиновъ былъ усыпленъ г. Фельдманомъ, и ему предложили этотъ вопросъ, то послѣ долгаго колебанія онъ съ трудомъ медленно отвѣтилъ: «независимая». Г. Фельдманъ спрашиваетъ: «независимая отъ чего?» Г. Константиновъ молчитъ. Г. Фельдманъ: «выскажите намъ, есть ли это сила физическая?» Г. Константиновъ: «чисто». Г. Фельдманъ: «что такое, что чисто?» Г. Константиновъ послѣ долгаго колебанія произноситъ тихо и неясно: «психическая». Этихъ двухъ опытовъ, конечно, недостаточно для выясненія сложнаго психическаго явленія, но они, какъ кажется, даютъ указанія, въ какую сторону должны быть продолжены эти опыты для окончательнаго выясненія этого вопроса.

Г. Фельдманъ усыплялъ г. Константинова фиксацией, самовнушеніемъ и пассами, но участіе его, какъ гипнотизатора съ извѣстнымъ упорнымъ предвзятымъ мнѣніемъ, сильно мѣшало дѣлу. Для опытовъ надъ сомнамбулизмомъ необходимо пользоваться только самовнушеніемъ и автогипнозомъ, тогда какъ г. Фельдманъ прибѣгаетъ къ такимъ сильнымъ, энергичнымъ средствамъ, какъ внезапный испугъ субъекта, средствомъ совершенно аналогичнымъ съ дѣйствіемъ внезапнаго, сильнаго электрическаго свѣта, или громкаго звука отъ удара въ гигантскій камертонъ. Эти грубыя средства производятъ и грубые, чисто фізіологическія, а не психическія явленія.

Вотъ, мм. гг., краткіе главнѣйшіе результаты нашей дѣятельности за первый годъ существованія Общества.

Я перехожу къ вопросу, разрѣшеніемъ котораго Общество еще не занималось. Вопросъ этотъ явился совершенно неожиданно и случайно. Извѣстный итальянскій невропатологъ и профессоръ Ломброзо заявилъ о нѣкоторыхъ медіумическихъ явленіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и на основаніи ихъ тотъ-

часть же построилъ теорію настолько же неосновательную, какъ и всѣ подобныя теоріи, предлагаемыя другими изслѣдователями. По поводу этой теоріи я имѣлъ честь представить Обществу результаты моихъ собственныхъ наблюденій надъ образованіемъ, такъ называемыхъ, магеріализованныхъ фигуръ и «двойниковъ» на медіумическихъ сеансахъ. Вотъ всѣ три вопроса, которымъ были посвящены наши труды въ истекшемъ году. Эти труды представляютъ какъ-бы полную программу нашей будущей дѣятельности, выраженную въ немногихъ одиночныхъ опытахъ. Если мы не рѣшили въ такой, сравнительно, короткій срокъ очень запутанные и сложные психологическіе вопросы, то мы тѣмъ не менѣе затронули главнѣйшіе изъ нихъ и въ послѣднихъ засѣданіяхъ коснулись самага кульминаціоннаго пункта, который долженъ служить конечной и вмѣстѣ руководящею точкою нашихъ изслѣдованій.

Мы познакомились въ теченіе года бѣглымъ образомъ со многими психическими явленіями, и теперь намъ предстоитъ трудъ войти глубже въ изслѣдованіе этихъ явленій. Я полагаю, что главный недостатокъ въ нашихъ работахъ было отсутствіе систематичности. Намъ необходимо урегулировать, насколько это возможно, порядокъ и послѣдовательность нашихъ занятій. Мнѣ кажется, что здѣсь самый прямой и вѣрный путь это—раздѣленіе труда. Я нѣсколько разъ уже предлагалъ раздѣлиться нашему Обществу на небольшіе кружки (комиссіи), изъ которыхъ каждый могъ бы совершенно удобно заниматься изслѣдованіемъ какого-либо психическаго явленія. Я еще разъ позволю себѣ напомнить то, что было мною высказано при открытіи нашего Общества, т.-е. что, «по самой сущности явленій, опыты въ частныхъ кружкахъ могутъ совершаться гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ средѣ всѣхъ наличныхъ членовъ Общества». Если это условіе крайне необходимо для изслѣдованія мантевизма и ясновидѣнія, то оно становится обязательнымъ условіемъ при изслѣдованіи медіумическихъ явленій. Это *conditio sine qua non* нашей дальнѣйшей дѣятельности, и позвольте выполнить его и при новой постановкѣ начать нашу дѣятельность въ будущемъ году.

И. д. казначея, д-ръ В. С. Груздевъ, прочиталъ отчетъ о суммахъ Общества за прошедшій годъ. Произведены, согласно

§ 7 устава Общества, выборы председателя и товарища его на слѣдующій годъ. Были избраны единогласно: председателемъ—проф. Н. П. Вагнеръ, его товарищемъ—д-ръ Ф. Ф. Фишеръ.

Произведена, согласно § 8 Устава Общества, ревизія суммъ Общества.

Председатель, проф. Н. П. Вагнеръ, прочиталъ слѣдующее письмо почетнаго члена Общества, А. Н. Аксакова, въ которомъ послѣдній благодаритъ Общество за оказанную ему честь избранія въ почетные члены:

„Многоуважаемый Николай Петрович! Русское Общество Экспериментальной Психологии сдѣлало мнѣ честь избранія меня въ свои почетные члены. Позвольте мнѣ покорнѣйше просить Васъ, какъ председателя его, передать Обществу мою глубокую благодарность за оказанное мнѣ вниманіе. Я очень хорошо сознаю, что моихъ заслугъ по научной разработкѣ какихъ бы то ни было психологическихъ вопросовъ—не существуетъ; но въ фактѣ, что Обществу угодно было почтить меня избраніемъ въ свои почетные члены,—я усматриваю, что Общество признаетъ достойнымъ изслѣдованія тотъ разрядъ психическихъ явленій, на защиту и разработку которыхъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, я неустанно посвящалъ свои труды въ томъ твердомъ убѣжденіи, что глубокое значеніе этихъ явленій для психологии будетъ рано или поздно признано наукой“.

„Мои надежды сбылись, и мнѣ очень отраднo видѣть, что, наконецъ, и у насъ, на Руси, создано такое Общество, въ программу занятій котораго входитъ вся эта обширная область психизма“.

„Не откажитесь взять на себя трудъ передать нашему Обществу мои самыя искреннія пожеланія успѣховъ на этомъ неторномъ пути“.

„Примите увѣренія и пр. А. Аксаковъ“.

Избраны въ дѣйствительные члены Общества: д-ръ М. Ф. Милостановъ (предложенъ д-рами Ф. Ф. Фишеромъ, И. Я. Бибиковымъ и В. С. Груздевымъ) и Л. Г. Карчагинъ (предложенъ тѣми же членами).

Протоколъ 1-го Общаго Собранія въ 1892 году, состоявшагося 21 октября.

Присутствовали: вице-президентъ Ф. Ф. Фишеръ, В. С. Груздевъ, А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибиковъ, А. Д. Степановъ, В. Д. Лецинскій, В. В. Альбовъ, Я. М. Миллеръ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ.

Вице-президентъ Общества Ф. Ф. Фишеръ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью:

«Мм. гг.! Открывая сегодняшнее засѣданіе, я позволю себѣ прежде всего сказать нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи нашего молодого Общества.

На первыхъ порахъ учрежденія «Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи» многіе члены его, повидимому, ожидали отъ него больше, чѣмъ оно могло до сихъ поръ дать. Они рассчитывали сейчасъ же встрѣтить въ засѣданіяхъ нашихъ богатый фактическій матеріалъ, пригодный для выясненія вопроса объ реальности или фиктивности явленій телепатіи, ясновидѣнія, медиумизма и т. п.

Въ теченіе полуторагодового существованія нашему Обществу привелось наблюдать изъ обширной области безсознательной дѣятельности человѣка только немногіе довольно характерные случаи мантевизма. Это обстоятельство, насколько я могъ замѣтить, не только вызвало весьма значительное охлажденіе въ его членахъ къ интересамъ Общества, — но породило даже опасеніе за дальнѣйшую судьбу его существованія.

Здѣсь есть, однако, нѣкоторое недоразумѣніе. Мы прежде всего не должны упускать изъ виду, что и гораздо болѣе старымъ и богатымъ денежными средствами обществамъ, какъ въ западной Европѣ, такъ и въ Америкѣ, преслѣдующимъ тѣ же цѣли, какъ и наше «Русское Общество экспериментальной психологіи», характерные случаи для наблюденія спорныхъ явленій достаются далеко не часто и всегда съ большимъ трудомъ. Да оно и понятно: если спорныя оккультическія явленія не простое фокусничество или самообманъ, то они, по самому существу своему, могутъ встрѣчаться только какъ весьма рѣдкія исключенія изъ нормальнаго хода явленій въ природѣ.

Правда, нашему обществу за первые два года его существованія какъ-то особенно не посчастливилось. Именно тѣ гг. врачи специалисты (нерво-патологи и физиологи), на содѣйствіе которыхъ Общество, повидимому, могло болѣе всего рассчитывать, отнеслись къ нему или совершенно равнодушно или даже и прямо недоброжелательно. Поэтому, вся забота о пріисканіи матеріаловъ для наблюденій, соотвѣтствующихъ цѣлямъ нашего Общества, падала исключительно на весьма ограниченное число его членовъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, многіе должны еще считаться только номинальными.

Но кромѣ того, насколько я могъ убѣдиться, еще и самый

матеріаль постоянно сторонился отъ насъ. Лица, которыя съ успѣхомъ могли бы быть объектами для наблюденій нашего Общества, ни за что не соглашались имъ здѣсь подвергнуться. И это имѣетъ извѣстное оправданіе. Какъ только лицамъ этимъ до сихъ поръ приходилось сталкиваться съ, такъ называемыми, людьми науки, такъ болѣею частью съ ними тотчасъ же начинали обращаться уже, какъ съ завѣдомыми пройдохами и шарлатанами.

Хотя Общество наше, какъ всѣмъ вамъ, мм. гг., извѣстно, въ этомъ отношеніи и совершенно неповинно, но такова уже сила неблагоприятно слагавшихся для него обстоятельствъ.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ дѣла нашего Общества до сихъ поръ не могли быть въ особенно блестящемъ положеніи, и оно поневолѣ должно довольствоваться почти чисто-выжидательною ролью.

Принявъ на себя обязанность замѣнить въ теченіе этого года нашего глубоко уважаемаго предсѣдателя, проф. Н. П. Вагнера, я съ своей стороны, приложу, конечно, всѣ старанія, чтобы при первой же возможности Общество наше приступило къ болѣе активной дѣятельности; но успѣхъ въ этомъ отношеніи, какъ всѣмъ вамъ, мм. гг., хорошо понятно, будетъ зависѣть не столько отъ меня, сколько отъ счастливаго случая и той энергіи, съ которой мы общими силами примемся за привлеченіе къ намъ матеріаловъ для наблюденій и сообщеній.

Благодаря содѣйствію одного изъ нашихъ уважаемыхъ гг. членовъ, а именно д-ра И. Я. Бибикова, Обществу нашему, на сколько мнѣ теперь извѣстно, представится въ этомъ году случай наблюдать субъекта, у котораго предполагаются, такъ называемыя, «медіумическія способности». Насколько способности эти окажутся дѣйствительными—опредѣлить заранѣе, конечно, невозможно и для выясненія истины Обществу нашему, вѣроятно, придется затратить не мало времени, труда и терпѣнія.

Едва ли надо говорить, что вопросъ о медіумическихъ или спиритическихъ явленіяхъ въ настоящее время еще такъ не популяренъ среди здѣшнихъ представителей науки, что Обществу нашему трудно будетъ избѣжать упрековъ даже и за одно согласіе приняться за серьезное изслѣдованіе названныхъ мною сейчасъ спорныхъ явленій. По крайней мѣрѣ, и мнѣ лично, и нѣкоторымъ другимъ изъ нашихъ гг. членовъ уже не разъ приходилось выслушивать обвиненіе въ томъ, что мы, будучи врачами,

рѣшаемся бесполезно тратить время и силы на изслѣдованіе такихъ явленій, которыя и безъ того представляются каждому здравомыслящему человѣку чистѣйшимъ и невозможнѣйшимъ вздоромъ!...

Чтобы нѣсколько ослабить силу такого нелестнаго мнѣнія о предстоящихъ намъ въ текущемъ году занятіяхъ, я позволю себѣ теперь только представить вамъ, мм. гг., двѣ фотографіи. Исторія ихъ слѣдующая.

Въ сентябрѣ этого года нашъ почетный членъ А. Н. Аксаковъ устроилъ въ г. Миланѣ для итальянскихъ ученыхъ цѣлую серію сеансовъ съ медиумомъ Евзапіей Паладино. Это та же самая неграмотная итальянская крестьянка, которая заставила знаменитаго психіатра и антрополога профессора Цезаря Ломброзо измѣнить свой взглядъ на медиумизмъ и печатно раскаяться во всѣхъ своихъ прежнихъ насмѣшкахъ надъ сторонниками спиритизма, которыхъ онъ еще такъ недавно считалъ какими-то помѣшанными и идиотами. Въ сеансахъ, устроенныхъ г. Аксаковымъ, участвовали: *Скьяпарелли*—директоръ астрономической обсерваторіи въ Миланѣ, знаменитый своими изслѣдованіями надъ планетой Марсомъ; *Брофферіо*—профессоръ философіи въ миланскомъ лицее; *Джероза*—профессоръ физики въ высшемъ земледѣльческомъ училищѣ въ Портачи; *Эрмакора*—докторъ физики изъ Падуи; *Финци*—докторъ и профессоръ физики въ Миланѣ; *Карль Дюррель*—докторъ философіи изъ Мюнхена; *Шарль Рише*—профессоръ фізіологіи парижскаго медицинскаго факультета; *Цезарь Ломброзо* и *А. Н. Аксаковъ*. Всѣхъ сеансовъ состоялось 17; на двухъ изъ нихъ присутствовалъ проф. *Ц. Ломброзо* и на пяти проф. *Шарль Рише*.

Производя свои опыты при такихъ условіяхъ контроля, что обманъ представлялся совершенно невысказаннымъ, весь этотъ сеансъ ученыхъ, въ концѣ концовъ, призналъ медиумическія явленія, происходящія въ присутствіи Евзапіи Паладино — *неподдѣльными!* Только одинъ *Ш. Рише* пока еще не высказалъ своего окончательнаго мнѣнія и обѣщалъ изложить его въ скоромъ времени отдѣльно. При этомъ, однако, должно замѣтить, что и онъ не заявлялъ какого-либо протеста и, повидимому, въ общихъ чертахъ соглашается съ мнѣніемъ всей остальной комиссіи.

Что касается до самыхъ явленій, наблюдавшихся въ Миланской комиссіи, то они всѣ уже давно извѣстны сторонникамъ

спиритизма. Происходили, при свѣтѣ, движенія разныхъ предметовъ (столы, стулья и т. п.), не объяснимыя однимъ прикосновеніемъ рукъ, измененіе вѣса тѣла медиума, полныя поднятія на воздухъ стола, движенія предметовъ безъ всякаго къ нимъ прикосновенія, различные стуки и звуки въ столѣ и другой мебели и т. п.; въ темнотѣ или при очень слабомъ освѣщеніи наблюдалось появленіе искръ, чувствовались прикосновенія какихъ-то невидимыхъ рукъ и т. д., и т. д.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ, полученныхъ въ Миланской комиссіи, представляются намъ моментальныя фотографіи, къ числу которыхъ принадлежатъ и демонстрируемыя теперь мною. Фотографіи эти переданы мнѣ А. Н. Аксаковымъ изъ цѣлой серіи ихъ, которую онъ только на дняхъ получилъ изъ Миланской комиссіи.

На фотографіи № 1 мы видимъ поднятіе на воздухъ стола, какъ о томъ можно судить по положенію тѣней отъ ножекъ. Евзапію Паладино (медиумъ) контролируютъ—справа проф. Цезарь Ломброзо, слѣва проф. Шарль Рише, а позади ея стоитъ и наблюдаетъ за ея движеніями Скъяпарелли.

На фотографіи № 2 мы видимъ то же самое явленіе, но медиума контролируетъ докторъ *Дю-Прель*, сзади стоитъ проф. Бروفферія, а сбоку на полу сидитъ и контролируетъ медиума проф. Скъяпарелли. Эта фотографія особенно наглядно показываетъ, что поднятіе стола производится не руками или ногами медиума, а чѣмъ-то другимъ.

Такъ какъ о галлюцинаціяхъ теперь, конечно, не можетъ быть и рѣчи, то желающимъ во что бы то ни стало отвергнуть реальность существованія медиумическихъ явленій приходится объяснить ихъ только фокусничествомъ. Но фокусничать при данныхъ условіяхъ, какъ каждый самъ можетъ видѣть, довольно таки затруднительно, чтобы не сказать невозможно. Во всякомъ случаѣ, мм. гг., то обстоятельство, что медиума здѣсь контролируютъ не какіе-нибудь легковѣрные невѣжды, а первоклассные европейскіе ученые, надѣюсь, можетъ вполне гарантировать и наше молодое Общество отъ упрековъ за его рѣшеніе не пренебрегать изслѣдованіемъ явленій медиумизма».

Дѣйствительный членъ Общества д-ръ И. Я. Бибииковъ сдѣлалъ сообщеніе о видѣнныхъ имъ самимъ медиумическихъ явленіяхъ и представилъ собранію фотографіи этихъ явленій.

Почетный членъ Общества Александръ Николаевичъ Аксаковъ сообщилъ Собранію слѣдующее:

Только что вернувшись изъ-за границы, онъ узналъ отъ г-на Прибыткова, редактора Ребуса, объ интересныхъ опытахъ ясно-видѣнія, производящихся въ Тамбовѣ докторомъ тамошней губернской больницы, А. Н. Ховринымъ. Для лучшаго ознакомленія членовъ Общества съ дѣломъ, г-нъ Аксаковъ прочиталъ нѣсколько писемъ г-на Ховрина къ г-ну Прибыткову.

Въ письмѣ отъ 16-го іюня г-нъ Ховринъ сообщилъ о томъ, что его ясновидящая пациентка дошла уже до такой степени ясновидѣнія, что ему удалось продѣлать съ полнымъ успѣхомъ нѣсколько опытовъ прочтенія запечатанныхъ писемъ. Но для большей доказательности, онъ желалъ бы, чтобы было прочтено письмо отъ лица неизвѣстнаго ни ему, ни его пациенткѣ. Въ виду этого онъ просилъ г-на Прибыткова помочь ему въ этомъ опытѣ и прислать ему письмо, написанное какимъ-либо изъ знакомыхъ ему скептиковъ. При этомъ онъ пояснилъ, что записка должна быть написана на совершенно непрозрачной бумагѣ, на русскомъ языкѣ, простымъ слогомъ, четкимъ почеркомъ, строчекъ въ пять или шесть, причемъ эти строчки никакъ не должны быть списанными откуда-нибудь, а сочинены самимъ пишущимъ. Сургучную печать просить не употреблять, потому что при чтеніи во время транса больная сильно мнетъ письмо; поэтому вмѣсто печати лучше дѣлать на клейкахъ его какія-либо контрольные знаки, надписи и проч.

Согласно желанію д-ра Ховрина, г-нъ Прибытковъ послалъ такое письмо, имъ самимъ изготовленное. Опытъ удался. Но г. Ховринъ и сама пациентка остались этимъ опытомъ недовольны, потому что письмо было случайно залито чернилами и частью расклеилось; поэтому они просили г-на Прибыткова прислать другое письмо для повторенія опыта. Это и было вторично исполнено г-мъ Прибытковымъ.

Сегодня, 21 октября, г. Прибытковъ получилъ отъ г. Ховрина нераспечатанными не только свой пакетикъ съ запиской для ясновидящей, но и свой почтовый пакетъ съ письмомъ къ г. Ховрину, въ которомъ былъ вложенъ и пакетикъ для ясновидящей. Въ письмѣ своемъ д-ръ Ховринъ извѣщалъ, что было прочитано и то и другое, и приложилъ копію съ прочитаннаго.

Г-нъ Прибытковъ, не распечатывая ни того, ни другого кон-

верта, немедленно препроводилъ ихъ къ г. Аксакову, который, въ тотъ же вечеръ, 21-го октября, и принесъ ихъ въ засѣданіе Общества для осмотра, вскрытія и провѣрки.

Прежде всего г. Аксаковъ предъявилъ Обществу заказный нераспечатанный конвертъ съ штемпелемъ: Тамбовъ, 11-го октября, за № 42, адресованный въ Тамбовъ, въ губернскую больницу, доктору Алексѣю Николаевичу Ховрину, содержащій въ себѣ: 1) письмо г. Прибыткова къ д-ру Ховрину и 2) заклеенный пакетикъ съ запиской для прочтенія ясновидящей. Заказной пакетъ былъ осмотрѣнъ всѣми членами въ настоящемъ засѣданіи и, повидимому, не носилъ никакихъ признаковъ вскрытія. Письмо г-на Прибыткова, содержащееся въ этомъ пакетѣ, по свидѣтельству д-ра Ховрина, было прочтено его ясновидящей, и въ удостовѣреніе этого имъ было приложено слѣдующее заявленіе за подписью четырехъ мѣстныхъ врачей.

«Заказное письмо, адресованное на имя Алексѣя Николаевича Ховрина № 42, со штемпелемъ почтовой конторы: Тамбовъ, 11-ое октября, не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы, что оно было къ-мъ-либо распечатано. Содержаніе этого нераспечатаннаго письма было записано подъ диктовку г-жи М-вой и здѣсь потомъ было переписано ей самой.

15-го октября.

Врачъ И. А. Скворцовъ.

Врачъ С. П. Андреевъ.

Врачъ Н. Н. Щелочининъ.

Врачъ Ф. И. Бортсышикъ».

Послѣ этого г. Аксаковымъ былъ взрѣзанъ заказной пакетъ, и письмо г. Прибыткова къ г. Ховрину было прочтено и сличено съ тѣмъ текстомъ его, который былъ продиктованъ ясновидящей и ею самой переписанъ на помянутомъ выше свидѣтельствѣ докторовъ. Письмо г. Прибыткова, состоящее изъ 13-ти строчекъ, оказалось прочитаннымъ *дословно вѣрно*, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ варіантовъ, нисколько не измѣнявшихъ смысла.

Затѣмъ изъ этого же заказнаго пакета былъ вынутъ г. Аксаковымъ заклеенный пакетъ маленькаго формата, посланный г. Прибытковымъ для прочтенія. Пакетъ этотъ на клейкахъ своихъ былъ помѣченъ чернильными черточками и винтообразными линиями.

По тщательномъ осмотрѣ пакетика всѣми членами засѣданія, клейки и черточки были найдены въ должномъ видѣ. Въстѣ

съ этимъ г. Аксаковымъ былъ предъявленъ пакетикъ, на которомъ ясновидящая съ одной стороны изобразила знаки и черточки, сдѣланные на склейкахъ присланнаго пакета, а съ другой стороны написала слѣдующее:

«Ясновидѣніе—замѣчательное явленіе изъ области психизма.»

Эта фраза написана на листѣ почтовой бумаги малаго формата, съ линейками, черными чернилами. Почеркъ некрасивый, но написано разборчиво и старательно. Писалъ самъ Прибытковъ.

С. М—ва.

Тогда г. Аксаковымъ былъ вырѣзанъ заклеенный пакетикъ и вынуть оттуда сложенный вчетверо цѣлый листъ почтовой бумаги малаго формата съ линейками, нисколько не помятый, на коемъ оказалось три строчки того самаго содержанія, какое было написано ясновидящей.

Г. Аксаковъ предложилъ Обществу воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ и просить г. Ховрина продѣлать еще одинъ опытъ со своей ясновидящей надъ тѣмъ письмомъ, которое будетъ специально съ этою цѣлью заготовлено и доставлено ему самимъ Обществомъ.

Постановлено: отправить къ д-ру Ховрину письмо, запечатавъ его способомъ, придуманнымъ особой специальной комиссіей.

Протоколъ засѣданія специальной комиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологіи, 3-го ноября 1892 года.

Предсѣдательствовалъ Ф. Ф. Фишеръ; присутствовали: почетный членъ Общества А. Н. Аксаковъ, дѣйствительные члены: И. Я. Бибииковъ, А. Д. Степановъ, Л. Г. Карчагинъ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ, В. В. Альбовъ и А. А. Чагинъ.

Послѣ тщательнаго обсужденія вопроса, какимъ образомъ слѣдуетъ сдѣлать опытъ и скрыть написанное отъ ясновидящей, г-жи М—вой, собраніе единогласно остановилось на слѣдующемъ способѣ, большая часть котораго и была приведена въ исполненіе въ самомъ собраніи.

Всѣ девять членовъ собранія написали каждый на листѣ почтовой бумаги небольшую въ 2 — 3 строки фразу, такъ что эта фраза осталась неизвѣстною для всѣхъ членовъ, исключая, разумѣется, написавшаго ее. Такимъ образомъ, никто изъ присут-

ствовавших не знали, что посылалось ясновидящей въ конвертъ.

Затѣмъ, всѣ листы были обернуты писавшими ихъ каждый еще однимъ чистымъ листомъ, согнуты пополамъ и вложены въ небольшіе конверты. Всѣ эти конверты были положены въ шляпу, изъ которой вице-президентъ г. Фишеръ вынулъ наудачу одинъ конвертъ, а всѣ остальные были сожжены. Оставшійся и вынутый г. Фишеромъ изъ шляпы конвертъ былъ подвергнутъ слѣдующей задѣлкѣ:

Предварительно въ серединѣ его, на верхней сторонѣ нижняго клапана, была пробита особенной машинкой кнопка, лапки или зубцы которой прошли сквозь вложенные въ конвертъ листы и загнулись на противоположной сторонѣ ихъ, не тронувъ задней стѣнки конверта. Изъ шести зубчиковъ четыре прошли сквозь листы, вложенные въ конвертъ. Такимъ образомъ эти листы не могли быть вынуты изъ конверта. Верхній клапанъ его былъ затѣмъ заклеенъ, причѣмъ онъ закрылъ верхнюю бляшку кнопки. На верхней сторонѣ такимъ образомъ задѣланнаго конверта на двухъ спайкахъ клапановъ, верхняго и нижняго, діагонально были оттиснуты синей краской печати Общества, затѣмъ на тѣхъ же спайкахъ были сдѣланы чернилами черты и кресты. Въ такомъ видѣ пакетъ былъ вложенъ въ другой конвертъ, полотняный, немного большихъ размѣровъ. На верхней сторонѣ вложеннаго конверта были проведены клеємъ двѣ полосы съ цѣлью, чтобъ онъ приклеился къ наружному полотняному конверту. Этотъ послѣдній, послѣ заклейки его клапановъ, былъ задѣланъ четырьмя кнопками, расположенными на одинъ дюймъ (приблизительно) отъ середины его. Кнопки были расположены на спайкахъ (заклейкахъ) клапановъ.

Въ такомъ видѣ конвертъ былъ врученъ А. Н. Аксакову для отправки его въ Тамбовъ.

Протоколъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами.

Дополненіе къ протоколу 3-го ноября.

Заявленіе Ф. Ф. Фишера и А. Н. Аксакова.

Получивъ отъ Общества пакетъ для отправленія его въ Тамбовъ г-жѣ М—вой, мы на другой же день исполнили это по-

рученіе. На серединѣ пакета была наклеена нами печать Общества, оттиснутая синими чернилами на бумажкѣ, вырѣзанной кружкомъ. Направленіе буквъ этой печати или штемпеля въ точности опредѣлено нами и замѣчено по отношенію къ двумъ проколамъ, сдѣланнымъ концомъ булавки и видѣннымъ только въ луппу. Подъ бумажный кружокъ мы положили волосокъ, обрѣзавъ концы его ровно съ краями кружка. Кромѣ сего на обѣихъ сторонахъ этой печати на обѣихъ клапанамъ мы положили еще два штемпеля. Еслибы г-жа М — ва или кто-либо рѣшился на поддѣлку, то, отклеивъ печать, онъ незамѣтно отклеилъ бы вмѣстѣ съ ней и волосокъ. Еслибы конвертъ, посылаемый нами, былъ подмѣненъ, то трудно было бы поддѣлать штемпель на другомъ конвертѣ.

Послѣ этого конвертъ былъ завернутъ въ два листа газеты, вложенъ въ деревянный ящичекъ съ крышкой, прибитой гвоздями, завязанъ веревкой и отправленъ въ Тамбовъ по адресу д-ра Ховрина.

На двухъ конвертахъ, закупоренныхъ въ ящикѣ, адреса не было, и задняя сторона ихъ, на которой обыкновенно пишется адресъ, оставалась чистою.

Протоколъ засѣданія спеціальной коммисіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологии, декабря 21-го 1892 г.

Присутствовали: вице-президентъ Ф. Ф. Фишеръ, почетный членъ А. Н. Аксаковъ, дѣйствительные члены: И. Я. Бибииковъ, Г. А. Донбергъ, П. Ф. Семеновъ, Е. О. Марцинкевичъ, Я. М. Миллеръ, А. В. Елисеѣвъ и А. Н. Ховринъ.

Д-ръ А. Н. Ховринъ изложилъ подробно причины, заставившія его заняться въ Тамбовѣ опытами съ ясновидящей, г-жой М—вой, и представилъ Обществу ящичекъ съ письмомъ, отправленный къ нему г. Аксаковымъ, а также письмо отъ г-жи М—вой. При осмотрѣ ящичка никакихъ слѣдовъ наружныхъ поврежденій не было замѣчено, печати на ящичкѣ оказались цѣлыми. Затѣмъ было заслушано слѣдующее письмо г-жи М—вой.

«Въ октябрѣ я писала г. Аксакову, что письмо отгадать не могу и просила его извиниться передъ Обществомъ. Я заболѣла и думала, что способность ясновидѣнія исчезла. Несмотря на это, у меня осталось страшное желаніе непременно отгадать письмо. Докторъ мнѣ его не давалъ, да я и сама

не просила и не вспоминала даже. Такъ было до 18-го ноября. 18-го вдругъ у меня явилась страшная потребность начать отгадывать письмо. Я попросила его у доктора, оказалось, что онъ еще и не вскрывалъ посылку. Я была рада этому и настоятельно попросила его дать попробовать отгадать письмо черезъ ящикъ. Сдѣлала я это потому, что меня подозрѣваютъ въ ловкомъ фокусничествѣ, т. е. въ умѣннн ловко распечатывать данныя письма. Такъ вотъ, чтобы доказать, что я дѣйствительно имѣю какую-то непонятную для меня способность, я и взялась за эту трудную работу. Кромѣ того, я отказалась имѣть посылку у себя, она все время оставалась у экспериментатора, я имѣла возможность видѣть доктора 1—1½ ч. въ сутки и при немъ работать надъ посылкой. Такъ какъ задача эта очень трудная, то я ее еще не рѣшила и даже не могу сказать, рѣшу-ли, т. е. я говорю про здоровье, если мнѣ будетъ очень ужъ плохо, тогда я оставлю навсегда эти опыты, если же въ состояннн буду, тогда кончу. Несмотря на плохія условія, при которыхъ мнѣ пришлось работать надъ письмомъ, я могу сообщить кое-что, а именно, какъ я представляю себѣ содержимое ящика. Если вскрыть крышку А, то прямо увидимъ свертокъ нѣмецкой газеты „Beilage der Berliner Vereins—Zeitung“, подъ нимъ лежитъ свертокъ другой нѣмецкой газеты „Berliner Vereins Zeitung“, положенный для того, чтобы письмо не болталось. Если развернуть первый свертокъ, то послѣ газеты увидимъ бѣлую писчую бумагу, въ которой завернуто самое письмо, т. е. конвертъ, въ которомъ находится письмо. Затѣмъ, развернувъ бумагу, мы увидимъ конвертъ. Наружный видъ его слѣдующій: средняго формата, бѣлый, плотный, не продолговатый, а скорѣе четыре-угольный. На сторонѣ склеекъ слѣдующіе знаки: три штемпеля лиловаго цвѣта, два положены по бокамъ, а третій на серединѣ, боковые положены прямо на конвертъ, а средній прежде на бумагу, потомъ вырѣзанъ и наклеенъ. Штемпель: «Печать русскаго Общества Экспериментальной Психологии».

Шрифтъ печати вязью. На склейкахъ четыре маленькихъ металлическихъ кнопки краснаго цвѣта, кнопки съ звѣздочками. Подъ среднюю печать большая кнопка или печать. У верхняго края конверта на той сторонѣ, гдѣ знаки, небольшая помарка лиловаго цвѣта, какъ и цвѣтъ штемпеля. Дальше въ этомъ конвертѣ вложенъ другой конвертъ, наклеенный полотномъ. Письмо представляется тяжелымъ, плотнымъ. Письмо написано на почтовой бумагѣ, бумага плотная и, кажется, съ линейками.

Написано черными чернилами, почеркъ *средній*. Число строчекъ 2½ или около того. Текстъ отказываюсь совѣмъ сказать теперь. На этомъ кончаю работу такъ какъ мой экспериментаторъ уѣхалъ, а одна безъ письма работать не въ состояннн. Что я сказала о газетѣ, о наружномъ видѣ конверта, то въ этомъ я больше, чѣмъ увѣрена. Что касается до самаго письма, т. е. его бумаги, почерка и т. д., то это мнѣ только начинать казаться, а потому прошу *убѣдительно* Общество не считать это за ясновидѣннн, а только за первый періодъ его. Это кажущееся можетъ нѣсколько разъ измѣниться, какъ это бываетъ при отгадываннн каждаго письма.

С. М—ва.

9 декабря 1892 г.
Пріютъ Св. Елисаветы.

Послѣ прочтенія сего письма д-ръ Донбергъ вскрылъ деревянный ящичекъ, возвращенный Обществу изъ Тамбова, и внутри этого ящика оказался конвертъ, завернутый въ газетную бумагу, въ №№ «Berliner Vereins—Zeitung», какъ это описано въ письмѣ г-жи М—вой. Рисунокъ расположенія печатей, штемпелей и кнопокъ былъ сдѣланъ г-жей М—вой разноцвѣтными карандашами на чистомъ пустомъ конвертѣ, который былъ приложенъ при ея письмѣ (см. приложенный рисунокъ). Описаніе внутренняго конверта не было сдѣлано г-жей М—вой. При укупокѣ пакета въ ящичекъ имѣлось въ виду, что д-ръ Ховринъ вскрыетъ его, развернетъ газетные листы и передастъ для опыта г-жѣ М—вой одинъ только пакетъ.

Д-ръ Ховринъ заявилъ, что ящичекъ съ пакетомъ онъ держалъ постоянно у себя въ квартирѣ, въ письменномъ столѣ и для опытовъ ясновидѣнія давалъ его въ руки г-жѣ М—вой не иначе, какъ въ своемъ присутствіи; вслѣдствіе этого онъ можетъ поручиться, что вскрыть она его не могла.

Послѣ этого заявленія д-ръ Донбергъ вскрылъ ящичекъ такимъ образомъ, что печати и веревочка, обвязывавшая его, остались цѣльными, но только веревочка сильно растянулась.

При обсужденіи вопроса о томъ, былъ ли въ данномъ случаѣ неоспоримый фактъ ясновидѣнія, нѣкоторыми членами комиссіи было высказано предположеніе о томъ, что ящичекъ съ письмомъ былъ переданъ кѣмъ-либо г-жѣ М—вой во время отсутствія д-ра Ховрина, такъ какъ этотъ ящичекъ хранился въ незапертомъ ящикѣ письменнаго стола доктора.

Послѣ сего пакетъ, вынутый изъ ящика, былъ переданъ д-ру Ховрину для дальнѣйшихъ опытовъ съ его ясновидящей.

Протоколъ подписанъ всѣми присутствовавшими.

Протоколъ засѣданія спеціальной комиссіи Русскаго Общества Экспериментальной Психологии, 3-го апрѣля 1893 года

Присутствовали: Вицепрезидентъ Ф. Ф. Фишеръ, почетный членъ А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибииковъ, В. В. Альбовъ, П. Ф. Семеновъ, А. Д. Степановъ, Д. В. Лешинскій, В. Ф. Краевскій, Л. Г. Карчагинъ, В. С. Груздевъ, А. В. Елисѣевъ, А. А. Чагинъ, В. Н. Прибытковъ.

Почетнымъ членомъ Общества А. Н. Аксаковымъ былъ доставленъ пакетъ, полученный имъ по почтѣ отъ д-ра Ховрина, изъ Тамбова. Въ этомъ пакетѣ заключалось письмо, изготовленное Обществомъ для прочтенія ясновидящею, какъ о томъ значится въ протоколѣ засѣданія специальной комиссіи, бывшаго 21 декабря 1892 г. По вскрытіи пакета мы, нижеподписавшіеся, нашли въ немъ сказанное письмо въ слѣдующемъ видѣ:

1. Наружный холщевой конвертъ сильно измятъ и потертъ, особенно въ боковыхъ сгибахъ, на которыхъ бумажная сорочка конверта потеряла до того, что холстъ мѣстами виденъ и бумажная сорочка кое-гдѣ отстала; четыре металлическія кнопки, коими конвертъ былъ задѣланъ, съ виду невредимы; заклейки клапановъ цѣлы; бумажная облатка съ оттиснутой на ней анилиновою краской печатью Общества, наклеенная на середину конверта, въ самомъ центрѣ своемъ, по линіи верхняго клапана, надтреснута, что объясняется тѣмъ, что центръ конверта представляетъ бугоръ; образовавшійся отъ металлической кнопки, коей запечатанъ былъ внутренній конвертъ.

На задней сторонѣ наружнаго холщеваго конверта значится рукою г-жи М—вой слѣдующая надпись:

«Вотъ что я видѣла въ письмѣ: «Я увѣренъ, что Вы легко и свободно прочтаете мое письмо, послѣ этого будете чувствовать себя великолѣпно».

Петербургъ.

Л. Г. Карчагинъ.

Написано на плотной бумагѣ безъ линеекъ, $3\frac{1}{2}$ строчки, почеркъ средній, довольно красивый.

2. Взрѣзавши заднюю сторону холщеваго конверта на полсантиметра отъ верхняго края и боковинъ, мы вынули изъ него второй запечатанный конвертъ, причемъ, однакожь, оказалось, что конвертъ этотъ приклеился въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ холщевому конверту, что было отчасти и неизбежно, такъ какъ верхній клапанъ холщеваго конверта долженъ былъ быть заклеенъ уже послѣ запечатанія его двумя металлическими кнопками; такимъ образомъ, мы должны были второй конвертъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ осторожно отодрать отъ холщеваго конверта. Извлекиши внутренній конвертъ, мы могли убѣдиться въ томъ, что холщевая подкладка конверта по всѣмъ сгибамъ своимъ была совершенно цѣла, а видъ металлическихъ кнопокъ съ внутренней ихъ стороны указывалъ на ихъ видимую неприкосновенность.

3. Вынутый нами простой бумажный конвертъ оказался чистымъ, заклееннымъ и запечатаннымъ, какъ сказано въ протоколѣ засѣданія 3-го ноября 1892 г; но боковые сгибы его оказались совершенно протертыми, такъ что мы, раздвинувши стороны конверта и не вынимая изъ него средней металлической кнопки, которой была пробита, вмѣстѣ съ конвертомъ, вложенная въ него записка, могли прочесть ея содержаніе, оказавшееся совершенно одинаковымъ съ надписью, сдѣланною г-жею М—вой на задней сторонѣ холщеваго конверта

Такимъ образомъ, этотъ второй конвертъ уже нисколько не можетъ служить дополнительнымъ препятствіемъ для прочтенія его содержанія естественнымъ путемъ и поэтому вся экспертиза должна ограничиться ближайшимъ разсмотрѣніемъ неприкосновенности наружнаго холщеваго конверта.

Прежде всего требуется выяснить, какимъ образомъ этотъ конвертъ могъ бы быть вскрытъ и вторично задѣланъ?

Для этого прежде всего обѣ металлическія кнопки верхняго клапана должны быть извлечены; затѣмъ, верхній клапанъ и печать Общества должны быть для отклейки ихъ отмочены; внутренній конвертъ долженъ быть отодранъ, вынутъ и прочтенъ, (скажемъ: прочтенъ чрезъ протертые сгибы), снова вложенъ, подклеенъ къ наружному холщевому конверту, и клапанъ сего послѣдняго запечатанъ двумя металлическими кнопками, а на средину его должна быть наклеена печать Общества.

Для обсужденія этого вопроса всѣмъ членамъ Общества, участвовавшимъ въ этомъ засѣданіи, были разосланы для экспертизы точно такіе же полотняные конверты съ заклеенными верхними клапанами, припечатанными такими же двумя металлическими кнопками. Слѣдуетъ пояснить, что употребленныя металлическія кнопки состоятъ изъ металлическаго диска въ 9 мм. діаметра съ 6-ю клинообразными лапками-зубцами, которыя, при помощи приспособленной къ тому машинки, пробиваютъ клапаны конверта и, упираясь въ маленькій круглый желобокъ подкладываемой металлической пластинки, заворачиваются съ внутренней стороны пробитаго ими конверта къ центру кнопки, при чемъ каждая лапка не приплющивается вплотную къ конверту, а загибается дугообразно внутри его.

Опредѣлено: просить А. Н. Аксакова произвести предложенную имъ экспертизу.

Послѣ сего г. предсѣдателемъ былъ предложенъ вопросъ: считаютъ ли присутствующіе члены Общества несомнѣннымъ тотъ фактъ, что наружный конвертъ, на оборотѣ котораго написано г-жей М-вой рѣшеніе заданной задачи, доставленъ Обществу съ потертымъ и мѣстами протертымъ верхнимъ бумажнымъ своимъ слоємъ, но съ *неповрежденнымъ нижнимъ полотнянымъ слоємъ?*

На сей вопросъ всѣ присутствовавшіе отвѣтили *утвердительно* и подписались подъ протоколомъ.

Протоколъ Общаго Собранія Русскаго Общества Экспериментальной Психологии, 7-го мая 1893 года.

Присутствовали: вице-президентъ Ф. Ф. Фишеръ, А. Н. Аксаковъ, И. Я. Бибииковъ, П. Ф. Семеновъ, А. Д. Степановъ, А. В. Елисѣевъ, В. Ф. Краевскій, В. В. Альбовъ, В. И. Прибытковъ.

Было заслушано письмо г-жи М-вой къ А. Н. Аксакову отъ 15-го января 1893 года:

«Спасибо большое за скорый отвѣтъ. Посылаю описаніе внутренняго пакета; я увѣрена, что вѣрно опредѣлила, а все-таки прошу увѣдомить меня, что вполнѣ ли вѣрно. Прилагаю при семь 2 записочки,—онѣ очень важны для меня. Прочтены по слѣдующей причинѣ. Ваше письмо мнѣ почему-то не дается скоро; какъ я ни работаю, нѣтъ, ничего пока не выходитъ, особенно безъ А. Н. (д-ра Ховрина). Я Вамъ писала, что онъ меня почти совсѣмъ оставилъ. Что мнѣ дѣлать? Начну одна работать, то ничего не выходитъ; вотъ, 11-го января я стала думать о письмѣ и впала въ гипнотическій сонъ, спала, не просыпаясь 32 часа; что со мной послѣ было, описывать не буду,—вотъ видите, какой результатъ получился моей самостоятельной дѣятельности. Тогда я рѣшила, что во мнѣ эта способность исчезла, пошла къ А. Н. и убѣдительно попросила его произвести надо мной опыты, сдѣлала я это еще и для того, чтобы увѣрить и самого А. Н. Еслибы Вы знали, какой онъ ужасный скептикъ, онъ даже плохо вѣритъ тому, что совершается у него на глазахъ. Сеансъ былъ днемъ, сдѣлали такъ: меня выслали въ другую комнату, затѣмъ писалъ онъ записку, клалъ въ конвертъ и запечатывалъ. Звали меня, вручали это письмо,—и я тутъ же, на глазахъ экспе-

риментатора говорила написанное. Я только брала письмо въ руки, водила по немъ пальцами и отгадывала. Повторяю, что все время съ меня не спускали глазъ, такъ что ни просмотрѣть на свѣтъ, ни вскрыть конверта я не имѣла возможности. Въ $\frac{1}{2}$ часа я прочла 4 подобныхъ фразы, 2 мнѣ не особенно скоро дались, а 2 моментально. Каждая была вложена въ отдѣльный конвертъ, это я потомъ для удобства положила въ одинъ; вотъ, каждую изъ нихъ получала такой, какъ я и посылаю, т.-е. въ конвертѣ. Кажется, А. Н. увѣрился, да и мудро не вѣрить, ибо все это дѣлалось очень просто и на глазахъ. Почему же мнѣ не дается Ваше письмо? Предложу одинъ вопросъ: знаетъ ли кто-нибудь содержимое письма? Разумѣется, кто писалъ, тотъ знаетъ, но вѣдь могла выйти путаница, вмѣсто одного письма могли вложить другое, перемѣшать и т. д. Я Вамъ должна сказать, что въ моей способности имѣетъ большое значеніе, чтобы хотя на разстояніи, а былъ внушитель, т.-е. кто бы зналъ навѣрное, что написано. Судя по тому, что письмо мнѣ не дается, я думаю, что есть какая-нибудь причина, я только не разберусь сама, а А. Н. говорить, что ничего не знаетъ. Отвѣтите мнѣ, пожалуйста, на этотъ вопросъ, я увѣрена, что что-нибудь неладное есть. Не буду говорить, какъ я волнуюсь. Попросите, ради Бога, довольствоваться малымъ. Почему мнѣ дались знаки? Мнѣ могутъ сказать, что это въ программу не входитъ, но я не виновата, что послѣдовательность существуетъ въ моей способности. Записочки посылаю потому, что очень ужъ это замѣчательное для меня явленіе, и какъ подтвержденіе моей способности. Очень жаль, что я не могу показать Вамъ всѣмъ свою способность на мѣстѣ. Вы пишете, что я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не кончу все; да, правда, но лишь только А. Н. сдѣлалъ бы мнѣ внушеніе забыть обо всемъ и быть покойной, я сразу забуду и буду здорова. Вотъ почему я и прошу довольствоваться хотя знаками, тогда А. Н. тоже будетъ доволенъ, и я успокоюсь и покончу навсегда. Знаете, всѣхъ скептиковъ не увѣришь! Что способность во мнѣ эта есть, это правда, ибо я не аферистка и обманывать мнѣ никакой нѣтъ цѣли.

«Готовая къ услугамъ С. М—ва».

Слушали: письмо д-ра Ховрина къ А. Н. Аксакову отъ 26-го марта 1893 года слѣдующаго содержанія.

«Сообщаю Вамъ пока въ короткихъ словахъ свои наблю-

денія надъ М-вой во время отгадыванія ею данной ей Обществомъ задачи. Еще до отъѣзда моего въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, при попыткахъ прочесть письмо черезъ ящикъ, М-вой казалось, что въ письмѣ написана слѣдующая фраза: *Общество экспериментальной психологii проситъ васъ еще разъ прочесть одно письмо*, или фраза, близкая къ этой. Но при этомъ у нея ни разу не проявились тѣ свѣтлые моменты, когда она ясно видитъ слова, почеркъ, бумагу и вообще всѣ детали данной ей задачи. Эту фразу, какъ Вы помните, я оставилъ въ запечатанномъ конвертѣ у д-ра Фишера, онъ, вѣроятно, и до сихъ поръ хранится у него. Сама М-ва просила меня не сообщать о кажущемся ей и предупреждала, что это можетъ оказаться невѣрнымъ. По возвращеніи моемъ въ Тамбовъ я засталъ М-ву въ весьма дурномъ состояніи: она капризничала, раздражалась, о письмѣ слышать не хотѣла, отказываясь читать. Съ 1-го января у ней опять развилась потребность къ отгадыванію. Теперь она заявила, что ей кажется другая фраза: *«ясновидѣніе есть фактъ, который еще не доказанъ научнымъ путемъ»*. Потребность отгадыванія продолжалась до 8-го января. Во все это время М—ва сильно волновалась, впадала въ трансъ, который сплошь и рядомъ оканчивался истерическими припадками, но непосредственнаго ясновидѣнія все-таки не развилось. Были отдѣльные моменты, когда она видѣла что-то, но они были такъ коротки, что ясно ничего не могла видѣть. Между тѣмъ, по отношенію къ моимъ закрытымъ письмамъ способность ея значительно усилилась: она совершенно свободно въ моемъ присутствіи читаетъ изготовленныя заранѣе записочки. Съ 8-го января и до послѣдняго времени М—ва совершенно бросила попытки рѣшить задачу. Такъ какъ у нея способность по отношенію къ моимъ письмамъ была усилена, то съ цѣлью убѣдиться, не употребляетъ ли М. какихъ-либо уловокъ при чтеніи закрытыхъ писемъ другихъ лицъ, я придумывалъ всевозможный контроль: *приклеивалъ* письма къ конвертамъ, *прошивая* ихъ извѣстнымъ образомъ и запечатывая сургучомъ, печаталъ, приклеивалъ внутрь письма контрольныя *тонкія бумажки*, которыя при выниманіи письма должны были разрываться и т. д., всегда находилъ контроль цѣлымъ и невредимымъ. Нужно васъ предупредить, что контрольное письмо Общества со времени моего возвращенія изъ Петербурга все время хранилось у М—вой. *Контролируя* конвертъ, что было весьма

часто и въ самое неопредѣленное время, я никогда не могъ замѣтить въ его наружномъ видѣ и въ положеніи кнопокъ что-либо подозрительное. Во время опытовъ отгадыванія М—ва всегда мяла письмо ужасно и, благодаря только тому, что конвертъ полотняный, оно осталось цѣло; поэтому Васъ не долженъ удивлять печальный видъ письма. При такомъ обращеніи съ письмомъ нужно опасаться, что внутренній конвертъ, если онъ только обыкновенный бумажный, тоже долженъ попортиться. Поэтому я просилъ бы Васъ, если такое поврежденіе найдется, тщательно проконтролировать и происхожденіе этого весьма важнаго для констатированія способности М—вой факта.

Съ 12 марта, что совпадало съ періодомъ регуль, у ней опять развилась потребность рѣшать задачу, и съ тѣхъ поръ до самаго отгадыванія она ежедневно являлась ко мнѣ, требуя, чтобы я ей помогъ своими внушеніями. Каждый день она впадала въ трансъ, оставаясь совершенно неподвижною и нечувствительною ко всѣмъ внѣшнимъ раздраженіямъ; ее въ это время можно было колоть, щипать, вкалывать булавки и никакой реакціи не получалось. Въ началѣ транса М. лежала тихо, изрѣдка только наблюдались конвульсивныя движенія въ туловищѣ, членахъ и плечевыхъ мышцахъ, подъ конецъ же она сильно вскрикивала, хватаясь за голову, все тѣло конвульсивно подергивалось, и трансъ оканчивался, больная приходила въ себя и съ отчаяніемъ заявляла, что видѣла одни только свѣтлые моменты, но прочесть что-либо ей не удалось. Съ каждымъ днемъ эти моменты появлялись чаще и чаще, иногда нѣсколько разъ, слѣдуя одинъ за другимъ, но ничего опредѣленнаго она все-таки уловить не могла. 14-го марта въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ моментовъ она уловила слово *Петербургъ* и ниже *18 XI/II 92 I.* и тутъ же еще неясное слово *фактъ*, что почти заставило ее убѣдиться во 2-й фразѣ, составленной такъ:

«Ясновидѣніе есть фактъ, который еще не доказанъ научнымъ путемъ.

Петербургъ, 18 XI/II 92 г.

Однако, у ней почему-то не складывалось окончательнаго убѣжденія въ вѣрности рѣшенной ею задачи. Были моменты, когда она прямо приходила въ отчаяніе и снова отказывалась рѣшить задачу. Подъ вліяніемъ этого отчаянія, она и написала Вамъ письмо, полученное Вами, если не ошибаюсь, 16 марта. Такъ дѣло про-

должалось до 21 марта. Въ эти дни больная чувствовала себя весьма дурно, плохо спала, ничего не ѣла и несмотря на всѣ увѣщанія оставить, хотя на время, попытки отгадать письмо, не могла это выполнить, заявивъ, что она сойдетъ съ ума, если не отгадаетъ письма. 21-го марта она утромъ опять явилась ко мнѣ, но, къ сожалѣнію я цѣлый день не былъ дома, и потому она поневолѣ должна была справляться съ письмомъ одна. Мнѣ передавали потомъ, что она цѣлый день была въ ужасномъ положеніи. Около 4-хъ часовъ дня М. впала въ трансъ, во время котораго у ней появился довольно продолжительный свѣтлый моментъ ясновидѣнія, и она въ состояніи была ясно прочесть текстъ письма и другія детали его. Оказалось, что письмо писано г. Корчагинымъ. Содержаніе текста она написала, какъ Вы увидите, на конвертѣ. Затѣмъ у ней развилась полная увѣренность, что это именно то, что и нужно было ей рѣшить, поэтому она настоятельно просила меня послать Вамъ телеграмму. Интересно во всемъ этомъ процесѣ одно обстоятельство: 15-го или 16-го марта во время транса М. ясно увидѣла комнату и четырехъ лицъ, сидѣвшихъ вокругъ круглаго стола. Одного изъ нихъ, какъ я Вамъ уже писалъ, она ясно успѣла рассмотреть—онъ писалъ; комната имѣла что-то вродѣ ниши. Для насъ было бы весьма важнымъ указать, 1) не входили-ли двѣ первыя кажущіяся фразы въ число уничтоженныхъ въ комиссіи задачъ и 2) соотвѣтствовала ли галлюцинація М—вой дѣйствительности, или она была только случайной. Сама М—ва тогда же заявила, что ей въ Петербургѣ пишутъ письмо.

Вотъ все, что я пока могу сообщить Вамъ о своихъ наблюденіяхъ надъ М—вой во время отгадыванія данной ей Обществомъ задачи. Дай Богъ, чтобы мои и моей больной труды не пропали даромъ, иначе пришлось бы съ душевною скорбью навсегда отказаться отъ доказательствъ ясновидѣнія, несмотря на всю не сомнѣнность существованія реальности факта ясновидѣнія. Сама М-ва въ настоящее время больна и не въ состояніи что-либо писать до болѣе удобнаго времени. Эти опыты достались ей не легко. Нужно дать ей хорошенько поправиться».

Слушали: письмо отъ 18 апрѣля 1893 года почтоваго чиновника С. А. Строганова въ Тамбовѣ къ д-ру Ховрину, переданное въ Общество А. Н. Аксаковымъ.

«Вчера я получилъ отъ Васъ свое письмо съ разгадкой интересной Вашей пациентки, г-жи М—вой.

Разгадка эта помѣщена на адресной сторонѣ конверта въ слѣдующихъ словахъ:

«Есть въ мірѣ вещи, которыя не снились намъ»,
 причемъ добавлено, что письмо состоитъ именно изъ этой фразы и написано приблизительно тѣмъ почеркомъ, какимъ воспроизведена на конвертѣ разгадка.

По тщательномъ осмотрѣ этого письма (до его распечатанія) мною и другими, оно оказалось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я передалъ его Вамъ: моя именная (сургучная) печать, наложенная въ срединѣ конверта со стороны клапановъ, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сходятся, и имѣющая совершенно отчетливый оттискъ, найдена въ цѣлости; по линіямъ клапановъ, вездѣ заклеенныхъ плотно, нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ отклейки ихъ, подмочки и т. п.; написанныя мною по линіямъ клапановъ, тонкимъ почеркомъ, слова (такъ, что линіи эти дѣлятъ каждую букву пополамъ) нисколько не измѣнили своего вида въ отношеніи правильности фигуръ буквъ,—и по разсмотрѣніи написаннаго чрезъ лупу оказалось, что даже самыя тонкія «волосныя» черты, пересекающія клапаны, сохранили данное имъ при написаніи буквъ положеніе (направленіе), а чернила «не расплылись» ни мало... Очевидно, что при отклейкѣ клапановъ путемъ отпариванія, подмочки и проч. ни того, ни другого не могло быть. Затѣмъ, совершенно цѣлы также ребра (другаго названія не подберу) конверта, углы его, и вообще на конвертѣ не имѣется никакихъ поврежденій, вродѣ разрѣзовъ, наколовъ и тому подобныхъ скважинъ. Для вскрытія письма конвертъ разрѣзанъ былъ ножницами по всѣмъ четыремъ сторонамъ, — точнѣе: по всѣмъ четыремъ ребрамъ его отрѣзаны были по прямой линіи сгибы бумаги. Эти отрѣзанные сгибы были расправлены и также тщательно разсмотрѣны: бумага найдена цѣльною; слѣдовательно, разрѣзы съ послѣдующею заклеюкою не могли имѣть мѣста. Самое письмо *) найдено 1) приклееннымъ къ одной изъ внутреннихъ сторонъ конверта, какъ это сдѣлано было мною по вложеніи письма въ конвертъ и 2) крестообразно обернутымъ въ узкую (въ 1 сант.) ленту изъ тонкой (вродѣ папиросной) бумаги особаго цвѣта и рисунка; причемъ концы ленты были приклеены также ко внутреннимъ сторонамъ конверта; это тоже сдѣлано было мною

*) Здѣсь уже я называю письмомъ то, что составляло вложеніе въ конвертъ.

при изготовленіи письма. Очевидно, что для того, чтобы вынуть письмо изъ конверта, его (письмо) нужно было оторвать, — словомъ, отклеить отъ стѣнки конверта, и чтобы письмо развернуть (вынимая или не вынимая изъ конверта), необходимо было порвать упомянутую бумажную ленту, такъ какъ хотя она лежала на письмѣ и свободно, но совершенно лишала возможности, безъ поврежденія ея, вынуть или развернуть листы, въ ней заключавшіеся. Но по осмотру стѣнокъ конверта съ внутренней стороны не обнаружено никакихъ слѣдовъ отклеиванія и приклеиванія, ни въ клапанахъ, ни въ томъ мѣстѣ, гдѣ бумага письма соединена была клеємъ съ бумагою конверта; въ совершенной же цѣлости оказалась тонкая бумажная лента, окружавшая письмо и приклеенная по концамъ къ конверту. Письмо состояло изъ двухъ листовъ «плотной» почтовой бумаги большого формата. На одномъ изъ нихъ мною написана была чернилами чернаго цвѣта (почеркомъ настоящаго письма) слѣдующая фраза въ двѣ строки:

Есть въ мірѣ вещи, которыхъ не снилось мудрецамъ.

Этотъ листъ сложенъ былъ въ четыре раза, притомъ такъ, что при первомъ переломѣ (перегибѣ) бумаги линія перелома дѣлила строки на двѣ части, которыя при первомъ сложеніи листа совпадали, а потому, если бы была возможность видѣть «на свѣтъ» написанное сквозь сложенную одинъ разъ (только) бумагу, то и тогда нельзя было бы разобрать словъ, такъ какъ, совпадая, они измѣняли фигуры буквъ, — словомъ, портили, уничтожали написанное. Свернутый вчетверо листъ съ написанною фразою обернуть былъ еще такимъ же точно листомъ бумаги, также сложеннымъ вчетверо, и затѣмъ уже письмо въ такомъ видѣ обложено было описаннымъ порядкомъ бумажною лентою. Прочитать «на свѣтъ» написанную фразу при такомъ сложеніи и при такой оберткѣ письма, да еще сквозь бумагу (также очень плотную), составляющую конвертъ, представляется невозможнымъ при какихъ бы то ни было условіяхъ, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ. Вотъ почему и не допуская, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, возможности вскрытія моего письма и приведенія его затѣмъ въ прежній видъ (во всѣхъ деталяхъ), я не могу не выразить своего удивленія по поводу факта прочтенія г-жею М—вой моего письма при такихъ, на общежитейскій взглядъ, ненатуральныхъ условіяхъ.

Изъ сопоставленія моей фразы съ разгадкою удивительной

отгадчицы видно, что она ошиблась въ одномъ словѣ, а именно: вмѣсто «мудрецамъ», прочитала «намъ».

Обстоятельство это, которое, съ извѣстной точки зрѣнія, можетъ служить только доказательствомъ способности г-жи М—вой отгадывать такія нелегкія загадки и отсутствія въ опытѣ фальши, обмана, признаковъ фокуса (уменьшилось ли бы значеніе факта, еслибы г-жа М—ва, правильно прочитавъ первую половину фразы, искадила всю другую половину ея?! Отрицательный отвѣтъ ясенъ), такъ это обстоятельство, говоря, даетъ мнѣ поводъ высказать нѣсколько личныхъ предположеній.

Помнится мнѣ, что когда я писалъ для настоящаго опыта фразу, то *первое мое желаніе было написать* такъ: есть въ мірѣ . . . не снились *намъ*. Но, не написавъ послѣдняго слова, передумалъ и хотѣлъ вмѣсто его написать—*врачамъ*, а затѣмъ снова передумалъ и написалъ—*мудрецамъ*. Если мнѣ на этотъ разъ не измѣняетъ моя память, то не прочитала-ли г-жа М—ва послѣднее слово фигурирующей въ данномъ случаѣ классической фразы такъ, какъ оно готово было быть воспроизведеннымъ по моему *первому желанію*, по *моей первой мысли*? Не могла ли отгадчица прочитать *самую мысль* въ той формѣ, которая соотвѣтствовала моему *первому* представленію? Да и что, въ самомъ дѣлѣ, для нея, читающей написанное другими черезъ десять оболочекъ, это самое писаніе, этотъ шрифтъ, эти чернила, короче—вся эта физическая сторона дѣла? Не справедливо ли думать, что для нея, столь необыкновенно воспримчивой, все равно читать написанное мною на бумагѣ чернилами, или то, что я *только хотѣлъ* написать (мысленно написалъ) или написалъ на этой бумагѣ пальцемъ (безъ отпечатковъ и оттисковъ)? Эти выводы, эти предположенія (быть можетъ, съ научной точки зрѣнія, до курьезнаго смѣлья) напрашиваются какъ-то сами собою въ виду разсматриваемаго до необычайности исключительнаго факта.

Позабылъ сказать въ своемъ мѣстѣ, что почеркъ руки, коимъ воспроизведена въ разгадкахъ фраза, я признаю дѣйствительно сходнымъ съ моимъ почеркомъ.

Въ заключеніе, справедливость обяываетъ меня замѣтить здѣсь, что возвращенное мнѣ мое письмо (собственно и только конвертъ) было нѣсколько помято, какъ будто ошупывалось руками.

Я остановился такъ долго на описаніи даннаго факта въ виду